ISSN: 2957-6725
E-ISSN: 2957-6733

ҰЛТ ЖАДЫ

РЕСПУБЛИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2026, № 2 (16)

2/ 2026

Бас редактор
Қасымов Сабыр Ахметжанұлы

Редакциялық алқа

Еркін Аманжолұлы Әбіл – тарих ғылымдарының докторы, профессор.

Қабдулсамих Көшекұлы Айтқожин – заң ғылымдарының докторы, профессор.

Ермұрат Сейтқазыұлы Бапи – Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің депутаты.

Марат Советұлы Башимов – заң ғылымдарының докторы, профессор.

Исидор Шамилович Борчашвили – заң ғылымдарының докторы, профессор, қазіргі заманғы құқық Институтының директоры.

Оразақ Исмағұлұлы Исмағұлов - тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі.

Зиябек Ермұханұлы Қабылдинов – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының директоры.

Дихан Қамзабекұлы – филология ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, «Қазақ газеттері» ЖШС Бас директоры.

Берікбол Мейрамханұлы Дүкеев – PhD докторы, саясаттанушы, Назарбаев Университеті.

Досай Тұрсынбайұлы Кенжетаев – философия ғылымдарының докторы, Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің профессоры.

Мәмбет Құлжабайұлы Қойгелдиев – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі.

Виктор Иванович Козодой – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Тарихи және әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының директоры (Ресей).

Зайнидин Карпекұлы Құрманов – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қырғыз Республикасы СІМ Дипломатиялық академиясының проректоры (Қырғызстан).

Дмитрий Иванович Панто – PhD докторы, Гданьск қаласындағы Екінші дүниежүзілік соғыс мұражайының ғылыми бөлімінің бас маманы (Польша).

Ерлан Бияхметұлы Саиров – Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің депутаты.

Айдос Әміроллаұлы Сарым – Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің депутаты.

Уяма Томохико – философия докторы, славян-Еуразиялық зерттеулер орталығының профессоры, Жапонияның Орталық Азияны зерттеу қоғамының Президенті (Жапония).

Шейла Фицпатрик – доктор, Чикаго университетінің құрметті профессоры, (АҚШ).

Юлия Васильевна Шаповал – философия ғылымдарының докторы, профессор.

Жауапты редактор
Серік Үмітбайұлы Баяхметов, PhD докторы

Ғылыми редактор:
Құралай Қуандыққызы Сәрсембина, тарих ғылымдарының кандидаты
Гүлнар Қайроллақызы Мұқанова, тарих ғылымдарының кандидаты, профессор

Техникалық хатшы
Венера Серікқызы Зікірбаева

Главный редактор
Касымов Сабыр Ахметжанович

Редакционная коллегия

Абиль Еркин Аманжолович – доктор исторических наук, профессор.

Айтхожин Кабдулсамих Кошекович – доктор юридических наук, профессор.

Бапи Ермурат Сейтказыулы – депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан.

Башимов Марат Советович – доктор юридических наук, профессор.

Борчашвили Исидор Шамилович – доктор юридических наук, профессор, директор Института современного права.

Исмагулов Оразак Исмагулович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК.

Дукеев Берикбол Мейрамханулы – доктор PhD, политолог, Назарбаев Университет.

Кабульдинов Зиябек Ермуханович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, директор Института истории и этнологии им.Ч.Ч. Валиханова.

Қамзабекұлы Дихан – доктор филологических наук, профессор, академик НАН РК Генеральный директор ТОО «Қазақ газеттері».

Кенжетаев Досай Турсынбайулы – доктор философских наук, профессор Международного казахско-турецкого университета имени Х.А. Ясави

Койгелдиев Мамбет Кулжабаевич – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК.

Козодой Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Института исторических и социально-политических исследований (Россия).

Курманов Зайнидин Карпекович – доктор исторических наук, профессор, проректор Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики (Кыргызстан).

Панто Дмитрий Иванович – доктор PhD, главный специалист научного отдела Музея Второй мировой войны в Гданьске (Польша).

Саиров Ерлан Бияхметович – депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан.

Сарым Айдос Амироллаевич – депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан.

Уяма Томохико – доктор философии, Профессор Центра славянско-евразийских исследований, Президент Японского общества изучения Центральной Азии (Япония).

Фицпатрик Шейла – доктор, заслуженный профессор Чикагского университета (США).

Шаповал Юлия Васильевна – доктор философских наук, профессор.

Ответственный редактор
Баяхметов Серик Умутбаевич, доктор PhD

Научный редактор:
Сарсембина Қуралай Қуандыккызы, кандидат исторических наук
Муканова Гюльнар Кайроллиновна, кандидат исторических наук, профессор

Технический секретарь
Зикирбаева Венера Сериккызы

Editor-in-Chief
Kassymov Sabyr Akhmetzhanuly

Editorial Board

Abil Yerkin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan.

Aitkhozhin Kabdulsamikh – Doctor of Law, Professor.

Bapi Ermurat – Deputy of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan.

Bashimov Marat – Doctor of Law, Professor, Deputy of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan.

Borchashvili Isidor – Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Modern Law.

Ismagulov Orazak – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician NAS RK.

Dukeev Berikbol – PhD, Political scientist, Nazarbayev University.

Kabuldinov Ziyabek – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician NAS RK, Director of the Valikhanov Institute of History and Ethnology.

Kamzabekuly Dikhan – Doctor of Philology, Professor, Academician NAS RK, General Director of LLP «Kazakh gazetteri».

Kenzhetaev Dosai – Doctor of Philosophy, Professor of the Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University.

Koigeldiev Mambet – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.

Kozodoy Viktor – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Historical and Socio-Political Studies (Russia).

Kurmanov Zainidin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan).

Panto Dmitry – PhD, Chief Specialist of the Scientific Department of the Museum of the Second World War in Gdansk (Poland).

Sairov Yerlan – Deputy of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan.

Sarym Aidos – Deputy of the Majilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan.

Shapoval Yulia – Doctor of Philosophy, Professor.

Fitzpatrick Sheila – Doctor, Emeritus Professor at the University of Chicago (USA).

Uyama Tomohiko– PhD, Professor at the Center for Slavic-Eurasian Studies, President of the Japanese Society for Central Asian Studies (Japan).

Responsible Editor
Bayakhmetov Serik

Scientific Editor:
Sarsembina Kuralay, Mukanova Gyulnar

Technical Secretary
Zikirbaeva Venera

Редакция туралы мәліметтер:

«Ұлт жады» (Национальная память / National memory) журналының құрылтайшысы:
«Қазақстанныңбостандығыментәуелсіздігіүшінкүрестезардапшеккентұлғалардыақтауменолардыңесімдерінмәңгіестесақтаужөніндегі «Қаһармандар» РеспубликалықҚоғамдыққоры

Редакцияның мекен-жайы: 010000, Қазақстан Республикасы, Астанақаласы, Қабанбай батыр даңғылы 11/5, Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссияның жобалық кеңсесі

Сайтқа сілтеме: https://journal.e-memory.kz

Тел.: +7 (717) 279-64-58.

E-mail: qakharmandar@gmail.com

Журнал Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігінде 2022 жылы 9 маусымда тіркелген, № KZ39VPY00050349 куәлігібар.

Мақалаларды қайта басып шығару, микрофильмдерге және басқа көшірмелерге түсіру кезінде міндетті түрде журналға сілтеме жасалады.

Ұсынылған деректердің дұрыстығына авторлар жауапты болады.

Сведения о редакции:

Учредитель журнала «Ұлт жады» (Национальная память / National memory): «Республиканский Общественный Фонд по реабилитации и увековечиванию лиц, пострадавших в борьбе за свободу и независимость Казахстана «Қаһармандар»

Адрес редакции: 010000, Республика Казахстан, г. Астана, пр. Кабанбай батыра, 11/5, Проектный офис Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий

Ссылка на сайт: https://journal.e-memory.kz

Тел.: +7 (717) 279-64-58.

E-mail: qakharmandar@gmail.com

Журнал в Министерстве информации и общественного развития Республики Казахстан зарегистрирован 9 июня 2022 г., имеет свидетельство № KZ39VPY00050349.

При перепечатке статей, съемке на микрофильмах и других копиях обязательно делается ссылка на журнал.

Ответственность за достоверность представленных данных несут авторы.

Information about the editorial office:

Founder of the "Ult Zhady" (National memory) journal: «Republican Public Fund for Rehabilitation and Perpetuation of Persons Injured in the struggle for Freedom and Independence of Kazakhstan «Kaharmandar»

Editorial office address: 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Kabanbai Batyr Ave., 11/5, Project office of the State Commission for the Complete Rehabilitation of Victims of Political Repression

Link to the website: https://journal.e-memory.kz

Phone: +7 (717) 279-64-58.

E-mail: qakharmandar@gmail.com

The journal was registered with the Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan on June 9, 2022, has certificate № KZ39VPY00050349.

When reprinting articles, shooting on microfilm and other copies, a link to the magazine is necessarily made.

The authors are responsible for the accuracy of the submitted data.

ОТ РЕДАКЦИИ

АШАРШЫЛЫҚ – СЛЕДСТВИЕ «МАЛОГО ОКТЯБРЯ В КАЗАХСТАНЕ»: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

17 октября прошлого года (2025 г.) прошла Республиканская научно-практическая конференция по теме: «Революционная доктрина «Малый Октябрь в Казахстане»: политические цели, методы реализации», где впервые за прошедшие 100 лет началось комплексное и фундаментальное изложение единых теоретических, политических и правовых основ, и механизмов более 15 различных кампаний при реализации этой антинародной программы.

В настоящее время фундаментальные исследования выводов Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (далее – Госкомиссии) продолжаются.

Необходимость создания Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане в советский период была обусловлена тем, что в принятый на заре независимости, 14 апреля 1993 года Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» не были включены основные категории жертв и пострадавших от репрессий в Казахской Республике.

Раньше официальная статистика догматически утверждала, что в Казахстане жертвами политических репрессий являются всего 125 тысяч человек, из них 25 тысяч расстрелянных. Никакие доводы ученых и исследователей в расчет не брались.

Это произошло, поскольку власти независимого Казахстана, сплошь состоящие из бывших руководителей Коммунистической партии и Советского государства, не желали изучать имевшие место особенности и специфику репрессий в Казахстане. Они не хотели раскрывать преступления большевиков против казахстанцев.

Главная особенность политических репрессий заключалась в том, что в Казахской Республике, начиная с 1926 по 1932 гг., была совершена ВТОРАЯ, САМАЯ КРОВАВАЯ для автохтонного казахского народа «ГОЛОЩЕКИНСКАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ. 1937-1938 годы явились «Большим террором» для всего советского народа. Я их называю «общесоюзными» репрессиями. Казахстан и казахи здесь не исключение. Они страдали как все народы советской империи.

Для Казахстана и казахского народа САМЫМ БОЛЬШИМ, САМЫМ ДЛИТЕЛЬНЫМ, САМЫМ СИСТЕМНЫМ ТЕРРОРОМ, подвергшим народ

небывалой трагедии, САМЫМ жестоким испытанием и лишением, приведшим к гибели плюс-минус половины казахского народа – АШАРШЫЛЫҚУ, является так называемый «Малый Октябрь в Казахстане». В переводе на русский язык АШАРШЫЛЫҚ – это искусственно устроенный большевистско-сталинским режимом Голодомор. Сегодня это слово будем упоминать не один раз.

Фактически, это революция началась в 1926 году с передела сенокосных и пахотных земель и перманентно продолжалась до 1933 г., т.е. до снятия Ф. Голощекина с поста Первого руководителя и Партийного вождя Казахской Республики. Все эти семь лет революционные акции продолжались, несмотря на то, что целые аулы, даже районы голодали, тысячи и десятки тысяч людей умирали мучительной голодной смертью. Я не устаю повторять эти доводы и оценки. Хочу донести до людей и общественности, что сделали с моим народом и моей Родиной большевики - преступники и авантюристы.

И это не эмоции отдельных людей. Это не политизация темы. Это установленные парламентской (1992 г.) и государственной (2023 г.) комиссиями факты и документальные доказательства, которые ранее от общественности скрывались.

Это и выводы отдельных объективных, честных, не ангажированных никем и ничем ученых, отечественных и зарубежных исследователей, свидетельства самих жертв, очевидцев, оставшихся в живых и потомков.

И эту ВТОРУЮ, НАСТОЯЩУЮ РЕВОЛЮЦИЮ в Казахстане совершил посланец Центра, кровавый революционер-большевик, один из исполнителей убийства последнего Российского царя Николая II вместе с семьей, даже когда он добровольно отказался от престола, международный преступник Шая Ицикович (Кукович), известный нам под псевдонимом Филипп Исаевич Голощекин, со своей подобранной им командой, совершившей преступления против народа Казахстана и против человечества.

Так должны квалифицироваться их деяния, если будет международный суд или международный трибунал. Материалов и доказательств их вины в совершении этих преступлений достаточно. Сроки давности по этим преступлениям в международном праве не предусмотрены.

Мы выражаем большую благодарность известной исследовательнице этой темы Саре Кэмерон за то, что она на международном уровне подняла вопрос о неоправданном забвении АШАРШЫЛЫҚ. Низкий ей поклон за то, что она, поддерживая расследование и признавая оценку украинскому Голодомору, утверждает, что казахскому Голодомору, самой масштабной гуманитарной катастрофе в истории Казахстана и одной из крупнейших трагедий XX века, не уделяется должного внимания. Эта трагедия до сих пор остается без всестороннего расследования, а также соответствующей политической и правовой оценки.

Именно жертвы и пострадавшие от этой ВТОРОЙ РЕВОЛЮЦИИ, т.е. насильственной реализации программы «Малый Октябрь в Казахстане» в основном не были включены в названный выше действующий Закон. Поэтому

была создана нашим Президентом Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий.

Почему я акцентирую Ваше внимание на революционно-насильственной реализации этой программы? Ответ: Потому что материалами Госкомиссии и региональных комиссий установлено, что АШАРШЫЛЫҚ – это следствие, результат насильственной реализации этой антинародной программы.

Для фундаментального изучения массовых политических репрессий в Казахстане, определения принципов и критерий их оценки, а также подготовки процессов реабилитации жертв и пострадавших, в том числе жертв по «Малому Октябрю в Казахстане» Проектным офисом Госкомиссии и Подкомиссией по методологии были разработаны отдельные методологии для республиканских научно-исследовательских рабочих групп, и отдельно для региональных комиссий.

В целом, нами была разработана новая казахстанская методология. Были, также разработаны несколько концепций по узловым проблемам, в соответствии с международными политико-правовыми и гуманитарными стандартами. Собран уникальный эмпирический материал, сделаны научные экспертизы и анализы сотням, и тысячам ранее секретных актов и документов, изучены ранее неизученные региональные, в том числе районные архивы и т.д.

Все это отражено в изданных 105 томах, многочисленных проведенных конференциях и семинарах, монографиях, в опубликованных статьях, выступлениях руководителей и членов Госкомиссии, ученых и экспертов. Мы предлагаем исследователям ознакомиться с ними.

При выработке методологии по «АШАРШЫЛЫК», расчете количества погибших от голода и различных болезней, установления количества жертв и пострадавших при массовых репрессиях, и вынужденном беженстве внутри и за пределами Казахстана в национальном масштабе крайне важно установить численность населения, включая малолетних детей по всему Казахстану, на рубежный 1928 год, после которого началась массовая неправовая экспроприация собственности у баев и кулаков, насильственная коллективизация и седентаризация, а также другие революционно-силовые акции, приведшие к АШАРШЫЛЫК.

Речь о Первой Всесоюзной переписи 1926 года. По ее данным, численность казахов в КАССР составляла 3 млн. 628 тыс. Все ученые-демографы, исследователи брали эту цифру, высчитывали коэффициент естественного прироста населения и определяли примерную численность казахов на конец 1928 года, когда началось разрушение экономической основы существования казахского народа.

Встает закономерный вопрос: объективны ли эти цифры? Почему они не стыкуются с другими данными? Не подвергались ли эти цифры тоталитарной большевистско-сталинской властью, как другие исторические явления, факты и цифры, подтасовкам и фальсификациям в угоду своих политических целей? Известно, что организация работы и подсчет количества людей большевистско-сталинская власть с самого начала, при организации выборов, голосования

доверяла только руководителям партийных комитетов и спецслужбам тоталитарного режима. Этой практикой наследники сталинизма и советской системы пользуются до сих пор. Встает и другой закономерный вопрос: зачем, с какой целью надо было большевикам делать фальсификации количества казахского населения и какие выгоды преследовал тоталитарный режим?

Ученые и эксперты находят этому объяснение. Есть мировая практика, когда власти метрополии, в своих имперских политических целях (подавления протестов, недопущения сепаратизма и т.д.) сознательно, на порядок, уменьшают численность подконтрольных им народов.

Этим неписаным законом пользовалась и царская колониальная Россия. Этим же приемом сполна пользовалась большевистско-сталинская власть. Больше того, после смерти В. Ленина, после устранения своих политических противников и захвата власти в Кремле И. Сталин все факты, все научные выводы и цифры подтасовывал, и подчинил созданию «советской империи» - централизованного тоталитарного государства, с полным и безоговорочным подчинением национальных окраин Центру.

Большевистско-сталинский режим не мог упустить и не воспользоваться таким инструментом-рычагом влияния на текущую и стратегическую политику в Казахстане, как численность автохтонного казахского населения в Автономной Республике.

Режим четко знал, что идеология «Алаш» о национальной свободе и суверенитете Казахстана продолжает жить в сознании большей части казахского народа. И поэтому, до назначения Ф. Голощекина Руководителем Казкрайкома в Казахстане не удалось полноценно установить советскую власть.

Кроме того, к 1926 году советская власть над кочевым и полукочевым казахским населением, особенно в отдаленных окраинах, в степи, на огромной территории Казахстана не установила еще учета и контроля, не было ЗАГСов, не было других структур, занимающихся народонаселением и т.д.

Поэтому верить Всесоюзной переписи населения 1926 г. никак нельзя. Она была большевиками сознательно занижена для беспрепятственной реализации своих политических целей, не только репрессивных акций. В 1926 г. Ф. Голощекин уже составил План подготовки реализации программы «Малого Октября в Казахстане». И уже начал реализовывать первые политические акции, т.е. заранее закладывалась массовая гибель неучтенных людей, чтобы не показывать большую численность погибших от репрессий и голода. И это не выдуманная гипотеза, а обычная практика большевистско-сталинского режима.

Единственным надежным и достоверным источником численности казахского населения (в т.ч. кочевого и полукочевого) перед рубежным 1928 годом являются выводы лидера национально-освободительного движения казахского народа «Алаш» и Председателя Правительства Алаш Орда Алихана Букейхана, человека и государственного деятеля, политика, и ученого, честность и ответственность которого мало у кого вызывала сомнения. Его уважали даже российские политики и ученые. Он на протяжении десятилетий изучал население Казахстана, особенно численность казахов.

В 1910 году А. Букейхан, в своей работе «Киргизы» (фактически Казахи), приводя подлинные данные по областям, указывал, что численность казахского населения составляет около 5 миллионов человек. В специальной статье «Қазақ қанша?», опубликованной 28 октября 1924 года в газете «Еңбекші қазақ» (ныне «Егемен Қазақстан»), проведя подробные расчеты, назвал численность казахского народа 6,47 млн. человек. Безусловно, эта цифра объективна. Она тогда не вызывала ни у кого никаких сомнений, не оспаривалась никем: ни учеными-демографами, ни статорганами, ни даже противниками А. Букейхана, политической властью.

Нашим ученым и исследователям пора начать доверять данным Председателя Правительства возрожденного национального государства, который владел ситуацией, пользовался данными региональных филиалов партии и Правительства, доверенных лиц, а также своими фундаментальными исследованиями.

Поэтому мы просим брать за основу эти цифры. Нам пора перестать думать и читать документы глазами большевиков-революционеров, верить фальсифицированным выводам и цифрам по политическим вопросам или смотреть глазами советских прокуроров.

Мы ищем разные подходы, разрабатываем новые методологии исследования как самой программы «Малый Октябрь в Казахстане» и ее последствия АШАРШЫЛЫҚ, изучаем каждую политическую акцию отдельно. И приходим к выводу, что каждая кампания приближала наступление трагических последствий АШАРШЫЛЫҚ.

Учёные и эксперты Проектного офиса посчитали, что для достижения поставленных политических целей Ф. Голощекин и его команда в рамках революционного исполнения программы «Малый Октябрь в Казахстане» реализовали 18 самостоятельных кампаний.

Еще на один момент хочу обратить внимание. Это деятельность Комиссия Президиума ВЦИК под руководством Секретаря ВЦИК А. Киселева. Нашим ученым необходимо изучить материалы, выводы и цифры этой Комиссии и дать им надлежащую оценку.

Далее о глобальных и непосредственных причинах АШАРШЫЛЫҚ.

Главной глобальной причиной АШАРШЫЛЫҚ является грубое попрание большевистской властью естественных и неотъемлемых прав, единой национальной воли 6-миллионного казахского народа, легитимно выраженной делегатами 12 декабря 1917 года на Всеказахском съезде в г. Оренбурге. Легитимно избранные на 144 казахских съездах и прибывшие делегаты со всего Казахстана возродили в республиканской форме национальное государство – Автономию Алаш, а также легитимно избрали национальное Правительство Алаш Орда, которое, преодолевая огромные трудности и препятствия, чинимые как прежними имперскими силами, так и большевистской властью, просуществовали более 2-х лет.

Игнорируя волю многомиллионного казахского народа, большевики, отказавшись от своих же программных лозунгов «О праве наций на

самоопределение» (вплоть до отделения и образования самостоятельного государства), искусственно учредили Казахское (Киргизское) областное бюро, затем Казкрайком Коммунистической партии, оккупационный Казревком (согласно декрету В. Ленина).

Одновременно используя прежние колониальные политические структуры и русскоязычное городское население, с помощью специально созданных карательных органов и регулярных воинских частей Красной армии, повсеместно стали искусственно учреждать Советы рабочих, крестьянских и киргизских/казахских депутатов, куда рекрутировали шолақ-белседі, бедняков и карьеристов.

Силовыми методами ликвидировали казахскую национальную государственность Автономию Алаш, Правительство Алаш Орда, их региональные филиалы. В результате военно-колониальной советской экспансии казахский народ лишили естественных и неотъемлемых политических прав. Таким образом, насильно отняли у казахского народа право самостоятельно распоряжаться своей судьбой, решать свои национально-политические вопросы, не допускать такой трагедии как АШАРШЫЛЫК.

Эта ситуация классически совпадает с научными выводами выдающегося ученого, лауреата Нобелевской премии Амартьи Сены, который научно доказал, что массовый голод в тоталитарных государствах наступает не от нехватки продуктов, а в результате изъятия государством естественных прав человека. Мы надеемся в будущем на сотрудничество с корифеем в этой области науки.

Теперь конкретно о непосредственных обстоятельствах, причинах АШАРШЫЛЫК, и их оценке нами.

В результате открытия новых архивных фондов и применения современных междисциплинарных подходов, включая зарубежные методологии, мы получаем возможность дать АШАРШЫЛЫК не только историческую, но и научно-правовую, научно-политическую и антропологическую оценку этому событию. Особую роль в этом процессе парадигмального сдвига играют результаты целенаправленной деятельности Госкомиссии под руководством ее председателей К. Кушербаева и Е. Карина. Именно работа Госкомиссии и ее Проектного офиса позволила систематизировать фундаментальные исследования каждой политической кампании как неотъемлемой части антинародной программы Ф. Голощекина и его команды.

Методология нашего исследования базируется на признании того факта, что массовый голод в Казахстане стал результатом, по подсчетам ученых и экспертов, восемнадцати взаимосвязанных акций государственного террора и системы политических репрессий. Фундаментальное и комплексное исследование каждой из этих политических кампаний доказывает, что они являлись частями единой реализации антинародной программы «Малый Октябрь в Казахстане».

Каждая из них последовательно приближала наступление трагических последствий АШАРШЫЛЫК. Ответственные ученые, историки и юристы, работающие под эгидой Государственной комиссии, формировали научно-

исторические и научно-правовые заключения, которые легли в основу данного доклада.

В этом году исполняется ровно 100-лет, как Ф. Голощекин и его команда, в 1926 году начали первую широкомасштабную политическую кампанию - передел пахотных и сенокосных земель. Это стало первой революционной фазой реализации политического курса Ф. Голощекина на «советизацию» аула и прологом последующих масштабных конфискации, насильственных коллективизации и седентаризации (оседания) и других политических кампаний в рамках запланированной революционной программы «Малый Октябрь в Казахстане».

Официально эта кампания преподносилась как «ликвидация пережитков колониального и феодального землевладения», восстановления социальной справедливости и наделения землей безземельных и малоземельных крестьян-шаруа, и бедняков. Однако на практике передел земель осуществлялся методами жестокого административного принуждения и классового террора.

В ходе кампании у зажиточных хозяйств (баев и кулаков) было изъято и перераспределено около 1,36 млн. десятин сенокосов и 1,25 млн. десятин пашни. Этот процесс опирался на чётко выстроенную систему политико-правовых репрессий, карательных и пропагандистских механизмов.

Данный передел имел четкие карательные цели, специфические механизмы реализации и привел к катастрофическим последствиям, посеяв вражду внутри аула и лишив традиционное хозяйство его земельной базы.

Как всегда, сталинско-голощекинский режим маскировал репрессии под классовую борьбу, ликвидация баев-кулаков как эксплуататоров, огульно обвинял настоящих патриотов как «буржуазных националистов», «пантюркистов», «панисламистов» и т.д.

После этого последовательно и перманентно, т.е. одновременно, пошла целенаправленная реализация различных политических кампаний в рамках «Малого Октября в Казахстане». Большевистско-голощекинская власть у казахского населения отняла: право на жизнь, право на труд, право пользоваться своими продуктами питания собственного производства и т.д.

Вместо «Красного террора», устроенного большевиками после Октябрьской революции в России, сталинско-голощекинская власть в Казахстане в ходе революционной реализации «Малого Октября» использовала «голодный террор».

Параллельно осуществлялась политическая обработка населения. Исследование специальной организации и проведение в 1926-1927 гг. выборов в местные Советы показывают, что они также являлись составной частью программы «Малый Октябрь в Казахстане». Тысячи, десятки тысяч граждан казахстанцев оказались лишенными своих избирательных, соответственно, гражданских прав. Целью этих выборов было искусственное разжигание классовой борьбы и отстранение от управления естественных лидеров общества, что повлекло за собой необратимые последствия для социальной структуры аула.

Появление категории «лишенцев» стало частью антинародной программы «Малый Октябрь в Казахстане», имевшей целью стигматизацию значительной части населения, механизмы реализации которой привели к трагическим последствиям и полной беззащитности аульного населения перед лицом государственного аппарата.

Для беспрепятственного проведения насильственных реформ режиму было необходимо обезглавить нацию. На основе собранных материалов было проведено фундаментальное исследование государственного преследования и массовых политических репрессий борцов за национальную свободу, независимость и территориальную целостность Казахстана, в том числе лидеров и активистов движения-партии «Алаш» и Правительства Алаш Орда.

Алашская интеллигенция в Центре и регионах рассматривалась большевиками как главная противодействующая политическая сила против антинародных акций «Малого Октября в Казахстане». Ликвидация этой элиты имела конкретные цели по зачистке политического поля, а жесткие механизмы реализации привели к разрушительно тяжелым последствиям для интеллектуального генофонда нации на целое десятилетие.

Дополнительным механизмом отстранения представителей казахского народа от управления стал отказ Ф. Голощекина и его команды от политики коренизации. Исследования показывают, что этот шаг использовался как средство замены и недопущения местных кадров к государственной и политической деятельности. В результате реализация программы и ее трагические последствия осуществлялись руками направленных для установления революционных порядков и большевистско-сталинского режима правления командированных эмиссаров, не понимавших и не желавших понимать национальные интересы и права казахского народа, не знающие ни языка, ни менталитета, ни традиций и быта коренного населения.

Контроль за партийно-государственным аппаратом осуществлялся Контрольными комиссиями при партийных органах. Эти структуры использовались, в том числе, для беспощадной борьбы с любыми противостоящими политике Казкрайкома по кампаниям «Малого Октября в Казахстане», подавляя малейшее инакомыслие даже внутри партии.

АШАРШЫЛЫК стал неминуемым итогом целенаправленного уничтожения экономической базы казахов. Фундаментальные исследования доказывают, что массовая перманентная экспроприация собственности крупных баев, кулаков, баев-полуфеодалов (середняков) и крестьян-шаруа стала основным карательно-репрессивным способом лишения народа средств к существованию.

Это был механизм революционно-силового лишения и ликвидации экономической основы народной борьбы против голощекинско-сталинской антинародной программы «Малый Октябрь в Казахстане», что имело колоссальные трагические последствия в виде начала массового голода.

Следом за экспроприацией последовала принудительно-силовая коллективизация, которая фундаментально исследована учеными и экспертами

Госкомиссии и Проектного офиса, как составная часть программы «Малый Октябрь в Казахстане». Ее цели и механизмы реализации прямо противоречили укладу жизни кочевников, что повлекло за собой трагические последствия в виде падежа скота и полного краха животноводческой отрасли.

Важно отметить, что у сталинско-голощекинского режима была альтернатива, однако произошел сознательный отказ от идеи кооперации в сельском хозяйстве. Отказ от кооперации, которая могла бы стать естественной и безболезненной формой перехода к новым формам хозяйствования, могла стать альтернативой тотальной экспроприации и коллективизации. Этот отказ имел свои цели, жестокие механизмы реализации и тяжелые последствия для крестьянства.

Кульминацией экономического геноцида стали кампании по изъятию продовольствия. На основе собранных Госкомиссией материалов и выводов, а также фундаментальных исследований, подготовлены научно-исторические и научно-правовые заключения специфики и особенностей массовых политических репрессий в ходе насильственных хлебо- и скотозаготовок. Цели и механизмы реализации этих хлебных и мясных кампаний привели к беспрецедентным трагическим последствиям, оставив народ без единого пуда зерна и головы скота.

Очень плохую, даже преступную роль сыграл Народный комиссар снабжения А. Микоян, огульно подтверждая искусственное раздувание мифа о том, что в Казахстане имеется больше скота, чем указывала официальная статистика, находясь в Казахстане и видя массу голодающих и умерших от голода в январе 1931 года, «совершенно секретно» он телеграфировал И. Сталину и В. Молотову: «На деле имеется громадное количество неучтенного скота, что подтверждается заготовками скота ряда районов». Эта телеграмма послужила поводом усиления грабительских скотозаготовок.

Неотделимой от этого процесса была массовая силовая седентаризация (оседание). Собранные Госкомиссией материалы показывают, что насильственный перевод кочевников на оседлость имел жестокие цели, варварские механизмы и сроки реализации без какой-либо подготовки, и катастрофические трагические последствия, став одним из главных триггеров АШАРШЫЛЫКА.

Разрушение дополнялось интервенцией в духовно-культурную сферу. Фундаментальные исследования показывают так называемую «культурную» революцию в Казахстане как важнейшую составную часть программы «Малый Октябрь в Казахстане». Ее цели, механизмы реализации и трагические последствия заключались в манкуртизации общества и разрыве исторической преемственности поколений, и т.д. Это сопровождалось жесточайшим государственным преследованием традиционных и нетрадиционных религий. Специфика и особенности этого преследования, репрессии религиозных идей и массовые политические репрессии верующих рассматривались режимом как борьба с конкурирующей политической силой. Возбуждали уголовные дела, по которым привлекали большое число невиновных людей. Эта борьба стала

составной частью программы «Малый Октябрь в Казахстане», имея четкие атеистические цели, механизмы реализации и разрушительные социокультурные последствия.

Особое внимание в рамках междисциплинарного подхода уделяется большевистско-сталинской политике в период «Малого Октября в Казахстане» в отношении женщин. Эта политика выступала в качестве репрессивного разрушения основ и традиционных ценностей семьи. Искусственное изменение статуса и роли женщин имело идеологические цели.

Цинизм ситуации усугублялся тем, что на фоне гибели коренного населения активно реализовывалась переселенческая политика в Казахстане. Создание Переселенческого фонда в 1928 году и усиление деятельности Госколонита имели свои демографические цели, изменение этнического баланса в регионе в разгар искусственно созданного голода и стало началом процесса демографической советской колонизация Казахстана.

Ответом на непрекращающиеся политические репрессии и искусственное создание АШАРШЫЛЫК стали массовые антисоветские выступления. Сталинско-голощекинский режим ответил на них вооруженным подавлением народных восстаний и протестов. Карательные акции имели цели тотального подавления и устрашения, жестокие военные механизмы реализации и трагические последствия в виде сотен и тысяч убитых аульчан, защищавших свои семьи от произвола властей и голодной смерти.

Для подавления сопротивления произошло резкое усиление репрессивных акций карательных органов в период реализации антинародной программы «Малый Октябрь в Казахстане». ОГПУ, Прокуратура и милиция получили беспрецедентные полномочия для внесудебных расправ.

Следствием голода и террора стало появление огромного количества вынужденных беженцев, их тогда называли «откочевниками». Исследование причин и обстоятельств массового беженства с мест проживания показывает, что это был акт отчаяния и попытка спасения собственной жизни и жизни своих родных и близких. Однако режим ответил на это массовыми политическими репрессиями против беженцев, что имело свои карательные цели, безжалостные механизмы реализации и трагические последствия, выразившиеся в гибели сотен тысяч людей на границах и в сопредельных государствах. Эти проблемы еще предстоит всестороннее исследовать, определить количество погибших от голода и болезней.

Применяя зарубежные методологии в области переходного правосудия, Госкомиссия и Проектный офис проделали титаническую работу по юридической квалификации данных событий. Госкомиссия отошла от ограниченной трактовки репрессий только как «Большого террора» 1937-38 гг., судебных и внесудебных расправ. Благодаря выводам и фундаментальным исследованиям Госкомиссии, сегодня научно доказано, что силовые хлебо-, мясо- и скотозаготовки, неправовые конфискации, насильственное оседание, подавление восстаний и другие кампании были формами массового государственного террора. Научно-правовые заключения Госкомиссии

позволяют нам сегодня на международных площадках уверенно заявлять: АШАРШЫЛЫК был не ошибкой управления, а преступлением против человечности.

Подводя итоги, необходимо констатировать следующее. Зарубежные методологические концепции структурального насилия, а также экономического, классового, этнического и других установленных признаков, и форм геноцида, наложенные на новейшие отечественные архивные изыскания и материалы, полностью подтверждают главный тезис: АШАРШЫЛЫК – это не случайность, не климатический фактор и не просто «перегибы на местах». Это закономерное, прямое и неизбежное следствие результата **восемнадцати** целенаправленных политических, экономических, социальных и карательных кампаний, объединенных в единую, антинародную матрицу под названием «Малый Октябрь в Казахстане».

Итоги работы Госкомиссии предоставляют нам надежный научно-правовой фундамент для того, чтобы мировое академическое сообщество признало АШАРШЫЛЫК актом системного уничтожения традиционного казахского общества, приведшее к гибели плюс-минус половины казахского народа.

И таких политических широкомасштабных акций, учеными и экспертами Госкомиссии, в рамках реализации «Малого Октября в Казахстане» Ф. Голощекиным и его командой, как сказано ранее, было проведено 18 кампаний, преследующие одни и те же революционно-политические цели. Все эти политические кампании начались на год-полтора раньше, чем в других регионах СССР и сопровождались беспрецедентными массовыми политическими репрессиями казахстанцев.

Мы и дальше, на основе добытых нашими учеными и экспертами материалов и сделанных научных выводов, а также главным образом используя нашу казахстанскую методологию, плюс многолетний опыт и методологию наших добрых-братьев-коллег, таких как Стивен Уиткрофт и Филипп Словески и других зарубежных ученых – будем идти к намеченной цели: восстановлению исторической справедливости.

С. Касымов
Президент РОФ «Қаһармандар»,
Руководитель Проектного Офиса Государственной комиссии
по полной реабилитации жертв политических репрессий,
к.ю.н., Заслуженный деятель Республики Казахстана

МРНТИ 03.20

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В МЕТОДОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОФИСА ГОСКОМИССИИ

Кабдулсамих Кушекович Айтхожин[1*]
Гюльнар Кайроллиновна Муканова[2*],
Гульжанат Курмангалиева-Ержиласун[3*]

[1]Университет Кунаева, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Конституционного, международного права и таможенного дела, https://orcid.org/0000-0002-2630-6716; e-mail: kabdulsamikh@gmail.com

[2]Филиал Института Истории и этнологии имени Ч.Ч.Валиханова (11/5, пр. Кабанбай батыра, Астана, 010000, Казахстан), кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, e-mail: gulnar.mukanova1963@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9222-5893

[3] Университет Анкары им. Хаджи Байрам Вели (Gölbaşı, Bahçelievler Mah., 323/1. Cad. Анкара, Турция), доктор PhD в области истории, профессор, https://orcid.org/0000-0003-3945-7238; g.k.ercilasun@hbv.edu.tr

Аннотация. *Вступительное слово.* Методология Проектного офиса Госкомиссии прошла апробацию не только внутри страны, но и удостоилась положительных оценок целого ряда независимых зарубежных экспертов, исследователей. Разбор событий, оказавших колоссальное влияние на сознание человечества, во многом зависит от того, кто производит анализ, насколько нейтральным окажется экспертное заключение и в какой мере охвачены первопричины явления, сопутствующие локальные и глобальные векторы. *Цели и задачи.* Авторы преследовали цель и решали задачи аргументировать необходимость того, что для объективности изучения таких сложных, многослойных процессов, как: массовые насильственные акции (конфискация, коллективизация, мясо- и скотозаготовки и проч.), имевших следствием существенную потерю численности народонаселения в СССР и, в частности, в Казахстане, отечественным историкам-обществоведам необходимо отходить от стереотипов. Иными словами, быть в курсе современных тенденций зарубежных антропологических исследований и международных стандартов методологии. *Результаты.* Авторами статьи изучен Архив Проектного офиса Госкомиссии,

созданной Указом Президента Казахстана К. Токаева в 2020 году (Астана), большой объем публикаций зарубежных экспертов, критически исследована методология, на основе междисциплинарного подхода сопоставлены методы ряда наук, выявлена специфика методологии Проектного офиса Госкомиссии по реабилитации жертв политических репрессий. *Заключение.* Анализ выше названных позиций позволил авторам утвердиться в выдвигаемой гипотезе о симбиозе гуманитарных и социальных наук, в особенности правоведения и исторического знания в приложении к чувствительной теме реабилитации жертв репрессий и рассекречивания спецархивов.

Ключевые слова: Справедливый Казахстан; Стратегический курс Президента; методология; антропология; жертвы репрессий; политическая реабилитация; международные стандарты.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации ПЦФ (ИРН: BR24993057) «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

ҒТАХР 03.20

МЕМЛЕКЕТТІК КОМИССИЯНЫҢ ЖОБА КЕҢСЕСІНІҢ ӘДІСТЕМЕСІНДЕГІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАР

Қабдұлсамих Көшекұлы Айтқожин[1*], Гүлнар Қайроллақызы Мұқанова[2*], Гүлжанат Құрманғалиева-Ержиласун[3*]

[1]Қонаев Университеті (107-үй, Құрманғазы к-сі, 050022, Алматы, Қазақстан), заң ғылымдарының докторы, профессор, Конституциялық, халықаралық құқық және кеден кафедраның меңгерушісі, https://orcid.org/0000-0002-2630-6716; kabdulsamikh@gmail.com

[2]Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының филиалы (11/5, Қабанбай батыр данғ., Астана, 010000, Қазақстан), тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, жетекші ғылыми қызметкер, https://orcid.org/0000-0002-9222-5893; gulnar.mukanova1963@gmail.com

[3]Анкара Хажы Байрам Вели университеті (Gölbaşı, Bahçelievler Mah., 323/1. Cad. Анкара, Түркия) PhD, профессор, https://orcid.org/0000-0003-3945-7238; g.k.ercilasun@hbv.edu.tr

Аңдатпа. *Кіріспе сөз.* Мемлекеттік комиссияның жобалық кеңсесінің әдіснамасы тек ел ішінде ғана емес, сонымен қатар бірқатар тәуелсіз халықаралық сарапшылар мен зерттеушілердің оң пікірлерін алды. Адам санасына орасан зор әсер еткен оқиғаларды талдау көбінесе талдауды кім жүргізетініне, сараптамалық пікірдің бейтараптығына және құбылыстың түпкі себептері, сондай-ақ онымен байланысты жергілікті және жаһандық векторлар

қаншалықты қамтылғанына байланысты. *Мақсаттар мен міндеттер*. Авторлар мақсатты көздеп, КСРО-да және, атап айтқанда, Қазақстанда халық санының айтарлықтай азаюына әкелген жаппай зорлық-зомбылық әрекеттері (тәркілеу, ұжымдастыру, ет және мал сатып алу және т.б.) сияқты күрделі, көп қабатты процестерді объективті зерттеу үшін ресейлік әлеуметтік тарихшылар стереотиптерден бас тартуы керек деген пікірді алға тартты. Ашығын айтқанда, зерттеушілер халықаралық антропологиялық зерттеулердегі қазіргі заманғы үрдістер мен халықаралық әдіснамалық стандарттардан хабардар болуы керек. *Нәтижелер*. Мақаланың авторлары 2020 жылы Қазақстан Президенті Қ. Тоқаевтың Жарлығымен құрылған Мемлекеттік комиссияның жобалық кеңсесінің мұрағатын, шетелдік сарапшылардың үлкен көлемді басылымдарын, әдіснаманы сыни тұрғыдан қарастырды. Пәнаралық тәсілді қолдана отырып, бірнеше пәндердің әдістерін салыстыра отырып, Саяси қуғын-сүргін құрбандарын ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссияның жобалық кеңсесінің әдіснамасының ерекшеліктерін анықтады. *Қорытынды*. Жоғарыда аталған ұстанымдарды талдау авторларға қуғын-сүргін құрбандарын ақтау және арнайы мұрағаттарды құпиясыздандыру сияқты сезімтал тақырыпқа қатысты гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдардың, әсіресе құқық пен тарихи білімнің симбиозы туралы гипотезасын растауға мүмкіндік берді.
Кілт сөздер: Әділетті Қазақстан; Президенттің стратегиялық бағыты; әдіснама; антропология; қуғын-сүргін құрбандары; саяси ақтау; халықаралық стандарттар
Алғыс айту. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің ЖТН «BR24993057 «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында дайындалды.

IRSTI 03.20

INTERNATIONAL STANDARDS IN THE METHODOLOGY OF THE STATE COMMISSION'S PROJECT OFFICE

Kabdulsamikh K. Aitkhozhin[1*], Gyulnar K. Mukanova[2*], Güljanat Kurmangaliyeva-Ercilasun[3]

[1]Kunayev University, Almaty (107 house, Kurmangazy str., 050022, Almaty, Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional, International Law and Customs Affairs, https://orcid.org/0000-0002-2630-6716; kabdulsamikh@gmail.com

[2] Branch of Valikhanov Institute of History and Ethnology (11/5, Kabanbai batyra pr., Astana, 010000. Kazakhstan), Candidate of Historical Sciences, Professor, Leading researcher, https://orcid.org/0000-0002-9222-5893; gulnar.mukanova1963@gmail.com

[3]Ankara Hacı Bayram Veli University (Ankara, Gölbaşı, Bahçelievler Mah., 323/1. Cad), https://orcid.org/0000-0003-3945-7238. g.k.ercilasun@hbv.edu.tr

Abstract. *Introductory Remarks*. The methodology of the State Commission Project Office has been tested not only domestically but has also received positive reviews from a number of independent international experts and researchers. Analysis of events that have had a colossal impact on human consciousness depends largely on who conducts the analysis, the neutrality of the expert opinion, and the extent to which the root causes of the phenomenon, as well as associated local and global vectors, are covered. *Goals and Objectives.* The authors pursued the goal and addressed the problem of arguing that, to objectively study such complex, multilayered processes as mass violent actions (confiscation, collectivization, meat and livestock procurement, etc.), which resulted in significant population loss in the USSR and, in particular, in Kazakhstan, Russian social historians must move away from stereotypes. In other words, they must be aware of current trends in international anthropological research and international methodological standards. *Results.* The authors of this article examined the archive of the Project Office of the State Commission, established by Decree of the President of Kazakhstan K. Tokayev in 2020, along with a large volume of publications by foreign experts. We critically examined the methodology, compared the methods of several disciplines using an interdisciplinary approach, and identified the specifics of the methodology of the Project Office of the State Commission. *Conclusion.* An analysis of the above-mentioned positions allowed the authors to confirm their hypothesis about the symbiosis of the humanities and social sciences, particularly law and historical knowledge, as applied to the sensitive topic of rehabilitating victims of repression and declassifying special archives.
Keywords: Fair Kazakhstan; The President's strategic course; methodology; anthropology; victims of repression; political rehabilitation; international standards
Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Program-targeted financing (IRN: BR24993057) «Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repression in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation» of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Введение. Прежде чем обратиться к теме методологии Госкомиссии по реабилитации жертв массовых политических репрессий (далее – Комиссия), немаловажно обратиться к истокам и первопричинам ее создания. Темой массовых политических репрессий в Казахстане занимались ученые и политологи и до создания Комиссии, тем не менее цели реабилитации всех их категорий, оставались открытыми. Часто в современной казахской историографии преобладал эмоциональный спектр подачи чувствительной темы. Нередко конъюнктурные публикации дублировались в медиа ресурсах, и это не способствовало «запуску» механизма реабилитационного процесса. Философский вопрос об актуальности общенациональной «перезагрузки» проблемы полной реабилитации – «быть или не быть» – назревал подспудно,

будировался снова и снова неравнодушными гражданами Отечества, он прорастал в душе, выплескивался через край народного терпения и затем органично вписался в казахстанскую повестку дня. Благодаря Указу Главы Государства процесс реабилитации обрел новый импульс, соответственно, он должен обеспечиваться обновленной методологией. Отсутствие исследований методологии в данном конкретном направлении исследований порождает ситуацию незавершенности и типичные «шатания», и это мотивировало авторов статьи на обобщение методологии Проектного офиса Госкомиссии, который априори действовал с опорой на международные стандарты, международное право. Цель и новизна нашего исследования, соответственно, - впервые доказать феноменальность работы Госкомиссии и Подкомиссии по методологии, сконцентрировавших элиту отечественных экспертов и ученых из регионов, открытых для обмена опытом реабилитации и рассекречивания архивов, с зарубежными научно-исследовательскими центрами.

Материалы и методы исследования.

Исходными материалами для исследования явился большой массив публикаций казахстанских и зарубежных ученых по теме репрессий в период союзного государства и его структурных частей, какими были КазАССР, затем – КазССР и другие национальные формирования (перечень приведен в разделе «Обсуждение» и «Литература»). Исследование сконцентрировано на методологии современного изучения чувствительной темы в Казахстане, на примере Проектного офиса Госкомиссии, в частности, опирающегося на международные стандарты, международное право и активно развивающего внешние научные и творческие контакты. Данный ракурс анализа деятельности Госкомиссии становится предметом изучения впервые, поскольку вопрос ранее не был предметом научного внимания, тогда как со времени выхода Указа Президента Республики Казахстан К. Токаева (2020 год) проведена большая работа по изучению письменных и устных нарративов и источников, рассекречиванию архивов, сопоставлению практики репрессий с содержанием советских нормативно-правовых актов и современного международного права. Частично эти аспекты освещались преимущественно в интервью и докладах на семинарах, не получив до сих пор обобщающей научной оценки. Критический взгляд на состояние методологии в сфере социально-гуманитарных наук в республике, считают авторы статьи, актуализирует задачу применения междисциплинарного подхода для изучения темы массовых политических репрессий, с привлечением методов отраслей разных наук, таких как: история, право, экономика, демография, политология, культурология, философия и др. В ходе исследования впервые были изучены и систематизированы материалы из Архива Проектного офиса Госкомиссии (г. Астана): документы, стенограммы и протоколы, видеозаписи, анкеты, книги, экспертные аналитические записки, рабочие планы и проч.

Обсуждение

В трудах советологов на протяжении «холодной войны» и в период развала СССР приводились суждения, в редких случаях – статистика жертв массовых

политических репрессий (Conquest, 1986; Conquest, 1988). Созданные на базе геополярной методологии, тем не менее, публикации обратили внимание научного мира на ужасающие человеческие потери мирного времени на определенной части материка Евразия (Michael Ellman. 2002: 1151-1172; Davies & Wheatcroft, 2004; Macmillan, 2004*:* Viola, 2000). Обретение независимости Казахстаном ознаменовалось публикациями в постсоветских государствах, в самом Казахстане (Земсков, 2000, Земсков, 2001). Тема «Малого Октября в Казахстане» - одна из наиболее острых и привлекающих внимание политологов и историков (Koigeldiev, 2009; Niccolò Pianciola, 2009; Abdulakhatov, 2012; Kindler, 2014; Shkandrij, 2019), правоведов и публицистов (Mikhailov, 2014), экономистов (Davies, Harrison, Wheatcroft, 1994; Peleo, 2018), философов и теологов (Keller, 2001; Allen J. Frank, 2019). Ввиду ограниченных рамок журнальной статьи, полные названия тематических публикаций указаны в списке литературы. Так как в предыдущих исследованиях не анализировалась методология работы отечественных исследователей в рамках Госкомиссии РК и ее Проектного офиса, соответственно авторы дополняют сложившийся пробел в этой статье.

Основная часть

В русле реализации стратегических планов Президента Казахстана К. Токаева, в рамках правительственного проекта «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации» проводится большая работа с привлечением экспертов из зарубежных ВУЗов и приглашением известных в гуманитарных отраслях знания, профессоров.

Тема массового голода в советском Казахстане, к примеру, и исчисления количества жертв интересует ученых Европы, США и Восточной Азии, причем как объект изучения не столько политических, сколько - эргономических причин и антропологических последствий более объемных (макропроцессов), которые, на их взгляд, следует помнить, как одну из конечных целей (как минимум, обеспечить продовольственную подпитку предстоящей индустриализации) вышеперечисленных «акций» партийно-советского руководства.

Руководитель Проектного Офиса Касымов С.А. в своих интервью обозначил цели и задачи поступательной и плановой работы Государственной Комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий [Касымов, 2022]. Новый этап ее деятельности стартовал с осени 2024 года; он нацеливает как на фундаментальное изучение тех социально-политических процессов 1920-1950-х годов, которые привели к массовым жертвам в Казахстане, так и на историко-правовой анализ основных категорий и подкатегорий жертв репрессий. Задумываясь над тем, насколько можно реализовать обозначенные цели и идеи, при этом идти «в ногу» со временем в эпоху модернизации и смены эпох, ищем и находим примеры того, как работают сотрудники Проектного офиса и научно-исследовательских групп. Перед нами поставлены сложные научные и ментальные задачи. Необходимо развивать профессиональные навыки, отразить государственный заказ и национальные приоритеты, сохранив при этом верность

собственно индивидуальности ученого, авторскому стилю. Все это усложняет и без того непростую практику работы; в ходе реализации Указа Президента и проекта Министерства науки и высшего образования Казахстана, менялся количественный и качественный состав исполнителей. Ряд «обиженных» изощрялись в попытках обыграть ситуацию объективных трудностей, нападали на руководителя Проектного офиса за спиной, совершенно забывая о той огромной социальной ответственности перед будущими поколениями и необходимости полной реабилитации жертв репрессий. Более того, сама дефиниция «полная реабилитация» критиканами ставилась под сомнение. Несомненно, одно: личностные амбиции и низкие выпады не могут заслонить и остановить темпы работы Проектного офиса и порядочных граждан.

Фундаментом человечески и творчески сильных натур, таких как Сабыр Касымов, мы бы определили верность почве родной казахской культуры: уважение к учителям и старшему поколению, почтительное отношение к нравственным традициям и моральным нормам, верность своему долгу, преданность обретенным в духовных поисках принципам жизни и творчества. Социальные и культурные ориентиры, которые он задает всей многогранной работе Проектного офиса, как методологического центра, с лихвой перекрывают чьи бы то ни было тщеславные всплески и элементарную леность.

Импульсивный по темпераменту и одновременно сдержанный, остроумный в беседах, честный и нелицеприятно резкий в оценках, Сабыр Ахметжанович щедро открывает для начинающих молодых ученых и даже обогащенных жизненных опытом казахстанских исследователей мир правовой, исторической и политической антропологии, «ставит» руку, как настоящий мастер публицистики, научного дискурса. Одной из удивительно ярких проявлений творческой и открытой новизне личности С.А. Касымова предстает его искренний интерес к новеллам в научных трактовках казахстанской трагедии «Малого Октября» в ближнем и дальнем зарубежье. Можно смело утверждать, что незаурядная личность руководителя Проектного офиса, Президента РОФ «Қаһарманы», его неустанный поиск архивных подтверждений судеб репрессированных, удивительная стойкость к вызовам стали для всего его окружения путеводной звездой, точкой отсчета и мерилом истины в собственных поисках. Все те, кто неравнодушен к теме репрессий, обретают в общении с ним учителя и друга, родственную душу, тонок понимающую и прочувствовавшую, выстрадавшую сакральную для народа тему. Следуя поставленной задаче, С. Касымов радуется каждому новому документу, оригинальной статье, отклику потомков, с энтузиазмом изучает концептуальные разработки зарубежных научных центров, архивов и отдельных исследователей. Темой политических репрессий он непосредственно занимается уже сорок лет, отправной точкой был Желтоксан-1986, Касымов С.А. имеет огромный опыт работы в составе нескольких государственных комиссий. В рамках статьи невозможно перечислить библиографию авторских публикаций, настолько плодотворна работа; конференции и семинары с полноценными докладами проводятся регулярно.

В рамках реализации обозначенных задач, немаловажно прогнозировать те тенденции в научной интерпретации темы, которые присутствуют в публикациях ученых дальнего зарубежья. К примеру, в одной из своих статей почетный профессор экономики Амстердамского университета (Голландия) Michael John Ellman, автор монографий по экономике экс-Союза и сравнительному анализу экономических систем, обращает внимание именно на некорректность экономических расчетов по жертвам голода, депортаций и др. [Ellman, 2002] Отрадно то, что голландский исследователь упоминает казахов в числе народов, ставших жертвами депортаций в пределах республики либо вынужденно покинувших ее пределы. В статье Элмана подвергнуты критике публикации российских авторов [Земсков, 2000; Земсков, 2001], поскольку, сопоставляя их статистические сведения, очевиден разброс количества жертв указанных категорий. Для большей убедительности, Майкл Элман ссылается на труды западных авторов R.W. Davies, S.G. Wheatcroft и др. [Viola, 2000], которыми также изучена статистика жертв массовых советских политических акций. Если обобщить замечания и комментарии Michael John Ellman, то они сводятся к следующим:

- американские и австралийские ученые R. W. Davies & S. Уиткрофт единодушны во мнении, что «…четкое понимание судьбы и масштабов жертв должно быть достигнуто после проведения региональных исследований на основе местных архивов» [Davies & Wheatcroft, 2004:1168-1169]. Иными словами, в российских изданиях выявлены очевидные расхождения («ножницы») в статистике беженцев, жертв сталинских репрессий и голода в СССР, особенно в национальных республиках (казахи), чем и вызвано резюме о привлечении данных «местных» архивов.

И этот вывод коллег из дальнего зарубежья служит основанием для переосмысления векторов археографических экспедиций – когда подавляющее большинство проектов, грантовых и ПЦФ по советскому периоду истории республики уповают преимущественно на центральные архивы соседнего государства. Именно опросы потомков, сбор сведений, отложившихся в районных, областных архивохранилищах, «запасниках» региональных музеев и семейных архивах, а также (!) опросы представителей казахской зарубежной диаспоры, изучение материалов зарубежной периодической печати 1921-1950 годов и т.д. представляют не менее ценный источник искомой информации.

- М. Элман отмечает несомненные заслуги другого исследователя, более известного на постсоветском пространстве, англо-американского ученого Роберта Конквеста (George Robert Acworth Conquest, 1917-2015), автора «…книги об этнических чистках [Conquest, 1986a], а также объемной книги о голоде 1931-1934 годов [Конквест, 1988], в которой «основное внимание уделялось страданиям крестьян и включена глава, посвященная опыту казахов» [Ellman, 2002: 1171]. Он пишет, что «…вторая книга привлекла внимание широкого читателя к масштабной гуманитарной катастрофе, хотя и не согласен с интерпретацией, предложенной в книге», в частности, с цифрами жертв.

- ЭЛМАН не спешит соглашаться с теми авторами, которые обвиняют одного Сталина в гибели большого количества людей. Он также воздерживается, в отличие от КОНКВЕСТА, находить в политических репрессиях лишь этнический подтекст, когда пишет: «…это кажется возможным, но недоказанным, и не дает объяснения гибели казахов и русских» [Ellman, 2002: 1172].

- далее нидерландский ученый апеллирует к реалиям экономики страны советов и достаточно убедителен, когда резюмирует: «…кажется более вероятным, что Сталина просто не волновали массовые смерти, - его больше интересовали платежный баланс (который требовал экспорта зерна) и программа индустриализации» [Ellman, 2002: 1173]. Такой подход, вероятно, позволил зарубежному исследователю абстрагироваться от излишне накаленной дискуссии на темы геноцида и рассуждать о более близкие ему, экономических показателях.

- весьма здраво Michael Ellman рассуждает о категориях и подкатегориях понятия «жертв репрессий». И это очень ценно, поскольку до сих пор историки занимались лишь описанием фактов трагедии казахов, негативных последствий: голода, конфискации, коллективизации, что сведено к одной дефиниции «репрессии». Подойдя вплотную к задаче дешифровки категорий и подкатегорий жертв, Госкомиссия испытала гласное (и негласное) сопротивление тех отечественных авторов, которые полагают, что тема полностью исчерпана, и все архивные источники выявлены, систематизированы и изучены.

Для полновесной оценки прошлого, только разобравшись в конкретных случаях, по какой категории «проходили» жертвы, апеллируя к отзывчивости и услугам добровольных помощников-старожилов, краеведов, энтузиастов, хранителям семейных архивов, а также экс-сельских советов и районных, возможно реконструировать целостность казахстанской трагедии.

Проектный офис открыт для контактов с учеными, имеющими оригинальные публикации, самостоятельно ведущими исследования вопросов, так или иначе связанных с репрессиями в советском Казахстане. К такому разряду ученых относится исследователь нового поколения, уроженка Казахстана Aliya Sartbayeva-Peleo [Peleo, 2018], выпускница аспирантуры Национального университета Сунь Ятсена (Тайвань). При знакомстве она сообщила, что специализируется в компаративных исследованиях истории Центральной Азии, Тибета, Синьцзяна и Филиппин. Алия – автор оригинальной статьи о массовом голоде в Казахстане 1930-х годов, пришла к выводу, что «…в Казахстане в 1931-1933 годах «голод», «голодомор», «продовольственный кризис» произошли в основном из-за «осознанного пренебрежения» [со стороны] советской системы управления, - в целях реализации иных приоритетов, таких, как: индустриализация, в контексте общей социальной модернизации населения» [Peleo, 2018: 230]. Особенность научного метода A. Peleo состоит в том, что ситуация «голода» ею рассматривается через призму концепции мальтузианства, или «подхода, основанного на правах».

Иными словами, PELEO обратила внимание на биополитический подтекст советских «кампаний», на примере кейса голода 1931-1933 годов в Казахстане. Она резюмирует: «…конкретная политика советского правительства и политические решения отдельных должностных лиц, направленные на ухудшение положения маргинализированных сообществ на социальной периферии, были в русле приоритетов правительства, в частности – общей индустриализации и современного экономического развития». Голод в Казахстане продемонстрировал, считает PELEO, что любое продвижение «доминирующей идентичности», особенно в ее модернистской форме с «цивилизаторской» функцией, выявляет склонность к исключению и подавлению «простой жизни» маргинализированных людей на периферии. [Peleo, 2018: 218]

К сожалению, ее исследования не стали предметом научного обсуждения среди ученых РК (сама Алия ныне работает в Восточной Азии по престижному проекту ООН), тогда как Peleo применила неординарный подход, сопоставив потери численности казахского населения («на периферии»), практически ставшего жертвой политики советского руководства, преследовавшего лишь цели индустриализации, с одной стороны, - с циничным поведением и установками Центра, заведомо предполагавшего, но игнорировавшего сигналы о массовых потерях в ходе той индустриализации, или, как она уточняет: «модернизации с цивилизаторской функцией».

Выводы А. Сартбаевой-Peleo совпадают с мнением, высказанным М. Элманом в 2002 году о «ножницах» в подсчете реального количества жертв голода в Казахстане, и это позволяет выявить тенденцию европейского дискурса относительно жертв голода среди казахов, потенциально обреченных на мучения, физическую смерть, вынужденную миграцию и эмиграцию, – вследствие запланированной индустриализации «во благо общих целей».

То есть, благодаря Проектному офису, налаживается контакт с теми учеными, которые ведут исследования с применением междисциплинарного подхода, методов антропологии. Ведь в публикациях А. Peleo ситуация «голода» трактуется нетипично, а именно: как сложная биополитическая проблема, клубок общественных действий или бездействия (!), отсутствия подотчетности (!) и, следовательно, «осознанного пренебрежения» [Центра] населением периферии» [Peleo, 2018: 210]. И этот вывод нацеливает задуматься историков, отечественных особенно, которые много лет склонны были утверждать, что голод – явление в Степи ординарное, следствие лишь погодно-климатических особенностей края, и т.п. Поднявшись над национальным, создав как бы стереоскопическую модель прошлого, данный молодой исследователь абстрагируется от стереотипов мышления и способен выявить катастрофические последствия казалось бы, «цивилизованных» аргументов сторонников сталинской «индустриализации», в применении к казахскому традиционному хозяйственно-культурному типу.

Разброс статистики жертв голода в СССР, из статьи Peleo приведены в таблице [Peleo, 2018: 228].

Authors	Number of victims, in million people
LORIMER, F., 1946	4,8
URLANIS, B.4	4,8
WHEATCROFT, S.C.	3-4
ANDERSON, B. A. and SILVER, B.D., 1985	2-3
KONKVEST, R, 1986	8
MAKSUDOV, S., 1982	9,8 ± 3
TSAPLIN, V., 1989	3,8
ANDREEV, E. et al., 1993	7.3
IVNITSKIY, N., 1995	7.5

Ценным в исследованиях M. Ellman и A. Peleo является то, что ими приводятся сводные таблицы, цифры, - инструментарий, с помощью которого можно и нужно соглашаться либо дискутировать. Очевидно и другое: для зарубежных ученых более доступными оказываются публикации, в том числе и отечественных, исследователей, на английском и русском языках. Соответственно, издания порядка последних тридцати трех лет на казахском языке и языках народов экс-СССР, для них еще составляют *terra incognita*.

Проводимые в дальнем зарубежье антропологические, эргономические исследования составляют тот недостающий междисциплинарный компонент исследований, не всегда представленный в отечественных разработках на исторические темы. Они, несомненно, важны и дают пищу для размышлений.

Michael Ellman полагает, что оценка общего числа жертв советских репрессий зависит как от точных оценок численности в конкретных подкатегориях, так и от решения о том, какие подкатегории следует включить в категорию «жертвы репрессий». В его трудах приведена цифра: около 1 миллиона казахов, бежавших из Казахстана в 1931-33 годах [Ellman, 2002: 1163-1164]. Это число, считал М. Эллман, также может быть увеличено за счет включения большого числа тех, кто "пострадал", но сам не был арестован. Эти сведения устаревшие: по оценкам экспертов Госкомиссии РК, К.Н. Балтабаевой и др., «по категории казахстанских беженцев, на основе архивных документов, в том числе рассекреченных в 2021-2023 годах, «вынужденных беженцев» было более 1,8 млн. чел., при этом эмиграционные потери составили 200 тысяч чел. Статистика жертв все еще нуждается в корреляциях, это очевидно по мере рассекречивания архивов и свода и анализа воспоминаний старожилов на местах.

Американский независимый ученый Allen Frank, автор известной книги [Frank, 2019: 9] пишет о необходимости фундаментального пересмотра нарративов в образовательной системе Казахстана. Поскольку в современных учебниках религиозные взгляды казахов, по его мнению, просто калькированы с дореволюционных изданий: «…надеюсь, я смог продемонстрировать, как подобные нарративы «колониальной матрицы власти» воспроизводятся – как

называет это Катерин Уэлш - элитами Казахстана. Очевидно, что подобно тому, как чиновники российской империи воспринимали ислам, - как угрозу их власти, - так и элита Казахстана следует по той же схеме». Исследования А. Франка по ортодоксальности казахов способны внести нюансы в переосмысление «кампаний» против служителей ислама (ишаны, имамы, муллы, хазреты, кажы) в 1920-1930 годы. К его экспертному заключению имеет смысл прислушаться: «…Мусульманские наблюдатели по всей казахской степи подчеркивают не только набожность, но и глубокую ортодоксальность казахов-кочевников. Эта хорошо документированная точка зрения противоречит распространенному мнению о том, что казахские кочевники были каким-то образом предрасположены к неортодоксальности, которую пришлось подавлять более “ортодоксальным” мусульманам из оседлых обществ» [Frank, 2019: 12]. Многолетние исследования позволили ему прийти к выводу о степной драме вследствие репрессий священнослужителей: «…Учитывая существование прочных религиозных связей между родословными ишанов и группами несвятого происхождения (особенно это заметно среди казахов, но также среди туркмен и узбеков), жестокие репрессии, направленные против этих родов ишанов, оказали глубокое воздействие на аульное казахское общество, даже помимо непосредственных катастроф массового голода и коллективизации» [Frank, 2019: 12].

Сталинские репрессии против советских мусульман освещены в целом ряде зарубежных изданий [Keller, 2001; Shayakhmetov, 2006; Pianciola, 2009; Kindler, 2014]. Вместе с тем, если они и известны отечественным специалистам, то серьезного дискурса, даже цитирования, в фундаментальных трудах по истории Казахстана XX века, эти труды не удостоились. Следует прислушаться к компетентному мнению Allen J. Frank, о том, что на постсоветском академическом пространстве уже имеются ростки пересмотра прежних, «дореволюционно-советских», концепций относительно религиозной самоидентичности народов Центральной Азии. Так, увидели свет издания, относительно репрессий, где упоминаются улемы [Koigeldiev, 2009; Abdulakhatov N.et al., 2012], что особо отрадно.

Исследователь из Канады Myroslav Shkandrij, автор книги о голоде на Украине [Shkandrij, 2019: 15], профессор University of Manitoba (Виннипег, Канада) использует определение подавленная (в психол. – *вытесненная*) память = «Repressed Memory» для обозначения ситуации с незаконным изъятием из коллективной памяти постсоветских граждан сведений о голодоморе на Украине и жертвах массовых репрессий. Оригинальность публикации Shkandrij в том, что автор оперирует фундаментальными онтологическими категориями времени и пространства, излагая прошлые события, и такое видение позволяет подняться над национальным и оперировать сухими фактами.

Земля казахская стерпела многое. И спустя годы, из удушливого мрака идеологического болота, из тех раздавленных, окровавленных зерен правды, омытых чистыми слезами, проросли наконец ростки былого, то Память народа. Растоптать ее не удалось ни НКВД, ни времени. Будучи когда-то раздавлена,

Память народная способна вещать, раскрывая свое содержимое новым поколениям.

Таким образом, Проектным офисом проводилась и проводится системная работа по критическому изучению публикаций, в том числе контент-анализ зарубежных изданий, по теме репрессий и жертв голода. При реализации проекта программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования РК по фундаментальному исследованию задач политической реабилитации жертв массовых политических «кампаний» в Казахстане 1920-1950 годов, приведших к многочисленным жертвам и вынужденной эмиграции и безвозвратной миграции казахского населения, указанные наработки и личные научные и творческие контакты с коллегами из дальнего зарубежья позволили отходить от стереотипов и применять новые подходы смежных наук, междисциплинарный подход, сверять выводы с заключениями независимых зарубежных коллег.

В практической работе исследовательских научных групп в регионах обращено было внимание на работе с источниками из местных (районных, сельских) архивов бывших сельсоветов и аулсоветов.

Учитывая тот факт, что зарубежная казахская диаспора, наши қандасы и коллеги во всем мире выражают желание ознакомиться с материалами архивов, оставленных и изданных Проектным офисом сборников документов и материалами конференций, новыми научными обобщениями, данное направление деятельности Офиса отрабатывалось ряд лет.

Проблемы синхронизации переводов, доступности сборников и архивов необходимо было решать на ходу, используя возможности современных технологий, цифровизации и искусственного интеллекта.

Проектный офис исходит из непреложной данности, что зарубежные эксперты безусловно в чем-то пошли дальше отечественных историков, применив к историческим ситуациям в советском Казахстане подходы социально-культурной антропологии, эргономики и естественных (математики, биологии) наук. И эта любопытная методика, незашоренный взгляд нового поколения ученых, стремление оперировать междисциплинарным инструментарием импонирует своей неординарностью и смелостью изложения проблемных вопросов истории казахского народа.

Абсолютное попадание методологических принципов, взятых за основу работы Республиканским Проектным офисом Госкомиссии, опирающегося на правовые дефиниции и подходы, при интерпретации исторических фактов, несомненно, станет гарантией казахского РЕНЕССАНСА в XXI-ом и предстоящих столетиях.

Укрепление международных научных контактов в рамках реализации задач ПЦФ. РК – Турецкая Республика

В ноябре 2025 года состоялась служебная командировка в Турецкую Республику С.А. Касымова. Целью поездки было упрочение внешних научных контактов по линии фундаментального исследования судеб вынужденных

беженцев из Казахстана в годы «Малого Октября» 1920 - 1930 годов. Согласно Календарного плана реализации проекта ПЦФ Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, зарубежные командировки должны были быть в ряд городов пограничных областей РФ, но поскольку на несколько официальных обращений к руководству архивов этих областей (согласно новым правилам, установленным в РФ для иностранных исследователей) своевременных ответов не поступило, было принято решение выполнить поездку в другие зарубежные архивы и научные центры. Выбор Стамбула и Анкары объясняется тем, что в Турции проживает казахская ирредента; это - потомки казахских семей, вынужденно ставших беженцами вследствие передела земельных угодий, гонений, лишения прав, угрозы конфискации имущества, непомерного налогообложения, в ходе завышенных планов скот-, мясо-, хлеюо-заготовок, неминуемого голода.

В ходе планирования поездки в Турцию, Проектный офис через сотрудников МИД Казахстана наладил контакты с Посольством РК в Турции, ведущими учеными, научные интересы которых соприкасаются с темой ПЦФ. Были выбраны для посещения ряд объектов: Президентская библиотека, Архив Османов, Архивное Управление. Разумеется, важно было встретиться с представителями казахской диаспоры в Турции.

После решения организационных вопросов, С.А. Касымов вылетел в Стамбул, где его встречали сотрудники Посольства Казахстана. Заблаговременно были подготовлены наборы книг, в частности, сборников документов и материалов по истории политических репрессий, изданных Госкомиссией. Эти книги были переданы в дар Османской библиотеке (Стамбул) и Архивному управлению (Анкара). Турецкая сторона с благодарностью приняла казахстанские издания, отметив государственный подход к изучению драматических судеб граждан в период тоталитаризма.

Турецкий ученый, доктор исторических наук, профессор Университета имени Мимар Синана Абдуакап Кара оказал содействие в организации встреч С.А. Касымова с представителями казахской диаспоры, потомками вынужденных беженцев с Ата жұрт. Трудно передать их эмоции, ведь им важно узнать, что на Родине не только помнят о той большой миграции, но и изучают по поручению Президента К. Токаева рассекреченные документы из архивов, собирают устные свидетельства, чтобы реабилитировать невинных жертв репрессий. Молодежь казахской диаспоры в Турции изъявила желание встретиться с руководителем Проектного офиса, однако сотрудники Посольства посчитали, что это вызовет резонанс, нашли причины не пойти навстречу искренней просьбе молодых казахов, студентов. Будучи скован рамками дипломатического протокола / или бюрократизма чиновников? /, Сабыр Ахметжанович вылетел в Анкару. Здесь также прошли плановые встречи, обсуждены были перспективы двустороннего сотрудничества. Библиотека Проектного офиса пополнилась книгами, полученными в дар от турецкой стороны.

Надо подчеркнуть, что визит в Турцию руководителя Проектного офиса стал первым своего рода шагом для расширения внешних культурных, научных контактов с учеными, общественными деятелями, ирредентой зарубежных государств, именно по вопросам фундаментального исследования темы. О визите С. Касымова разместил информацию и фотографии на своей страничке в Facebook А. Кара (Турция).

Налаживание научных и культурных контактов
по линии Проектного офиса (Астана) – Япония (Саппоро)

20-21 ноября 2025 года состоялись встречи С.А. Касымова и сотрудников Проектного офиса Госкомиссии с японским ученым-политологом, Томохико Уяма. Гость был ознакомлен с историей создания Государственной Комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий по поручению Президента Республики Казахстан К. К. Токаева, работой Проектного офиса, изданиями Сборников документов и материалов, др.

Томохико Уяма выразил признательность за приглашение; он давно занимается исследованием темы Алаш, является автором статей об одном из выдающихся лидеров Центральной Азии и Казахстана начала XX века Миржакыпе Дулатове. Также в последние годы японским ученым удалось идентифицировать переписку между Алаш и официальными представителями Японского правительства в годы гражданской войны. Как известно, письма доставил по поручению А. Букейханова Раимжан Марсеков, также ставший жертвой политических преследований. Японский ученый подтвердил свои намерения продолжить изучение Алаш, открытость к сотрудничеству и готовность быть научным консультантом казахстанского проекта ПЦФ. Он с благодарностью принял книги и журналы, изданные в рамках реализации задач Госкомиссии. В завершение визита Уяма Томохико сфотографировался с сотрудниками Проектного офиса, посетил памятник японским гражданам (военнопленным), нашедшим последний приют в Казахстане, установленный Правительством Японии в г. Астана.

Так, в ходе своей работы по реализации задач Госкомиссии и фундаментальных исследований в рамках государственного научного проекта, Проектный офис развивает творческие контакты с зарубежными экспертами, в частности из Турецкой Республики. Как выше отмечалось, - постоянный консультант и эксперт деятельности казахстанских ученых – Әбдіуақап Қара. Также в ходе визита в Анкару весной 2025 года, С.А. Касымов провел встречи с представителями казахской диаспоры в этом городе, рассказал қандасам о проведенной работе по реабилитации. В развитие встречи, после возвращения в Казахстан, научные контакты были продолжены. Так, казахский культурный центр в Анкаре настроен к обмену интеллектуальной продукцией, в частности, тематическими книгами и сборниками документов о репрессиях. Проектный офис пригласил к сотрудничеству профессора университета Анкары им. Хаджи Байрам Вели, доктора PhD в области истории Гульжанат Курмангалиеву-Ержиласун, специалиста по истории сталинских репрессий и наследию

Алашской интеллигенции, владеющей казахским (родным), кыргызским, французским, турецким и английским языками.

Профессор Г. Ержиласун утверждает, что за рубежом у тюркоязычных народов в особенности есть непреходящмй интерес к истории казахского общества и государства, к движению Алаш: «Қазақ тарихы – жалпы түркі халықтарының тарихында үлкен қызығушылық туғызатын тақырыптардың бірі. Соның ішінде тәуелсіздік жолындағы Алаш қозғалысы зерттеу нысаны ретінде қай тұрғыдан да маңызды. Түркиядағы тарих ғылымы Алаш қозғалысына түркі халықтарының бір-біріне жалғасқан модернизация және ояну процестерінің бір бөлшегі, тұтас шынжырдың бір үзігі ретінде қарайды». В развитие двусторонних контактов, Г. Курмангалиева-Ержиласун взяла ответственность по популяризации научных докладов и статей сотрудников Проектного офиса, горячо поддержала проводимую в Казахстане работу по реабилитации жертв политчиеских репрессий и рассекречиванию архивов.

Турецкие коллеги, как Гульжанат Курмангалиева-Ержиласун, способствовали внешнему продвижению казахстанской практики реабилитации и целей работы Проектного офиса. Учитывая то, что профессор востребована и читает лекции в ряде европейских университетов (Турция, Италия и др.), стажировалась в США, важен ее отклик и интерес к документальной базе, методологии Офиса. Поскольку, с ее слов, «…Қазақстан тәуелсіздікке қол жеткізгеннен кейін, Алаш зерттеулеріне мүмкіншілік және қызығушылық шет елдерде де арта түсті. Стивен Сейбол (Steven Sabol), Марта Брилл Олкотт (Martha Brill Olcott), Ян Кэмпбелл (Ian Campbell), Питер Роттиер (Peter Rottier), Джон Глен (John Glenn), Джереми Смит (Jeremy Smith), Арн Хауген (Arne Haugen), Майкл Рывкин (Mychael Rywkin) сияқты ғалымдардың еңбектерінде Алаш туралы біршама мәліметтер берілген. Элен Каррер д'Анкосс (Hélène Carrère D’Encausse), Адеб Халид (Adeeb Khalid) сияқты танымал ғалымдардың еңбектерінде де аталған тақырыптарда аздаған мағлұмат берілген», постольку методологические наработки Проектного офиса, публикация многотомных сборников архивных документов, выявление категорий и подкатегорий жертв репрессий, отвечают современным международным стандартам.

Интеллектуальный мост Проектного офиса: Казахстан (Астана) – Австралия (Мельбурн)

Впервые в практике работы государственных комиссий по реабилитации в условиях независимости Казахстана к диалогу привлекаются ученые из дальнего зарубежья. В частности, большую организационную и методологическую работу Проектного офиса одобрил австралийский профессор Стивен Г. Уиткрофт (Stephen G. Wheatcroft) – историк, профессор школы исторических исследований в Университете Мельбурна (Австралия). «Советолог» С. Уиткрофт – признанный специалист по изучению советской социально-экономической и демографической истории, а также истории голода, т.н. «разрыва Курмана», зафиксированного Центральным управлением народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР по годам между переписями 1926 и 1937 годов рост

народонаселения (рождаемость минус смертность) превышал рост этого же показателя, который следовал из сопоставления результатов переписей 1926 и 1937 годов. Основные тематические труды профессора, в том числе в соавторстве, следующие [12], что сыграло свою роль в налаживании личных и научных контактов руководителя Проектного офиса с профессором С. Уиткрофтом, который сам выразил желание посетить Астану в августе 2026 года. Поездку профессор планирует начать с Молдовы, где он будет находиться как исследователь проблем голода в советской Молдавии. В рамках визита профессор С. Уиткрофт согласен провести лидерскую лекцию, своего рода мастер-класс для экспертов Госкомиссии, ведущих ученых Казахстана – историков, правоведов, социологов, экономистов и докторантов с целью ознакомления с его авторской методикой исследования проблем массового голода в СССР, в том числе в Казахстане 1930-х годов.

Заключение. Подводя итоги исследования международных стандартов в методологии, разработанной и апробированной Проектным офисом Госкомиссии по реабилитации жертв политических репрессий, созданной Указом Президента К. Токаева, авторы, непосредственно участвующие изнутри в этой ответственной работе, пришли к неопровержимому выводу: Проектный офис своей деятельностью приковал внимание зарубежных коллег и буквально задает тон активизации работы по полной реабилитации в братских странах: Узбекистане и Кыргызстане и др. Так, из постсоветских государств в обмене опытом рассекречивания архивов и реабилитации жертв репрессий делятся: доктор исторических наук Джаби Амирвар оглы из Института истории и этнологии, доктор Ирада Саид қызы Багирова, Национальная Академия наук Азербайджана - НАНА.Баку, Азербайджан), из Кыргызской Республики: доктор исторических наук Жумагул Байдилдеев – академик Международной академии Айтматова (Бишкек) и мн. др.

Последовательность, крепкий профессионализм, принципиальность, педантизм в хорошем смысле, и в то же время общая гармония и сбалансированность работы Проектного офиса, при неуловимом романтизме, - четкость деталей, строгая логика форм и филигранность содержания публичных выступлений С. Касымова, его вдохновленность и заряженность на всеохватное освещение проблемы составляет, если отойти на расстояние («лицом к лицу – лица не увидать, большое видится на расстоянии…») величественный, слаженный, панорамный композиционный механизм.

Душой этой команды высокой пробы единомышленников, не жалеющих времени и здоровья, является духовно и профессионально зрелый мастер, государственник Касымов С.А., юрист по диплому, воплощающий тему многовековой борьбы казахского народа за свободу и суверенитет, основываясь на тщательном изучении исторических и документальных материалов знаковых процессов и событий XX века. – Редкий пример – первым по праву является Салык Зиманович Зиманов, - органичного междисциплинарного, историко-правового подхода к волнующей теме борьбы народа за родную землю и независимость и трагизма массовых политических репрессий.

Таким образом, несомненное мастерство отечественных правоведов-государственников вывело Госкомиссию на широкие перспективы международных стандартов в сфере законодательства по трепетной теме репрессий, реабилитации жертв и социального консенсуса. Данное достижение дает социально-гуманитарным, в частности, исторической науке Казахстана, прекрасную возможность использовать методологические наработки Проектного офиса, как эталон для расширения смежных исследований, для подготовки научных кадров XXI века, которые будут далее продвигать имидж отечественной науки в мировом пространстве.

Архивы:

АПО ГК – Архив Проектного офиса Госкомиссии (г. Астана, Казахстан).

Sources

APO GC – Archive of the Project Office of the State Commission (Astana, Kazakhstan).

ЛИТЕРАТУРА

Земсков, 2000 - *Земсков В.Н.* (2000). «Кулацкая ссылка» в 1930-е годы: численность, население, состав. Глава XIII. В кн.: "Население России". Том 1. Москва, 2000.

Земсков, 2001 - Земсков В.Н. (2001) Депортации населения. Спецпоселенцы и ссыльные. Заключенные, глава IX. В кн.: «Население России». Том 2. Москва, 2001.

Касымов, 2022 - Касымов С.А. (2022) Увековечить в памяти народа. E-history.kz. 2022. Февраля 3-4. https://e-history.kz/ru/news/show/33367 Дата обращения: 16.03.2026.

Конквест, 1988 - *Конквест Р. (1988)* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Пер. с англ. Исраэль Коэн и Нели Май. London: Overseas publ. interchange, 1988. 620 с. [in Rus.]

Abdulakhatov N.et al., 2012 - A*bdulakhatov et al* (2012). Farghona azizlari taqdiri. Tashkent: Abu Matbuot-Kansalt, 2012.

Conquest, 1986 - *Conquest R.* (1986). The Last Empire: nationality and the Soviet future, 1986.

Conquest, 1986 - *Conquest R.* (1986). The harvest of sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine, 1986.

Davies, Harrison, Wheatcroft, 1994 - *Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G.* (1994). The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913-1945. Cambridge University Press, 1994.

Davies & Wheatcroft, 2004 - *Davies R.W. & Wheatcroft S.G.* (2004). The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931-1933. Vol. 5. The Industrialization of Soviet Russia. Basingstoke (England) and New York: Palgrave Macmillan, 2004.

Ellman, 2002 - *Ellman, M.* (2002). Soviet Repression Statistics: Some Comments. *Europe-Asia Studies. 2002.* Vol. 54. No 7. Pp. 1151-1172.

Frank, 2019 - *Frank A.J.* (2019) Gulag Miracles: Sufism and Stalinist Repression in Kazakhstan. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2019. 153 p.

Keller, 2001 - *Keller Sh. (*2001) To Moscow, not Mecca: the Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941. Westport, Connecticut: Praeger, 2001.

Kindler, 2014 - *Kindler R.* (2014). Stalins Nomaden: Herrschaft un Hunger in Kasachstan. Hamburg: Hamburger Edition, 2014.

Koigeldiev, 2009 - *Koigeldiev M.K.* (2009) Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920–1940-kh godov. Almaty: Zerde, 2009. P. 194–311 [in Russ.].

Mikhailov, 2014 - *Mikhailov V.* (2014). The Great Disaster: Genocide of the Kazakhs. London: Stacey, 2014.

Peleo, 2018 - *Peleo A. S.* (2018) Biopolitics of Knowledgeable Neglect: The Case of Famine in Kazakhstan in 1931-1933. *Jurnal Hubungan Internasional*. 2018. Vol. 7. No. 2. Pp. 217-233.

Pianciola, 2009 - *Pianciola N*. (2009). Stalinismo di frontiera: Collonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia Central (1905–1936). Vicenza: Viella, 2009.

Shayakhmetov, 2006 - *Shayakhmetov M*. (2006). The Silent Steppe: the Memoir of a Kazakh Nomad under Stalin. New York: The Rookery Press, 2006; Isabelle Ohayon, La sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Staline. Paris: Maisonneuve et Larose, 2006.

Shkandrij, 2019 - *Shkandrij M.* (2019) Revolutionary Ukraine, 1917-2017. History's Flashpoints and Today's Memory Wars. Routledge Studies in Cultural History, 2019.

Viola, 2000 - *Viola L. (*2000). The Role of the OGPU in Dekulakization, Mass Deportations and Special Resettlement in 1930, The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. University of Pittsburgh, 2000. No.1406.

References:

Abdulakhatov N.et al., 2012 - A*bdulakhatov et al* (2012). Farghona azizlari taqdiri. Tashkent: Abu Matbuot-Kansalt, 2012.

Conquest, 1986 - *Conquest R.* (1986). The Last Empire: nationality and the Soviet future, 1986.

Conquest, 1986 - *Conquest R.* (1986). The harvest of sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine, 1986.

Davies, Harrison, Wheatcroft, 1994 - *Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.G.* (1994). The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913-1945. Cambridge University Press, 1994.

Davies & Wheatcroft, 2004 - *Davies R.W. & Wheatcroft S.G.* (2004). The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931-1933. Vol. 5. The Industrialization of Soviet Russia. Basingstoke (England) and New York: Palgrave Macmillan, 2004.

Ellman, 2002 - *Ellman, M.* (2002). Soviet Repression Statistics: Some Comments. *Europe-Asia Studies. 2002.* Vol. 54. No 7. Pp. 1151-1172.

Frank, 2019 - *Frank A.J.* (2019) Gulag Miracles: Sufism and Stalinist Repression in Kazakhstan. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2019. 153 p.

Kassimov, 2022 - *Kassimov S.A.* (2022) Uvekovechit v pamjati naroda [To perpetuate in the memory of the people]. E-history.kz. 03-04.02.2022. https://e-history.kz/ru/news/show/33367 Date of access: 16.03.2026.

Keller, 2001 - *Keller Sh. (*2001) To Moscow, not Mecca: the Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941. Westport, Connecticut: Praeger, 2001.

Kindler, 2014 - *Kindler R.* (2014). Stalins Nomaden: Herrschaft un Hunger in Kasachstan. Hamburg: Hamburger Edition, 2014.

Koigeldiev, 2009 - *Koigeldiev M.K.* (2009) Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920–1940-kh godov. Almaty: Zerde, 2009. P. 194–311 [in Russ.].

Konkvest, 1988 - *Konkvest R. (1988)* Zhatva skorbi. Sovetskaja kollektivizatsia I terror golodom [Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror of Famine]. Transl. London: Overseas publ. interchange, 1988. 620 p. [in Rus.]

Mikhailov, 2014 - *Mikhailov V.* (2014). The Great Disaster: Genocide of the Kazakhs. London: Stacey, 2014.

Peleo, 2018 - *Peleo A. S.* (2018) Biopolitics of Knowledgeable Neglect: The Case of Famine in Kazakhstan in 1931-1933. *Jurnal Hubungan Internasional*. 2018. Vol. 7. No. 2. Pp. 217-233.

Pianciola, 2009 - *Pianciola N*. (2009). Stalinismo di frontiera: Collonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia Central (1905–1936). Vicenza: Viella, 2009.

Shayakhmetov, 2006 - *Shayakhmetov M*. (2006). The Silent Steppe: the Memoir of a Kazakh Nomad under Stalin. New York: The Rookery Press, 2006; Isabelle Ohayon, La sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Staline. Paris: Maisonneuve et Larose, 2006.

Shkandrij, 2019 - *Shkandrij M.* (2019) Revolutionary Ukraine, 1917-2017. History's Flashpoints and Today's Memory Wars. Routledge Studies in Cultural History, 2019.

Viola, 2000 - *Viola L. (*2000). The Role of the OGPU in Dekulakization, Mass Deportations and Special Resettlement in 1930, The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. University of Pittsburgh, 2000. No.1406.

Zemskov, 2000 - *Zemskov V.N.* (2000). "Kulatskaja ssilka" v 1930-e gody: chislennoct, naselenie, sostav ["Kulak exile" in the 1930s: size, population, composition]. Glava XIII. V kn.: "Naselenie Rossii". Vol 1. Moscow, 2000 [in Russ.].

Zemskov, 2001 - *Zemskov V.N.* (2001). Deportatsii naselenia. Spezposelentsi I ssilnie [Deportation of the population. Special settlers and exiles. Prisoners]. Glava IX. In.: «Naselenie Rossii". Vol 2. Moscow, 2001.

МРНТИ 03.20.00

РОЛЬ ПРОЕКТНОГО ОФИСА ГОСКОМИССИИ И ПОДКОМИССИИ ПО МЕТОДОЛОГИИ В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПО НАУЧНО-ПРАВОВОМУ ИЗУЧЕНИЮ, ОЦЕНКЕ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ, А ТАКЖЕ В ПОЛНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИХ ЖЕРТВ

Абайдельдинов Ербол Мусинович[1]

[1]доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, руководитель группы ученых-юристов по фундаментальному научно-теоретическому изучению и обоснованию выводов Госкомиссии в советский период и организации процессов их реабилитации, https://orcid.org/0000-0002-2267-2540, abaideldinov_yem@enu.kz

Аннотация. В статье представлены некоторые, основные итоги и перспективные направления масштабной, разносторонней деятельности членов Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (далее – Госкомиссия), ученых-юристов исследовательских групп, Региональных комиссий, Проектного офиса, Подкомиссии по методологии, а также методологической, научной и организационной деятельности кандидата юридических наук, президента республиканского общественного фонда «Қаһармандар», Заслуженного деятеля Республики Казахстан Сабыра Ахметжановича Касымова.

Госкомиссия провела масштабную, разностороннюю и исторически значимую работу. На данном этапе (2026 год) данная работа продолжается в рамках Программно-целевого финансирования «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации», выполняемого РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова» КН МОН РК и Проектным офисом.

Статья подготовлена в соответствии с Календарным планом Программно-целевого финансирования.

Ключевые слова. Госкомиссия, Проектный офис, Подкомиссия по методологии, права человека, методология, политические репрессии, реабилитация, закон.

Благодарность. Статья подготовлена в соответствии с планом реализации фундаментального научного проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «ИРН: BR24993057 фундаментальные исследования основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

ҒТАХР 03.20.00

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖАППАЙ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІНДІ ҒЫЛЫМИ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТҰРҒЫДАН ЗЕРТТЕУ, БАҒАЛАУ ЖӘНЕ ҚҰРБАНДАРДЫ ТОЛЫҚ АҚТАУ БОЙЫНША ЖАҢА ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ӘДІСНАМАНЫ ӘЗІРЛЕУ ЖӘНЕ ІСКЕ АСЫРУДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК КОМИССИЯНЫҢ ЖОБАЛЫҚ КЕҢСЕСІ МЕН ӘДІСНАМА ЖӨНІНДЕГІ КІШІ КОМИССИЯНЫҢ РӨЛІ

Абайделдинов Ербол Мусинұлы[1]

[1]заң ғылымдарының докторы, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университетінің Халықаралық құқық кафедрасының профессоры, Мемлекеттік комиссияның кеңестік кезеңдегі қорытындыларын іргелі ғылыми-теориялық зерттеу және негіздеу және оларды оңалту процестерін ұйымдастыру жөніндегі заңгер ғалымдар тобының жетекшісі, https://orcid.org/0000-0002-2267-2540, abaideldinov_yem@enu.kz

Аңдатпа. Мақалада Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия (бұдан әрі – Мемкомиссия) мүшелерінің, зерттеу топтары заңгер-ғалымдарының, Өңірлік комиссиялардың, Жобалық кеңсенің, Әдіснамалық кіші комиссияның ауқымды, жан-жақты қызметінің кейбір негізгі қорытындылары мен басым бағыттары, сондай-ақ заң ғылымдарының кандидаты, «Қаһармандар» республикалық қоғамдық қорының президенті, Қазақстан Республикасының Еңбек сіңірген қайраткері Сабыр Ахметжанұлы Қасымовтың әдіснамалық, ғылыми және ұйымдастырушылық қызметі баяндалған.

Мемлекеттік комиссия ауқымды, жан-жақты және тарихи маңызды жұмыс атқарды. Қазіргі кезеңде (2026 жыл) бұл жұмыс ҚР БҒМ ҒК «Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты» ШЖҚ РМК және Жобалық кеңсе орындайтын «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандары мен зардап шеккендердің негізгі санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру аясында жалғасуда.

Кілт сөздер: Мемлекеттік комиссия, Жобалық кеңсе, Әдіснама жөніндегі кіші комиссия, адам құқықтары, әдіснама, саяси қуғын-сүргін, ақтау, заң.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандары мен зардап шеккендердің негізгі санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері (IRN: BR24993057)» іргелі ғылыми жобасын іске асыру жоспарына сәйкес дайындалды.

IRSTI 03.20.00

THE ROLE OF THE PROJECT OFFICE OF THE STATE COMMISSION AND THE SUBCOMMISSION ACCORDING TO THE METHODOLOGY, IN THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF A NEW KAZAKH METHODOLOGY FOR THE SCIENTIFIC AND LEGAL STUDY, ASSESSMENT OF MASS POLITICAL REPRESSION IN KAZAKHSTAN, AS WELL AS IN THE FULL REHABILITATION OF THEIR VICTIMS

Erbol Abaydeldinov[1]

[1]Doctor of Law, Professor of the Department of International Law at the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Head of the group of legal scientists for the fundamental scientific and theoretical study and substantiation of the conclusions of the State Commission during the Soviet period and the organization of their rehabilitation processes, https://orcid.org/0000-0002-2267-2540, abaideldinov_yem@enu.kz

Abstract. The article presents some of the main results and promising areas of large–scale, diverse activities of members of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repression (hereinafter referred to as the State Commission), legal scholars of research groups, Regional Commissions, the Project Office, the Subcommittee on Methodology, as well as methodological, scientific and organizational activities of the Candidate of Law, President of the Republican Public Foundation « ich Kasimov.

The State Commission has carried out large-scale, versatile and historically significant work. At this stage (2026), this work continues within the framework of the Program-targeted financing "Fundamental research of the main basic categories and subcategories of vicKaharmandar», Honored Worker of the Republic of Kazakhstan Sabyr Akhmetzhanovtims of political repression in Kazakhstan and the processes of their complete rehabilitation", carried out by the RSE at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the Project Office.

Keywords: State Commission, Project Office, Subcommittee on Methodology, human Rights, methodology, political repression, rehabilitation, law.

Thanks. The article was prepared in accordance with the implementation plan of the fundamental scientific project of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «IRN: BR24993057 fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repressions in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation».

Указ Президента от 24 ноября 2020 года о создании Государственной комиссии по полной реабилитации жертв массовых политических репрессий[1] (далее – Указ Президента) стал беспрецедентным на территории СНГ и первым нормативным правовым актом независимого Казахстана, положившим начало полному, системному и междисциплинарному исследованию массовых политических репрессий 1920-1950-х гг. в Казахстане.

Результаты этой работы представлены в почти ста томах, которые содержат редкие, ранее засекреченные документальные данные и междисциплинарную аналитику периода репрессий. И это только предварительные итоги. Окончательные итоги исследований будут достигнуты еще нескоро.

Огромный объем работы, проведенной историками, архивистами, социологами, политологами, религиоведами и другими специалистами по поиску и систематизации документальных данных периода репрессий, требовал своего юридического анализа – как обобщающего, завершающего этапа в реализации Указа Президента – полной юридической и политической реабилитации жертв тоталитарного режима.

На первом этапе деятельности главной задачей Госкомиссии стало определение научно-методологических основ полной юридической и политической реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане, установление новых категорий жертв и пострадавших от репрессий, а также способы и методы реабилитации каждой категории жертв.

В целях обеспечения сопровождения деятельности Госкомиссии распоряжением Премьер-Министра Республики Казахстан от 14 января 2022 года был образован Проектный офис Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (далее – Проектный офис). Основными задачами Проектного офиса было определено «оказание содействия в организационной, координирующей и методологической работе деятельности Государственной комиссии, подкомиссий и рабочих групп, а также оказание организационно-консультативной помощи региональным комиссиям и их рабочим группам, обеспечение иных организационных мероприятий»[2].

Проектный офис возглавил С.А. Касымов. Его полномочия определялись как общими задачами Проектного офиса по обеспечению деятельности Госкомиссии, так и должностными обязанностями руководителя Проектного офиса:

- организовать работу и обеспечить своевременное и качественное выполнение задач и функций, возложенных на Проектный офис настоящим Положением;

---

[1] О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 года № 456 // http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456

[2] Об утверждении Положении о Проектном офисе Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий и его состава. Распоряжение Премьер-Министра Республики Казахстан от 14 января 2022 года № 10-р. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/R2200000010

- обеспечить государственный подход в выработке предложений, рекомендаций и заключений рабочих групп;

- координировать организационную работу региональных комиссий и др.

Для помощи и руководства в работе членам Госкомиссии, ученым рабочих групп Государственной и региональных комиссий Подкомиссия по методологии разработала:

- Общую методологию для работы Госкомиссии;

- Памятку (инструкцию) для работы региональных комиссий;

- Методологию по организации деятельности в региональных комиссиях по полной реабилитации жертв политических репрессий;

- оказывала региональным комиссиям постоянную организационную и методологическую помощь, проводила десятки общереспубликанских и кустовых (региональных) разъяснений, консультаций по текущим вопросам.

Методологической основой исследования политических репрессий в Казахстане являются принципы объективности, историзма, научности и системности.

В «Общей методологии» были намечены направления правовых исследований:

- проведение политико-правового анализа государственных нормативных актов в сфере репрессий:

- осуществление анализа конкретной практики реализации заложенных в них карательных и репрессивных целей, конкретных видов, форм и механизмов государственного преследования и репрессий казахстанцев;

- установление всех категорий жертв и пострадавших, их численность, отдельно по регионам и по видам репрессий.

В Общей методологии был сформулирован алгоритм исследований, состоящий из определения направлений исследований и конкретных вопросов, основанный на общенаучном диалектическом подходе, который, применительно к правовым исследованиям, включает в себя ряд следующих принципов:

- принцип правовой объективности (работа с конкретными политическими и нормативными актами, ставшими правовой основой репрессий, установленными фактами массовых политических репрессий; подлинными документами, значительная часть которых находилась в засекреченных архивах и др.);

- принцип выявления и анализа правовой нелегитимности и противоречивости нормативных актов большевистско-сталинской власти (выявление противоречий нормативных актов, что проявилось в превалировании и несоответствии подзаконных актов положениям Уголовных кодексов и даже нормам советских конституций; анализ противоречия политических решений нормам законодательных актов, выявление возможных альтернативных путей государственно-правового развития казахского народа в соответствии с прогрессивными и демократическими программами партии «Алаш» и правительства Алаш-Орда);

- принцип правового взаимодействия (изучение нормативных актов государства, естественного и международного права как комплекса норм, действующих на основе взаимосвязанности или разнонаправленности, многовариантности).

- принцип правовой целостности (определяет изучение всей системы государственно-правовых актов, норм естественного и международного права, действующих в условиях определенного государства).

- принцип правовой относительности (применяется в целях формулирования критериев отбора и оценок нормативной базы в определенный исторический период развития государства) и другие принципы.

Памятка (инструкция) для работы региональных комиссий представляет собой пошаговую инструкцию по работе на местах и содержит такие основополагающие положения, как:

«Члены Государственной и региональных комиссий, Подкомиссии и рабочих групп обязаны всегда стоять на государственной позиции, не допускать при оценке событий и фактов, а также деятельности исторических личностей, проявлений субъективизма, деления на национальности и землячество, жузы и роды.

Наши подходы и принципы к решению проблем реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане основаны на международных стандартах и ценностях, на нормах международного права.

Мы свободны от узкоклассовых подходов в оценке общественно-политических процессов в Казахстане. Мы свободны от колониально-тоталитарных политических, идеологических теории и практики.

Мы также свободны от политики и идеологии большевистско-сталинских доктрин. Мы будем восстанавливать события и факты, возрождать патриотизм и подвиги казахстанцев других национальностей и граждан других государств, внесших вклад в борьбе за свободу и независимость Казахстана, права и свободы человека.

Недопустимо политизировать как в целом эту тему, так и отдельные факты, какими бы трагическими они ни были, обвинять отдельные народы и государства. Народы и государства не виноваты, виновна большевистско-сталинская власть, проводившая антинародные политические кампании, создавшая специальные карательные органы и использовавшая их против собственного народа».

В последующих документах детализировались методологические подходы к изучению анализируемого периода.

В результате интенсивной работы, проведенной в кратчайшие сроки после принятия Указа Президента, Подкомиссия по методологии, в соответствии с международными стандартами и ценностями, в том числе, основываясь на естественных (данных от природы и рождения) и неотъемлемых политических правах человека и гражданина, разработала:

- методы и принципы изучения массовых политических репрессий большевистско-коммунистической власти;

- определила виды, особенности политических репрессий в Казахстане;

- критерии изучения и оценки каждой базовой категории жертв и пострадавших;

- выработала и предложила законодательно-правовые способы и механизмы их полной юридической, а по некоторым категориям – политической реабилитации.

В процессах разработки методологии, организации исследовательских работ Госкомиссии и региональных комиссий необходимо отметить особую роль Сабыра Ахметжановича Касымова, разработавшего новую казахстанскую методологию в сфере изучения массовых политических репрессий.

Это определяется следующими объективными факторами:

Во-первых, Сабыр Ахметжанович на протяжении 40 лет занимается изучением массовых политических репрессий советского периода в Казахстане. Был в составе 3-х парламентских, т.е. государственных комиссий по изучению именно политических репрессий и реабилитации их жертв. Накопил огромный эмпирический материал и научно-теоретическую базу.

Во-вторых, он явился инициатором создания Госкомиссии, что подтверждают имеющиеся документы и свидетельствуют участники процесса подготовки проекта Указа Президента.

В-третьих, он был и есть генератор, инициатор основных мероприятий деятельности Госкомиссии, а также ключевым звеном по преодолению всевозможных препятствий и непонимания со стороны отдельных чиновников и даже некоторых ученых.

В-четвертых, он одновременно возглавлял:

- Проектный офис Госкомиссии, учрежденный на ее первом заседании, создан как рабочий аппарат для обеспечения всей организационной, поисковой, научно-аналитической работы, т.е. занимался организацией всех аспектов повседневной деятельности рабочих групп Госкомиссии и региональных комиссий;

- Подкомиссию по методологии, созданную для разработки основных направлений, целей и принципов деятельности Госкомиссии, определявший предметы изучения и научные методы исследования Государственной и региональных комиссий.

Создание Подкомиссии по методологии было обусловлено целым рядом объективных причин, среди которых выделим две основные:

1. В работе Госкомиссии участвовало 425 ученых и экспертов, 261 из которых были наделены полномочиями для входа в закрытые архивные хранилища. В составе Региональных комиссий было задействовано 265 ученых, и во всех регионах страны в течение года была развернута работа в более чем 60 государственных и ведомственных архивах, в которых работники этих учреждений и волонтеры оказывали неоценимую помощь в исследованиях. Фактически в работе по реализации Указа Президента приняло участие более тысячи наших сограждан.

Весь этот представительный научный коллектив, состоящий из специалистов разных направлений наук: историки и юристы, политологи и социологи, антропологи и филологи, госслужащие и волонтеры – необходимо было организовать, направить его огромный поисковый, аналитический и управленческий потенциал в единое методологическое и организационное русло – в целях достижения конечной цели – полного исполнения Указа Президента.

2. В ходе реализации Указа Президента стали доступны для исследования новые, ранее засекреченные материалы по периоду массовых политических репрессий. Именно они составили документальную основу для новых выводов Госкомиссии и определения дальнейших научных исследований анализируемого периода.

Руководящими принципами деятельности Подкомиссии по методологии, которых она придерживалась в своей работе и требовала от членов научно-исследовательских рабочих групп всех уровней, были и остаются:

- всегда стоять на государственной позиции – работать во имя отстаивания интересов страны и единения народа;

- быть объективным в исследованиях и выводах – не допускать политизации, субъективизма при оценке событий и фактов анализируемого периода, роли и деятельности органов государственных структур и исторических деятелей;

- не обвинять другие страны и народы в бедствиях, принесенных тоталитарным режимом 1917-1991 годов.

Исходя из этих принципов, одним из главных научных выводов С.А. Касымова заключается в том, что подавляющее большинство казахстанцев подвергались репрессиям в результате антинародных и преступных актов партии большевиков, принимаемых в политическом Центре того времени для всего пространства СССР и продублированных в Казахстане.

На основе общенаучного диалектического подхода учеными-юристами Госкомиссии проведен анализ более чем 400 (четырехсот) актов тоталитарно-большевистского режима в сфере политических репрессий на соответствие правомерности/неправомерности:

а) нормам Конституции РСФСР, СССР, КАССР - КазССР, действовавшим тогда на территории КАССР и КазССР, Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам РСФСР и другим законам по защите прав и свобод граждан;

6) естественным и неотъемлемым политическим правам человека и гражданина. Естественные и неотъемлемые права человека понимаются как данные человеку от природы, по факту его рождения, а по смыслу Конституции Франции – Декларации прав человека и гражданина 1793 г. – это права, провозглашенные перед Верховным существом (данные Всевышним), которые не может исказить или отнять никакая земная власть;

в) веками сложившимся социально-экономическому укладу и образу жизни, обычному праву казахов, культурным, духовным интересам и правам,

менталитету, мировоззрению казахского народа, а также интересам представителей других народов, проживающих в Казахстане;

г) международным стандартам, нормам в сфере прав человека и гражданина, заложенным в международно-правовых актах;

д) политическим и идеологическим концепциям и программам государственного и общественного развития Казахстана движения партии «Алаш», возрожденному национальному государству Автономии Алаш и легитимно избранного Правительства Алаш-Орда;

е) общечеловеческим ценностям: добра и зла, нормам морали и нравственности, гуманизма и человечности.

Ученые и эксперты Госкомиссии осуществляли научно-правовой, квалификационный анализ с последующей формулировкой оценки с точки зрения материи и стандартов уголовного, уголовно-процессуального и административного права, а именно:

- наличие события преступления, состава преступления, умысла на совершение вмененного карательными органами конкретной жертве уголовного преследования, административного правонарушения, субъектности жертв и пострадавших;

- факты грубейших нарушений многих норм уголовно-процессуального права при привлечении жертв и пострадавших к различным формам и видам уголовного наказания и политических репрессий;

- всестороннее изучение в ходе анализа закрытых архивов уголовных дел на осужденных по статьям 58, 59 и по многим другим статьям УК РСФСР 1926 года, действовавшего на территории Казахстана, и внесение предложений по реабилитации невинных жертв государственного преследования и репрессий;

- изучение и оценка реализации в Казахстане вопиющего исторического примера, когда карательные структуры органов ЧК-ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ-МВД в нарушении конституции и законов, стандартов и норм международного права и человечности принимали самостоятельные решения об аресте, расстреле без следствия и суда, заключении в места лишения свободы так называемых «полуфеодалов» (середняков), мулл, ишанов и других зажиточных слоев аула и села, высылке членов их семей и родственников с мест проживания, отправке в места лишения свободы членов семей «врагов народа», о расстреле на месте «контрреволюционеров», участников народных восстаний и протестов, «социально опасных и антисоветских элементов» и так далее;

- всестороннее рассмотрение административных дел и материалов по видам и категориям жертв политических репрессий с последующим внесением предложений по их реабилитации и др.

В ходе проведения исследований был установлен принципиально важный вывод о том, что большевистско-сталинские конституции и законы были не правовыми, то есть они не соответствовали веками сформированных человечеством естественно-природных прав человека и гражданина. В то время реальные политические решения, формы и методы реализации этих решений, вопреки даже действующей конституции, кодексам и законам, принимали

руководители большевистско-сталинской власти, т.е. руководство РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, Облказревкома – Казкрайкома – ЦК Компартии Казахстана, а также руководители нижестоящих партийных, советских и силовых органов всех уровней.

В основе этих решений лежала «революционная целесообразность», или «революционная законность» – т.е. ничем не ограниченный произвол, самоуправство власти, признание верховенства интересов революции и пролетариата над законами. Это отношение новой власти к закону сформулировал Ленин, который считал, что «революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами»[3].

Другое отличие методологии С.А. Касымова от прежних подходов заключается в отказе от исключительно заявительного, индивидуального характера реабилитации, который ранее ограничивался отменой конкретных судебных и внесудебных решений. Он отмечает, что нельзя, как это было раньше до создания Госкомиссии, ограничиваться рамками дошедших до нас уголовных и административных дел, решениями «двоек», «троек» и других внесудебных органов. По ним можно реабилитировать только небольшую часть жертв сталинских репрессий. Подавляющее большинство казахстанцев подвергались репрессиям без оформления дел, люди официально не привлекались к уголовной или административной ответственности, не проходили судебные процедуры, зачастую вообще не имеется никаких процессуальных документов. Но их подвергали репрессиям: лишали политических прав, выселяли, отбирали имущество, осуждали на длительные сроки и приговаривали к смертной казни не по индивидуальным приговорам, а списками из десятков ни в чем не повинных людей.

На основе этих выводов был заявлен переход к реабилитации целых категорий жертв тоталитарного режима – это и есть один из основных видов политической реабилитации. Подкомиссия по методологии на основе ранее собранных материалов и подробных консультаций с учеными, занимающимися изучением политических репрессий 1920-1950 годов в Казахстане, определила десять основных (базовых) категорий жертв репрессий.

«Категории жертв репрессий» – это большая группа людей, отдельных сословий, даже народы, на которых была направлена репрессивная государственная политика и карательная машина большевистско-сталинской власти, которые подвергались различным видам политических репрессий.

Они названы базовыми, поскольку:

- во-первых, они однородные по социальному положению жертв и большие по их численности;

- во-вторых, каждая жертва или пострадавший при изучении и реабилитации подпадала в одну из этих групп, (или одновременно в несколько

[3] Ленин В.И., ПСС, 1967, Т. 37. – С. 235-331.

групп) по которой должна быть обеспечена полная юридическая и политическая реабилитация всех невинных жертв и пострадавших от репрессий.

В-третьих, и это главное для законопроектной деятельности. Согласно действующему Закону, реабилитация осуществляется судебными органами, по заявлению физических лиц. Однако данный порядок не соответствует современным задачам полной реабилитации жертв политических репрессий, в силу следующих причин:

- во-первых, на сегодня практически все жертвы репрессий 1920-50-х гг. уже ушли из жизни, и значительная их часть не оставила родственников или иных лиц, заинтересованных в их реабилитации, которые могут подать соответствующее заявление. Имена многих жертв и их потомков предстоит еще установить.

- Во-вторых, индивидуальное рассмотрение каждого дела в судебных органах перегрузит суды, тем более что значительная часть жертв репрессий была осуществлена внесудебными органами, львиная часть существующих уголовных дел фальсифицирована, либо на сегодня намерено уничтожена, дознание и следствие проводились с серьезными нарушениями норм законности – без составления каких-либо процессуальных документов.

И если по действующему закону установлен заявительный характер о реабилитации, то установление категорий жертв позволит реабилитировать целые группы лиц, десятками и сотнями тысяч совершенно безвинно, в неправовом порядке пострадавших по какому-либо социальному или политическому признаку: бай, кулак, священнослужитель, член любой небольшевисткой партии, участник спровоцированных властью народных восстаний и протестов, вынужденный беженец, борец за национальную свободу, независимость и территориальную целостность Казахстана и др.

Это будет соответствующим шагом доброй государственной воли суверенного демократического Казахстана – политическая реабилитация целых категорий жертв репрессий без заявления их потомков, но только в силу того, что эти жертвы были неправомерно, бесчеловечно, массово репрессированы тоталитарным государством в 1920-50-е годы по надуманным политическим мотивам.

По основным базовым категориям жертв были созданы 11 научно-исследовательских рабочих групп. Половина рабочих групп изучала массовые политические репрессии в аулах и селах Казахстана – т.е. в тех местах, где происходили наиболее варварский, не задокументированный произвол власти.

Ученые и эксперты Государственной и региональных комиссий по полной реабилитации жертв политических репрессий, на основе предметного изучения ранее закрытых фондов, а также материалов региональных архивов по политическим репрессиям установили, что борцы за свободу, территориальную целостность и независимость Казахстана также подвергались одновременно нескольким видам репрессий, и неоднократно. С.А. Касымов отмечает, что, во-первых, они преследовались как человек и гражданин, обладающие естественными и гражданскими правами; во-вторых, их подвергали репрессиям

как представителей, носителей и защитников интересов и прав казахского народа на его исторической Родине. Эта двойственная природа, двойственная суть и двойственная цель репрессий в отношении человека коренной и других национальностей, защищавших интересы и права казахского народа, до сих пор не учитывались, в том числе при разработке нормативных правовых актов.

Госкомиссия также считает, что подлежат государственной оценке и политической реабилитации жертвы политических репрессий тысячи фактов героизма, совершенного в борьбе за свободу и независимость Казахстана интернационалистов представителями русского, еврейского, татарского, узбекского, украинского, белорусского, уйгурского, киргизского и многих других народов Казахстана.

В-третьих, беспрецедентно и массово нарушались также и другие естественные и неотъемлемые политические и гражданские права казахстанцев. Это право защищаться от несправедливого и необоснованного обвинения, право избирать и быть избранным, право на справедливый суд, право казахского народа на самоопределение (вплоть до отделения), право жить на своей исторической Родине, право бороться за национальную свободу своего народа, право говорить и защищаться на родном языке, право защищать национальные интересы и права своего народа и т.д. Кроме того, массово нарушались нормы морали и человечности, коренным образом ломался образ жизни, традиции и ценности казахского народа, разрушались источники жизнеобеспечения.

В-четвертых, ученые и эксперты Госкомиссии проводили анализ принципов и методов работы, в целом правоприменительную практику органов ВЧК, ОГПУ, НКВД КГБ, милиции, прокуратуры, судов и внесудебных органов, которые системно попирали принятые и существующие тогда международные стандарты, и нормы, положения различных конвенций и соглашений.

В-пятых, ученые и эксперты Госкомиссии сравнивали, сопоставляли эти массовые нарушения прав казахстанцев и их последствия с общечеловеческими ценностями и международно-правовыми стандартами, нормами Конституции, уголовных кодексов и законов, принимавшимися самой большевистско-сталинской властью, нормы которых сплошь и рядом тоже нарушались. Решения коллегии, приказы, инструкции карательных органов, противоречащие этим высшим актам в правоприменительной практике, имели большую юридическую силу, применялись непосредственно. Поэтому говорить о конституционной законности, осуществлении справедливого правосудия и законности деятельности этих органов невозможно.

Правоприменительная практика того периода была за пределами этих понятий. В то время руководствовались такими понятиями, как «революционная целесообразность», «революционная законность», «классовый враг», «буржуазный националист», «социально опасный элемент» и так далее, которые стали идеологической и политической основой для огульных обвинений и репрессий. Уголовный кодекс РСФСР 1926 вместо слова «наказание» применял «облагороженный», а потому еще более зловещий термин «мера социальной защиты», и вместо слова «расстрел» – «высшая мера социальной защиты».

Деление общества на пролетариат, формально обладающий диктатурой в форме советской власти и классовых врагов («контрреволюционеров», «буржуазных националистов», «социально-опасных элементов» и т.д.) закономерным образом расставило границы между привилегированными членами общества и «неполноправными», несмотря на то, что все они являлись гражданами одного государства. Поэтому системные политические репрессии большевистско-сталинской власти были закреплены в первых советских Конституциях, где «неполноценные» граждане (даже члены их семей лишались неотъемлемых политических прав, гарантирующих их участие в государственном управлении, общественной, социально-экономической, культурной и т.д. жизни страны.

Установлено, что силовые органы большевистско-сталинской власти, с самого своего образования фактически ставшие карательными, вопреки конституционным положениям, а также установленным гарантиям в сфере прав человека, содержащихся в уголовных и уголовно-процессуальных кодексах, принципу разделения властей на законодательную, исполнительную, судебную, в своей деятельности руководствовались в основном политическими установками, ведомственными приказами, инструкциями, директивами, письмами, указаниями, исходящими из вышестоящих структур, т.е. акты, решения и инструкции карательных органов при проведении ими государственного преследования и политических репрессий казахстанцев, имели приоритет над Конституциями и законами.

В частности, в отношении так называемых «контрреволюционеров», крупных баев, кулаков и «баев-полуфеодалов», «антисоветчиков» и участников народных восстаний и протестов вместо унифицированной формы судопроизводства имел место специальный порядок революционных трибуналов, «двоек», «троек», «особых совещаний» и других внесудебных органов. Эти внесудебные органы обладали исключительными полномочиями по преследованию всех неугодных власти физических лиц, партий, классов и т.д.

В результате проведенных научно-правовых экспертиз, всестороннего изучения нормативных актов анализируемого периода, учитывая масштабы репрессий от их реализации, бесчеловечность, которым подверглось почти все население Казахстана, Госкомиссия пришла к выводу, что принятые государственные акты были неправовыми, заявленные ценности и права человека – декларативными, акции большевистско-сталинской власти по репрессированию многочисленных слоев населения и целых народов, их системная реализация – антинародными, антигуманными и преступными. К таким нормативным актам можно отнести: Конституция РСФСР от 10 июля 1918 г., Конституция СССР от 31 января 1924 г., Конституция РСФСР от 11 мая 1925 г., Конституция КАССР от 18 февраля 1926 г., Конституция СССР от 5 декабря 1936 г., Постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О красном терроре», 5 сентября 1918 года, Постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О борьбе с бандитизмом», 19 февраля 1920 года, Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., Постановление Президиума Всероссийского ЦИК «О лишении

права на землепользование и проживание в местах постоянного жительства крупных баев и скотопромышленников с семьями и конфискации их имущества», 14 марта 1928 г., Постановления ЦК ВКП(б) «О конфискации хозяйств и высылке наиболее крупных скотоводов», 9 августа 1928 г., Постановление Бюро Казакского Краевого Комитета ВКП(б) «По вопросу о мероприятиях по борьбе с байством, активно выступающим против конфискации», 12 сентября 1928 г., Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» 30 января 1930 г. и др.

Другим достижением научно-правовых исследований репрессивных нормативных актов стало определение их нелегитимного характера с позиции принципа разделения властей и иерархической композиции. Углубленное познание процесса принятия репрессивных нормативных актов позволило прийти к выводу о том, что эти акты являлись решением известной группы руководителей коммунистической партии, по сути, узурпировавших власть вопреки формально закрепленному на тот момент конституционному строю советского государства. Засекреченные нормативные акты партийно-советских и карательных органов, ставшие основой для массовых репрессий, нарушали естественные права и свободы человека, данные ему от рождения, требования конституционных норм, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законов.

Таким образом, посредством научно-правового исследования репрессивных нормативных актов была установлена их юридическая нелегитимность, антиконституционность, незаконность, и, следовательно, ученые и эксперты Госкомиссии приходят к выводу о том, что репрессированные по политическим мотивам казахстанцы являются жертвами как от незаконной деятельности партийных и силовых, карательных органов, основанных на антиправовых, нелигитимно принятых актах и бесконтрольном самоуправстве.

Особо следует отметить, что с самого начала работы Госкомиссии предметом ее изучения стал человек, его права и интересы, его взаимодействие с государством и обществом в анализируемый период. В связи с чем, разработанная методология, подходы и принципы, траектория исследований – это междисциплинарный исторический, политический, правовой и культурный антропологический анализ собранных Государственной и региональными комиссиями, а также вновь рассекреченных секретных материалов по массовым политическим репрессиям, фундаментальное изучение основного предмета исследований – человека. Его судьба, политические, социальные и юридические права, соблюдение/несоблюдение государством его естественных и неотъемлемых прав человека и гражданина стали главным объектом и предметом деятельности Госкомиссии.

В целом, комплексное и междисциплинарное применение методов различных отраслей антропологических наук в ходе изучения собранных Государственной и региональными комиссиями материалов позволили ученым и экспертам впервые сделать ряд фундаментальных научных выводов, которые

при отдельном их изучении не были бы осуществимы. Эти выводы изложены в различных разделах Итогового заключения Госкомиссии, а также в аналитических статьях и сборниках.

Подкомиссия по методологии анализировала, какие естественные и неотъемлемые политические права человека и гражданина, целых групп и сословий населения, даже целых народов в ходе проведения названных акций, системно нарушались. В частности, ученые и эксперты Госкомиссии пришли к выводу, что при проведении Казкрайкомом (Ф. Голощекиным и его командой) и карательными органами своих политических кампаний в аулах и селах беспредельно и беспрецедентно нарушались естественные права человека и гражданина. Это права на жизнь, право на свободу, право на неприкосновенность, право на свободу передвижения, право добывать себе источники пропитания, право и обязанность заботиться и защищать своих малолетних детей и т.д. Эти права, согласно общечеловеческим ценностям и международно-правовым нормам являются естественными и незыблемыми, то есть не должны нарушаться ни при каких условиях.

Все прогнозные ожидания научно-исследовательских групп по базовым категориям жертв политических репрессий, которые были определены совместными выводами ученых, нашли свое подтверждение в ходе проведенных исследований. По каждой категории были установлены десятки тысяч, а по многим категориям – сотни тысяч жертв и пострадавших от репрессий.

Только по категории баев, кулаков, середняков, шаруа учеными и экспертами Госкомиссии, и региональными комиссиями было установлено 801 752 человека жертв и пострадавших от конфискации, большая часть которых до сих пор не реабилитированы. Именно не реабилитированы пострадавшие и жертвы от конфискации имущества как формы государственного грабежа и самостоятельного виды репрессий.

От конфискации имущества страдали все члены семьи, поскольку лишались своей доли собственности и средств на существование, выселялись и лишались гражданских и других прав. За период с 1928 по 1936 гг. по актам партийно-советских органов конфисковано 161 777 хозяйств, выселено вместе с семьями с мест проживания – 776 631 человек. В 1937-1938 гг. при повторных репрессиях баев, кулаков, баев-полуфеодалов, середняков было осуждено 25 121 человек с конфискацией имущества.

Анализ уголовного законодательства, действующего в то время на территории Казахстана, показал, что в 78 из 147 статей Особенной части УК РСФСР 1926 г., конфискация имущества применялась как самостоятельный вид уголовного наказания - репрессии. Это отдельно от массовой конфискации по неправовым партийно-советским актам и компаниям.

По категории жертв насильственной коллективизации, заготовительных и других насильственных кампаний в отношении крестьянства Госкомиссией установлено количество жертв репрессий и пострадавших около 1,9 млн. человек. Госкомиссия установила, что в ходе насильственной седентаризации (оседания) в период с 1930 по 1937 гг. число пострадавших составило 338 700

казахских хозяйств или 1 693 500 человек. Учеными и экспертами Госкомиссии установлено число расстрелянных без суда и следствия в 1928-1933 гг. во время насильственных коллективизации, оседания (седентаризации), конфискации, а также подавления народных восстании и протестов, и заготовительных кампаний - 25 558 человек, имущество которых также подверглось конфискации и обобществлению и которые подлежат безусловной полной реабилитации.

По категории казахстанских беженцев, учеными и экспертами Госкомиссии на основе архивных документов, в том числе рассекреченных в 2021-2023 годах, установлено, вынужденных беженцев более 1,8 млн. чел., при этом эмиграционные потери составили 200 тыс. человек.

По категории насильственно депортированных в Казахстан народов и спецпоселенцев, учеными и экспертами Госкомиссии установлено, что в 1936-1944 гг. в Казахстан было депортировано 1 053 525 человек. По инициативе работы Госкомиссии в рамках действующего законодательства было реабилитировано более 311 тыс. человек, лишь 30 %.

Провести окончательный расчет всех человеческих потерь пока не представляется возможным, поскольку все еще миллионы документов не рассекречены, либо находятся в других странах, либо просто уничтожены.

Следующей особенностью методологии С.А. Касымова является то, что, в отличие от ранее проводимых процессов реабилитации в бывшем СССР и в Казахстане, когда реабилитация проводилась «сверху», выборочно, то по новой казахстанской методологии изучение и выработка предложений для реабилитации жертв проводится «снизу», т.е. в центре исследований был человек, изучались документы и свидетельства о массовых репрессиях во всех регионах страны. И если раньше комиссии и рабочие группы создавались «наверху» - при Президиумах Верховного Совета СССР и КазССР, то по новой казахстанской методологии в каждой области и городах республиканского подчинения под председательством заместителей акимов регионов были созданы региональные комиссии, которые работали в едином режиме, на основе единых принципов и методов с Госкомиссией.

Проектным офисом и Подкомиссией по методологии разработаны и реализуются концепции:

- Концепция проекта Закона Республики Казахстан «О полной юридической реабилитации жертв и пострадавших от политических репрессий»
- Концепция проекта Закона Республики Казахстан «О политической реабилитации и статусе борцов за независимость Казахстана»;
- Концепция проекта Закона Республики Казахстан «О вынужденных беженцах из Казахстана»;
- Концепция возрождения подвигов борцов за свободу, независимость и территориальную целостность Казахстана;
- Концепция фундаментального исследования категорий жертв репрессий при реализации программы «Малый Октябрь в Казахстане»: цели. Методы. Трагические последствия. Процессы полной реабилитации жертв и пострадавших;

- Концепция оценки массовых политических репрессий в Казахстане в советский период и полной реабилитации их жертв;

- Концепция полной юридической и политической реабилитации жертв и пострадавших;

- Концепция отсутствия оснований сохранения «секретности» материалам по политическим репрессиям 1920-1950-х гг. и другие.

По представлению Проектного офиса и последовавшему протокольному поручению Госкомиссии от 7 апреля 2022 г. образованы рабочие группы по разработке законопроектов, терминологии, правовой оценке и экспертизе основных партийных государственных актов и документов, явившихся основанием для массовых политических репрессий.

Под руководством Сабыра Ахметжановича и академика Шерубая Курманбайулы ученые и эксперты составили новый Глоссарий, в котором дали подлинное определение терминам, использованным большевистско-сталинским режимом, его карательными органами при массовых политических репрессиях.

Распоряжением председателя Госкомиссии была создана рабочая группа по разработке законопроекта по полной реабилитации жертв политических репрессий во главе с известным ученым, доктором юридических наук, заслуженным деятелем Казахстана И.Ш. Борчашвили, которая изучила материалы Госкомиссии по разработке соответствующих законопроектов, в том числе вновь рассекреченные документы по вопросам политических репрессий, а также предложения рабочих групп Госкомиссии и региональных комиссий.

Рабочая группа пришла к выводу, что для полной юридической и политической реабилитации требуется разработка и принятие трех законопроектов.

Первый законопроект «О реабилитации жертв и пострадавших от политических репрессий» касается полной юридической реабилитации более 10 основных (базовых) категорий жертв и пострадавших от репрессий, не охваченных действующим законодательством, а также названных в законе, но не реабилитированных. Это в основном жертвы крестьянских репрессий при реализации насильственной программы «Малый Октябрь в Казахстане».

Второй законопроект «О политической реабилитации и статусе борцов за независимость Казахстана» исходит из необходимости политической реабилитации отдельных категорий жертв. Это ученые и творческие люди, пострадавшие за свои научные идеи, служители и защитники своих религиозных убеждений, борцы за национальную свободу, независимость и территориальную целостность Казахстана, и другие.

Для жертв этой категории простая отмена приговора, то есть юридическая реабилитация, недостаточна. Тут требуется однозначная политическая реабилитация не только самих жертв, их прогрессивных идей, демократических программ, общественно-политической деятельности, фактов бескорыстного служения, патриотизма и подвигов во имя своего Отечества, а также целых категорий населения, виновных только в том, что они представляют не пролетариат, а другие классы и слои населения, и так далее.

Поскольку в данном случае имеет место самостоятельный блок правоотношений, отдельный предмет регулирования, отдельный правовой механизм реабилитации и увековечения памяти, то требуется и самостоятельный закон. Здесь субъектами (жертвами) являются не простые граждане, а личности, преследовавшие и защищавшие свои духовные ценности и плоды интеллектуального труда, национальную свободу казахского народа, независимость и территориальную целостность Казахстана.

Третий законопроект «О государственной поддержке переселенцев, вынужденно покинувших территорию Казахстан в годы политических репрессий», который разрабатывается учеными и экспертами Госкомиссии, касается более одного миллиона восемьсот тысяч казахстанцев, вынужденных беженцев и их потомков, проживающих ныне за пределами Казахстана.

По мнению ученых и экспертов Госкомиссии, принятие этих трех законопроектов создаваемого по новой Конституции Курултаем (парламентом) обеспечит исполнение поставленных Главой государства задач по полной реабилитации жертв политических репрессий.

В связи с разработкой законопроектов требует уточнения понятие «жертвы» репрессий. Международное право не различает понятия «жертвы» и «пострадавшие» от репрессий. Пример: в принятой 29 ноября 1985 года Генеральной Ассамблеей ООН «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью» термин «жертва» охватывает не только непосредственных жертв, но и их «близких родственников или иждивенцев, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию»[4].

Это понимание отличается от принятого в отечественной науке и в действующем законодательстве страны делении на «жертв» и «пострадавших» от репрессий. На деле «пострадавшие» являлись такими же жертвами, как и репрессированные. На наш взгляд, этот принципиальный момент надо учесть и при подготовке проектов новых законов в сфере реабилитации невиновных жертв репрессий.

Подтверждением того, что «жертвами», а не «пострадавшими», являются дети и близкие родственники репрессированных, служит Оперативный приказ Наркома НКВД СССР Н. Ежова №00486 «Об операции по репрессированию жен и размещении детей осужденных «изменников родины», г. Москва, 15 августа 1937 г.[5] (далее – Приказ). В соответствии с данным Приказом аресту подлежали «жены, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденным в

[4] Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml

[5] Оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова №00486 «Об операции по репрессированию жен и размещении детей осужденных «изменников родины». г. Москва, 15 августа 1937 г. Сов. Секретно.

момент его ареста. Аресту подлежат также и жены, хотя и состоявшие с осужденным, к моменту его ареста, в разводе, но:

а) причастные к контрреволюционной деятельности осужденного;

б) укрывавшие осужденного;

в) знавшие о контрреволюционной деятельности осужденного, но не сообщившие об этом соответствующим органам власти.

Дела на жен осужденных «изменников Родины» в соответствии с этим Приказом, рассматривал не суд, а внесудебный орган – «Особое совещание» при НКВД. Приказ также определял вместо Уголовного кодекса, что «Жены осужденных изменников Родины подлежат заключению в лагеря на сроки, в зависимости от степени социальной опасности, не менее как 5 – 8 лет.».

В соответствии с п. 29 Приказа, при производстве ареста жен осужденных дети у них изымаются и вместе с их личными документами (свидетельства о рождении, ученические документы), в сопровождении специально наряженных в состав группы, производящей арест, сотрудника или сотрудницы НКВД отвозятся:

а) дети до 3-летнего возраста – в детские дома и ясли Наркомздравов;

б) дети от 3-х до 15-летнего возраста – в приемно-распределительные пункты;

в) социально-опасные дети старше 15-летнего возраста – в специально предназначенные для них помещения».

Одним из малоизученных остается вопрос о так называемых «доносительствах». Отношение к этому явлению во многом определяет вопрос общенационального единства народа в настоящее время.

Ученые и эксперты Госкомиссии предлагают не считать доносами показания, заявления, выбитые карательными органами у людей, находящихся под арестом, различными способами психического и физического давления, длительными издевательствами, пытками, доводившими заключенных до беспамятства, а порой до смерти, полученные в нарушение всех норм даже сталинского законодательства.

Прокурор РСФСР (с 1928 г.) Николай Васильевич Крыленко (1885-1938 гг.), будучи на процессе «Пром-партии» государственным обвинителем, сказал (4 декабря 1930 г.): «Лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых»[6].

Изученные материалы уголовных дел, свидетельствуют, что эти так называемые «свидетельские показания», «доносы» зачастую писались самими оперативными работниками и следователями карательных органов в нужном для них содержании, затем подписывались против воли заключенных, а заявления писались под их же диктовку, доведенного до отчаяния физического изнеможения людьми, которые будучи в неадекватном состоянии, писали, что им диктуют и подписывались, оговаривая себя и других.

Поэтому, ученые и эксперты Госкомиссии предлагают всех заключенных, у которых для получения необходимых показаний, для обвинения других, подвергали

[6] Царица доказательств // https://bibliotekar.ru/encSlov/22/1.htm

психическому и физическому насилию, считать отдельной категорией жертв политических репрессий сталинизма и признать, что их свидетельские заявления, сообщаемые ими сведения являются недействительными, т.е. не имеющими никакой доказательственной силы. Соответственно, их «авторы» не могут быть «доносчиками» на других и на себя. Наиболее острым и наименее изученным на сегодня остаются особенности проведения, нормативное сопровождение и последствия политики «Малого октября в Казахстане». Руководитель Проектного офиса С.А. Касымов неоднократно отмечал в своих трудах и выступлениях, что, если для всего СССР самыми страшными были 1936-37 расстрельные годы, то для Казахстана еще более масштабным и трагичным потрясением было проведение политики «Малого октября в Казахстане» в 1925-33 годы, во время пребывания Ф. Голощекина руководителем республики.

Сразу после своего прихода Ф. Голощекин заявил, что советской власти в ауле нет, а есть господство бая, алашординцев, мулл и т.д.: «Я утверждаю, что в нашем ауле нужно пройтись «Малым Октябрем». Экономические условия в ауле надо изменить. Нужно помочь бедноте в классовой борьбе против бая, и, если это гражданская война, мы за неё»[7].

Беспощадная война государства со всей мощью: армией, правоохранительными органами, ставшими фактически по преимуществу карательными, против собственного народа, уничтожение наиболее продвинутой части населения, новый «Красный террор», жестокие репрессии – предопределили судьбу многих народов СССР, в том числе и казахского народа, на многие годы.

Госкомиссия на основе вновь рассекреченных материалов комплексно исследовала подлинные причины и обстоятельства, приведшие к небывалой трагедии – Ашаршылық – гибели половины нашего народа. Госкомиссия, всесторонне изучив дополнительно собранные материалы, сделала научно-исторический вывод, что самым «Большим террором» в Казахстане являлась насильственная реализация антинародной программы «Малый Октябрь в Казахстане», сопровождавшиеся массовыми политическими репрессиями. Большевистско-сталинская власть, их ставленники в Казахской Республике своими последовательными, как они заявляли «революционными» акциями, не только сломали веками сложившийся уклад и образ жизни, но и лишили казахское население основного источника (скота) жизнеобеспечения, поставив целый народ на вымирание от искусственно созданного голода. Это подтверждается документально. К примеру, «В спецсообщении» от 25 октября 1933 г. Каруцкий (руководитель ОГПУ по Казахстану) сообщал на Лубянку, что если в 1929 г. в Казахстане насчитывалось 40,3 млн голов скота, то в 1930-м — 24,6 млн, в 1931-м — 10,6 млн, в 1932-м — 5,5 млн, а к осени 1933-го — всего 3,7 млн голов. В целом сокращение поголовья составило 91 %, а по кочевым и полукочевым районам — до

[7] Общественно-политическая и культурная жизнь Казахстана в 20-30-е годы XX века // https://e-history.kz/media/scorm/415/text/text.htm

95 %. До самого начала войны восстановить даже половину заготовок 1928 г. животноводству Казахстана не удалось[8].

Этот период репрессий до настоящего времени остается наименее изученным, не получившим должную правовую оценку.

Однако в начале 1990-х годов, когда начался процесс объективно изучения и осмысления советского прошлого, был принят Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», в частности его статья 2, в которой прямо отмечено, что в отношении репрессированных народов советская власть проводила политику геноцида: «Статья 2. Репрессированными признаются народы …, в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения.»[9]. Эта статья имеет прямое отношение не только к депортированным народам, но и к народам, входящих в качестве автономных республик в состав РСФСР, живущим на своей исконной территории и подвергшимся всем ужасам политики клеветы и геноцида. Одним из таких народов стал казахский народ.

Созданная 12 ноября 1991 г. Комиссия Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению актов советской власти, ставших основой беспрецедентно трагических событий в Казахстане в конце 1920-х – начале 1930-х годов под руководством академика М.К. Козыбаева, и Секретаря Комиссии С.А. Касымова, с участием ученых, деятелей и руководителей правоохранительных органов. Комиссия работала до ноября 1992 года и в Заключении отметила: «… Казахстан стал гигантским полигоном для проведения антигуманного социального эксперимента. Здесь была предпринята преступная реализация ортодоксального постулата о «возможности перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм», что закончилось разрушением традиционных систем жизнеобеспеченности этносов Казахстана и, в конечном счете, привело к беспрецедентной в истории катастрофе. Масштабы трагедии были столь чудовищны, что мы с полной моральной ответственностью можем обозначить её как проявление политики геноцида. Такая констатация вытекает из норм международного права, зафиксированных в международной конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»[10].

Известный ученый-историк, профессор Талас Омарбеков, анализируя трагедию, которая произошла в Казахстане в конце 20-х–начале 30-х годов XX века, отмечает: «…Учитывая, что в этот тяжелый период в основном погибло

---

[8] Тепляков А.Г. Опричники Сталина «пламенные революционеры» или «полк сатанинский»? - ГАНО. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 2474. Л. 1–8; Левые эсеры и ВЧК. Казань, 1996. – С. 386.

[9] Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. N 1107-I «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями) // https://base.garant.ru/10200365/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/

[10] Текст Заключения комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению нормативных правовых актов, приведших к голоду во время коллективизации // https://sng1lib.org/book/3224984/a5e99e?regionChanged=&redirect=218705027

казахское крестьянство, можно определить эту политику большевиков как «Казахцид»[11].

Более полные, достоверные данные человеческих потерь того времени еще устанавливаются, и нам предстоит совместно определить термин, ярко и точно, доступно для мирового сообщества характеризующий самую трагическую страницу в истории казахского народа XX века.

И в заключение. В научной литературе есть мнение, что народам, пострадавшим от репрессий, нанесена «коллективная травма»[12], которая передается из поколения в поколение. На самом деле это не совсем так. Халқымыздың мақалы «Елу жылда – ел жаңа» подтверждается и на практике. Ровно через 50 лет после Ашаршылыка и расстрельных 1936-37 годов в декабре 1986 года Желтоксановцы заявили о возрождении нашего народа, о новом этапе его самоопределения. Нет никакой коллективной травмы. Есть героический народ с тысячелетней историей.

Желтоксановцы на деле доказали верность выражения: «Нас хотели похоронить, но мы оказались семенами».

Нам не надо ждать, когда пройдет 100 лет со времени совершения подвига Желтоксановцев. Государству нужно отдать должное им сейчас.

И над этим также работает Сабыр Ахметжанович.

В связи с предстоящим полным рассекречиванием архивов будут изданы новые десятки томов материалов. Однако, как подчеркивает Сабыр Ахметжанович, в Казахстане до настоящего времени ни одно научное учреждение, ни один ВУЗ изучением реабилитации жертв массовых политических репрессий системно не занимаются. В связи с этим стоит актуальная задача создания такого центра и дальнейшее изучение темы политических репрессий, достижение полной реабилитации всех неправомерно репрессированных жертв.

Источники и литература:

О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 года № 456 // http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456

Об утверждении Положении о Проектном офисе Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий и его состава. Распоряжение Премьер-Министра Республики Казахстан от 14 января 2022 года № 10-р. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/R2200000010

Ленин В.И., ПСС, 1967, Т. 37. – С. 235-331.

[11] Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930- 1933 гг.): хрестоматия. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – С. 5-6 (203 с.).

[12] Шеманова Н.А., Шеманов А.Ю. Сталинские репрессии как коллективная травма // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего / Сборник статей по итогам всероссийской научной конференции. / Под ред. В.Н. Сырова. 2018 С. 265-270; Солоед К.В. Психологические последствия репрессий 1917-1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе // https://psyjournal.ru/articles/psihologicheskie-posledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v-sudbah-otdelnyh-lyudey-i-v

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml

Оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова №00486 «Об операции по репрессированию жен и размещении детей осужденных «изменников родины». г. Москва, 15 августа 1937 г. Сов. Секретно.

Царица доказательств // https://bibliotekar.ru/encSlov/22/1.htm

Общественно-политическая и культурная жизнь Казахстана в 20-30-е годы XX века // https://e-history.kz/media/scorm/415/text/text.htm

Тепляков А.Г. Опричники Сталина «пламенные революционеры» или «полк сатанинский»? - ГАНО. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 2474. Л. 1–8; Левые эсеры и ВЧК. Казань, 1996. – С. 386.

Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. N 1107-I «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями) // https://base.garant.ru/10200365/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/

Текст Заключения комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению нормативных правовых актов, приведших к голоду во время коллективизации // https://sng1lib.org/book/3224984/a5e99e?regionChanged=&redirect=218705027

Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930-1933 гг.): хрестоматия. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – С. 5-6 (203 с.).

Шеманова Н.А., Шеманов А.Ю. Сталинские репрессии как коллективная травма // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего / Сборник статей по итогам всероссийской научной конференции. / Под ред. В.Н. Сырова. 2018 С. 265-270; Солоед К.В. Психологические последствия репрессий 1917-1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе // https://psyjournal.ru/articles/psihologicheskie-posledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v-sudbah-otdelnyh-lyudey-i-v

References:

O Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskih repressij. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 24 noyabrya 2020 goda № 456 // http://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456

Ob utverzhdenii Polozhenii o Proektnom ofise Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskih repressij i ego sostava. Rasporyazhenie Prem'er-Ministra Respubliki Kazahstan ot 14 yanvarya 2022 goda № 10-r. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/R2200000010

Lenin V.I., PSS, 1967, T. 37. – S. 235-331.

Deklaraciya osnovnyh principov pravosudiya dlya zhertv prestuplenij i zloupotrebleniya vlast'yu. Prinyata rezolyuciej 40/34 General'noj Assamblei ot 29 noyabrya 1985 goda // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml

Operativnyj prikaz Narodnogo komissara vnutrennih del SSSR N. Ezhova №00486 «Ob operacii po repressirovaniyu zhen i razmeshchenii detej osuzhdennyh «izmennikov rodiny». g. Moskva, 15 avgusta 1937 g. Sov. Sekretno.

Carica dokazatel'stv // https://bibliotekar.ru/encSlov/22/1.htm

Obshchestvenno-politicheskaya i kul'turnaya zhizn' Kazahstana v 20-30-e gody XX veka // https://e-history.kz/media/scorm/415/text/text.htm

Teplyakov A.G. Oprichniki Stalina «plamennye revolyucionery» ili «polk sataninskij»? - GANO. F. P-2. Op. 6. D. 2474. L. 1–8; Levye esery i VCHK. Kazan', 1996. – S. 386.

Zakon RSFSR ot 26 aprelya 1991 g. N 1107-I «O reabilitacii repressirovannyh narodov» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // https://base.garant.ru/10200365/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/

Tekst Zaklyucheniya komissii Prezidiuma Verhovnogo Soveta Respubliki Kazahstan po izucheniyu normativnyh pravovyh aktov, privedshih k golodu vo vremya kollektivizacii // https://sng1lib.org/book/3224984/a5e99e?regionChanged=&redirect=218705027

Omarbekov T. Golodomor v Kazahstane: prichiny, masshtaby i itogi (1930-1933 gg.): hrestomatiya. – Almaty: Қazaқ universiteti, 2011. – S. 5-6 (203 s.).

SHemanova N.A., SHemanov A.YU. Stalinskie repressii kak kollektivnaya travma // Istoricheskaya pamyat': travmy proshlogo, protivorechiya nastoyashchego, perspektivy budushchego / Sbornik statej po itogam vserossijskoj nauchnoj konferencii. / Pod red. V.N. Syrova. 2018 S. 265-270; Soloed K.V. Psihologicheskie posledstviya repressij 1917-1953 godov v sud'bah otdel'nyh lyudej i v obshchestve // https://psyjournal.ru/articles/psihologicheskie-posledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v-sudbah-otdelnyh-lyudey-i-v

МРНТИ 03.20

ЖУСИПБЕК АЙМАУЫТОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

Гюльнар Кайроллиновна Муканова[2]

[1]Филиал Института Истории и этнологии имени Ч.Ч.Валиханова (11/5, пр. Кабанбай батыра, Астана, 010000, Казахстан), кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, e-mail: gulnar.mukanova1963@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9222-5893

Аннотация. Объект исследования – неординарная Личность, талантливый казахский драматург, прозаик, психолог, автор учебника, сценарист, публицист, редактор газет, педагог, сотрудник Наркомпроса, директор Педтехникума. Об Ж. Аймауытове (*в документах пишется и как Аймаутов*) в независимом Казахстане написаны статьи, выходят переиздания его книг. Цель исследования – показать, что менее всего современные читатели знают о периоде его работы в Ташкенте, в составе, Востказгосиздата, филиала /отделения КазГосИздата, в свое время созданного заботами А.Байтурсынова, С. Садвокасова в Оренбурге. Результаты изучения архивных документов - Жусипбек Аймауытов по сути стал «золотым мостом» между казахской литераторам и публиистами, переводчиками, прозаиками и поэтами республик Средней Азии. Благодаря Ж. Аймауытову, переводы на казахский язык классиков русской, европейской литературы А.Н. Букейханова, стихи Магжана широко распространялись в середине двадцатых годов через Восказгосиздат. На работу в системе Казнаркомпроса в свое время его пригласил лично Смагул Садвокасов, автор выражает надежду, что будут еще обнаружены свидетельства тесной связи между выдающимися сынами казахского народа в эпоху перемен.

Ключевые слова: Алаш, ВостКазГосиздат, Гимн, ЛИТО, пьесы, репрессии, Ташкент, литературнаый критик, увековечивание.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации» (регистрационный номер:ИРН: BR24993057).

ҒТАХР 03.20

ЖҮСІПБЕК АЙМАУЫТОВ ТОЛЫҚ ОҢАЛТУ АЯСЫНДА: ЖАҢА МҰРАҒАТТЫҚ ДЕРЕКТЕР

Гүлнар Қайроллақызы Мұқанова[1]

[1]Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының филиалы (11/5, Қабанбай батыр данғ., Астана, 010000, Қазақстан), тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, жетекші ғылыми қызметкер, https://orcid.org/0000-0002-9222-5893; gulnar.mukanova1963@gmail.com

Аңдатпа. Бұл зерттеудің нысанасы – ерекше тұлға, талантты қазақ драматургі, роман жазушысы, психолог, оқулық авторы, сценарийші, публицист, газет редакторы, педагог, Халық ағарту комиссариатының қызметкері және педагогикалық колледж директоры. Тәуелсіз Қазақстанда Жүсіпбек Аймауытов туралы мақалалар жазылды, кітаптары қайта басылды. Бұл зерттеудің мақсаты - қазіргі оқырмандардың оның Ташкенттегі, Орынборда А. Байтұрсынов пен С. Сәдуақасов негізін қалаған ШығысҚазМемБаспаның филиалы/кеңсесінің құрамындағы жұмыс жасаған кезеңіндегі Әлихан мен Мағжанға жірдем жасап, сын бөлімінде олардың шығармаларына жоғары баға бергенін дәлелдеу. Мұрағат құжаттарын зерттеу нәтижелері Жүсіпбек Аймауытовтың іс жүзінде қазақ жазушылары мен публицистері, аудармашылары, прозашылары және Орта Азия республикаларының ақындары арасындағы «алтын көпірге» айналғанын көрсетеді. Аймауытовтың арқасында 1920 жылдардың ортасында Ә.Н. Бөкейханов пен Мағжанның орыс және еуропалық әдебиет классиктерінің қазақ тіліндегі аудармалары Восказгосиздат арқылы кеңінен таратылды. Оны Смағұл Сәдуақасов Қазақ Халық Ағарту Комиссариатына жұмысқа жеке шақырған. Автор осы өзгеріс кезеңінде қазақ халқының осы көрнекті ұлдары арасындағы тығыз байланыстың одан әрі дәлелдері табылатынына үміт білдіреді.

Кілт сөздер: Алаш, ВостКазГосиздат, Әнұран, ХКК жанындағы Әдебиет және баспа ісі департаменті, пьесалар, қуғын-сүргін, Ташкент, әдеби сыншы, мәңгілік.

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» (жеке тіркеу нөмірі: ИРН: BR24993057).

IRSTI 03.20

ZHUSIPBEK AYMAUYTOV IN THE CONTEXT OF COMPLETE REHABILITATION: NEW ARCHIVAL FINDINGS

Gyulnar K. Mukanova[1]

[1]Branch of Valikhanov Institute of History and Ethnology (11/5, Kabanbai batyra pr., Astana, 014691. Kazakhstan), Candidate of Historical Sciences,

Professor, Leading researcher, https://orcid.org/0000-0002-9222-5893; gulnar.mukanova1963@gmail.com

Abstract. The subject of this study is an extraordinary figure, a talented Kazakh playwright, novelist, psychologist, textbook author, screenwriter, publicist, newspaper editor, educator, employee of the People's Commissariat of Education, and director of the Pedagogical College. Articles have been written about Zhusipbek Aimauytov in independent Kazakhstan, and his books have been reprinted. The purpose of this study is to demonstrate that modern readers know little about his period in Tashkent, as part of Vostkazgosizdat, a branch/office of KazGosIzdat, which was founded in Orenburg by A. Baitursynov and S. Sadvokasov. The results of the study of archival documents show that Zhusipbek Aimauytov essentially became a "golden bridge" between Kazakh writers and publicists, translators, prose writers, and poets of the Central Asian republics. Thanks to Zh. Aymauytov, Kazakh translations of classics of Russian and European literature by A.N. Bukeikhanov and Magzhan's poems were widely distributed in the mid-1920s through Voskazgosizdat. He was personally invited to work for the Kazakh People's Commissariat of Education by Smagul Sadvokasov. The author expresses hope that further evidence will be discovered of the close connection between these outstanding sons of the Kazakh people during this time of change.
Keywords: Alash, VostKazGosizdat, Anthem, Department of literature and publishing at SNK, plays, exile, Tashkent, literary critic, eternal life.
Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repression in Kazakhstan and the process of their full rehabilitation» (Registration number: ИРН: BR24993057).

Введение

Канун передислокации столицы Казахской республики из Оренбурга в Кызылорду (1925 год) ознаменовался активизацией национального интеллектуального ресурса. В лице творческой интеллигенции, все еще приверженной идеям Алаш, республиканская аудитория получила приток новых творений, от театральных пьес и постановок до глубоких философских поэтических произведений. Издательства принимали рукописи книг и сборников статей, чтобы порадовать земляков новинками, вышедшими из-под пера талантливых казахских писателей, поэтов, публицистов и переводчиков.

Как мы ранее информировали, в оренбургский период Казахской автономии, в создании первого Казахского государственного издательства участвовали такие государственные деятели, просветители, как Ахмет Байтурсынов и Смагул Садвокасов (Муканова, Байжуманова, 2022: 36-46).

Данное учреждение выполняло ответственную историческую миссию – печатать

первые документальные свидетельства Казахского правительства, декреты, переводы и проч. Как бывает в жизни, идеологические моменты старательно заслоняют и пытаются стереть из памяти ценные этапы истории государств и обществ; Казгосиздат имел свои ответвления, филиалы, выражаясь современными терминами. И один из таких филиалов располагался в Ташкенте, где к середине двадцатых годов XX века концентрировался цвет интеллигенции казахского и братских народов. Наше исследование раскрывает деятельность в ВостКазГосИздате выдающегося интеллектуала, неповторимого мастера слова, драматурга и на наш взгляд, первого казахского литературного критика Жусипбека Аймауытова. Данный аспект биографии Аймаутова нигде ранее не был освещен в приложении к культурному наследию Алаш и его лидера – Алихана Нурмухамедовича Букейханова, а также Гения тюркской словесности – Магжана Бекеновича Жумабаева.

Обсуждение

Творчество Ж. Аймауытова (1889-1930) по причине того, что он стал жертвой массовых политических репрессий, причем его расстреляли одним из первых, в 1930 году, словно деятель культуры, редактор, интеллигент, признанный драматург, педагог, представлял некую потенциальную опасность для страны Советов, многие десятилетия не исследовалось. Были сняты с постановок его замечательные пьесы.

После обретения Независимости, попытки реконструкции его биографии и наследия стали более ощутимыми, и в этом подспорьем оказалось то, что его дети, сын Бектур и дочь Муза однозначно свидетельствовали в пользу отца, как абсолютно незащищенного человека, полностью погруженного в творчество. Будучи в июне 2026 года в командировке в городе Павлодаре, автор этих строк посетила Музей Литературы и искусства имени Бухар жырау осознанно, именно для того, чтобы ознакомиться с единственной в республике экспозицией, посвященной земляку прииртышцев, Ж. Аймаутову. Здесь за стеклом хранятся личные вещи Аймаутова и членов его семьи, которые передала в Музей дочь Муза. В городе также есть памятник (в рост) Жусипбеку Аймауытову, установленный перед зданием Казахского музыкально-драматического театра

имени Ж. Аймаутова. Улицы имени Аймаутова ныне есть в центральных городах Астане, Алматы, Шымкенте, а также в Павлодаре, Кокшетау, Семее и Баянауле.

Были защищены в период Независимости кандидатские и докторские диссертация по творчеству Ж. Аймаутова. Приведем список авторов и темы:

– Құсанов Д.Ө. Жүсіпбек Аймауытовтың қоғамдық-саяси көзқарастары (автореферат, Алматы, 1995, 21 б.);

– Қуантаев Н.Қ. Жүсіпбек Аймауытұлының публицистикасы (автореферат, Алматы, 2000, 16 б.);

– Әбдікова Қ.Ж. Аймауытов романдарындағы тұлға концепциясы (автореферат, Алматы, 2001, 22 б.);

– Кәріпжанова Г.Т. Ж. Аймауытұлы прозасы тілінің көркемдік ерекшелігі (филология ғылымдарының кандидаты диссертациясы, 2004, 24 б.);

– Әбішева Ш. Жүсіпбек Аймауытов прозасында диалогті қолдану шеберлігі (филология ғылымдарының кандидаты диссертациясы, 2005, 27 б.);

– Досыбаева А.Б. Ж. Аймауытұлының шығармашылық шеберлігі (поэзиясы мен лирикалық прозасы негізінде) (филология ғылымдарының кандидаты диссертациясы, 2005, 20 б.).

Зейнулина А.Ф. Жүсіпбек Аймауытұлының қазақ романын қалыптастырудағы ролі (автореферат, Алматы, 1998, 22 б.);

Мұхамедханов Қ. – Абай мұрагерлері (Алматы, 2005, 328 б., Бес томдық шығармалар жинағы, том 4, Ж. Аймауытов шығармаларының зерттелуіне қатысты).

Однако, к большому сожалению, это вклад филологов, которые безусловно оценивают наследие Аймаутова через призму лингвистики, жанровых особенностей и стиля его произведений, что несколько заземляет высокую Личность. Историкам в этом плане важно занимать четкую позицию, в смысле реабилитации наследия Аймаутова, который является исторической фигурой первой трети XX века.

Материалы и методы

Обнаруженное нами в фондах Национального центра редких книг и рукописей (г. Астана) раритетное издание 1925 года (еще один экземпляр «Терме» хранится в Редком фонде Национальной библиотеки РК (г. Алматы), к сожалению, еще мало используется исследователями истории Казахстана советского периода. На наш взгляд, исторический фон составил значимую мотивацию для выхода в свет энциклопедического характера сборника «Терме». В его создании приняли участие выдающиеся казахские мастера слова, научные работники. В издании отражены достижения казахской культуры, плоды изучения истории биев и батыров, этнографии, языкознания, просвещения и педагогики на середину 1920-х годов.

Другой источник для реконструкции биографии Ж. Аймауытова – Гимн Алаш. Как активный член сообщества, Жусипбек искренне воспринял идеологию Алаш, на деле проводил решения правительства Алаш-Орды. Он останется в истории, создав исторический текст Гимна Алаш. Он также

редактировал газету «Сары арқа» в первой столице – городе Алаш (ныне Семей). Приведем здесь текст Гимна Алаш, поскольку данный источник из истории национальной борьбы за суверенитет, тоже был жертвой репрессий, на долгие годы забыт, и его создание не всегда связывается с именем Аймаутова:

Алаштың гимні

Сөзі – Жүсіпбек Аймауытұлы.
Әні – Міржақып Дулатұлы.

Арғы атам ер түрік,
Біз қазақ еліміз.
Самал тау, шалқар көл,
Сарыарқа жеріміз.
Сай сайлап, мал айдап
Сайрандап, иен жайлап,
Ерке өскен Арқаның
Еркесі серіміз.
Біз жүрген Алаштың
Шын кемеңгеріміз!
Егессек ел бермес
Еңіреген еріміз.
Бұғаудан босаған,
Біз долы арыстан.
Долданса болмайтын,

Жаңа дәу періміз!
Ат мінсек, жел болып,
Суылдап шабамыз.
«Лап!» десек ерленіп,
Дуылдап жанамыз.
Алаштың ақ туын
Қолға алып, ақырып,
«Алаш!» деп шапқанда,
Ер түрік ежелден
Оқ тескен етіміз!
Қаймығып еш жаудан,
Қайтпаған бетіміз.
Жаусын оқ, ақсын қан,
Шықсын жан, қорқу жоқ.
Алаштың жолында,
Жан қимақ – ниетіміз.
Біздерге сөз бе екен,
Жауыңның көп, азы!?

Өлсек хақ шаһитпіз
Өлтірсе біз қазы.
Жол болып жау шауып.
Сау қайтсақ боламыз,
Қазақтың шын ұлы,
Қаһарман сабазы!
Алаштың әруағы
Жебесін, қолдасын!
Ақсақал тілей гөр,
Сапарды оңдасын!
Жасаған жар болып,
Қазақтың еліне
Жасатсын, сақтасын
Алаштың ордасын!
Жауға ойран саламыз!

Наконец, нам удалось поработать в фондах Государственного Архива Павлодарской области (июнь 2026 г.), где были выявлены тематические документы в деле «Списки пьес и кино-картин, разрешенных и запрещенных Наркомпросом». В нем есть документ, направленный всем окрЛИТО и Кара-Калпакскому ОблЛИТО, Павлодарскому окрЛИТО в начале апреля 1929 года. Инспектор КазЛИТО Акдавлетов в сопроводительном письме пишет, что «к постановке в Казахстане разрешены только указанные в списке произведения киноиндустрии и пьесы.

Список был разослан в срочном порядке по местным органам ЛИТО, т.к. до того времени на местах не имели полного списка (ГА ПО. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 35). Таким образом, на апрель 1929 года цензурные ограничения были легализованы. И что характерно, в приведенном перечне, присутствует фамилия Аймауытова и разрешенные его пьесы на казахском языке: «Шернияз» (мелодрама), «Мансапқорлар» (бытовая драма из жизни волостных управителей), «Қанапия-Шарбану» (историческая драма из событий 1916 г.), «Слан-Қыз» (комедия), «Октябрь» (перевод с русского), «Рабиға» (комедия) (ГА ПО. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 36).

Следует отметить, что если Список разрешенных казахстанским ЛИТО пьес на казахском языке, куда вошли труды Ж. Аймауытова, датирован апрелем 1929 года, его получили в Павлодаре спустя несколько дней и приступили к реализации, то арест Ж. Аймауытова имел место в том же (!) 1929 году. То есть, находка архивного документа в ГАПО свидетельствует, пусть косвенно, о том, что арест Ж. Аймауытова был неожиданностью для многих, ничто не предвещало задержания, он был популярен как талантливый драматург. Все это дает повод к размышлению.

Историкам следует более тщательно изучать детали его задержания и предъявленных обвинений и насколько обвинения были обоснованы.

Результаты

Одно из ныне забытых издательств, а именно: восточное отделение Казахского государственного издательства (сокращенно – Востказгосиздат) в тот период располагалось в Ташкенте. Заведующим Востказгосиздатом в том же 1925 году был назначен ученый с медицинским образованием, исследователь истории и этнографии Халел Досмухамедов (Библиография, 2005: 77). Им издавался каталог-бюллетень с перечнем более 100 новых книг. К сожалению, о деятельности крупного казахского издательства в начале 1920 годов в Центральной Азии нет серьезных исследований; исключением можно считать подход к теме А. Халида (Khalid, 1994: 187-200). Интересное исследование идентификации центрально-азиатских авторов в Москве Катарины Хольт охватывает более поздний период 1935-1936 годов, на примере «канонизации» Лахути и Джамбула (Holt, Katharine, 2015: 213-238).

Желающим приобрести книги на казахском языке рекомендовалось обращаться по почтовому адресу: пересечение проспекта Коммунистов и Иканской улицы, дом 1-3, телеграфный Ташкент, Востказгосиздат (названия даны согласно инфраструктуры города Ташкент 1925 года). Интересно, что сотрудники данного учреждения получали экземпляры всех новых книг казахских авторов, вышедшие в других регионах, например, в Оренбурге, Москве и т.д. Такая услуга была удобной, к тому же каталоги имевшихся на складе новых книг высылались всем желающим бесплатно.

История Востказгосиздата – по большому счету, есть история казахской книги, история их доставки (логистики) в Центральную Азию в места компактного проживания казахского населения, из соседних регионов, а также история аннотирования новинок для массового читателя, владевшего казахским языком. Издательство незаслуженно забыто, тогда как оно изначально было создано, чтобы стать эпицентром национально-культурного просвещения и идентификации. Не случайно в составе Востказгосиздата трудились выдающиеся личности, благодаря которым в интегрированных сборниках излагались фрагменты новых книг, стихов, переводов, чтобы можно было ознакомиться с текущим положением, как тогда выражались, на литературном фронте.

С переездом в Ташкент Жусипбека Аймауытова, который устроился в редакцию газеты «Ак жол», в 1924 - 1926, заметно повысился тираж периодических изданий; Аймауытов сам обладал совершенным стилем драматурга и переводчика, вынашивал идею романа «Акбилек» о судьбе казахской девушки. Тандем Досмухамедов – Аймауытов в Востказгосиздате оказался успешным. Талантливая натура Жусипбека не могла пройти мимо жанра критического литературоведения, благодаря чему ныне известны достоинства переводов на казахский язык повести «Хаджи-Мурата» Л.Н. Толстого, «Песня Сокола» А.М. Пешкова-Горького, а также небольшие упущения в казахском переводе В. Короленко «Сон Макара».

Был ли замысел у Аймауытова таким образом донести до читателей замечательные творения своих соратников по Алаш, Алихана Букейханова и

Магжана Жумабаева, доподлинно неизвестно. Однако именно благодаря находчивости Жусипбека, который выбрал из множества других книг именно те, которые содержали переводы лидера нации Букейханова, который был практически под домашним арестом в Москве и публиковался исключительно под псевдонимами, и перевод Магжана Жумабаева, на которого обрушивалась лава незаслуженного шельмования под видом «разборов произведений», ташкентцы-казахи первыми таким образом знакомились с новыми переводами русской классики, при том, что качество переводов было образцовым. Да и чему удивляться: под переводами М. Горького, В. Короленко стояли подписи «Қыр баласы» (творческий псевдоним Алихана Букейханова) либо неповторимого Магжана Жумабаева.

Перо Магжана было легким, к авторскому тексту он относился бережно, тщательно подбирая казахские аналоги и абсолютно точно передавая смысл оригинала. В 1924 году, находясь в Москве, он сделал переводы повестей и рассказов Горького, которые вышли отдельной книгой большим тиражом в четыре тысячи экземпляров. Выходные данные; Максим Горький. «Сұңқар жыры». Аударушы: Жұмабаев Мағжан. Мәскеу, 1924. В книгу вошли такие переводы Магжана; как: «Сұңқар жыры», «Жұртын сүйген жүрек», «Ана», «Темірді жұмсатқан ана», «Хан мен ұлы» известных повестей русского классика и пролетарского трибуна Горького.

Его перевод «Песни Сокола» писателя Максима Горького (псевдоним А.М. Пешкова) заслужил похвалу Ж. Аймауытова, который высоко отозвался о магжановском переводе так: «Аударма ұғымды, сұлу жазылған. Тілінде кемдік жоқ». (Тәрбие, 1925: 134-136).

Интерес к истории написания Аймауытовым критических рецензий на переводы Алихана и Магжана у автора этих строк, возник не случайно. В Национальном Центре рукописей и редких книг (г. Астана) я изучала раритетное издание на арабской графике, которое более известно в сокращенном наименовании - «Терме». О нем встречаются редкие упоминания литературоведов Т. Какишева, С. Кирабаева и др. Дело в том, что этот любопытный сборник статей с довольно длинным названием «Тәрбие, білім, әдебиет жайындағы мақалалардан терме», увидел свет в 1925 году в Ташкенте, в Востказгосиздате. На обороте его также размещена реклама о том, что в Ташкенте в издательстве можно приобрести книги на казахском языке, вышедшие в городах Ташкент, Оренбург, Москва.

Название книги переводится условно как «Собрание статей по воспитанию, знанию и литературе». Содержание издания, имевшего научно-методическую направленность, привлекает своим разнообразием. В книге несколько разделов: воспитание (педагогика), знание (основы наук), художественная литература, народная литература (фольклор), критика. Издание было рассчитано на целевую аудиторию в лице учителей и учащихся казахских школ в Туркестане.

В разделе «Халық әдебиеті» книги опубликованы записи устных пересказов, произведенных в разных регионах республики. Такой раздел

создавался специально с целью популяризации мудрости казахских биев, народного юмора и, в сущности, национальной истории и казахского языка. Не случайно, в книге «Терме» за 1925 год сохранилась небольшая по объему запись устного народного наследия на тему «Сексеннің Тоқсанмен билікке таласқаны». Автор, записавший притчу и приславший ее в Ташкент – Ахмет Жанталы ұлы, или в русской транскрипции Жанталин, в других источниках встречается написание фамилии Жантелин. В середине 1920 годов Ахмет Жанталин активно сотрудничает с газетой «Ак жол» в качестве аульного собкора (собственного корреспондента), присылает заметки с мест. О нем известно как уроженце северного Казахстана, активном просветителе и деятеле Алаш, неоднократно подвергавшемся арестам при советской администрации. А. Жанталин один из тех просвещенных людей своего времени, обучавшийся в Троицке и затем, вернувшись домой, открывший одну из первых казахских аульных школ, по джадидской методике обучения, в Петропавловском уезде Акмолинской области (ныне Жамбылском районе Северо-Казахстанской области). Жанталин выписывал газеты и журналы на татарском (общетюркском) языке, издававшиеся в Оренбурге, Казани, Троице и сам писал заметки в указанные дореволюционные издания. Как человек передовых взглядов, с чувством справедливости, он вскоре стал защищать права земляков, в частности, в вопросах земельных владений, в период столыпинских переселений из центральных областей империи в Акмолинскую область, за что подвергался гонениям со стороны царской администрации. Фотография Жанталина опубликована в фотоальбоме «Алаш», составитель Мурсалимов. (Алашорда, 2012)

Притча начинается так: «Керей Жабай би дүниеден қайтқан соң, Тоқсан, Сексен екі баласы билігіне таласыпты». Если Сексен уповал на свой возраст, то Токсан дела акцент на обычай, согласно которому отцовское наследство должно переходить к младшему сыну. Так и не придя к согласию, они обратились к Кийкбай бию из рода Таз Керей. Кийкбай би подвергает братьев испытаниям, в одном из них побеждает Токсан. Далее Кийкбай би задает братьям вопрос: «Что больше, восемьдесят или семьдесят?» (Игра слов: имя «Тоқсан» означает «восемьдесят», а имя «Сексен» переводится как «семьдесят». Братья дружно отвечают, что восемьдесят больше, и Тогда Кийкбай би разъясняет, что их отец Жабай би уже при их рождении определил, кто наследует его имущество, то есть Тоқсан. Когда би объявляет свое решение, старший сын Жабая, обидевшись, призывает около 25 своих сарбазов и откочевывает в земли нагашы (родни по материнской линии), к батыру Бабыр из рода баганалы. Поскольку никто не решился догнать и убедить Сексена вернуться, за ним устремляется сам Кийкбай би с одним товарищем. Догнав кочевье, они дали о себе знать. Сексен обернулся, увидев их, вышел вперед и поздоровался с бием. Далее приводятся слова Кийкбай бия, обращенные к Сексену: толғау – рассуждения. Они построены на активизации чести Сексена, который уводил с собой сострадавших ему джигитов, не задумываясь о последствиях скороспелого поступка. Кийкбай би делает акцент на недалеком будущем, когда, по милости баганалинцев, быть

может первое время им будет предоставлен приют и пастбища, однако через короткое время Сексен вспомнит родные места и будет горевать: «Қайран өзім елім» деп, кейін батыр налыма!».

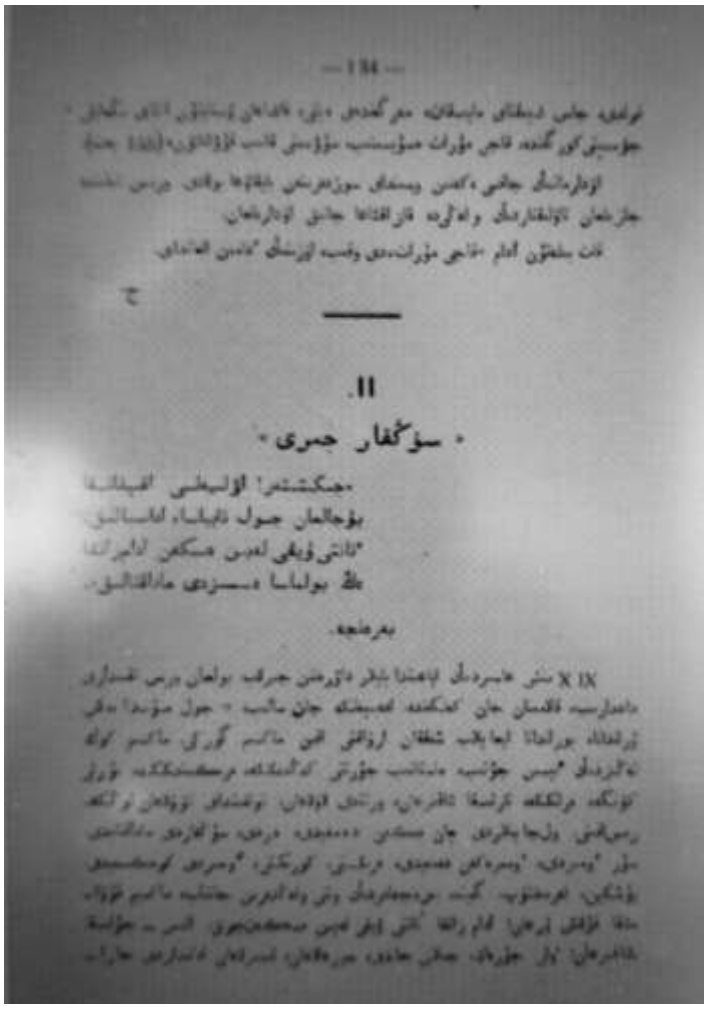
Затем он напоминает Сексен батыру народную пословицу «Жаттан сұлтан болғанша, өз елінде ұлтан бол» и советует прислушаться, остаться чтобы защищать сородичей в случае нападений врагов, иначе их ждет проклятие и несчастья. Высказавшись и выпив с коня поданную ему чашу кумыса, бий отправляется обратно. Сексен батыр, вняв его словам, погрузился в раздумья и принял решение вернуться, боясь проклятий родных. Такова полная версия легенды, которую со слов аксакалов записал Ахмет Жанталин. В притче упоминаются исторические личности, реальные участники событий.

Раздел «Сын бөлімі» полностью курировал педагог, драматург и писатель Жусипбек Аймауытов, который проявил неординарные способности редактора и критика. Как выше отмечалось, его предпочтения оказались интересны в историческом ракурсе; посредством критических очерков Аймауытова читатели узнавали о новых переводах, изданных в далекой Москве.

В исследуемом сборнике 1925 года, как уже выше отмечено, обнаружена критическая статья Ж. Аймауытова о новом переводе с русского на казахский язык прозы Л. Толстого «Хаджи-Мурат», основанной на реальных событиях на Кавказе. В произведении русского классика повествуется история борьбы (газавата) мусульманских народов Кавказа за независимость. Главным персонажем повести является Хаджи Мурат, в прошлом соратник имама Шамиля, перешедший на противоположную сторону. Судьба Хаджи-Мурата трагическая, и автор сумел передать драматизм происходившего, причем Толстой использует лексику чеченского народа, уважает их обычаи и традиции.

Перевод на казахский был осуществлен известным политическим и общественным деятелем Алиханом Букейхановым, который, как мы писали ранее, «...находясь в Москве, в сентябре 1923 года окончил перевод «Хаджи-Мурата» Толстого и издал его в следующем году. Книга «Кажы Мурат» на казахском языке, арабской графикой издания 1924 года хранится в Алматы, в фондах Национальной Библиотеки РК. Выходные данные книги доводят до читателей информацию, что тираж книги, вышедшей в типографии «Красный Восток», был немалый по тем временам и составил 4000 экземпляров. Автор перевода указал псевдоним «Қыр баласы», или «Сын степей».

Повесть «Хаджи-Мурат», вышедшая после кончины самого Толстого, насыщена этнографическими наблюдениями, русский писатель сумел передать особенности моральных устоев чеченского народа и мусульманской этики. Сюжет повести передает накал внутренней борьбы Хаджи-Мурата, писатель сочувствует герою и основной вывод в повести – о неприятии насилия. Толстой с пониманием относится к иной конфессии, традициям Кавказа.



Букейханову А.Н. импонировало творчество Л.Н. Толстого с точки зрения целесообразности использования морально-этических норм социального поведения, и выход его перевода не оставил равнодушным Жусипбека, ценившего драматургию произведений классика. В разделе «Жаңа шыққан кітаптар» («Новинки книг») очерк об этом переводе занимает несколько страниц и подкупает искренним восхищением критика качеством переложения русской речи на родную казахскую. Он особо останавливается на удачно подобранных Букейхановым соответствиях и указывает их постранично (Ж., 1925: 130-134).

Аймауытов вначале приводит выходные данные книги: «Орыстың данышпан жазушысы Толстой шығарған роман, аударушы Қыр баласы. Мәскеуде 1924 жылы басылған. Көптігі 90 қағаз (объем 90 страниц)». Затем он дает казахским читателям развернутую характеристику творчества и биографическую справку о М.Горьком, которая начинается такими словами: «Толстой – ақыл-ойдың, ақыңдықтың кеңі. Адам баласына бақ іздеп, адамгершілікке үндеген пайғамбар. Өмірін шындық көксеумен тауысқан...». Тем самым он подводит читателей к значимости автора и его произведения, которое изображает борьбу народов Кавказа против агрессоров. Подробный разбор замысла художника и сути его главного героя Хаджимурата занимает центральное место в очерке Ж.Аймауытова.

В конце рецензии Ж. Аймауытов вновь подчеркивает достоинства казахского перевода повести о жителях Кавказа и приводит в качестве доказательства своего позитивного мнения тот факт, что автор перевода («Қыр баласы») даже перевел песни кавказских народов на казахский язык, проявив мастерство в таком тонком деле. Каждый грамотный человек должен прочесть «Қажы Мұрата», резюмирует автор рецензии. Аймауытов восхищался как качеством исполненного А.Букейхановым перевода, так и смыслом самой повести Л.Толстого о борьбе горцев против колонизации, и это заметно в торжественности тона его критического очерка.

О высоком качестве другого перевода, а именно сделанного Магжаном произведения М. Горького «Песня Сокола», на страницах ташкентского издания 1925 года, сохранились такие строки Ж.Аймауытова: «Аударма ұғымды, сұлу жазылған. Тілінде кемдік жоқ», что в переводе звучит даже пафосно: «Перевод выполнен понятно и красиво. В языке его нет изъянов». (Тәрбие, 1925: 81). Аймауытов неизменно восхищался даром Магжана и ставил его, после Абая, первым из современных казахских прозаиков и поэтов.

Таким образом, в «Жинағы - Содержании» журнала в разделе «Сын бөлімі - Отдел критики» указаны следующие материалы: «Аударма туралы» (Ж-н), под этим идентифицируется сокращение от «Жакан», - известного псевдонима Ж. Аймауытова. Известно, что под этим псевдонимом (уменьшительное производное от своего имени) Жусипбек Аймауытов опубликовал в журнале «Әйел теңдігі» в 1927 году фрагмент своего романа «Ақбілек» (Жақан, 1927). Редактором журнала для женщин «Айел тендиги» была Сара Есова, которая высоко ценила творчество деятелей Алаш и регулярно публиковала труды Магжана Жумабаева, Жусипбека Аймауытова, Бейимбета Майлина (последний входил в состав редакции журнала).

Далее, после статьи Ж. Аймауытова, в разделе «Критика» в книге «Терме» следуют критические очерки на предмет текстового анализа трех переводов: «Қажы Мұрат», «Сұңқар жыры» и «Макар түсі» («Сон Макара»). Последний из переводов, рассказа В.Г.Короленко «Сон Макара», также принадлежал А.Букейханову. Жусипбек Аймауытов намеренно поставил его третьим, таким образом три перевода расположены логически грамотно: по убыванию сюжетной линии и качеству переложения.

Между выходом упомянутых переводов в московском издательстве (в 1923-1924 гг.) и публикацией на них критических очерков Ж. Аймауытова в «Терме» (1925 год) есть определенный временной отрезок; по-видимому, потребовалось время, чтобы книги поступили в Ташкент и стали доступны массовому читателю.

Почему же именно в 1925 году увидел свет сборник статей? Ответ на этот вопрос кроется в желании издать востребованные литературной элитой, хорошего качества материалы к 5-летнему юбилею Казахской республики. 1925 год занимает особое место в истории казахского народа: собственно, идентификация народа как «казахи», после официального возвращения исторического самоназвания в 1925 году, придала ощутимый импульс научным исследованиям народной культуры и языка, вопросов богатой истории и этнографии населяющих Казахстан народов.

У Ж. Аймауытова имелся опыт критического разбора произведений своих коллег по цеху. Несколькими годами ранее Жусипбек Аймауытов приступил к анализу неповторимого поэтического стиля Магжана Жумабаева. Не секрет, что в годы «Малого Октября в Казахстане» поэт подпадал под категорию тех, кого относили к лицам «чуждого социального происхождения». И то, что Ж. Аймауытов взялся за профессиональный анализ творчества М.Б. Жумабаева, в тех политических условиях, можно расценивать гражданским поступком.

Об этом блестящем и тонком погружении в поэзию Магжана ныне известно. В той статье под названием «Мағжанның ақындығы туралы» («О поэзии Магжана»), являющейся изложением лекции Жусипбека Аймауытова, прочитанной им в 1923 году перед студентами в Ташкенте, говорилось: «…Ақындық жүзінде Абайдан соңғы әдебиетке жаңа түр кіргізіп, соңына шәкірт ерткен, школ (мектеп) ашқан күшті ақын Мағжан екенінде дау жоқ» (Жүсіпбек, 1923). То есть, Аймауытов высоко оценивал творчество Магжана, признав его бесспорное лидерство в сфере поэзии, после Абая Кунанбаева. Он отмечает тот факт, что у Магжана есть последователи, иными словами, своя школа.

Как было выше отмечено, творчество и независимая позиция поэта Жумабаева начала раздражать завистников, статистов из КазАППа (Казахской Ассоциации Пролетарских писателей, созданной примерно в те же годы). Программа альтернативного направления «АЛҚА» была подготовлена М. Б. Жумабаевым в 1924 году и десятки ее экземпляров были распространены среди известных казахских деятелей культуры. Программу «Алка» поддержали первыми: А. Букейханов, А. Байтурсынов, Ж. Аймауытов, А. Байтасов, М. Ауэзов, С. Садвокасов, С. Кожанов, С. Донентаев и др. Это вызвало озлобление в партийных кругах и насторожило руководство Казкрайкома и ОГПУ.

Годом ранее, в 1923 году, еще до пика драматического разрешения сложившейся ситуации, будучи лектором, Ж. Аймаутов составил независимую, авторскую характеристику творений выдающегося казахского мастера Слова, Магжана. Эту характеристику он сознательно презентовал именно в молодежной аудитории. Не ограничившись этим, Аймаутов опубликовал обширный фрагмент той лекции в краевой печати, популярной молодежной газете «Лениншіл жас» (Лениншіл Жас. 1923. № 5), что лишний раз свидетельствует о его принципиальности: нападки на Магжана имели место и до создания им программы «Алқа», настолько философия его поэзии и словесная визуализация мироздания были оригинальны.

Надо отдать должное: Аймауытов никогда не отступался от своих высоких оценок поэзии Жумабаева и тем самым оставил завет – Аманат, - всем последующим поколениям. Тонкий психолог, он чутко расслышал в поэзии Магжана ноты неординарности, горчинки обиды за положение родного народа, и вместе с тем - бесконечную любовь к нему, уважение традиций и сакральных элементов в его прошлом. В протоколах допросов большинства деятелей Алаш и сочувствовавших, неизменно присутствуют вопросы следователей относительно Магжана Жумабаева и его программы «АЛҚА»; этот документ буквально стал триггером для развертывания маховика репрессий среди интеллигенции республики.

Для Ж. Аймауытова работа по популяризации трудов казахских коллег по писательскому цеху было обыденной работой. Известны заслуги Ж. Аймауытова в широкой популяризации жанра перевода, который стал формироваться в классическом виде в исследуемый период. Аймауытов разъяснял в своих статьях, как надо правильно делать переводы, обязательно указывать авторство

оригинала, уточнять, вольное переложение получилось либо - дословное, и иные тонкости данного вида писательского искусства. Безусловно, Аймауытов и в «Терме» проделал очень важную и серьезную работу. Он априори проанализировал оба текста, владея в совершенстве русским языком, сопоставляя переводы с оригиналами.

Нет сомнения, что в 1925 году, вынося на суд общественности произведения опальных деятелей Алаш и лидеров Алаш-Орды, Жусипбек Аймауытов морально поддержал своих соратников: Алихана Букейханова и Магжана Жумабаева, в то время как они, официально и негласно, подвергались обструкции. Потому даже имена их в отзывах Аймауытова не указаны; например, перевод А. Букейханова содержит только его псевдоним «Кыр баласы».

Искреннее желание оказать содействие людям, попавшим в трудную ситуацию, было вообще присуще Ж. Аймауытову как человеку. Он спешил на помощь соотечественникам и в период массового голода двадцатых годов. Ответственность, гражданское мужество его достойны уважения, как и присущий ему, безупречный профессионализм.

Совсем не случайно совпадение: именно в 1925 году лже-недоброжелатели составили донос, что вызвало первый арест Жусипбека. В тот раз его исключили из партии, но и далее не оставили в покое.

Заключение

1. Исследование выявило абсолютную причастность такой активной и неповторимой многогранной личности, как Жусипбек Аймауытов, ко всем прогрессивным реформам в казахстанской сфере культуры: театр, журналистика, поэзия и проза, граничившей с отраслями педагогики, профессионального обучения (педтехникум) и психологии, редакционно-издательского искусства.

2. Аймауытов, на наш взгляд, был безусловно камертоном эпохи, совестью элиты национальной интеллигенции. Все, что выходило из-под его пера, начинало жить собственной жизнью, очаровывать и вдохновлять, побуждать к творчеству и созиданию.

3. В данном контексте, сборник «Терме» во многом воспринимается выигрышно, ведь в нем есть профессионально подготовленный Аймауытовым раздел «Критика», в котором можно восхищаться жемчужинами мыслей Алихана, самого Жусипбека и Магжана. Читавшие сборник понимали уже тогда, насколько гармонична эта триада, воплощение гордости казахского народа.

4. За свою короткую жизнь Жусипбек Аймауытов успел создать и внедрить, помимо научных и методических трудов, публицистики, анализа сочинений современников, методику обучения на базе знаний психологии. И он был творцом театрального жанра, автором оригинальных пьес, ставил спектакли и даже успевал сам играть в них роли.

5. Прослеживается преемственность между решениями Первого научного съезда казахских учителей (июнь 1924 г., Оренбург), на котором присутствовали Ахмет Байтурсынов, Смагул Садвокасов, Халел Досмухамедов, Миржакып Дулатов и другие активисты Алаш, и - деятельностью ташкентской казахской диаспоры. На том историческом съезде поднимался вопрос о распространении казахских учебников и книг среди казахов, живущих вне пределов Казкрая (Муканова, 2014). Во исполнение резолюций памятного научно-методического съезда в Оренбурге (проведенного под эгидой лидеров Алаш) в следующем, 1925, году в Ташкенте казахскими патриотами была осуществлена большая работа на базе Востказгосиздата, с целью продвижения национальной культуры, языка, расширения читательской аудитории.

6. В эпицентре большой и нужной просветительской работы, проводившейся национальной интеллигенцией в Ташкенте и за его пределами, находился энергичный, яркий человек, большой патриот Аймауытов Ж. Однако активность «националов» была замечена, доносы шли в Москву, вызвав гнев «вождя народов» Сталина. Репрессивные меры не заставили себя ждать. Как известно, не случайно последовало письмо от имени Иосифа Виссарионовича, в Казкрайком, относительно газеты «Акжол». Рикошетом это обращение ударило по всем, кто в Ташкенте и Чимкенте имели отношение к творческой сфере, по авторам публикаций и, в целом, по лидерам мнения.

7. Репрессии в 1925 году набирали оборот, притом именно в сфере идеологической, и направлены они были на элиту национальной интеллигенции, редакторов и ведущих авторов. Пройдет еще четыре года до ареста ЖА. На должности директора Педтехникума в Чимкенте (ныне - г. Шымкент). Еще идут его пьесы, они официально разрешены. Никто из его окружения не ожидает скорой расправы над одним из самых одаренных, подававших большие надежды, творческом человеком.

8. Сто лет отделяют нас от той поры, однако не увядает мастерство и не горят рукописи патриотов Казахстана. Благодаря обретенному суверенитету, в Республике Казахстан все новые поколения имеют возможность узнавать биографии деятелей Алаш и учиться у них благородству, дружбе и верности, колоссальной работоспособности и жизненной стойкости. В Павлодаре ныне

есть Театр имени Ж. Аймаутова, перед которым установлен ему памятник, и в Музее Литературы и Искусства имени Бухар жырау установлена, пусть скромная по наполнению, тематическая экспозиция (на фото). В ней представлены личные вещи семьи Ж. Аймауытова, переданные несколько лет назад дочерью Аймауытова, Музой Жусипбековной.

9. Однако, если знать, что Ж. Аймауытов работал и в Кызылорде – тогдашней столице республики, и в Шымкенте, и в Ташкенте, где также необходимо увековечить его деятельность, как представителя Алаш интеллигенции, самородка, создававшего Казахский театр, газеты, как, наконец, литературного критика и редактора, ценителя Слова, и, конечно же, педагога, автора первого учебника по психологии на родном языке.

Источники и литература:

Тәрбие, білім, әдебиет жайындағы мақалалардан Терме № 1 (Сборник педагогических, научных и литературных статей № 1) На казакском (киргизском) языке. Ташкент: Востказгосиздат, 1925. 143 с.

Жұмабаев, М. Балаларға базарлығым: өлеңдер / баспаға әзірлеген Қ.Мұхамедханов // Семей таңы. 1989. 12 январь. 3 бет.

Горький, Максим. Сұңқар жыры. Ауд. М. Жұмабаев. Мәскеу: СССР халықтарының Кіндік баспасы, 1924 жыл. 45 б. (Араб графикасы).

Мұхамедханов Қ. Көп томдық шығармалар жинағы. Т.4. Абай мұрагерлері. Мағжан Жұмабаев. Естеліктер. Алматы: Алаш, 2005. 328 б.

Жанталыұлы Ахмет. Сексенмен Тоқсанның билікке таласуы. В кн.: Терме. Ташкент: Востказгосиздат, 1925. 123-125 б.

Ж. (Жүсіпбек). Қажы Мұрат. В кн.: Терме.... Ташкент, 1925. С. 130-134.

Ж. (Жүсіпбек). Сұңқар жыры. В кн.: Терме. Ташкент, 1925. С. 134-136.

Жақан (Жүсіпбек). Ақбілек // Әйел теңдігі. 1927. № 2(14). С.37 – 47.

Алашорда. Фотоальбом. Сост. Б.Мурсалим. Алматы: Орхон, 2012. 304 б.

Жүсіпбек. Мағжанның ақындығы туралы // Лениншіл жас. 1923. № 5.

Библиография русской библиографии: указ. библиогр. пособий. Ч.2. 1922-1927 гг. Санкт-Петербург: Изд-во Пос.нац.б-ки, 2005. 496 с.

Бюллетень Торгового отдела Востказгосиздата. Ташкент: Востказгосиздат, 1925 (тип. Востказгосиздата). № 1 (1 окт. 1925 г.). 9 с.

Муканова Г.К. Вехи идентичности: диаспора и Первый научный казахский съезд, 1924 г. // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия историческая. 2014. Том 63. № 1. С. 36–46.

Муканова Г.К., Байжуманова З.Б. Из истории Казахского Государственного Издательства // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия журналистики. 2022. Том 10. № 1. С. 36–46.

Khalid, Adeeb. Printing, Publishing, and Reform in Tsarist Central Asia. International Journal of Middle East Studies. 1994. Vol.26. Nr 2. Pp. 187-200.

Holt, Katharine. Performing as Soviet Central Asia's Source Texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935-1936. Littérature et Société en Asie centrale. 2015. Nr 24. Pp. 213-238.

References:

Tərbie, bilim, ədebiet zhajyndarғy makalalardan Terme № 1 (Sbornik pedagogicheskih, nauchnyh i literaturnyh statej № 1) Na kazakskom (kirgizskom) yazyke. Tashkent: Vostkazgosizdat, 1925. 143 s.

ZHұmabaev, M. Balalarға bazarlyғym: өleңder / baspaға əzirlegen Q.Mұhamedhanov // Semej taңy. 1989. 12 yanvar'. 3 bet.

Gor'kij, Maksim. Sұңқar zhyry. Aud. M. ZHұmabaev. Məskeu: SSSR halyқtarynyң Kindik baspasy, 1924 zhyl. 45 b. (Arab grafikasy).

Mұhamedhanov Q. Kөp tomdyқ shyғarmalar zhinaғy. T.4. Abaj mұragerleri. Maғzhan ZHұmabaev. Estelikter. Almaty: Alash, 2005. 328 b.

ZHantalyұly Ahmet. Seksenmen Toқsannyң bilikke talasuy. V kn.: Terme. Tashkent: Vostkazgosizdat, 1925. 123-125 b.

ZH. (ZHүsipbek). Qazhy Mұrat. V kn.: Terme.... Tashkent, 1925. S. 130-134.

ZH. (ZHүsipbek). Sұnқar zhyry. V kn.: Terme. Tashkent, 1925. S. 134-136.

ZHaқan (ZHүsipbek). Aқbilek // Əjel teңdigi. 1927. № 2(14). S.37 – 47.

Alashorda. Fotoal'bom. Sost. B.Mursalim. Almaty: Orhon, 2012. 304 b.

ZHүsipbek. Maғzhannyң aқyndyғy turaly // Leninshil zhas. 1923. № 5.

Bibliografiya russkoj bibliografii: ukaz. bibliogr. posobij. CH.2. 1922-1927 gg. Sankt-Peterburg: Izd-vo Pos.nac.b-ki, 2005. 496 s.

Byulleten' Torgovogo otdela Vostkazgosizdata. Tashkent: Vostkazgosizdat, 1925 (tip. Vostkazgosizdata). № 1 (1 okt. 1925 g.). 9 s.

Mukanova G.K. Vekhi identichnosti: diaspora i Pervyj nauchnyj kazahskij s''ezd, 1924 g. // Vestnik KazNU im. al'-Farabi. Seriya istoricheskaya. 2014. Tom 63. № 1. S. 36–46.

Mukanova G.K., Bajzhumanova Z.B. Iz istorii Kazahskogo Gosudarstvennogo Izdatel'stva // Vestnik KazNU im. al'-Farabi. Seriya zhurnalistiki. 2022. Tom 10. № 1. S. 36–46.

Khalid, Adeeb. Printing, Publishing, and Reform in Tsarist Central Asia. International Journal of Middle East Studies. 1994. Vol.26. Nr 2. Pp. 187-200.

Holt, Katharine. Performing as Soviet Central Asia's Source Texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935-1936. Littérature et Société en Asie centrale. 2015. Nr 24. Pp. 213-238.

МРНТИ 03.00.20; 10.17.35.

ПРОБЛЕМЫ РАССЕКРЕЧИВАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Исаева Светлана Нурхановна[1]

[1]Кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, филиал Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова в г. Астане (пр. Кабанбай батыра, 11/5, 010000, Астана, Республика Казахстан), https://orcid.org/0000-0001-8036-8523, e-mail: s.isaeva8@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы рассекречивания архивных документов, связанных с политическими репрессиями 1920–1950-х годов в Казахстант. Анализируются действующее законодательство Республики Казахстан в сфере архивного дела, государственных секретов и реабилитации жертв политических репрессии. Выявляются основные правовые и организационные препятствия, препятствующие обеспечению широкого доступа исследователей к архивным документам. Предлагаются направления совершенствования законодательства, предусматривающие унификацию процедуры рассекречивания документов, цифровизацию архивных фондов и создание открытых информационных ресурсов.

Ключевые слова: архивы, политические репрессии, рассекречивание архивных документов, государственные секреты, реабилитация, Казахстан.

Благодарность. Статья подготовлена в соответствии с планом реализации фундаментального научного проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «ИРН: BR24993057 фундаментальные исследования основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

ҒТАХР 03.00.20; 10.17.35.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІН ТУРАЛЫ МҰРАҒАТТЫҚ ҚҰЖАТТАРДЫ ҚҰПИЯСЫЗДАНДЫРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ: ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ҰЙЫМДАСТЫРУШЫЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Исаева Светлана Нурханқызы[1]

[1]Астана қаласындағы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының филиалы (11/5 – үй, Қабанбай батыр данғ., 010000), Астана, заң

ғылымдарының кандидаты, доцент, жетекші ғылыми қызметкер, https://orcid.org/0000-0001-8036-8523, e-mail: s.isaeva8@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада Қазақстандағы 1920-1950 жылдардағы саяси қуғын-сүргінге байланысты мұрағаттық құжаттарды құпиясыздандырудың өзекті мәселелері қарастырылады. Қазақстан Республикасының Архив дела, Мемлекеттік құпиялар және саяси қуғын-сүргін құрбандарын оңалту саласындағы қолданыстағы заңнамасы талданады. Зерттеушілердің мұрағаттық құжаттарға кеңінен қол жеткізуін қамтамасыз етуге кедергі келтіретін негізгі құқықтық және ұйымдастырушылық кедергілер анықталады. Құжаттарды құпиясыздандыру рәсімін біріздендіруді, мұрағат қорларын цифрландыруды және ашық ақпараттық ресурстар құруды көздейтін заңнаманы жетілдіру бағыттары ұсынылады.
Түйінді сөздер: мұрағаттар, саяси қуғын-сүргін, мұрағаттық құжаттарды құпиясыздандыру, Мемлекеттік құпиялар, оңалту, Қазақстан.
Алғыс айту: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің BR24993057 ЖТН: «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен санатшаларын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» жобасы аясындағы қаржылық қолдаумен дайындалды.

IRSTI 03.00.20; 10.17.35.

PROBLEMS OF DECLASSIFICATION OF ARCHIVAL DOCUMENTS ON POLITICAL REPRESSION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Isaeva Svetlana Nurkhanovna[1]

[1]Branch of the Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology in Astana (11/5, Kabanbay Batyr Ave., 010000, Astana, Republic of Kazakhstan), Candidate of Law Sciences, https://orcid.org/0000-0001-8036-8523, e-mail: s.isaeva8@mail.ru

Annotation. The article discusses the current problems of declassification of archival documents related to the political repressions of the 1920s and 1950s in Kazakhstan. The current legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of archival affairs, state secrets and rehabilitation of victims of political repression is analyzed. The main legal and organizational obstacles preventing researchers from providing wide access to archival documents are identified. The directions of improving legislation are proposed, providing for the unification of the procedure for declassifying documents, the digitalization of archival funds and the creation of open information resources.
Keywords: archives, political repression, declassification of archival documents, state secrets, rehabilitation, Kazakhstan.

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project: BR24993057 “Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repressions in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation”.

Введение. Политические репрессии 1920–1950-х годов являются одной из наиболее трагических страниц истории Казахстана. Массовые аресты, уничтожение практически всей национальной интеллигенции, депортации, принудительное переселение народов, деятельность исправительно-трудовых лагерей системы ГУЛАГ и трудармий оказали долговременное влияние на общественное развитие страны (7; 8; 10).

Восстановление исторической справедливости невозможно без обеспечения доступа к архивным документам, содержащим сведения о механизмах политических репрессий, судьбах репрессированных граждан и деятельности государственных органов того периода. Именно архивные документы выступают основным источником объективной исторической информации и позволяют проводить комплексные историко-правовые исследования (9; 10; 18).

Рассекречивание архивных документов имеет принципиальное значение не только для исторической науки, но и для развития юридической науки. Архивные материалы позволяют исследовать эволюцию государственного управления, деятельность судебных и внесудебных органов, особенности применения уголовного законодательства советского периода, а также дают возможность объективно оценить государственную политику в сфере реабилитации жертв политических репрессий (2–5).

Кроме того, рассекреченные документы становятся важнейшей доказательной базой при восстановлении прав репрессированных лиц и проведении дополнительных мероприятий по их полной реабилитации, что соответствует государственной политике Республики Казахстан по восстановлению исторической справедливости.

Несмотря на значительный прогресс последних лет, процесс рассекречивания архивных документов остается сложным и неоднородным, что обусловлено как особенностями действующего законодательства, так и организационными проблемами функционирования архивной системы. Вопросы соотношения режима государственной секретности, архивного законодательства и права общества на доступ к общественно значимой информации продолжают оставаться предметом научных дискуссий и требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Методология и методы исследования. Методологическую основу данной статьи составил комплекс общенаучных и специальных методов научного познания, обеспечивающих всесторонний анализ правового режима секретности архивных материалов периода политических репрессий 1920–1950-х годов. В ходе исследования применялись такие методы как общий

диалектический, историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод анализа, документальный методы.

Методология исследования. Исследование основано на принципах объективности, историзма, научной достоверности и системности. Методология предполагает комплексный подход, объединяющий юридический анализ действующего законодательства с историческим исследованием формирования режима секретности архивных документов. Такой подход позволяет выявить существующие правовые проблемы, препятствующие рассекречиванию архивных материалов о политических репрессиях, оценить эффективность действующего правового регулирования и сформулировать предложения по его совершенствованию с учетом международных стандартов обеспечения права на доступ к архивной информации.

Существенным этапом государственной политики в сфере восстановления исторической справедливости стало создание Государственной комиссии по полной реабилитации жертв массовых политических репрессий. Деятельность Комиссии позволила организовать масштабное межведомственное исследование архивных фондов, выявить значительный объем ранее недоступных документов и ввести их в научный оборот. В результате проведенной работы государственными органами был рассекречен значительный массив архивных материалов, имеющих историческое, правовое и общественное значение, что существенно расширило источниковую базу исследований по истории политических репрессий в Казахстане.

За период работы Госкомиссии Генеральной прокуратурой рассекречено более 2,4 млн. архивных материалов, КНБ - более 1,5 тыс. архивных дел и документов, МВД - более 5,3 тыс. документов (6), было реабилитировано более 250 тыс. граждан. В основном это лица из числа ссыльных и спецпоселенцев.

В тоже время на сегодняшний день одним из ключевых препятствий на пути к полной реабилитации жертв политических репрессий является сохранение грифа секретности на значительном массиве архивных документов.

Секретными до сих пор значатся без публичного объяснения причин такого решения 17 220 дел. Кроме того, в Комитете по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры продолжают храниться около трех миллионов учетных карточек, включая 164 833 не рассекреченных архивных дела. Также сохраняется режим секретности в отношении 2 071 архивного материала, содержащего статистические сведения, документы спецкомендатур, органов НКВД, протоколы заседаний ОГПУ-НКВД, а также 11 250 документов, связанных с визовой и регистрационной деятельностью в отношении иностранных граждан (Жакупов М, 2026: стр.35).

Вместе с тем результаты исследования показывают, что процесс рассекречивания архивных документов остается незавершенным. Значительное количество архивных дел продолжает находиться под грифом секретности, несмотря на то, что содержащиеся в них сведения относятся к событиям первой половины XX века и непосредственно связаны с массовыми политическими репрессиями. Сохранение ограничений доступа к таким документам

существенно осложняет проведение комплексных историко-правовых исследований, затрудняет восстановление судеб отдельных репрессированных лиц и ограничивает возможности дальнейшей реализации государственной политики полной реабилитации.

Проведенный анализ свидетельствует, что существующие ограничения обусловлены не только особенностями законодательства, но и отсутствием единообразной административной практики принятия решений о рассекречивании. Государственные органы применяют различные подходы к оценке архивных документов, вследствие чего материалы, имеющие сходное содержание и относящиеся к одному историческому периоду, могут обладать различным правовым режимом доступа. Отсутствие единых критериев экспертной оценки и согласованного межведомственного механизма принятия решений отрицательно влияет на эффективность работы с архивными фондами.

Особое значение имеет тот факт, что рассекречивание архивных документов представляет собой не только историческую, но и юридическую проблему. Архивные материалы позволяют исследовать механизм функционирования органов государственной власти советского периода, практику применения уголовного законодательства, деятельность внесудебных органов и масштабы нарушений фундаментальных прав и свобод человека. В этой связи обеспечение доступа к архивным документам способствует объективной правовой оценке репрессивной политики, восстановлению исторической памяти и дальнейшему развитию отечественной юридической науки.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают необходимость совершенствования правового механизма рассекречивания архивных документов периода политических репрессий. Повышение эффективности данной деятельности требует формирования единых процедур принятия решений, обеспечения последовательного применения законодательства и соблюдения баланса между защитой государственных интересов и конституционным правом общества на получение информации, имеющей важное историческое и общественное значение.

Правовое регулирование рассматриваемой сферы носит комплексный характер и основывается на положениях Конституции Республики Казахстан, Закона Республики Казахстан «О государственных секретах», Закона Республики Казахстан «О Национальном архивном фонде и архивах», Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», а также иных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы архивного дела, защиты государственных секретов и восстановления прав лиц, подвергшихся политическим репрессиям.

Правовое регулирование рассекречивания архивных документов периода массовых политических репрессий основывается на совокупности норм конституционного, архивного и информационного законодательства Республики Казахстан. Комплексный характер правового регулирования обусловлен необходимостью достижения баланса между обеспечением национальной

безопасности, защитой охраняемой законом информации и реализацией общественного интереса в сохранении исторической памяти и восстановлении исторической справедливости.

Проведенное исследование показало, что действующее законодательство Республики Казахстан в целом формирует необходимые правовые предпосылки для обеспечения доступа к архивным документам, содержащим сведения о массовых политических репрессиях. Вместе с тем, анализ нормативных правовых актов и сложившейся правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда правовых и организационных факторов, существенно затрудняющих процесс рассекречивания архивных материалов.

Особое внимание заслуживает анализ Закона Республики Казахстан «О государственных секретах». Закон определяет правовые основания отнесения сведений к государственным секретам, порядок их защиты и условия рассекречивания. Вместе с тем законодатель одновременно закрепляет пределы применения режима секретности. В соответствии с пунктом 11 статьи 17 Закона не подлежат засекречиванию сведения о массовых репрессиях по политическим, социальным и иным мотивам, в том числе содержащиеся в архивных документах. Данная норма имеет принципиальное значение, поскольку устанавливает общий правовой принцип открытости информации о политических репрессиях и направлена на обеспечение восстановления исторической справедливости, развитие научных исследований и реализацию государственной политики по реабилитации жертв репрессий.

Одновременно статья 14 указанного Закона предусматривает возможность ограничения доступа к сведениям, относящимся к разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, а также к информации о лицах, сотрудничавших с соответствующими органами на конфиденциальной основе. На практике именно данные положения нередко рассматриваются в качестве основания для сохранения грифа секретности на архивных документах советского периода.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что подобный подход требует более взвешенной правовой оценки. Системное толкование норм Закона свидетельствует, что положения статьи 14 направлены прежде всего на защиту сведений, относящихся к деятельности органов Республики Казахстан, обеспечивающих безопасность суверенного государства. Документы же периода 1920–1950-х годов отражают деятельность государственных органов СССР, существовавших в иной политико-правовой системе. Следовательно, автоматическое распространение ограничений, установленных статьей 14, на архивные материалы советского периода не в полной мере соответствует целям и предмету правового регулирования данного Закона.

Кроме того, нормы статьи 17 имеют специальную социально-правовую направленность, поскольку прямо исключают возможность засекречивания сведений о массовых политических репрессиях. Применение исключений, предусмотренных статьей 14, должно носить индивидуальный характер и основываться на наличии конкретных обстоятельств, свидетельствующих о

возможном причинении ущерба охраняемым законом интересам. Формальное сохранение режима секретности в отношении целых архивных фондов без проведения их содержательной экспертизы не отвечает требованиям правовой определенности и принципу соразмерности ограничений прав и свобод.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о ретроспективном применении законодательства о государственных секретах. Положения статьи 14 Закона направлены на защиту информации, относящейся к деятельности органов Республики Казахстан в сфере обеспечения национальной безопасности. Вместе с тем архивные документы периода 1920–1950-х годов отражают деятельность органов государственной власти СССР, существовавших в иной государственно-правовой системе. В этой связи автоматическое распространение современных ограничений на исторические документы требует дополнительного правового обоснования. Отсутствие в законодательстве прямого указания на возможность такого применения свидетельствует о необходимости более строгого соблюдения принципа правовой определенности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что подобная практика основана на расширительном толковании статьи 14, которое не в полной мере соответствует целям Закона. Исходя из принципов юридической техники, нормы, устанавливающие ограничения прав и свобод, должны толковаться ограничительно и применяться лишь в случаях, прямо предусмотренных законодательством. Следовательно, наличие в архивном документе сведений о деятельности органов государственной безопасности само по себе не может служить безусловным основанием для отказа в его рассекречивании.

Дополнительное значение для оценки правомерности ограничения доступа к архивным документам приобретают изменения, внесенные Законом Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года № 248-VIII ЗРК в Закон «О Национальном архивном фонде и архивах». В частности, статья 16 дополнена пунктом 1-1 устанавливающим, что «*Ограничение на доступ к документам Национального архивного фонда и другим архивным документам, содержащим сведения о частной жизни, личной и семейной тайне физического лица, устанавливается на срок семьдесят пять лет со дня создания указанных документов»*. По истечении указанного срока ограничение утрачивает силу, за исключением случаев, прямо установленных законодательством.

Данная норма вводится в действие с 2 марта 2026 г. и создает юридическую возможность рассекречивания материалов периода 1920–1950-х годов**,** поскольку срок ограничения доступа к личным данным давно истёк, а общественная ценность информации высока.

Применительно к архивным материалам периода массовых политических репрессий данная норма имеет существенное практическое значение. По состоянию на 2026 год значительная часть документов 1920–1950-х годов уже выходит за пределы установленного законом семидесятипятилетнего срока ограничения доступа. Следовательно, само по себе наличие в них сведений персонального характера не может рассматриваться как самостоятельное основание для дальнейшего ограничения доступа. Более того, содержание

подобных документов выходит за рамки исключительно частной информации, поскольку отражает деятельность государственных органов, применение репрессивного законодательства и нарушения прав человека, что придает им выраженный публично-правовой характер.

Следует учитывать и конституционные гарантии права на получение информации, свободы научного творчества и сохранения исторической памяти. Ограничение доступа к архивным материалам должно отвечать требованиям законности, необходимости и соразмерности. Если сведения относятся к событиям, произошедшим более семидесяти лет назад, а их раскрытие не способно причинить реальный ущерб национальной безопасности, дальнейшее сохранение режима секретности требует убедительного правового обоснования. В противном случае ограничение доступа приобретает формальный характер и не соответствует конституционным принципам правового государства.

Вместе с тем действующее законодательство не содержит единого механизма согласования норм архивного законодательства и законодательства о государственных секретах. В результате государственные органы применяют различные подходы к оценке архивных документов, что приводит к неодинаковой практике принятия решений о рассекречивании. Аналогичные по своему содержанию документы могут иметь различный правовой режим в зависимости от ведомственной принадлежности архивного фонда, что не соответствует принципу правовой определенности и создает предпосылки для произвольного ограничения доступа к общественно значимой информации.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости системного толкования законодательства Республики Казахстан. Положения Закона «О государственных секретах» и Закона «О Национальном архивном фонде и архивах» не являются взаимоисключающими, а должны применяться во взаимосвязи. Приоритет должен отдаваться принципу открытости архивной информации о массовых политических репрессиях, тогда как сохранение режима секретности допустимо лишь при наличии конкретных, законодательно установленных и надлежащим образом мотивированных оснований. Такой подход позволит обеспечить баланс между интересами национальной безопасности, защитой прав личности и общественной потребностью в сохранении исторической правды.

Таким образом, системный анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что сохранение режима секретности в отношении архивных документов периода политических репрессий должно рассматриваться как исключительная мера, требующая специального и мотивированного обоснования в каждом конкретном случае. Общим правилом должен являться принцип открытости архивной информации, если отсутствуют предусмотренные законом основания для ограничения доступа.

Представляется, что дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено не столько на расширение перечня оснований для рассекречивания, сколько на создание единого механизма правовой экспертизы архивных документов, установление обязательного периодического пересмотра

ранее принятых решений о сохранении режима секретности, а также нормативное закрепление презумпции открытости документов, имеющих значение для исследования массовых политических репрессий. Реализация указанных мер будет способствовать единообразному применению законодательства, развитию историко-правовых исследований и обеспечению конституционного принципа доступа к общественно значимой информации.

Если обратиться к международной практике свидетельствует, что открытость архивов, содержащих сведения о политических репрессиях и иных массовых нарушениях прав человека, рассматривается как один из важнейших элементов государственной политики исторической памяти и демократического развития общества. Во многих государствах рассекречивание архивных документов осуществляется на основе принципов правовой определенности, ограниченности сроков секретности и максимальной доступности исторической информации.

Наиболее показателен опыт Германии, где после объединения страны был принят Закон о документах Министерства государственной безопасности бывшей ГДР (Stasi-Unterlagen-Gesetz). Создание специального федерального архива обеспечило гражданам, исследователям и государственным органам широкий доступ к документам бывших органов государственной безопасности, что способствовало объективному исследованию периода политических преследований и восстановлению прав пострадавших.

В Польше аналогичные функции выполняет Институт национальной памяти (Instytut Pamięci Narodowej), который осуществляет хранение архивов органов государственной безопасности, организует их научное изучение, проводит процедуры рассекречивания и обеспечивает открытый доступ к документам, представляющим общественный интерес.

В Чехии деятельность Института по изучению тоталитарных режимов направлена на систематическое выявление, оцифровку и публикацию архивных материалов, связанных с деятельностью органов государственной безопасности. Законодательство страны исходит из презумпции открытости исторических документов, ограничивая доступ лишь к сведениям, требующим защиты в соответствии с действующим законодательством.

Представляет интерес и опыт Латвии, где законодательство предусматривает дифференцированные сроки действия режима секретности в зависимости от степени секретности информации, а также обязательный пересмотр оснований для дальнейшего ограничения доступа. Такой подход исключает бессрочное сохранение режима секретности в отношении исторических документов.

Очень интересен опыт Азербайджанской Республики, в Законе наряду с механизмом засекречивания, содержится механизм рассекречивания сведения. Основанием для рассекречивания являются истечение срока секретности, взятие международных обязательств в области открытого обмена сведениями, нецелесообразность защиты сведений, составляющих государственную тайну, вследствие изменения объективных обстоятельств.

Закон определяет срок секретности и не должен превышать тридцати лет. При этом это срок может быть продлен соответствующими органами исполнительной власти. Нецелесообразность защиты сведений состоит в полномочии органов государственной власти периодически, не реже чем через каждые 5 лет, пересматривать содержание действующих сведений, подлежащих засекречиванию. Рассекречивание сведений, составляющих государственную тайну, должно соответствовать установленному в законе порядку.

Законодательство Грузии также закрепляет перечень сведений, которые не могут быть отнесены к государственной тайне, включая информацию, связанную с нарушением прав человека и незаконными действиями государственных органов. Тем самым обеспечивается баланс между защитой национальной безопасности и реализацией права общества на получение общественно значимой информации.

Проведенный сравнительно-правовой анализ показывает, что, несмотря на различия национальных правовых систем, зарубежное законодательство основывается на единых принципах: ограниченности сроков секретности, периодическом пересмотре оснований для сохранения ограничений доступа, институциональной независимости процедур рассекречивания и приоритете общественного интереса при раскрытии документов, имеющих историческое значение.

Учитывая данный опыт, представляется целесообразным использовать отдельные зарубежные подходы при дальнейшем совершенствовании законодательства Республики Казахстан. В частности, заслуживают внимания законодательное закрепление обязательного пересмотра ранее засекреченных архивных документов по истечении установленного срока, создание единых процедур проведения экспертизы материалов независимо от их ведомственной принадлежности, расширение цифрового доступа к рассекреченным документам и формирование единого государственного реестра архивных материалов, открытых для научного исследования. Реализация указанных мер позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики, повысить эффективность государственной политики по реабилитации жертв политических репрессий и создать дополнительные условия для объективного изучения отечественной истории.

Заключение. Проведенный анализ действующего законодательства Республики Казахстан и практики рассекречивания архивных документов периода массовых политических репрессий свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования нормативного правового регулирования. Предлагаемые меры направлены на устранение существующих правовых коллизий, обеспечение единообразного применения законодательства и повышение эффективности государственной политики в сфере сохранения исторической памяти.

Прежде всего представляется необходимым законодательно закрепить принцип обязательного периодического пересмотра архивных документов, находящихся под грифом секретности. В настоящее время законодательство не

предусматривает единого механизма ревизии ранее засекреченных материалов, вследствие чего отдельные документы сохраняют ограниченный режим доступа даже при отсутствии объективных оснований для дальнейшего засекречивания. Установление обязательного пересмотра позволит своевременно оценивать актуальность сохранения режима секретности и исключить случаи его необоснованного продления.

В целях обеспечения единообразной правоприменительной практики целесообразно разработать и утвердить единый порядок проведения экспертизы архивных документов, подлежащих рассекречиванию. Такой порядок должен содержать унифицированные критерии оценки сведений, основания полного или частичного снятия грифа секретности, а также требования к мотивировке принимаемых решений. Это позволит минимизировать ведомственные различия при рассмотрении аналогичных архивных материалов.

Отдельного законодательного урегулирования требует вопрос применения статьи 14 Закона Республики Казахстан «О государственных секретах» к документам периода массовых политических репрессий. Представляется целесообразным закрепить, что положения указанной статьи применяются исключительно при наличии конкретных сведений, сохранение которых действительно обусловлено необходимостью защиты национальной безопасности. Формальная принадлежность архивного документа к материалам бывших органов государственной безопасности не должна рассматриваться как самостоятельное основание для сохранения режима секретности.

Кроме того, следует нормативно закрепить возможность частичного рассекречивания архивных документов. В случаях, когда отдельные сведения действительно относятся к информации ограниченного доступа, уполномоченные органы должны обеспечивать открытый доступ к остальной части документа посредством изъятия либо обезличивания защищаемых сведений. Такой подход соответствует принципу соразмерности ограничения права на информацию и широко применяется в зарубежной архивной практике.

Важным направлением совершенствования законодательства является дальнейшая цифровизация архивных фондов. Создание единого государственного электронного реестра рассекреченных документов, содержащего сведения об архивных фондах, принятых решениях о снятии грифа секретности и порядке доступа к материалам, позволит повысить прозрачность деятельности государственных органов, упростить работу исследователей и обеспечить более эффективное использование архивных источников.

В целях повышения объективности принимаемых решений представляется целесообразным рассмотреть вопрос о создании постоянно действующей межведомственной экспертной комиссии по вопросам рассекречивания архивных документов периода политических репрессий. В состав комиссии могут входить представители архивных учреждений, научного сообщества, государственных органов и специалисты в области конституционного, административного и архивного права. Межведомственный формат позволит обеспечить комплексную правовую и историческую оценку архивных

материалов, исключить ведомственный подход и сформировать единообразную практику применения законодательства.

Реализация предложенных мер будет способствовать устранению существующих правовых неопределенностей, повышению эффективности процедур рассекречивания, расширению доступа к архивным документам и дальнейшему развитию государственной политики по восстановлению исторической справедливости.

Совершенствование законодательства в данной сфере должно осуществляться с учетом необходимости соблюдения баланса между интересами обеспечения национальной безопасности, защитой прав личности и общественной потребностью в сохранении исторической памяти.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что рассекречивание архивных документов периода массовых политических репрессий представляет собой комплексную правовую проблему, затрагивающую вопросы обеспечения национальной безопасности, реализации права на доступ к информации, сохранения исторической памяти и восстановления исторической справедливости. Несмотря на существенные результаты государственной политики по выявлению и введению в научный оборот архивных материалов, действующий механизм их рассекречивания остается недостаточно последовательным и требует дальнейшего совершенствования.

Анализ законодательства Республики Казахстан показал, что правовое регулирование в рассматриваемой сфере основывается на принципе открытости сведений о массовых политических репрессиях. Вместе с тем отсутствие единообразного подхода к применению отдельных положений Закона Республики Казахстан «О государственных секретах» и Закона Республики Казахстан «О Национальном архивном фонде и архивах» приводит к сохранению ограничений доступа к архивным документам даже в тех случаях, когда правовые основания для этого отсутствуют либо утратили свою актуальность.

Это свидетельствует не столько о недостаточности законодательного регулирования, сколько о необходимости его системного толкования и совершенствования правоприменительной практики.

Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что зарубежный опыт основан на единых принципах: ограниченности сроков действия режима секретности, обязательном пересмотре ранее принятых решений, независимой экспертной оценке архивных документов и приоритете общественного интереса при раскрытии информации, имеющей историческое значение.

Использование отдельных элементов данного опыта может способствовать формированию более эффективного механизма рассекречивания архивных документов в Республике Казахстан.

На основании результатов исследования обоснована необходимость совершенствования национального законодательства посредством нормативного закрепления единого порядка проведения экспертизы архивных документов, обязательного периодического пересмотра оснований сохранения

режима секретности, развития механизмов частичного рассекречивания и дальнейшей цифровизации архивных фондов.

Реализация указанных мер позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики, повысить доступность архивных материалов для научного сообщества и создать дополнительные гарантии реализации государственной политики по полной реабилитации жертв массовых политических репрессий.

Таким образом, достижение баланса между защитой государственных интересов и обеспечением открытости архивной информации возможно лишь при условии последовательного применения принципов законности, правовой определенности, соразмерности ограничений и уважения права общества на сохранение исторической памяти. Совершенствование правового механизма рассекречивания архивных документов будет способствовать дальнейшему развитию историко-правовых исследований, укреплению доверия к государственным институтам и реализации конституционных принципов демократического и правового государства.

Список литературы и источников:

Конституция Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 июля 2026 года).

Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» от 14 апреля 1993 года // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z930002200 (дата обращения: 01.07.2026).

Закон Республики Казахстан О Национальном архивном фонде и архивах» от 22 декабря 1998 года № 326-I «// Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000326

Закон Республики Казахстан «О государственных секретах» от 15 марта 1999 года № 349-I // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000349

Закон Республики Казахстан О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам архивного дела и ограничения распространения противоправного контента» от 30 декабря 2025 года № 248-VIII ЗРК «// Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz (дата обращения: 01.07.2026).

Указ Президента Республики Казахстан О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий» от 24 ноября 2020 года № 456 «// Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456 (дата обращения: 01.07.2026).

Доклады Государственной комиссии по полной реабилитации жертв массовых политических репрессий. В 72 т. Астана, 2022–2023.

Интервью Государственного советника Республики Казахстан о результатах работы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв массовых политических репрессий // Электронный архив «e-memory.kz». URL: https://e-memory.kz/vystuplenie-gos-sekretarya-rk/ (дата обращения: 01.07.2026).

Азаров А. Я., Романов В. В. Архивоведение: теория и практика. - М.: Юрайт, 2022.

Козыбаев М. К. История Казахстана: исследования, документы, воспоминания. - Алматы, 2018.

Генеральная прокуратура Республики Казахстан. Материалы о рассекречивании архивных документов периода политических репрессий. URL: https://www.azattyqasia.org/a/32599478.html

Bulhistphaa. Источниковедение и архивные материалы политических репрессий в Казахстане. URL: https://bulhistphaa.enu.kz

Inlibrary. Архивы тоталитарного периода и проблемы доступа для историков. URL: https://inlibrary.uz

Ұлт жады: научный журнал. 2025. № 4 (14). URL: https://journal.e-memory.kz/upload/iblock/495/58kn36s51bkhle2ylj3l0xx7k0dzphat.pdf

Act No. 181/2007 Coll. on the Institute for the Study of Totalitarian Regimes and the Security Services Archive (Чешская Республика)

Law of Georgia on State Secrets (Закон Грузии). URL: https://www.legislationline.org/download/id/9390/file/GEO_on%20state%20secrets_ru.pdf

Likums «Par valsts noslēpumu» (Закон Латвийской Республики «О государственной тайне» от 29 декабря 1996 г.). URL: https://eos.ru/eos_delopr/eos_law/123/16666/

Principles of Access to Archives. International Council on Archives (ICA). Paris, 2012

The Stasi Records Act (Stasi-Unterlagen-Gesetz). Federal Republic of Germany.

Ustawa o Instytucie Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu (Закон Республики Польша «Об Институте национальной памяти»).

Закон Азербайджанской Республики «О государственной тайне» от 7 сентября 2004 года № 733-IQ. URL: https://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14598

References:

Konstituciya Respubliki Kazahstan (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 1 iyulya 2026 goda).

Zakon Respubliki Kazahstan «O reabilitacii zhertv massovyh politicheskih repressij» ot 14 aprelya 1993 goda // Informacionno-pravovaya sistema «Ədilet». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z930002200 (data obrashcheniya: 01.07.2026).

Zakon Respubliki Kazahstan O Nacional'nom arhivnom fonde i arhivah» ot 22 dekabrya 1998 goda № 326-I «// Informacionno-pravovaya sistema «Ədilet». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000326

Zakon Respubliki Kazahstan «O gosudarstvennyh sekretah» ot 15 marta 1999 goda № 349-I // Informacionno-pravovaya sistema «Ədilet». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000349

Zakon Respubliki Kazahstan O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam arhivnogo dela i ogranicheniya rasprostraneniya protivopravnogo kontenta» ot 30 dekabrya 2025 goda № 248-VIII ZRK «// Informacionno-pravovaya sistema «Ədilet». URL: https://adilet.zan.kz (data obrashcheniya: 01.07.2026).

Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan O Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskih repressij» ot 24 noyabrya 2020 goda № 456 «// Informacionno-pravovaya sistema «Ədilet». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456 (data obrashcheniya: 01.07.2026).

Doklady Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv massovyh politicheskih repressij. V 72 t. Astana, 2022–2023.

Interv'yu Gosudarstvennogo sovetnika Respubliki Kazahstan o rezul'tatah raboty Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv massovyh politicheskih repressij // Elektronnyj arhiv «e-memory.kz». URL: https://e-memory.kz/vystuplenie-gos-sekretarya-rk/ (data obrashcheniya: 01.07.2026).

Azarov A. YA., Romanov V. V. Arhivovedenie: teoriya i praktika. - M.: YUrajt, 2022.

Kozybaev M. K. Istoriya Kazahstana: issledovaniya, dokumenty, vospominaniya. - Almaty, 2018.

General'naya prokuratura Respubliki Kazahstan. Materialy o rassekrechivanii arhivnyh dokumentov perioda politicheskih repressij. URL: https://www.azattyqasia.org/a/32599478.html

Bulhistphaa. Istochnikovedenie i arhivnye materialy politicheskih repressij v Kazahstane. URL: https://bulhistphaa.enu.kz

Inlibrary. Arhivy totalitarnogo perioda i problemy dostupa dlya istorikov. URL: https://inlibrary.uz

Ұlt zhady: nauchnyj zhurnal. 2025. № 4 (14). URL: https://journal.e-memory.kz/upload/iblock/495/58kn36s51bkhle2ylj3l0xx7k0dzphat.pdf

Act No. 181/2007 Coll. on the Institute for the Study of Totalitarian Regimes and the Security Services Archive (CHeshskaya Respublika)

Law of Georgia on State Secrets (Zakon Gruzii). URL: https://www.legislationline.org/download/id/9390/file/GEO_on%20state%20secrets_ru.pdf

Likums «Par valsts noslēpumu» (Zakon Latvijskoj Respubliki «O gosudarstvennoj tajne» ot 29 dekabrya 1996 g.). URL: https://eos.ru/eos_delopr/eos_law/123/16666/

Principles of Access to Archives. International Council on Archives (ICA). Paris, 2012

The Stasi Records Act (Stasi-Unterlagen-Gesetz). Federal Republic of Germany.

Ustawa o Instytucie Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu (Zakon Respubliki Pol'sha «Ob Institute nacional'noj pamyati»).

Zakon Azerbajdzhanskoj Respubliki «O gosudarstvennoj tajne» ot 7 sentyabrya 2004 goda № 733-IQ. URL: https://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14598

МРНТИ: 03.23.55; 03.23.31; 03.61.91

БУХТАРМИНСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ В УСЛОВИЯХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И РАСКУЛАЧИВАНИЯ В ЗЫРЯНОВСКОМ РАЙОНЕ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ОКРУГА

Жакишева Сауле Аукеновна[1]

[1]доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль–Фараби, Алматы, Республика Казахстан; e–mail: adiconilau@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0319-298X

Аннотация. В статье впервые комплексно исследуется политика раскулачивания бухтарминских старообрядцев Зыряновского района Семипалатинского округа как составная часть системы массовых политических репрессий в Казахстане конца 1920-х – начала 1930-х гг. Исследование выполнено в рамках современных концептуальных подходов Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, предполагающих рассмотрение коллективизации, конфискации имущества, раскулачивания, принудительных переселений и антирелигиозной политики как взаимосвязанных элементов единой репрессивной системы советского государства.

Источниковую основу составил широкий комплекс опубликованных и неопубликованных архивных документов центральных и региональных архивов Казахстана. Впервые в научный оборот введены массовые материалы Государственного архива Восточно-Казахстанской области, на основе которых сформирована проблемно-ориентированная база данных, включающая сведения о 865 раскулаченных хозяйствах. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, историко-правовой и сравнительно-правовой анализ, просопографический подход, методы исторической информатики и количественного анализа.

Реконструированы социально-демографический, имущественный и политический портреты репрессированных бухтарминских старообрядцев, определены особенности их хозяйственной специализации, семейной организации, имущественного положения и механизмы включения в категорию «кулацких» хозяйств. Установлено, что большинство репрессированных представляло собой трудовые семейные хозяйства с диверсифицированной экономикой, основанной на сочетании земледелия, животноводства,

пчеловодства и мараловодства, тогда как их имущественные характеристики далеко не всегда соответствовали официальным критериям кулачества. Показано, что основания репрессирования определялись совокупностью имущественных, политических, социальных и конфессиональных факторов.
Применение новой методологии Государственной комиссии позволило интерпретировать раскулачивание бухтарминских старообрядцев не только как элемент советской аграрной политики, но и как форму массового нарушения естественных и неотъемлемых прав человека. Доказано, что репрессивная политика сопровождалась систематическим ограничением права собственности, права самостоятельно обеспечивать средства существования, свободы передвижения и совести, права семьи на воспитание детей и сохранение традиционного образа жизни. Сделан вывод, что объектом государственного воздействия являлись не только отдельные хозяйства, но и локальная этноконфессиональная община в целом, что обусловило разрушение ее социально-экономической, культурной и духовной основы. Полученные результаты расширяют современные представления о региональной специфике массовых политических репрессий в Восточном Казахстане и демонстрируют эвристический потенциал методологии Государственной комиссии для изучения различных категорий жертв советской репрессивной политики.

Ключевые слова: бухтарминские старообрядцы; коллективизация; раскулачивание; политические репрессии; Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий; естественные права человека; сравнительно-правовой анализ; просопография; историческая информатика; проблемно-ориентированная база данных; Казахский Алтай; Зыряновский район; Семипалатинский округ; Восточный Казахстан.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы целевого финансирования ИРН: BR24993057 на тему «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации» (Договор на реализацию научных, научно–технических проектов программно–целевое финансирование №364/ПЦФе24е26 от 01 октября 2024 года, заключенного между Государственное Учреждение Комитет науки МНВО РК и РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки МНВО РК»).

ҒТАМР: 03.23.55; 03.23.31; 03.61.91

СЕМЕЙ ОКРУГІНІҢ ЗЫРЯН АУДАНЫНДАҒЫ БҰҚТАРМА ЕСКІ ДІН ҰСТАНУШЫЛАРЫ ҰЖЫМДАСТЫРУ ЖӘНЕ КУЛАКТАРДЫ ТАП РЕТІНДЕ ЖОЮ САЯСАТЫ ЖАҒДАЙЫНДА

Жакишева Сауле Әукенқызы[1]

[1] тарих ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы; e–mail: adiconilau@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0319-298X

Аңдатпа. Мақалада алғаш рет Семей округінің Зырян ауданындағы Бұқтырма ескі сенімдегілерін тәркілеу саясаты 1920-жылдардың соңы – 1930-жылдардың басындағы Қазақстандағы жаппай саяси қуғын-сүргін жүйесінің құрамдас бөлігі ретінде кешенді түрде қарастырылады. Зерттеу Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия қалыптастырған жаңа әдіснамалық тұжырымдамаларға негізделген. Осы тұрғыдан ұжымдастыру, мүлікті тәркілеу, кулактарды жою, мәжбүрлі қоныс аудару және дінге қарсы саясат кеңестік мемлекеттің бірыңғай репрессиялық жүйесінің өзара байланысты элементтері ретінде талданады.
Зерттеудің деректік негізін Қазақстанның орталық және өңірлік архивтерінде сақталған жарияланған және жарияланбаған құжаттардың ауқымды кешені құрайды. Алғаш рет ғылыми айналымға Шығыс Қазақстан облысының мемлекеттік архивіндегі жаппай сипаттағы құжаттар енгізіліп, олардың негізінде тәркілеуге және жер аударуға ұшыраған 865 шаруашылық туралы мәліметтерді қамтитын проблемалық-бағытталған деректер базасы қалыптастырылды. Зерттеуде тарихилық пен объективтілік қағидаттары, тарихи-құқықтық және салыстырмалы-құқықтық талдау, просопографиялық әдіс, тарихи информатика мен сандық талдау тәсілдері қолданылды.
Зерттеу нәтижесінде қуғын-сүргінге ұшыраған Бұқтырма ескі сенімдегілерінің әлеуметтік-демографиялық, мүліктік және саяси келбеті қайта жаңғыртылып, олардың шаруашылық маманануының, отбасы құрылымының, мүліктік жағдайының және «кулак шаруашылықтары» санатына енгізілу тетіктерінің ерекшеліктері айқындалды. Қуғындалғандардың басым бөлігі егіншілік, мал шаруашылығы, омарташылық және марал шаруашылығын ұштастырған көпсалалы еңбекші отбасылық шаруашылықтардың өкілдері болғаны анықталды. Сонымен бірге олардың едәуір бөлігінің мүліктік көрсеткіштері кеңестік билік белгілеген кулак шаруашылығының ресми өлшемдеріне сәйкес келмегені дәлелденді. Қуғын-сүргіннің негізінде тек мүліктік емес, сонымен қатар әлеуметтік, саяси және конфессиялық факторлардың жиынтығы жатқандығы көрсетілді.
Мемлекеттік комиссияның жаңа әдіснамасын қолдану Бұқтырма ескі сенімдегілерін тәркілеу саясатын кеңестік аграрлық реформаның құрамдас бөлігі ретінде ғана емес, адамның табиғи әрі ажырамас құқықтарын жүйелі түрде бұзуға бағытталған жаппай саяси қуғын-сүргіннің көрінісі ретінде бағалауға мүмкіндік берді. Зерттеу нәтижелері меншік құқығының, еңбек нәтижелеріне иелік ету құқығының, күнкөріс көздерін еркін қамтамасыз ету құқығының, ар-ождан және діни сенім бостандығының, еркін жүріп-тұру құқығының, сондай-ақ отбасының дәстүрлі өмір салтын сақтап, балаларды тәрбиелеу құқығының жүйелі түрде шектелгенін дәлелдейді. Репрессиялық саясаттың нысаны жекелеген адамдар немесе шаруашылықтар ғана емес, тұтас жергілікті этноконфессиялық қауым болғаны көрсетіледі. Бұл олардың әлеуметтік-экономикалық, мәдени және рухани негіздерінің күйреуіне алып келді. Зерттеу нәтижелері Шығыс Қазақстандағы жаппай саяси қуғын-сүргіннің өңірлік ерекшеліктері туралы ғылыми түсініктерді толықтырып, Мемлекеттік комиссия

әзірлеген жаңа әдіснаманың кеңестік репрессиялық саясат құрбандарының әртүрлі санаттарын зерттеудегі жоғары эвристикалық әлеуетін айқындайды.
Түйін сөздер: Бұқтырма ескі сенімдегілері; ұжымдастыру; тәркілеу; кулактарды жою; саяси қуғын-сүргін; Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия; табиғи құқықтар; салыстырмалы-құқықтық талдау; просопография; тарихи информатика; проблемалық-бағытталған деректер базасы; Қазақ Алтайы; Зырян ауданы; Семей округі; Шығыс Қазақстан.
Алғыс айту. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің ЖТН «BR24993057 «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында дайындалды.

IRSTI: 03.23.55; 03.23.31; 03.61.91

THE BUKHTARMA OLD BELIEVERS UNDER COLLECTIVIZATION AND DEKULAKIZATION IN ZYRYAN DISTRICT OF THE SEMIPALATINSK OKRUG

Saule A. Zhakisheva[1]

[1]Doctor of Historical Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan; e–mail: adiconilau@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0319-298X

Abstract. This article presents the first comprehensive study of the dekulakization of the Bukhtarma Old Believers in the Zyryan District of the Semipalatinsk Okrug as an integral component of the system of mass political repression implemented in Kazakhstan during the late 1920s and early 1930s. The research is based on the contemporary methodological framework developed by the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repression, which interprets collectivization, property confiscation, dekulakization, forced resettlement, and anti-religious campaigns as interconnected elements of a unified repressive policy pursued by the Soviet state.

The study draws upon a broad corpus of published and unpublished archival materials from central and regional archives of Kazakhstan. For the first time, extensive documentary records from the State Archive of East Kazakhstan Region have been introduced into scholarly circulation. On their basis, a problem-oriented database comprising information on 865 dekulakized households was created. The methodological framework combines the principles of historicism and objectivity with comparative legal analysis, historical legal analysis, prosopography, historical informatics, and quantitative research methods.

The research reconstructs the socio-demographic, economic, and political profile of the repressed Bukhtarma Old Believers and identifies the principal features of their household organization, economic specialization, family structure, and the

mechanisms by which they were classified as kulak households. The findings demonstrate that most of the repressed families operated diversified labour-based household economies combining crop cultivation, livestock breeding, beekeeping, and, in some cases, maral farming. At the same time, the economic characteristics of many households did not correspond to the official Soviet criteria defining kulak farms. The study shows that repression was determined not only by property qualifications but also by a combination of political, social, and confessional factors.
Applying the new methodological approaches developed by the State Commission makes it possible to interpret the dekulakization of the Bukhtarma Old Believers not merely as an instrument of Soviet agrarian policy but as a form of mass political repression accompanied by systematic violations of fundamental human rights. The confiscation of property, forced deportation, compulsory labour in special settlements, suppression of religious life, and destruction of traditional economic practices resulted in the violation of the right to property, the right to earn a livelihood, freedom of movement, freedom of conscience, the right of families to preserve their traditional way of life, and parents' right to raise and support their children. The study demonstrates that the object of state repression was not only individual households but the entire local ethno-confessional community, leading to the destruction of its economic, social, cultural, and spiritual foundations. The findings substantially expand current understanding of the regional specificities of Soviet political repression in Eastern Kazakhstan and demonstrate the heuristic potential of the State Commission's methodological framework for studying diverse categories of victims of Soviet repressive policies.
Keywords: Bukhtarma Old Believers; collectivization; dekulakization; political repression; State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repression; natural human rights; comparative legal analysis; prosopography; historical informatics; problem-oriented database; Kazakh Altai; Zyryan District; Semipalatinsk Okrug; Eastern Kazakhstan
Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Program-targeted financing (IRN: BR24993057) «Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repression in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation» of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Введение

История старообрядческого населения Казахского Алтая традиционно занимает особое место в социальной, этнокультурной и конфессиональной истории Восточного Казахстана. Одной из наиболее самобытных групп русского населения региона являются бухтарминские старообрядцы, сформировавшиеся в результате нескольких миграционных волн XVII–XVIII вв. и длительного существования в условиях относительной изоляции в горных районах Южного Алтая. На протяжении более двух столетий они сохраняли своеобразный хозяйственный уклад, конфессиональные традиции и локальную идентичность,

что обусловило устойчивый интерес к ним со стороны историков, этнографов и антропологов.

Вместе с тем судьба бухтарминских старообрядцев в период реализации политики ликвидации кулачества как класса до настоящего времени не получила комплексного освещения в отечественной историографии. Особенности их хозяйственного уклада, высокий уровень имущественной обеспеченности значительной части хозяйств, компактное расселение и религиозная обособленность обусловили включение многих старообрядческих семей в число объектов массовых политических репрессий конца 1920-х – начала 1930-х гг. Конфискация имущества, раскулачивание, принудительное выселение и другие формы государственного принуждения оказали долговременное влияние не только на их социально-экономическое положение, но и на сохранение этноконфессиональной идентичности и традиционного образа жизни.

Актуальность исследования определяется необходимостью переосмысления судьбы бухтарминских старообрядцев в свете новых концептуальных подходов, разработанных Государственной комиссией по полной реабилитации жертв политических репрессий. В отличие от традиционной историографии, сосредоточенной преимущественно на реконструкции событий и характеристике репрессивных кампаний, современная методология предполагает комплексный анализ государственной политики с позиций естественного права, современных международно-правовых стандартов защиты прав человека и оценки последствий репрессивных практик для различных категорий населения. В рамках данного подхода массовая конфискация имущества, раскулачивание, коллективизация и принудительные переселения рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой советской репрессивной системы, повлекшей систематическое нарушение естественных и неотъемлемых прав человека.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении бухтарминских старообрядцев как самостоятельной подкатегории жертв массовых политических репрессий в контексте современной методологии Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, основанной на комплексном историко-правовом анализе репрессивной политики советского государства. Исследование опирается на ранее не введенные в научный оборот архивные материалы, позволяющие реконструировать масштабы, механизмы и последствия раскулачивания на примере одного из районов региона[1], а также впервые показать репрессии против бухтарминских старообрядцев не только как элемент аграрной политики советского государства, но и как систему массовых нарушений естественных прав человека. Такой подход позволяет расширить представления о региональной специфике политических репрессий в Восточном Казахстане и дополнить

[1] В 1928 году был образован Зыряновский район Семипалатинской области с административным центром в селе Зыряновское. В 1932 году Зыряновский район был передан вновь созданной Восточно-Казахстанской области.

современные исследования по истории реабилитации жертв массовых политических репрессий.

Историография изучения бухтарминских старообрядцев

Первые сведения о населении Бухтарминской долины содержатся в трудах исследователей XVIII–XIX вв. – П. С. Палласа (Паллас, 1770), А. А. Принтца (Принтц, 1867), Н. М. Ядринцева (Ядринцев, 1885), М. В. Швецовой (Швецова, 1899) и других авторов. Их работы посвящены преимущественно хозяйственному освоению Южного Алтая, особенностям расселения русского населения и его взаимодействию с казахами и алтайцами. Несмотря на преимущественно описательный характер, они заложили источниковую и фактографическую основу последующего изучения бухтарминских старообрядцев.

Классическим исследованием истории, культуры и хозяйственного уклада бухтарминских старообрядцев остается монография Е. Э. Бломквиста и Н.П. Гринковой «Бухтарминские старообрядцы» (Бломквист, Гринкова, 1930)[2]. Авторы впервые комплексно исследовали происхождение, социальную организацию, хозяйственную деятельность, семейный быт и религиозную жизнь старообрядческого населения, показав, что своеобразие бухтарминских общин определялось не только конфессиональной принадлежностью, но и спецификой освоения приграничного пространства Южного Алтая. Особое внимание было уделено процессу формирования единой локальной общности из нескольких групп переселенцев. Исследователи отмечали, что основную часть населения составляли старообрядцы-кержаки[3], тогда как самоназвание «каменщики» было связано с первоначальным расселением в труднодоступных горных районах («среди камней»). Наряду с ними значительную роль в формировании бухтарминских общин сыграли так называемые «поляки»[4] – потомки ветковских старообрядцев, переселенных на Алтай после ликвидации старообрядческого центра в Ветке[5] во второй половине XVIII в. Авторы также показали, что различия между «кержаками» и «поляками» постепенно нивелировались благодаря длительному совместному проживанию, хозяйственным связям и смешанным бракам, вследствие чего к XIX в. сформировалась единая историко-культурная общность бухтарминских старообрядцев.

Несколько особняком от староверцев находились православные переселенцы–новоселы: кержаки называли их «расея» (составляли в деревнях в

[2] Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова – члены этнографической Казахстанской экспедиции Академии наук СССР, проходившей в начальный период землеустройства 1927 г., когда продолжился процесс перераспределения земли между казахским населением, старообрядцами и прибывшими переселенцами. См.: Лихачев Е. Крестьянские хозяйства Бухтарминских старообрядцев // Проект Байкал. 2021. Т. 18. № 67. С. 157–162. С. 159.

[3] Кержаки — выходцы главным образом из Нижегородского Заволжья (от названия реки Керженец).

[4] «Поляки» — название группы старообрядцев, переселенных на Алтай с территорий бывшей Речи Посполитой (Беларуси, Литвы и Правобережной Украины), вошедших в состав Российской империи после ее разделов. Термин указывает на территорию прежнего проживания переселенцев, а не на их польское этническое происхождение.

[5] Термин «ветки» (или «ветковские старообрядцы», «ветковцы») в исторической литературе обозначает потомков старообрядцев, происходивших из крупного старообрядческого центра Ветка, существовавшего в XVII–XVIII вв. на территории современной Гомельской области Беларуси. После ликвидации этого центра российскими властями значительная часть его населения была насильственно переселена в различные регионы Российской империи. С конца XVIII в. ветковские переселенцы появились в долинах рек Бухтармы, Убы, Ульбы, Катуни и Чарыша. Позднее они расселились по территории современного Восточного Казахстана, Алтайского края и Республики Алтай.

основном 25–27%). Это обычно была беднейшая часть населения, которая работала в кержацких хозяйствах в качестве сезонных и постоянных батраков. В материалах Катон-Карагайского районного исполнительного комитета на 1 августа 1927 г. подчеркивалась высокая имущественная обеспеченность старообрядческого населения: например, в деревне Белой 244 хозяйства (88 %) относились к категории зажиточных, что впоследствии стало одним из факторов их включения в кампанию раскулачивания (Бломквист, Гринкова, 1930: 51).

Анализ современной постсоветской историографии (Латышев 2021; Латышев 2023), свидетельствует о существенном расширении исследовательской проблематики. Российская и казахстанская историография рассматриваются как единое научное пространство, сформировавшееся на основе общего советского наследия, единой источниковой базы и активного научного взаимодействия исследователей (Латышев, 2023: 391).

Если для советской историографии было характерно преобладание этнографической проблематики, то современные исследования сосредоточены на изучении этноконфессиональной идентичности, последствий коллективизации, антирелигиозной политики и массовых политических репрессий. Значительное место занимают исследования государственной политики в отношении религиозных общин как составной части социалистической реконструкции деревни. В центре внимания находятся механизмы экономического, административного и идеологического давления, ликвидация религиозных организаций, преследование духовенства и активных мирян, а также разрушение традиционных форм самоорганизации религиозных сообществ (Алпыспаева, Саяхимова, 2022; Алпыспаева, Аубакирова, 2024). Практически не изучена проблема миграций, включая бегство части бухтарминских старообрядцев в Синьцзян в начале 1930–х гг.

Следует отметить, что в большинстве исследований коллективизация и раскулачивание анализируются преимущественно как социально-экономические преобразования или составная часть аграрной политики советского государства. Применительно к бухтарминским старообрядцам основное внимание уделяется трансформации хозяйственного уклада, демографическим изменениям и эволюции конфессиональной жизни, тогда как правовые основания репрессивных кампаний и их последствия с точки зрения нарушения фундаментальных прав человека до настоящего времени остаются недостаточно изученными.

Новый этап осмысления массовых политических репрессий связан с деятельностью Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, разработавшей концептуально новую методологию их исследования. Она основана на комплексном историко-правовом анализе партийно-государственных решений, нормативных актов и практики их реализации с позиций естественного права, общечеловеческих ценностей и современных международно-правовых стандартов защиты прав человека. В рамках данного подхода коллективизация, конфискация имущества, раскулачивание, принудительные переселения и антирелигиозная политика

рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой системы политических репрессий, сопровождавшейся систематическим нарушением естественных и неотъемлемых прав человека.

Принципиальная новизна данной методологии заключается в смещении исследовательского акцента с реконструкции репрессивных мероприятий на анализ их правовых и гуманитарных последствий. Предметом изучения становятся не только масштабы государственного насилия, но и конкретные формы нарушения естественных прав человека, включая право собственности, право на свободный труд и средства существования, свободу передвижения и совести, право на сохранение семьи, традиционного образа жизни и т. д.

В настоящем исследовании раскулачивание бухтарминских старообрядцев Зыряновского района Семипалатинского округа рассматривается как составная часть системы массовых политических репрессий, затронувшей одну из наиболее самобытных этноконфессиональных общин Восточного Казахстана. Применение методологических подходов Государственной комиссии позволяет по-новому интерпретировать архивные материалы, раскрыть взаимосвязь экономических, административных и конфессиональных механизмов репрессивной политики и дать ее оценку через призму системного нарушения естественных и неотъемлемых прав человека.

Материалы и методы исследования

Источниковую основу исследования составляет комплекс опубликованных и неопубликованных документов, отражающих реализацию политики коллективизации и раскулачивания в Зыряновском районе Семипалатинского округа в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Основной массив источников сосредоточен в фонде № 7 Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО, ф. 7, оп. 1, д. 70, 87, 117, 141–166), содержащем материалы окружных и районных органов управления, комиссий по раскулачиванию, сельских советов и других учреждений, непосредственно осуществлявших конфискацию имущества и выселение крестьянских хозяйств. Кроме того, использованы документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (Ф. 247), Архива Президента Республики Казахстан (Ф. 141), Центрального государственного архива общественно-политической истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО, ф. 152, оп. 1, д. 665; ф. 578, оп. 1, д. 83), а также опубликованные материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий.

Документальный комплекс включает нормативно-правовые акты, постановления, протоколы заседаний, служебную переписку, статистические отчеты, материалы текущего делопроизводства партийных и советских органов, характеристики на раскулаченных, учетные документы, обращения репрессированных и членов их семей. Сопоставление документов различных уровней управления позволило проследить взаимосвязь между нормативным регулированием репрессивной политики и практикой ее реализации на территории Восточного Казахстана.

Особую ценность представляют характеристики, архивные справки и учетные документы, составленные в отношении лиц, подвергшихся раскулачиванию. Несмотря на выраженную идеологическую направленность и необходимость критического источниковедческого анализа, они содержат уникальные сведения о составе семей, имущественном положении, хозяйственной специализации, конфессиональной принадлежности, размерах посевов, количестве скота, использовании наемного труда и обстоятельствах репрессирования. Их комплексное использование позволяет реконструировать социально-экономический облик бухтарминских старообрядцев и определить их место в структуре раскулаченного населения Зыряновского района.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и комплексного анализа источников, а также концептуальные положения, разработанные Государственной комиссией по полной реабилитации жертв политических репрессий. Исследование опирается на сравнительно-правовой анализ советского законодательства, концепции естественного права и современных международно-правовых стандартов защиты прав человека. Такой подход позволяет рассматривать коллективизацию, конфискацию имущества, раскулачивание и принудительные переселения не только как элементы аграрной политики советского государства, но и как взаимосвязанные формы массовых политических репрессий, сопровождавшихся систематическим нарушением фундаментальных прав человека.

Важное место в исследовании занимает просопографический подход, позволивший рассматривать раскулаченных старообрядцев не как совокупность отдельных биографий, а как локальную историческую общность, объединенную общими социальными, хозяйственными и конфессиональными характеристиками. Основным исследовательским инструментом стала проблемно-ориентированная база данных, сформированная на основе архивных материалов о 865 хозяйствах, подвергнутых конфискации имущества и выселению. Для ее создания была разработана унифицированная анкета, включающая 96 показателей, отражающих социально-демографические, имущественные, хозяйственные и конфессиональные характеристики репрессированных семей. В качестве источников использовались протоколы сельских советов, характеристики на раскулаченных, архивные справки ОГПУ, материалы служебной переписки и документы административного делопроизводства. Унификация показателей обеспечила сопоставимость сведений, содержащихся в документах различного происхождения, и возможность их последующего количественного анализа.

В качестве примера можно привести характеристику, утвержденную на заседании Верхне–Мякотинского сельского совета и составленную на основании материалов Восточного отдела ПП ОГПУ по Казахстану.

«Характеристика кулака Маюнова Фиалога Леонтьевича

Маюнов Фиалог Леонтьевич 1901 года рождения Верхне-Мякотинск, жена Зиновья 30 лет, сын Аким 1915 года, дочь Устиня 1907 года. Русский (кержак), кулак. Лишен голоса в 1930 году за эксплуатацию чужого труда. С/х –

пчеловодство. До 1919 года крупное кулацкое хозяйство – пчеловодство, животноводство, полеводство, сложные с/х машины, наем батраков. 1919-27 гг. Посев 15,5 га., лошадей 9, коров 10, баранов 30, пчел 16, свинья 1, дом, 2 амбара, сенокосилка, грабли, 2 плуга, хоток, телега, веялка и найм рабочих сроковых и сезонных. Доход 1023 руб., Налог 102 руб. Имущество 1927 года не изменилось. Доход 314 руб, налогу 26 руб, имел сроковых и сезонных рабочих. Хозяйство все растранжирил» (ГАВКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 160: 13). Документ содержит развернутую информацию о составе семьи, конфессиональной принадлежности, имущественном положении, специализации хозяйства, размерах посевных площадей, количестве скота и пчелосемей, наличии сельскохозяйственного инвентаря, использовании наемного труда, размере доходов и налоговых обязательств, а также включает оценочные характеристики, отражающие официальную позицию органов власти в отношении репрессируемого хозяйства (ГАВКО, ф. 7, оп. 1, д. 160: 4). Именно подобные документы стали основным источником для реконструкции социального портрета раскулаченных крестьян Зыряновского района.

Для обработки базы данных применялись методы исторической информатики, аналитической просопографии, математико-статистического анализа и группировки данных. Их использование позволило реконструировать коллективный социальный портрет бухтарминских старообрядцев, определить особенности их хозяйственной специализации, имущественного положения, семейной структуры и механизмов включения в категорию «кулацких» хозяйств, а также выявить закономерности выселения и конфискации имущества. Сочетание количественного анализа с историко-правовой интерпретацией архивных материалов обеспечило возможность рассмотреть раскулачивание не только как административно-политическую кампанию, но и как систему репрессивных практик, затронувших экономические, социальные, конфессиональные и культурные основы жизни бухтарминских старообрядцев.

Социально–экономический уклад старообрядческих хозяйств Бухтарминской долины

Социально–экономический уклад бухтарминских старообрядцев складывался на протяжении более полутора столетий под воздействием специфических природно-географических условий Казахского Алтая. Изолированность Бухтарминской долины, удаленность от административных центров и относительная автономность хозяйственной жизни способствовали формированию устойчивой модели традиционного крестьянского хозяйства, сочетающей земледелие, животноводство, пчеловодство, мараловодство, охотничьи промыслы и различные виды сезонного заработка.

Основу экономической жизни бухтарминских старообрядцев составляло семейное трудовое хозяйство. В отличие от многих переселенческих районов Сибири, где наблюдалась высокая степень социальной дифференциации, в старообрядческих селениях Бухтарминского края преобладали хозяйства, основанные преимущественно на труде членов семьи. Наличие многочисленных семей обеспечивало достаточное количество рабочих рук и позволяло успешно

вести хозяйство без привлечения постоянной наемной силы. Это позволяло сохранять относительную экономическую независимость. Наличие больших семей способствовало концентрации трудовых ресурсов и обеспечивало устойчивость хозяйств даже в сложных природно–климатических условиях.

Особую роль играло пчеловодство, ставшее одной из наиболее характерных отраслей экономики Бухтарминского края. Благоприятные природные условия горно–таежной зоны способствовали развитию товарного производства меда и воска, которые реализовывались далеко за пределами региона. Многие семьи владели десятками ульев, а доходы от пчеловодства нередко превышали прибыль от земледелия. Наряду с этим важную роль играли скотоводство (коневодство, выращивание крупного и мелкого рогатого скота), мараловодство и земледелие. Старообрядцы выращивали зерновые культуры, обеспечивая собственные потребности и формируя определенный товарный излишек.

Существенной особенностью бухтарминского хозяйства являлась его комплексность. В отличие от специализированных хозяйств степных районов Казахстана, здесь практически каждая семья сочетала несколько видов экономической деятельности. Такая диверсификация позволяла снижать риски, связанные с климатическими условиями, неурожаями или колебаниями цен на продукцию.

Именно подобная хозяйственная устойчивость, относительное благополучие значительной части этого населения впоследствии стали одной из причин включения многих старообрядческих семей в категорию «кулацких» хозяйств. В условиях перехода к политике сплошной коллективизации хозяйственная самостоятельность все чаще воспринималась властями как проявление социально–экономической обособленности и потенциального сопротивления советским преобразованиям. Экономическая самостоятельность, наличие хозяйственных построек, сельскохозяйственного инвентаря, пасек и скота зачастую воспринимались как признаки социальной эксплуатации независимо от реального характера организации труда.

Материалы архивных дел и результаты исследования социального состава раскулаченных хозяйств Зыряновского района показывают, что многие семьи, отнесенные к категории кулаков, представляли собой типичные трудовые хозяйства старожильческого населения. Таким образом, объектом репрессивной политики стали не только действительно зажиточные хозяйства, но и значительная часть наиболее экономически устойчивого слоя бухтарминского общества.

Материалы исследования позволяют сделать важное наблюдение: многие хозяйства, подвергшиеся раскулачиванию в Зыряновском районе, по своим экономическим показателям не являлись крупными собственниками. Средний размер посевных площадей был сопоставим с хозяйствами среднего достатка, а к началу 1930–х гг. наблюдалось даже сокращение размеров обрабатываемых земель. Это свидетельствует о том, что критерии отнесения к категории кулаков

зачастую определялись не столько реальным имущественным положением, сколько политическими установками периода коллективизации.

Важной особенностью развития бухтарминских старообрядческих общин являлось их тесное хозяйственное взаимодействие с коренным населением Южного Алтая (Куприянова, 2019). Несмотря на конфессиональную замкнутость, старообрядцы поддерживали устойчивые экономические связи с казахами и алтайцами, что способствовало взаимной адаптации в условиях приграничного региона. Показательно, что многие бухтарминцы свободно владели казахским, алтайским, монгольским и китайским языками, что существенно отличало их от большинства русского населения Сибири и свидетельствовало о длительных и регулярных контактах с местным населением.

Особенно активно взаимодействие проявлялось в хозяйственной сфере. Казахи являлись основными поставщиками рабочего и продуктивного скота, а также изделий из шерсти, кожи и войлока. Вместе с тем они широко привлекались старообрядцами в качестве сезонных работников для выполнения сельскохозяйственных работ, охраны пасек и маральников, обработки шерсти, изготовления упряжи и других ремесленных изделий. Примечательно, что при найме работников определяющее значение имели их профессиональные навыки, тогда как этническая и конфессиональная принадлежность не играла существенной роли. Подобные хозяйственные связи свидетельствуют о высокой степени экономической интеграции старообрядческих общин в региональное пространство, сохранившейся вплоть до начала советской модернизации.

Важным фактором интеграции старообрядческих общин в полиэтничное пространство Казахского Алтая стали брачные связи с представителями коренного населения. Хотя подобные союзы не носили массового характера, они способствовали преодолению демографической замкнутости небольших горных поселений, где выбор брачного партнера ограничивался как малочисленностью населения, так и строгими нормами старообрядческого брачного права, запрещавшими близкородственные браки. Как правило, такие браки заключались между старообрядцами и крещеными в старую веру казахскими женщинами, которые постепенно интегрировались в русскую конфессиональную среду, сохраняя при этом отдельные элементы своего происхождения. Эти обстоятельства существенно повлияли на традиции свадебных церемоний среди «каменщиков». В частности, практика брака «похищением» играла важную роль, а также существовал обычай уплаты значительной суммы, известной как «кладка» или «выговор», которая представляет собой выкуп за невесту и могла достигать 200 рублей (ЦДНИ ВКО, ф. 152, оп. 1, д. 665: 84). Отмечалось, что «почти в каждой деревне могут указать один или несколько домов, где дед или прадед, бабка или прабабка были «кыргызы» (Бломквист, Гринкова, 1930: 45).

Подобные семейные связи не привели к размыванию старообрядческой идентичности. Напротив, они стали одним из механизмов демографической устойчивости общин и одновременно способствовали укреплению добрососедских отношений с коренным населением. Родственные связи сохраняли свое значение и в советский период: по воспоминаниям

современников, в годы коллективизации старообрядцы нередко предупреждали своих казахских родственников о предстоящих репрессивных акциях и оказывали им помощь, укрывая от арестов и высылки.

Бухтарминские старообрядцы в социальной структуре раскулаченного крестьянства Зыряновского района

Политика раскулачивания в Зыряновском районе реализовывалась в рамках общесоюзной кампании ликвидации кулачества как класса, однако в условиях Казахского Алтая она приобрела ряд специфических особенностей. Если в казахских районах основным объектом репрессий выступали крупные скотовладельцы и представители сельской «аристократии» и бывшего царского чиновничества, то в старообрядческих поселениях под ударом оказались прежде всего экономически самостоятельные семейные хозяйства. Таким образом, раскулачивание представляло собой не отдельный административный акт, а комплексную систему политических, экономических и социальных мер, направленных на ликвидацию наиболее самодостаточной части сельского населения, обладавшего огромным влиянием на соплеменников.

Проведенный просопографический анализ позволяет реконструировать коллективный социально-демографический и политический портрет бухтарминских старообрядцев, подвергшихся раскулачиванию в Зыряновском районе. Исследование основано на материалах проблемно-ориентированной базы данных, включающей сведения о 865 репрессированных хозяйствах.

Установлено, что репрессиям подвергались преимущественно главы зрелых и экономически состоявшихся крестьянских хозяйств, и их семьи. Средний возраст репрессированных составлял 49,5 года, при этом наиболее многочисленной была возрастная группа 50–59 лет (40,5 %), тогда как лица моложе 30 лет составляли лишь 4,8 %. Подобная возрастная структура свидетельствует, что основным объектом раскулачивания являлись не молодые крестьяне, а поколение, сформировавшее хозяйства в дореволюционный период и обладавшее значительным производственным опытом. Значительную часть также составляли лица в возрасте 30–39 лет (21,4%) и 40–49 лет (16,6%), на которые в совокупности приходилось 38,0% репрессированных. Доля лиц старше 60 лет была относительно невысокой (16,7%).

Представленные данные позволяют сделать вывод, что политика ликвидации кулачества как класса была ориентирована, прежде всего, на экономически активную часть старообрядческого населения, являвшуюся основой семейных хозяйств и носителем традиционных форм хозяйствования. Это свидетельствует о том, что возраст являлся косвенным отражением хозяйственного статуса репрессируемых, поскольку репрессивные мероприятия затрагивали главным образом лиц, возглавлявших наиболее устойчивые и имущественно обеспеченные хозяйства.

Подавляющее большинство репрессированных составляли мужчины (91 %), что объясняется их статусом глав семейных хозяйств. По национальному составу преобладали русские (82 %) и русские-кержаки (14,3 %), тогда как представители других национальностей (украинцы, немцы и казахи) встречались

единично (по 1,3 %). Присутствие в документах отдельной категории «русские–кержаки» имеет принципиальное значение. Оно позволяет предположить, что значительная часть репрессированных принадлежала именно к старообрядческому населению Бухтарминского края. При реконструкции национального состава раскулаченных были встречены определенные проблемы, ввиду того что в период формирования личных характеристик репрессируемых ПП ОГПУ очень часто не обозначалось его религиозная принадлежность, что стирало границу между старообрядческим населением Казахского Алтая и недавно прибывшими переселенцами. Лишь в Верхне–Мякотинском сельсовете национальность кулаков обозначалось термином «русский–кержак», что скорее всего может быть распространено на большинство русского населения региона. Незначительная доля казахских хозяйств (1,3%) объясняется тем, что основная масса байских хозяйств была конфискована еще в ходе кампании 1928 г., предшествовавшей массовому раскулачиванию крестьянского населения.

Репрессированные характеризовались устойчивой семейной структурой. Численность членов семьи варьировалась от двух до десяти человек, однако наиболее распространенными были домохозяйства, состоявшие из четырех (29,7%), пяти (21,6%) и шести (13,5%) человек. Семьи, включавшие восемь человек, составляли 16,2% от общего числа. Средняя численность семьи составляла 5,3 человека, причем наиболее распространенными были семьи из четырех–пяти человек. Для большинства хозяйств (90%) было характерно наличие нескольких несовершеннолетних детей: в среднем в семье воспитывалось около трех детей младше 15 лет, а треть семей имела именно троих несовершеннолетних. Эти данные свидетельствуют, что раскулачивание затронуло преимущественно многодетные семьи трудоспособного возраста, лишая средств к существованию не только глав хозяйств, но и значительное число членов их семей. Наиболее типичной являлась семья с одним (48,3%) или двумя (32,2%) взрослыми сыновьями, что свидетельствует о преобладании трудовых семейных хозяйств, основанных преимущественно на использовании собственного труда.

Политическая биография репрессированных также имела существенное значение. Все они проходили по второй группе раскулачивания[6]. Анализ архивных материалов показал, что 27,3 % обследованной выборки ранее принимали участие в Алтайском восстании 1920 г. – одном из крупнейших антибольшевистских выступлений на территории Южного Алтая, вызванном политикой «военного коммунизма», продовольственными реквизициями,

[6] 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает секретное Постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», согласно которому все так называемые «кулаки» разделялись на три категории с различной мерой наказания. К 1–й категории причислялся проходящий по линии ОГПУ контрреволюционный кулацкий актив (организаторы и участники террористических актов, повстанческих групп, а также лица, замеченные или заподозренные в любых формах антисоветской агитации), который следовало ликвидировать путем заключения в концентрационные лагеря, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания – расстрела. Ко 2–й категории причисляли кулаков и подкулачников, т.е. наиболее зажиточных крестьян и сочувствующих им. Они подлежали принудительной высылке в малозаселенные местности СССР, а в пределах края (области) в отдаленные его районы. В 3–ю категорию входили оставляемые в пределах района кулаки, которых расселяли на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках.

мобилизациями, ограничением свободы торговли и вмешательством государства в традиционный хозяйственный и религиозный уклад сельского населения. Кроме того, 17 % репрессированных являлись участниками Белого движения, преимущественно в армии Колчака даже в офицерском чине, либо в военной дружине, а 9 % ранее состояли на службе в органах царской администрации: городовыми, жандармами, атаманами и т.д. Эти сведения позволяют сделать вывод, что при определении контингента раскулаченных учитывались не только имущественные показатели хозяйств, но и политическое прошлое их владельцев. Спустя почти десятилетие после окончания Гражданской войны участие в антибольшевистском движении продолжало рассматриваться советскими органами как признак политической неблагонадежности и служило дополнительным основанием для применения репрессивных мер.

Характерной особенностью исследуемой группы являлось практически полное лишение гражданских прав: 98,3 % репрессированных были поражены в правах еще до проведения раскулачивания. Формальными основаниями выступали использование наемного труда, владение сельскохозяйственной техникой, участие в торговле либо принадлежность к бывшим привилегированным слоям населения.

Почти половина обследованных владельцев хозяйств (46,7 %) ранее привлекалась к уголовной ответственности. Большинство осужденных привлекалось к ответственности по статье 61 УК РСФСР (75,9%), тогда как по статье 58 проходило 13,8% репрессированных. Это свидетельствует о формировании органами власти своеобразного «контингента политически неблагонадежных лиц», который в период коллективизации стал одной из первоочередных категорий жертв репрессивной политики.

Существенным фактором репрессий становилась религиозность населения. Старообрядцы традиционно воспринимались местными властями как социально замкнутая группа, недостаточно вовлеченная в советские общественные структуры. В результате религиозная принадлежность нередко становилась дополнительным аргументом при принятии решений о лишении избирательных прав и последующем раскулачивании.

Анализ распределения репрессированных по местам высылки показывает, что основным пунктом их размещения являлся Хамирский участок леспромхоза, урочище Широкий Лог, куда было направлено 558 хозяйств, или 77,5%. Остальные спецпереселенцы распределялись по другим населенным пунктам и участкам леспромхозов в значительно меньших масштабах.

Так, в Хамирский участок леспромхоза без указания конкретного урочища было направлено 51 хозяйство (7,1%), в Тургусунский участок леспромхоза, урочище «Бедарева пасека», – 39 хозяйств (5,4%), в урочище «Короткие речки» Хамирского участка – 33 хозяйства (4,6%), в поселок Орловка – 28 хозяйств (3,8%), тогда как в урочище Столбоуха было размещено лишь 11 хозяйств (1,5%). Сведения по более 100 хозяйствам отсутствуют. Подобное распределение полностью соответствовало общесоюзной практике начала 1930-х гг., когда спецпереселенцы использовались в качестве принудительной рабочей силы на

лесозаготовках, строительстве дорог и производственной инфраструктуры. Таким образом, высылка бухтарминских старообрядцев была направлена не только на политическую изоляцию и разрушение экономически самостоятельных хозяйств, но и на обеспечение лесной промышленности региона дешевыми трудовыми ресурсами.

Анализ хозяйственно-имущественных показателей позволяет существенно уточнить представления о социальном положении бухтарминских старообрядцев, подвергшихся раскулачиванию в Зыряновском районе. Полученные данные свидетельствуют, что большинство хозяйств представляло собой устойчивые семейные производственные комплексы, сочетавшие земледелие, животноводство, пчеловодство и в отдельных случаях мараловодство. При этом имущественные показатели далеко не всегда соответствовали образу крупного кулацкого хозяйства, сформированному в официальной советской классификации.

Наиболее показательны размеры посевных площадей. Почти половина хозяйств (45,9 %) засевала не более 4 десятин, еще 37,9 % – от 5 до 9 десятин. Следовательно, 83,8 % раскулаченных хозяйств имели менее десяти десятин посева. Средний размер пашни составлял 5,5 десятины, что значительно ниже показателей, характерных для кулацких хозяйств Алтая конца 1920-х гг., и сопоставимо скорее с зажиточными середняцкими хозяйствами. Это позволяет предположить, что к моменту проведения раскулачивания значительная часть хозяйств уже утратила прежний производственный потенциал под воздействием налогового давления, ограничительных мероприятий и общего кризиса сельской экономики.

Животноводство также не свидетельствует о массовом существовании крупных хозяйств. Половина семей (50 %) владела не более чем четырьмя лошадьми, а еще 25,9 % – от пяти до девяти. Таким образом, почти 76 % хозяйств имели менее десяти лошадей. Однако в условиях Южного Алтая количество лошадей нельзя оценивать исключительно как показатель имущественного благополучия. Горный рельеф, удаленность сенокосов и пастбищ, отсутствие развитой дорожной сети обусловливали высокую потребность в рабочем и верховом конском составе. Для бухтарминских старообрядцев лошадь являлась важнейшим элементом хозяйственной культуры и средством обеспечения мобильности, поэтому ее наличие определялось прежде всего особенностями природной среды.

Поголовье крупного рогатого скота также характеризовалось преобладанием небольших и средних хозяйств. 67,8 % семей содержали менее десяти голов КРС, тогда как свыше двадцати голов имели лишь 12,5 % хозяйств, а более пятидесяти голов – 3,6 %. Аналогичная ситуация наблюдается и в овцеводстве: более половины хозяйств (55,8 %) владели менее десятью овцами, тогда как владельцы крупных отар составляли сравнительно немногочисленную группу. Следовательно, животноводство было ориентировано преимущественно на обеспечение семейного хозяйства, а не на крупное товарное производство.

Особое место в экономике бухтарминских старообрядцев занимало мараловодство – одна из наиболее элитарных специфических отраслей хозяйства Южного Алтая. Возникнув в первой половине XIX в. под влиянием растущего спроса на панты марала на китайском рынке, оно постепенно стало важной составляющей экономики отдельных старообрядческих семей (15,6 % хозяйств). Однако мараловодство не носило массового характера. 84,4 % раскулаченных хозяйств вообще не содержали маралов, тогда как небольшие маральники (1–4 животных) имели лишь 7,8 % семей. Владельцы крупных стад встречались крайне редко: хозяйства, содержавшие более двадцати маралов, составляли всего 2,6 % выборки. Следовательно, мараловодство являлось специализированной отраслью отдельных наиболее предприимчивых хозяйств, а не характерной чертой большинства бухтарминских старообрядцев. Вместе с тем именно эти хозяйства обеспечивали производство высоколиквидной продукции – пантов, экспортировавшихся в Китай, что делало мараловодство одной из наиболее доходных отраслей региональной экономики. Коллективизация, раскулачивание и эмиграция значительной части старообрядцев в Синьцзян привели к резкому сокращению поголовья маралов и фактическому разрушению этой традиционной отрасли хозяйства.

Еще одной отличительной особенностью экономики бухтарминских старообрядцев являлось пчеловодство. Пасеки имелись почти у 60 % хозяйств (59,8 %), причем их размеры свидетельствуют о высокой степени товарности производства. Среди владельцев пасек почти половина содержала от 21 до 40 ульев, а еще 28 % владели крупными пасеками численностью свыше 50 ульев, включая хозяйства, имевшие более ста ульев. В условиях Южного Алтая именно пчеловодство выступало одной из наиболее прибыльных отраслей семейной экономики, обеспечивая устойчивые денежные доходы при относительно небольших земельных ресурсах. В отличие от мараловодства оно носило массовый характер и являлось важнейшей особенностью хозяйственной специализации бухтарминских старообрядцев.

Практически отсутствовало свиноводство: 89,6 % хозяйств не содержали свиней. Это отражало как природно-климатические особенности региона, так и традиционную структуру хозяйства старообрядческого населения, ориентированного преимущественно на земледелие, коневодство, крупный рогатый скот, овцеводство и пчеловодство.

Дополнительную характеристику имущественного положения дают сведения о жилых и хозяйственных постройках. 66,7 % семей владели одним жилым домом, а 66,2 % не имели отдельного амбара. Следовательно, большинство раскулаченных хозяйств не обладало развитым комплексом хозяйственных построек, традиционно рассматриваемым как один из признаков крупного товарного хозяйства.

Особого внимания заслуживает использование наемного труда, которое являлось одним из основных оснований для признания хозяйства кулацким. Архивные материалы подтверждают применение батрачества частью старообрядческих хозяйств, однако количественный анализ свидетельствует, что

потребность в наемных работниках во многом определялась масштабами семейного производства и численностью трудоспособных членов семьи. Между количеством членов семьи и площадью посевов прослеживается устойчивая положительная зависимость: по мере увеличения состава семьи возрастал объем обрабатываемой земли. В хозяйствах, утративших трудоспособных мужчин, а также в периоды сезонных полевых работ привлечение батраков становилось необходимым условием сохранения хозяйства. Следовательно, использование наемного труда далеко не всегда являлось признаком капиталистической эксплуатации, а зачастую отражало объективные особенности функционирования семейной экономики.

Анализ доходности хозяйств показывает их последовательное экономическое ослабление накануне коллективизации. Если в 1919–1927 гг. средний годовой доход составлял около 2109,7 руб., то в 1928 г. он сократился до 1702,5 руб., а в 1929 г. – до 321,4 руб., то есть более чем в шесть раз. Несмотря на это, при составлении характеристик органы власти нередко использовали сведения о доходах наиболее благополучных лет, что искусственно завышало имущественную оценку хозяйств и облегчало их отнесение к категории кулацких.

Характерной иллюстрацией данной тенденции является кулацкое хозяйство Викулы Вавиловича Гановичева (ГАВКО. Ф.7. Оп. 1. Д. 160: 49). За период с 1919 по 1930 гг. площадь посевов сократилась почти вдвое, количество лошадей уменьшилось с 15 до 3, крупного рогатого скота – с 30 до 2 голов, значительно сократилось поголовье овец и маралов. Единственной отраслью, сохранившей устойчивое развитие, оставалось пчеловодство, где количество ульев продолжало увеличиваться. Данный пример наглядно демонстрирует, что многие хозяйства подвергались раскулачиванию уже после существенной утраты своего экономического потенциала.

В целом проведенный анализ показывает, что большинство раскулаченных хозяйств бухтарминских старообрядцев представляло собой трудовые семейные хозяйства, приспособленные к природным условиям Южного Алтая и основанные на рациональном сочетании земледелия, животноводства, пчеловодства и, в отдельных случаях, мараловодства. Их экономическая устойчивость обеспечивалась прежде всего многолетним трудом семьи, отраслевой диверсификацией и адаптацией к особенностям горного региона. К моменту проведения раскулачивания значительная часть хозяйств уже переживала сокращение посевных площадей, поголовья скота и денежных доходов, однако именно они были отнесены к категории «кулацких». Это свидетельствует о том, что имущественные показатели далеко не всегда являлись определяющим основанием репрессирования. С позиций современной методологии Государственной комиссии подобная практика позволяет рассматривать раскулачивание бухтарминских старообрядцев не только как инструмент аграрной политики, но и как форму политического преследования, сопровождавшуюся лишением собственности, результатов многолетнего

семейного труда и разрушением традиционной экономической модели одной из наиболее самобытных этноконфессиональных общин Восточного Казахстана.

Раскулачивание бухтарминских старообрядцев как система нарушений естественных прав человека

Современные исследования, выполненные в рамках деятельности Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, позволяют рассматривать коллективизацию и раскулачивание не только как социально-экономическую или политическую кампанию советского государства, но и как систему массовых нарушений естественных и неотъемлемых прав человека. В соответствии с разработанной методологией оценка репрессивной политики основывается не только на анализе советского законодательства, но и на сравнении его с принципами естественного права и современными международно-правовыми стандартами защиты прав человека. Такой подход позволяет исследовать раскулачивание бухтарминских старообрядцев не только как форму государственного принуждения, но и как целенаправленное разрушение экономической, социальной, семейной и духовной основы существования локального этноконфессионального сообщества.

Одним из наиболее очевидных проявлений репрессивной политики стало нарушение права собственности. Конфискации подлежали практически все элементы хозяйственного комплекса старообрядческих семей: земельные участки, жилые дома, хозяйственные постройки, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и продуктивный скот, пасеки, маральники, запасы зерна и иное имущество. Архивные материалы свидетельствуют, что основанием для конфискации зачастую становилось не совершение противоправных действий, а сам факт хозяйственной успешности, наличия развитого семейного хозяйства или имущественной обеспеченности. В результате ликвидировалась экономическая база существования старообрядческих общин, а право человека свободно владеть, пользоваться и распоряжаться результатами собственного труда фактически отрицалось государственной политикой. Для бухтарминских старообрядцев, традиционно строивших хозяйственную деятельность на семейном труде и многолетнем накоплении имущества, подобная практика означала разрушение экономической самостоятельности, складывавшейся на протяжении нескольких поколений.

Не менее существенным являлось нарушение права самостоятельно добывать средства существования. Традиционная экономика бухтарминских старообрядцев основывалась на сочетании земледелия, животноводства, пчеловодства, мараловодства, охотничьих промыслов и переработки сельскохозяйственной продукции. Именно комплексный характер хозяйства обеспечивал устойчивость семей и позволял существовать в специфических природно-климатических условиях Южного Алтая. Конфискация имущества, последующее принудительное включение в колхозы или высылка полностью разрушали эту экономическую систему. Государство не только изымало имущество, но и лишало людей возможности продолжать традиционную

хозяйственную деятельность, самостоятельно обеспечивать продовольствием свои семьи и распоряжаться результатами собственного труда. Тем самым нарушалось одно из фундаментальных естественных и неотъемлемых прав человека – право обеспечивать свое существование посредством свободного труда и законной хозяйственной деятельности. Особенно тяжелыми последствия оказались для старообрядцев, хозяйственная культура которых была основана на высокой степени самообеспечения и экономической автономии.

Одной из наиболее тяжелых форм репрессивного воздействия стало ограничение права на свободу передвижения. Значительная часть раскулаченных семей была принудительно выселена за пределы постоянного места проживания и направлена в специальные поселения либо на принудительные работы. Насильственное перемещение сопровождалось запретом свободного выбора места жительства, невозможностью возвращения в родные населенные пункты и длительным административным контролем. Для бухтарминских старообрядцев подобные меры имели особое значение, поскольку их локальная идентичность формировалась в тесной связи с конкретным природным пространством Бухтарминской долины, где на протяжении более двух столетий складывались хозяйственные, семейные и конфессиональные связи. Следовательно, высылка означала не только изменение места проживания, но и утрату исторически сформированной среды существования общины.

Особое место занимает нарушение свободы совести и вероисповедания. Хотя формально раскулачивание проводилось по социально-экономическим критериям, в отношении бухтарминских старообрядцев оно объективно затрагивало религиозную организацию общины. Старообрядческая культура основывалась на неразрывной связи религиозной жизни, семейного уклада и хозяйственной деятельности. Разрушение экономически самостоятельных хозяйств, высылка наиболее авторитетных членов общины, ликвидация традиционных поселений и последующая антирелигиозная политика существенно ослабили механизмы воспроизводства конфессиональной идентичности. В результате репрессии были направлены не только против отдельных хозяйств, но и против исторически сложившегося старообрядческого сообщества как особой этноконфессиональной группы.

Не менее важным последствием коллективизации стало нарушение естественного права родителей воспитывать и обеспечивать своих детей. Архивные материалы показывают, что объектом репрессивной политики являлись не отдельные лица, а целые семейные хозяйства, включавшие многочисленных несовершеннолетних детей. Согласно результатам проведенного исследования, большинство раскулаченных представляли собой многодетные семьи, состоявшие из четырех, пяти, шести и более человек, причем значительную часть их членов составляли дети. Конфискация имущества, высылка и утрата источников существования автоматически распространяли последствия репрессий на всех членов семьи независимо от возраста и личной ответственности. Родители лишались возможности самостоятельно обеспечивать детей продовольствием, жильем, необходимыми средствами

существования и продолжать их воспитание в привычной социальной и культурной среде. Таким образом, репрессии носили коллективный характер и затрагивали фундаментальные основы семейной жизни.

Наконец, применительно к бухтарминским старообрядцам особое значение приобретает право сохранять традиционный образ жизни, которое в современной гуманитарной науке рассматривается как составная часть культурных прав личности и исторически сложившихся сообществ. Экономическая самостоятельность, многопоколенная семейная организация, традиционные формы хозяйствования, религиозная жизнь и локальная идентичность составляли единую систему существования бухтарминских старообрядцев. Политика коллективизации была направлена не только на изменение экономических отношений, но и на радикальную трансформацию всей социальной организации общины. Ликвидация семейных хозяйств, разрушение традиционной модели землепользования, принудительное переселение, включение населения в колхозную систему и последующее ослабление конфессиональной жизни привели к глубоким изменениям исторически сформировавшейся модели существования бухтарминских старообрядцев. В этом смысле объектом государственного воздействия являлся не только отдельный человек как собственник или налогоплательщик, но и вся этноконфессиональная общность, обладавшая собственной системой хозяйственных, культурных и духовных ценностей.

Таким образом, раскулачивание бухтарминских старообрядцев следует рассматривать не только как составную часть советской аграрной политики, но и как комплексную систему массовых нарушений естественных и неотъемлемых прав человека. Репрессивная политика была направлена одновременно против имущественной самостоятельности, свободы хозяйственной деятельности, свободы передвижения, свободы совести, права семьи на воспитание детей и сохранение традиционного образа жизни. В совокупности эти меры привели к разрушению социально-экономической и духовной основы существования одной из наиболее самобытных этноконфессиональных общин Восточного Казахстана, что позволяет рассматривать судьбу бухтарминских старообрядцев в контексте современных научно-правовых подходов к изучению массовых политических репрессий, разработанных Государственной комиссией по полной реабилитации жертв политических репрессий.

Последствия коллективизации для локальных старообрядческих сообществ

Последствия коллективизации для бухтарминских старообрядцев не ограничивались экономическими потерями. Гораздо более глубокие изменения затронули сферу социальной организации, культурной памяти и конфессиональной идентичности сообщества.

Традиционное старообрядческое общество основывалось на устойчивых семейно-родственных связях, религиозной солидарности и высокой степени хозяйственной автономии. Именно эти элементы обеспечивали сохранение

локальной идентичности на протяжении нескольких поколений. Коллективизация фактически разрушила все три составляющие данной системы.

Ликвидация самостоятельных хозяйств подорвала экономическую основу существования старообрядческих общин. Создание колхозов сопровождалось передачей земли, скота и инвентаря в коллективную собственность, что существенно ограничивало возможности сохранения традиционных хозяйственных практик. Особенно заметно это проявилось в сфере пчеловодства, где индивидуальный опыт и семейные традиции играли ключевую роль.

Для бухтарминских старообрядцев последствия коллективизации имели не только экономическое, но и культурное измерение. Под ударом оказались механизмы сохранения религиозных традиций, локальной памяти и исторической идентичности. Именно поэтому история раскулачивания в регионе должна рассматриваться не только как часть социально-экономической политики государства, но и как важный этап трансформации историко-культурного пространства Казахского Алтая.

Заключение

Проведенное исследование показало, что раскулачивание бухтарминских старообрядцев являлось составной частью общей политики коллективизации и ликвидации экономически самостоятельных слоев сельского населения, реализуемой советским государством в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Вместе с тем материалы массовых архивных источников свидетельствуют, что объектом репрессивной политики стали не только казахские байские хозяйства, но и значительная часть русского старожильческого населения Казахского Алтая, среди которого особое место занимали бухтарминские старообрядцы.

Количественный анализ архивных документов позволил реконструировать социально-демографический, имущественный и политический портрет раскулаченных старообрядцев, определить особенности их хозяйственной специализации, семейной организации и механизмы включения в категорию «кулацких» хозяйств. Полученные результаты свидетельствуют, что большинство репрессированных представляло собой трудовые семейные хозяйства, адаптированные к природно-климатическим условиям Южного Алтая и основанные на сочетании земледелия, животноводства, пчеловодства и отдельных специализированных отраслей хозяйства. При этом имущественные показатели значительной части хозяйств не соответствовали классическим признакам крупного кулацкого хозяйства, а основания для их репрессирования определялись совокупностью имущественных, социальных, политических и конфессиональных факторов.

Применение методологических подходов Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий позволило выйти за рамки традиционной интерпретации раскулачивания как исключительно социально-экономической кампании. Рассмотрение архивных материалов в контексте сравнительно-правового анализа советского законодательства, естественного права и современных международно-правовых стандартов защиты прав человека дает основания квалифицировать раскулачивание бухтарминских старообрядцев

как элемент единой системы массовых политических репрессий. Ее реализация сопровождалась систематическим нарушением фундаментальных естественных прав человека.

В отношении бухтарминских старообрядцев репрессивная политика была направлена не только против отдельных лиц или хозяйств, но и против локальной этноконфессиональной общины как исторически сложившейся формы социальной, экономической и культурной организации. Конфискация имущества, принудительное выселение, использование труда спецпереселенцев на лесозаготовках, разрушение традиционной системы хозяйствования и религиозной жизни привели к дезинтеграции общины и нарушению механизмов межпоколенческой передачи историко-культурного опыта.

Таким образом, исследование расширяет существующие представления о региональной специфике массовых политических репрессий в Восточном Казахстане и демонстрирует эвристический потенциал новых концептуальных подходов Государственной комиссии. Их применение позволяет рассматривать судьбу бухтарминских старообрядцев не только как один из региональных эпизодов коллективизации, но и как составную часть общей истории политических репрессий в Казахстане, основанной на комплексном анализе государственных репрессивных практик и их последствий для человека, семьи и локального сообщества.

Список литературы и источников:

Государственный архив Восточно–Казахстанской области (ГАВКО). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 160.

Центр документации новейшей истории Восточно–Казахстанской области (ЦДНИ ВКО). – Ф. 152. – Оп. 1. – Д. 665.

Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н. Советская власть и сектантские религиозные общины в Казахстане в 1920–1930-е гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. № 1 (84). С. 20–27.

Алпыспаева Г.А., Аубакирова Х.А. «Постоять за веру, за Христа»: православные Казахстана и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви (1920-1940-е гг.) // Вестник КазНУ. Серия Религиоведение. 2024. 39(3). С. 67–77.

Бломквист Е. Э. Гринкова, Н. П. Бухтарминские старообрядцы / под ред. С. И. Руденко.– (Академия наук СССР : Материалы комиссии экспедиционных исследований; Вып. 17 : Серия Казахстанская). – Ленинград: Изд–во Академии наук СССР, 1930. – 464 с. – С. 1–48.

Жакишева, С. А., Ботанов Д. Е. Социальный портрет репрессированных кулаков в Казахстане в 1929–1933 гг. (на примере Зыряновского района Семипалатинского округа) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 51, специальный выпуск, ноябрь 2024 г. Материалы международной научной конференции «Современная историческая информатика: Аналитика данных в исторических исследованиях» и XIX

конференции Ассоциации «История и компьютер». Москва, 15–17 ноября 2024 г. [Электронное издание]. – М.: Президентская академия, 2024. – 203 с. – С. 17–19.

Куприянова, И. В. Взаимодействие русских старообрядцев с аборигенами Алтая как колонизационный ресурс [Электронный ресурс]. 2019. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvieerusskihestaroobryadtseveseaborigenamiealtayaekakekolonizatsionnyyeresurs (дата обращения – 20.05. 2026).

Куприянова И.В. Возможности использования культурно–исторического наследия старообрядчества в сфере туризма // Краеведение и туризм. – Вып. 2. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. – С. 265–274.

Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20е50 годы XX века). Т. 22. Неизвестные страницы истории Семипалатинского Прииртышья. Сборник документов и материалов // Составители: Перебеева М.И., Жумадилова М.С., Кадырова Л.К., Калиева К.С., Смагулова А.М., Шалыгин А.Е./ Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана: ТОО «Литер–М», 2022. – 358 с.

Латышев К. А. Историография политики советского государства 1929–1939 гг. в отношении старообрядчества // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2021. – № 2. – С. 74–84.

Латышев, К. А. Бухтарминские старообрядцы как этноконфессиональная группа в СССР в постсоветской русскоязычной историографии // Qazaq Historical Review. – 2023. – № 1 (3). – С. 389–406.

Лихачев Е. Крестьянские хозяйства Бухтарминских старообрядцев // Проект Байкал. 2021. Т. 18. № 67. С. 157–162.

Паллас, П. С. Петра Симона Палласа медицины доктора, натуральной истории профессора, Санкт–Петербургской Императорской Академии наук и Вольного экономического общества, Римской Императорской академии, Королевского Английского собрания и члена Берлинского естествоиспытательного общества. Путешествия по разным провинциям Российского государства / пер. с нем. Бунчуковый, Ф. Томанский. – Ч. 2. – Кн. 1 : 1770 г. – Санкт–Петербург : Императорская Академия Наук, 1786. – 496 с. [Электронный ресурс] – URL: https://kp.rusneb.ru/item/reader/pesepallasaedoktoraemedicinyeprofessoraenaturalnoyeistoriieputeshestvieepoeraznymeprovinciyamerossiyskoyeimperiieche2ekne1e1770egod (дата обращения – 20.05. 2026).

Принтц, А. А. Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки Императорского русского географического общества по общей географии. – Санкт–Петербург : Тип. Императорского акад. наук, 1867. – Т. 1. – С. 543–582.

Швецова, М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Западно–Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книжка XXVI. – Омск: Тип. Штаба Сиб. В. Окр., 1899, с. 1–92. [Электронный ресурс] – URL: https://www.prlib.ru/item/799159 (дата обращения – 20.05. 2026)/

Ядринцев, Н. М. Алтай и его инородческое царство: Очерк путешествия по Алтаю // Исторический вестник. – 1885. – Т. XX. – №6. – С. 607–644. [Электронный ресурс] – URL: https://bookchain.ai/read/yadrincevenem/altayeieegoeinorodcheskoeecarstvoeocherkieputeshestviyaepoealtayu/.

References:

Gosudarstvennyj arhiv Vostochno–Kazahstanskoj oblasti (GAVKO). – F. 7. – Op. 1. – D. 160.

Centr dokumentacii novejshej istorii Vostochno–Kazahstanskoj oblasti (CDNI VKO). – F. 152. – Op. 1. – D. 665.

Alpyspaeva G.A., Sayahimova Sh.N. Sovetskaya vlast' i sektantskie religioznye obshchiny v Kazahstane v 1920–1930-e gg. // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskih nauk. 2022. № 1 (84). S. 20–27.

Alpyspaeva G.A., Aubakirova H.A. «Postoyat' za veru, za Hrista»: pravoslavnye Kazahstana i obnovlencheskij raskol v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (1920-1940-e gg.) // Vestnik KazNU. Seriya Religiovedenie. 2024. 39(3). S. 67–77.

Blomkvist E. E. Grinkova, N. P. Buhtarminskie staroobryadcy / pod red. S. I. Rudenko.– (Akademiya nauk SSSR : Materialy komissii ekspedicionnyh issledovanij; Vyp. 17 : Seriya Kazahstanskaya). – Leningrad: Izd–vo Akademii nauk SSSR, 1930. – 464 s. – S. 1–48.

Zhakisheva, S. A., Botanov D. E. Social'nyj portret repressirovannyh kulakov v Kazahstane v 1929–1933 gg. (na primere Zyryanovskogo rajona Semipalatinskogo okruga) // Informacionnyj byulleten' Associacii «Istoriya i komp'yuter». № 51, special'nyj vypusk, noyabr' 2024 g. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Sovremennaya istoricheskaya informatika: Analitika dannyh v istoricheskih issledovaniyah» i XIX konferencii Associacii «Istoriya i komp'yuter». Moskva, 15–17 noyabrya 2024 g. [Elektronnoe izdanie]. – M.: Prezidentskaya akademiya, 2024. – 203 s. – S. 17–19.

Kupriyanova, I. V. Vzaimodejstvie russkih staroobryadcev s aborigenami Altaya kak kolonizacionnyj resurs [Elektronnyj resurs]. 2019. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvieerusskihestaroobryadtseveseaborigenamiealtayaekakekolonizatsionnyyeresurs (data obrashcheniya – 20.05. 2026).

Kupriyanova I.V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya kul'turno–istoricheskogo naslediya staroobryadchestva v sfere turizma // Kraevedenie i turizm. – Vyp. 2. – Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2020. – S. 265–274.

Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskih repressij (20e50 gody HH veka). T. 22. Neizvestnye stranicy istorii Semipalatinskogo Priirtysh'ya. Sbornik dokumentov i materialov // Sostaviteli: Perebeeva M.I., Zhumadilova M.S., Kadyrova L.K., Kalieva K.S., Smagulova A.M., Shalygin A.E./ Pod obshch. red. E.T. Karina. – Astana: TOO «Liter–M», 2022. – 358 s.

Latyshev K. A. Istoriografiya politiki sovetskogo gosudarstva 1929–1939 gg. v otnoshenii staroobryadchestva // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2021. – № 2. – S. 74–84.

Latyshev, K. A. Buhtarminskie staroobryadcy kak etnokonfessional'naya gruppa v SSSR v postsovetskoj russkoyazychnoj istoriografii // Qazaq Historical Review. – 2023. – № 1 (3). – S. 389–406.

Lihachev E. Krest'yanskie hozyajstva Buhtarminskih staroobryadcev // Proekt Bajkal. 2021. T. 18. № 67. S. 157–162.

Pallas, P. S. Petra Simona Pallasa mediciny doktora, natural'noj istorii professora, Sankt–Peterburgskoj Imperatorskoj Akademii nauk i Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva, Rimskoj Imperatorskoj akademii, Korolevskogo Anglijskogo sobraniya i chlena Berlinskogo estestvoispytatel'nogo obshchestva. Puteshestviya po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva / per. s nem. Bunchukovyj, F. Tomanskij. – Ch. 2. – Kn. 1: 1770 g. – Sankt–Peterburg : Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1786. – 496 s. [Elektronnyj resurs] – URL: https://kp.rusneb.ru/item/reader/pesepallasaedoktoraemedicinyeprofessoraenaturalnoyeistoriieputeshestvieepoeraznymeprovinciyamerossiyskoyeimperiieche2ekne1e1770egod (data obrashcheniya – 20.05. 2026).

Printc, A. A. Kamen'shchiki, yasachnye krest'yane Buhtarminskoj volosti Tomskoj gubernii i poezdka v ih seleniya i v Buhtarminskij kraj v 1863 g. // Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchej geografii. – Sankt–Peterburg: Tip. Imperatorskogo akad. nauk, 1867. – T. 1. – S. 543–582.

Shvecova, M. «Polyaki» Zmeinogorskogo okruga // Zapiski Zapadno–Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Knizhka XXVI. – Omsk: Tip. Shtaba Sib. V. Okr., 1899, s. 1–92. [Elektronnyj resurs] – URL: https://www.prlib.ru/item/799159 (data obrashcheniya – 20.05. 2026).

Yadrincev, N. M. Altaj i ego inorodcheskoe carstvo: Ocherk puteshestviya po Altayu // Istoricheskij vestnik. – 1885. – T. XX. – № 6. – S. 607–644. [Elektronnyj resurs] – URL: https://bookchain.ai/read/yadrincevenem/altayeieegoeinorodcheskoeecarstvoeocherkieputeshestviyaepoealtayu/

ҒТАМР 03.00.20

«ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КІШІ ҚАЗАН» КЕЗЕҢІНДЕГІ ҚОНЫСТАНДЫРУ САЯСАТЫ – ҚАЗАҚСТАНДЫ КЕҢЕСТІК ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ОТАРЛАУ ФОРМАСЫ РЕТІНДЕ

Сәрсембина Құралай Қуандыққызы[1],

[1]Тарих ғылымдарының кандидаты, Астана қаласындағы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты филиалның директоры (11/5-үй, Қабанбай батыр даңғ., 010017, Астана, Қазақстан Республикасы), https://orcid.org/0000-0002-5571-7944, e-mail: kuralai_sk@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада «Қазақстандағы Кіші Қазан» революциялық кампанияларының жүргізілу барысын, тетіктерін, зардаптарын жүйелі зерттегенде қоныстандыру саясатының кеңестік отарлаудың бір формасы екендігін ғылыми тұрғыдан сараптаймыз.

Автор Қазақстандағы қуғын-сүргіннің өзіндік ерекшеліктері бар екендігін дәйектеп, Орталықтың негізгі мақсаты – Қазақстанды отарлау, шикізат көзіне айналдыру; ауылды «кеңестендіріп», бұрынғы көзқарастағы адамдарды қоғамнан аластатып, большевик билігін екі етпей орындайтын жаңа «кеңес адамын» қалыптастыру үшін, ең алдымен өзіне қарсы келетін күштерді жойып, сырттан әкелгендерді Орталықтың тірегі етіп қалыптастыру екендігін деректер негізінде тұжырымдайды.

Сонымен қатар, мақалада қазақ ұлттық зиялылары – А. Байтұрсынов, С. Сәдуақасов, С. Қожанов, Ә. Әлібеков, Ж. Сұлтанбеков, Ы. Мұстанбаев, С. Қаратілеуов, Н. Нұрмақов, И. Тоқтыбаев, Т. Жаманмұрынов және басқалар империялық қоныс аудару саясаты салдарынан жерінен айырылған қазақ халқына жерді бірінші кезекте қайтаруға ұмтылғандығын, жер ресурстарын бөлуде әлеуметтік әділеттілік пен ұлттық басымдық қағидаттарын ұштастыруды қолдағандығын, жаңа қоныс аудару саясатын қабылдамағандығы да сарапталады.

Түйін сөздер. «Кіші Қазан», халыққа қарсы бағдарлама, отарлау, жер саясаты, Алаш зиялылары және т.б.

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» (жеке тіркеу нөмірі: ИРН: BR24993057).

МРНТИ 03.00.20

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД «МАЛОГО ОКТЯБРЯ» В КАЗАХСТАНЕ КАК ФОРМА СОВЕТСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Куралай Куандыковна Сарсембина[1]

[1]филиал Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова в г. Астане (пр. Кабанбай батыра, 11/5, 010017, Астана, Республика Казахстан), кандидат исторических наук, директор, https://orcid.org/0000-0002-5571-7944, e-mail: kuralai_sk@mail.ru

Аннотация. В статье на основе системного исследования хода, механизмов и последствий революционных кампаний «Малого Октября в Казахстане» дается научный анализ переселенческой политики как одной из форм советской колонизации.

Автор аргументирует наличие специфических особенностей репрессий в Казахстане и на основе источников формулирует вывод о том, что главной целью Центра являлась колонизация Казахстана и превращение его в сырьевой придаток. Для «советизации» аула, вытеснения из общества людей с прежними взглядами и формирования нового «советского человека», беспрекословно исполняющего волю большевистской власти, Центр стремясь в первую очередь уничтожить противостоящие ему силы и сделать прибывшую извне рабочую силу своей опорой.

Кроме того, в статье анализируется деятельность представителей казахской национальной интеллигенции – А. Байтурсынова, С. Садуакасова, С. Кожанова, А. Алибекова, Ж. Султанбекова, И. Мустанбаева, С. Каратилеуова, Н. Нурмакова, И. Токтыбаева, Т. Жаманмурынова и других. Показывается, что они стремились в первоочередном порядке вернуть земли казахскому народу, лишившемуся их в результате имперской переселенческой политики, выступали за сочетание принципов социальной справедливости и национального приоритета при распределении земельных ресурсов, а также не приняли новую переселенческую политику.

Ключевые слова: «Малый Октябрь», антинародная программа, колонизация, земельная политика, интеллигенция Алаш и др.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации» (регистрационный номер:ИРН: BR24993057).

IRSTI 03.00.20

SETTLEMENT POLICY DURING THE "LITTLE OCTOBER" PERIOD IN KAZAKHSTAN AS A FORM OF SOVIET DEMOGRAPHIC COLONIZATION

Kuralay K. Sarsembina[1]

[1]Branch of the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology in Astana (11/5, Kabanbay Batyr Ave., 010017, Astana, Republic of Kazakhstan), Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, https://orcid.org/0000-0002-5571-7944. e-mail: kuralai_sk@mail.ru

Abstract. In this article, through a systematic examination of the course, mechanisms, and consequences of the revolutionary campaigns of "Little October in Kazakhstan," we provide a scientific analysis of the settlement policy as a form of Soviet colonization.

The author demonstrates that repressions in Kazakhstan possessed distinct characteristics and concludes, based on historical sources that the primary objective of the Center was to colonize Kazakhstan and turn it into a source of raw materials. To "Sovietize" the *aul* (village), remove individuals with traditional worldviews from society, and cultivate a new "Soviet person" who would blindly execute Bolshevik directives, the regime sought to eliminate opposing forces and establish incoming settlers as the Center's primary foothold.

Furthermore, the article analyzes how members of the Kazakh national intelligentsia – including A. Baitursynov, S. Saduakasov, S. Kozhanov, A. Alibekov, Zh. Sultanbekov, Y. Mustambaev, S. Karatileuov, N. Nurmakov, I. Toktybaev, T. Zhamanmurynov, and others – strove to prioritize the return of land to the Kazakh population displaced by imperial resettlement policies, advocated for combining principles of social justice and national priority in land distribution, and rejected the new resettlement policy.

Keywords: «Little October», anti-people program, colonization, land policy, Alash intelligentsia, etc.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repression in Kazakhstan and the process of their full rehabilitation» (Registration number: ИРН: BR24993057).

Кіріспе. Ф. Голощекин басқарған жылдардағы «Қазақстандағы Кіші Қазан» революциялық кампанияларының жүргізілу барысын, тетіктерін, зардаптарын жүйелі зерттегенде қоныстандыру саясатының кеңестік отарлаудың бір формасы екендігін ғылыми тұрғыдан сараптаймыз.

Большевиктік-сталиндік билік Қазақстанды ғана емес, қол астындағы жерлерді, тіпті Ресей империясын да қасіретке белшесінен батырды. Алайда, Қазақстандағы қуғын-сүргіннің өзіндік ерекшеліктері бар. Бұл мәселені 2020 жылы қарашада Президент Жарлығымен құрылған Саяси қуғын–сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссия қыруар жұмыстарды атқару барысында анықтады.

Мемлекеттік комиссия тарихтың өзекті мәселелеріне қатысты ғылыми бағаны талап ететін көптеген жаңа ғылыми-тарихи, ғылыми-саяси, ғылыми құқықтық тұжырымдарды ғылыми әрі фактологиялық тұрғыдан негіздеді. Іргелі

әрі жүйелі зерттейтін тақырыптар аясы кеңейді. Соның бірі – «Қазақстандағы Кіші қазан» халыққа қарсы бағдарламасы кезіндегі қоныстандыру саясаты және оның салдары.

Бүгінгі күні Қазақстандағы жаппай саяси қуғын-сүргінді жүйелі зерттеудің, 19200Ц1950 жж. саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі санаттары мен негізгі тұжырымдарды іргелі зерттеу жалғасуда. Қазақстан Республикасының Үкіметі 2024 жылы қазан айында Мемлекеттік комиссияның тұжырымдарын іргелі зерттеу үшін бағдарламалық мақсатты қаржыландыру бөлді (ИРН: BR24993057 «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері»). Осы жоба шеңберінде «Қазақстандағы Кіші қазан» қасіретті жылдарындағы 10-нан аса кампанияны іргелі, жүйелі, әрі пәнаралық және антропологиялық тұрғыдан зерттеу мақсатында жұмыс тобы құрылды, ғалым-мамандар шақырылды, зерттеу әдіснамасы мен жұмыс бағыттары айқындалды. Аталған 10-нан аса кампанияның бірі – *«Қазақстандағы Кіші қазан» кезеңіндегі қоныстандыру саясаты және қоныстандыру қоры.* Қазақстанға қоныс аудару саясаты толық зерттелмеген. Зерттеушілер тарапынан әртүрлі бағаланады.

И. Сталин Қазақстанға Ф.Голощекинді әдейі жіберіп, әккі революционер қолымен қоныстандыру арқылы отарлау саясатын кезең-кезеңімен жүзеге асырды.

Материалдар мен әдістер. Зерттеудің деректік базасын Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік архиві (ҚР ОМА), ҚР Президенті Архиві қорындағы құжаттар құрады. Сонымен қатар, 1920–1930 жылдардағы мерзімді басылымдар материалдары (газет-журналдар), «Кіші Қазан» кезеңіндегі партиялық және кеңестік органдардың қаулылары, Алаш және қазақ ұлттық зиялы өкілдерінің (А. Байтұрсынов, С. Сәдуақасов, С. Қожанов т.б.) публицистикалық және ғылыми еңбектері, стенограммалар мен ресми есептер негізгі дереккөз ретінде пайдаланылды.

Мақалада қойылған міндеттерді шешу үшін тарих ғылымының кешенді әдіснамалық аппараты қолданылды:

- **Тарихи-салыстырмалы әдіс:** Патшалық империяның қоныс аудару саясаты мен кеңестік демографиялық отарлаудың ұқсастықтары мен айырмашылықтарын, сондай-ақ жер ресурстарын бөлудегі өзгерістерді салыстырмалы түрде талдауға мүмкіндік берді.

- **Тарихи-генетикалық әдіс:** «Кіші Қазан» халыққа қарсы саясатының себептерін, аймақтағы әлеуметтік-демографиялық салдарлардың шығу тегін себеп-салдарлық байланыста қарастыруға жағдай жасады.

- **Деректанулық талдау әдісі:** Архивтік құжаттардың, ресми мәліметтер мен заңнамалық актілерді сыни сараптау үшін қолданылды.

- **Жүйелілік әдісі:** Кеңестік отарлау жүйесінің құрамдас бөліктерін (саяси, экономикалық, демографиялық) бір-бірімен тығыз байланыстағы біртұтас процесс ретінде қарастыруға негіз болды.

Ф. Голощекин Қазақстанға басшы болып тағайындалып, қызметке кіріскен бойда, 1925 жылы 1 желтоқсанда Қызылордадағы V партконференциясында

«өзіне дейін Қазақстанда ешқандайда совет өкіметінің орнамағандығын» айтса, «Октябрьский ураган пронесся мимо аула, мало задев его. Причины – почти полное отсутствие национального пролетариата, культурная и экономическая отсталость...» – деп тұжырымдады [1]. Кеңес өкіметі орнамады деген сөз Қазақстанға қарсы жабық соғыстың жарияланғандығының дәлелі еді.

Ал, 1925 жылы «жер мәселесі жөніндегі саясатында партиямыз … барлық еңбекші ауыл шаруашылығы халқын жермен қамтамасыз ету принципін басшылыққа алады» деп жарияланды, сондай-ақ «жер пайдаланушылардың барлық топтарын, ең алдымен қазақ халқын нақты түрде жермен қамтамасыз ету мақсатында, жерге орналастыру кезінде жер бөлу кезектілігін белгілеу қажет» делінді. Бұл кезектілік мынадай тәртіпте белгіленуі тиіс болды: байырғы қазақ халқын орналастырудан кейін жер бірінші кезекте – 1918 жылға дейін келіп, іс жүзінде ауыл шаруашылығымен айналысқан келімсек халықтарға (орыс, украин, өзбек, тараншы және т. б.), екінші кезекте – 1922 жылғы 31 тамызға дейін Қазақ АКСР аумағына өз бетімен көшіп келген қоныс аударушыларға, үшінші кезекте – 1922 жылғы 31 тамыз бен 1924 жылғы 7 тамыз аралығында Қазақ АКССР-ға келген өз бетімен қоныс аударушыларға берілуі тиіс еді [2].

Ф. Голощекин келген күннен бастап екі сөзінің бірінде «революциялық қайта құру», «ауылды кеңестендіру», «қазақтар артта қалған», – деп ұрандатты. Оның мақсаты – қазақ жерін отарлау, яғни «ауылды кеңестендіру», «кеңес адамын» қалыптастыру еді. Осы мақсатына жету үшін «артта қалған қазақты» Орталықтан келген қоныстанушылар арқылы «мәдениетке» жеткізу міндетін алдына қойды.

Сонымен, Мәскеуден арнайы тапсырма алып, мақсатын анықтап, міндеттерін белгілеп келген Ф. Голощекин өзінің айналасына икемді команда жинап революциялық қайта құруларды қарқынды жүргізді.

Талқылау. Ф.Голощекин екі жылға жуық өз командасын құрып, тамырын жайған соң, ұлт болмысынан сауатсыз жандардың санасын «моральдық-психологиялық» тұрғыдан әбден дайындап, қазақ ауылының артта қалғанын «дәлелдеді» және соған сендірді (әлі күнге дейін сенушілер жеткілікті). Алаш зиялыларын биліктен аластатып, өзіне ыңғайлы база құрып алған соң, нәтижесінде, 1928 жылдан бастап Ф. Голощекин Ресей мен Одақтың басқа аймақтарынан Қазақстанға шаруаларды жаппай, жоспарлы түрде қоныс аударту бағытына күрт бет бұрды.

Негізгі мақсаты – Қазақстанды отарлау, шикізат көзіне айналдыру. Ауылды кеңестендіріп, бұрынғы көзқарастағы адамдарды қоғамнан аластатып, большевик билігін екі етпей орындайтын жаңа «кеңес адамын» қалыптастыру үшін, ең алдымен өзіне қарсы келетін күштерді жойып, Орталықтың тірегін қалыптастыру. Нәтижесінде, Қазақстанда кеңестік отарлау саясаты жүргізілді. Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекетттік комиссияның ғалымдары мен сарапшылары арнайы дайындаған Глоссарийде отарлау саясатына қатысты келесідей арнайы анықтамалар да берілген: ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КЕҢЕСТІК ОТАРЛАУ (қоныс аудару, идеологиялық, мәдени және т. б.) – саяси мақсаттарды күштеп іске асыра отырып және

Қазақстан аумағында большевик-сталиндік биліктің идеологиялық, мәдени, экономикалық стандарттарын енгізе отырып, басқа халықтардың өкілдерін жаппай қоныстандыру жолымен отарлау түрі.

ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ АПАТ – большевиктік-сталиндік режимнің жасанды түрде ұйымдастырылған жаппай ашаршылық, мемлекеттік қудалау және саяси қуғын-сүргін нәтижесінде қазақ халқы санының күрт төмендеуі» [3].

Бұрынғы көзқарастағы адамдарды, қоғамды өзгерту үшін дәстүрлі шаруашылықты құрту керек. Бұл оңай шаруа емес. Себебі, ұлттық болмыс, менталитет, әлеуметтік және мәдени институттардың сан ғасырлық тарихы бар. Оны жою үшін арнайы бағдарлама керек екендігі қарапайым адамға да түсінікті.

«Қазақстандағы кіші қазан» халыққа қарсы бағдарламасы ашаршылық жылдарында қоныстандыру саясатын қасақана жүргізді. Ал, қоныстандыру саясатының тарихы тереңде жатыр. Қазақ жері отарланғаннан бастап, Ресейдің орталық аудандарынан қазақ жеріне переселендер көші толастаған емес. Қоныстандыру саясатының түпкі мақсаты жерлерді алу, өз қарамағына өткізу. Патшаның кезінен дәстүрге айналған қоныстандыру саясатын большевиктер билігі жалғастырып, 1991 жылға дейін осы көш тоқтамады...

Большевиктер билігі орнаған күннен бастап ұлт еркіндігіне қарсы болды. «Езілген ұлттарға жер беру» және т.б. ұрандар халықтың көңілін аулау, өз жағына тарту айласынан шыққан стратегиялық тактика еді. Осы түсінген Алаш зиялылары, Алаш Орда үкіметі қоныстандыру саясатының отарлау мақсатына қарсы тұрды. Барынша күресті. Өкінішке орай, күш тең емес.

1925 жылға дейін (Сталин Ақжол газеті туралы нұсқау бергенге дейін) Алаш зиялылары ұлт мүддесі үшін большевиктік билікке араласта болды. Бар мүмкіндіктерінше елге пана болды.

Жылдан –жылға күшіне мінген большевик билігі 1924 жылғы 17 қазанда Еңбек және Қорғаныс Кеңесі Орталық Колонизация комитетін құру туралы қаулы қабылдады (1925 жылдан бастап ол Бүкілодақтық Қоныс аудару комитеті деп қайта аталды) және қоныс аударуға қатысты бірқатар директивалар берді.

1929 жылы бұл институт Халық ағарту комиссариатының (Наркомпрос) қарауынан шығарылып, РКФСР Жер халық комиссариатының (Наркомзем) қарауына берілді және Мемлекеттік жерге орналастыру және қоныс аудару ғылыми-зерттеу институты ретінде атала бастады. Ғылыми-зерттеу деген атақ, негізгі мақсатты бүркемелеу үшін қажет болды. Себебі, аталған Институт қызметінің арқасында XX ғасырдың 20-жылдарының ортасынан бастап жоспарлы қоныс аудару жүзеге асырыла бастады, көші-қон ағындарын кешенді реттеудің тұжырымдамалары мен тетіктері әзірленді, көші-қон үдерістерін басқарудың белгілі бір тәжірибесі жинақталды. Сол кезеңде мемлекеттік қоныс аудару саясатының негізгі бағыттары мен міндеттері айқындалды; көші-қон мәселелерін кешенді түрде шешуге бағытталған бағдарламалар әзірленді [4].

1928 жылғы 18 қаңтарда КСРО ОАК мен ХКК-нің қаулысымен ҚАССР-ға жаңа тұрғындарды қоныстандырудың кешенді жүйесі белгіленді («0 задачах переселения, его организации, основах составлении планов переселения и о порядке финансирования переселенческих мероприятий»).Оның мақсаты –

«экономикалық және саяси маңызы бар, игерілмеген және аз игерілген аумақтарды берік шаруашылық тұрғыдан игеру, табиғи байлықтарды ауыл шаруашылығы мен өнеркәсіп өнімін арттыру мақсатында пайдалану», сондай-ақ халқы шамадан тыс тығыз орналасқан аудандарды босату, өз бетімен қоныс аударуды реттеу, қоныс аударушылар шаруашылықтарын ұжымдастыру және кооперациялау болды [5].

1929 жылғы сәуірде ҚАССР Кеңестерінің XVII съезінде республиканың шекараларын елдің басқа аймақтарынан жаппай қоныс аударуға ашу мүмкіндігі мәселесі көтерілді. Бірінші бесжылдықта шамамен 1930 жылы 6 мың отбасын, ал 1931 жылы – 43 мың адамды, негізінен Ресей мен Украинадан қоныс аударту жоспарланды.

Жерге орналастыру және жергіліктендіру (коренизация) кезеңінде Ф. Голощекин БК (б) П Қазақ өлкелік комитеті Бюросы мүшелерінің белсенді сынына ұшырады. Қызу пікірталастар барысында олар Ф. Голощекиннің жоспарларына қарсы шығып, қазақ халқының жерге орналастырылуына басымдық беруді талап етті. Олар жаңа «отаршылық» қоныс аудару саясатының абсурдтығын және қазақ ауылына қатысты таптық көзқарасқа көшуді негізсіз деп санады [6].

Қазақ ұлттық зиялылары – А. Байтұрсынов, С. Сәдуақасов, С. Қожанов, Ә. Әлібеков, Ж. Сұлтанбеков, Ы. Мұстанбаев, С. Қаратілеуов, Н. Нұрмақов, И. Тоқтыбаев, Т. Жаманмұрынов және басқалар империялық қоныс аудару саясаты салдарынан жерінен айырылған қазақ халқына жерді бірінші кезекте қайтаруға ұмтылды. Зиялылар жер реформасын ауылдық қауым негізінде жүргізуді, жайылымдар мен су көздерін еркін пайдалануды, жер ресурстарын бөлуде әлеуметтік әділеттілік пен ұлттық басымдық қағидаттарын ұштастыруды қолдады. Олар байларға қарсы күрес деген желеумен қазақтарды «артық» жерлерінен айыруға, негізгі өкілеттіктерді Мәскеуге беруге және Қазақ АКСР жер органдарының автономиясынан айрылуына, сондай-ақ Ресейдің орталық аймақтарынан көшіп келушілермен далалық өңірлерді жаппай қоныстандыруға және өндірістік жағдайлар мен этношаруашылық ерекшеліктерді ескермейтін «теңестіруші» жер бөлуге үзілді-кесілді қарсы болды.

1920-жылдардағы республиканың Алаш идеясын қолдаған басқарушы элитасы жаңа қоныс аудару саясатын қабылдамады. Олар оны қазан төңкерісіне дейінгі отаршылық тәжірибенің жалғасы, жаңа формасы деп қабылдады. Ұлт жанашырлары жергілікті халықтың қажеттіліктері екінші орынға қалатындығын білді. Сонымен қатар, жер қатынастарын біртіндеп өзгертуге, қазақтардың дәстүрлі жайылымдары мен ата қоныстарына деген құқықтарын сақтай отырып, эволюциялық жолмен отырықшылыққа көшуді жақтады. Олардың пікірінше, жер реформасы қазақ ауылының ғасырлардан келе жатқан шаруашылық ерекшеліктерін ескеруі тиіс еді.

Бұрынғы жер ісі халық комиссары Ж. Сұлтанбековтің БК (б) П ұясы жанындағы Тексеру комиссиясына жолдаған хатында: қазақтарды жермен қамтамасыз етуде кезектілікке мән беріп, таптық тәсілді жоққа шығарғанын қате деп мойындап, жергіліктендірудің пайыздық қағидатын формалды түрде

қолдады. Алайда ол бұрынғы ұстанымын сақтап қалды: қазақ халқын жерге толық орналастыру аяқталмайынша қоныс аудару басталмауы тиіс деп есептеді.

Мұндай көзқарастар БК (б) П Қазақ өлкелік комитеті мен Ф.Голощекиннің бағдарламасына тікелей қайшы келді. 1927–1929 жылдардағы партиялық тазартулар мен 1920–1930 жылдардың аяғындағы қуғын-сүргін нәтижесінде ұлттық зиялылардың көптеген өкілдері мен республикалық партия-кеңес аппаратының бұрынғы басшылары (С. Сәдуақасов, С. Қожанов, Ж. Мыңбаев және т.б.), сондай-ақ Жер ісі халық комиссариатының қызметкерлері (Ж. Сұлтанбеков, Ә. Әлібеков, И. Тоқтыбаев және т. б.) саяси өмірден аластатылды.

Олардың жер және қоныс аудару саясатын, сондай-ақ «қазақ ауылының қанаушыларын» экспроприациялауды сынауы «буржуазиялық-ұлтшыл ауытқу» ретінде бағаланды. Ф.Голощекин VI Бүкілқазақтық партия конференциясында қазақ коммунист-серіктерінің көмегімен С. Сәдуақасовқа, Ж. Мыңбаевқа, Ж. Сұлтанбековке және олардың пікірлестеріне қарсы большевиктік партиялық тәртіпке бағынбағаны үшін «сот» ұйымдастырды. «Ауытқушылар» БК (б) П Қазақ өлкелік комитеті Бюросының құрамынан шығарылып, жоғарғы басқару аппаратына ауқымды тазарту жүргізілді [7]. Сондай-ақ Ф. Голощекиннің нұсқауымен, «Ә. Бөкейхановтың жетекшілігіндегі оңшыл эсер» С. Швецов қатаң сынға алынды. Осы тұста айта кету керек, демократиялық көзқарастағы көптеген өзге ұлт өкілдері де қазақ халқының дәстүрлі шаруашылығының сақталуы үшін күресті.

Ф. Голощекиннің саяси доктринасында айқын көрініс тапқан мақсаттар мен оларды жүзеге асыру тәсілдерін талдау оның Қазақстандағы партия ұйымының бірінші хатшысы ретіндегі қызметі большевиктік-сталиндік басшылық жүргізген кең ауқымды кеңестік отарлау саясатын жүйелі әрі саналы түрде қолдауға бағытталғанын көрсетеді. Голощекин Қазақстанды бүкіл Кеңес Одағы үшін экономикалық және әлеуметтік ресурстарды жұмылдыруға арналған стратегиялық маңызы бар қор ретінде қарастырды. Оның тұжырымдамасында дәстүрлі мал шаруашылығы ерекше орын алды. Қазақ халқының шамамен 90 пайызын қамтыған бұл сала Ф.Голощекин тарапынан Қазақстан үшін ғана емес, сонымен қатар бүкіл Одақ үшін де аса маңызды мәселе ретінде бағаланды. Нәтижесінде, Қазақстанның шаруашылық ерекшелігі Одақтың мүддесіне қызмет етуі тиіс болды.

Сонымен қатар техникалық дақылдарды дамыту мәселесі Кеңес Одағының индустрияландыру саясатының құрамдас бөлігі ретінде түсіндірілді. Ауыл шаруашылығын шикізат базасына айналдыру арқылы өнеркәсіптік дамуды жеделдету мақсаты көзделді. Ал республиканың егістік алқаптарын кеңейту мүмкіндігі, тіпті ең төменгі есептің өзінде оларды екі, үш, тіпті төрт есе ұлғайтуға болады деген пайым, ірі ұжымшарлар құру арқылы астық мәселесін түбегейлі шешудің негізгі алғышарты ретінде ұсынылды [8].

Осылайша, Ф. Голощекиннің доктринасы Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық дамуын жергілікті ерекшеліктер мен дәстүрлі шаруашылық құрылымды ескермей, Орталықтың стратегиялық және экономикалық қажеттіліктеріне бағындыруды көздеген кеңестік отарлық үлгінің (модель)

теориялық негізі қызметін атқарды. Нәтижесінде, Қазақ жеріне қоныс аударушылар ағылды. Байларды, орта шаруаларды, хан-сұлтан ұрпақтарын, діни тұлғаларды, тіпті қарапайым адамдарды қуғын-сүргінге ұшыратып, ату жазасына кесіп, отбасы мүшелерімен жер аударып, сырттан жүздеген мың өзге ұлт өкілдері қоныстандырылды.

1920–1930-жылдары КСРО-ның орталық аймақтарынан Қазақстан аумағына, Оралға және Орта Азияға конвоймен жаппай түрде «құлатылған таптың өкілдері», дін қызметкерлері, сондай-ақ ауқатты шаруалар (күштеп ұжымдастыру барысында) санаттары жер аударылды. 1930 жылдары кулактарды қоныс аудару шаралары қарқынды түрде қолға алынып, ашаршылық жылдарында жаппай демографиялық отарлау процессі шапшаңдата жүргізілді.

Бұл мәселенің екі қыры бар: біріншісі большевиктер билігі өзіне жат күштерді сырт аймақтарға жіберіп, билікке деген қарсылықты азайтты. Сонымен қатар, сырттан көшіріп әкелінген халық пен жергілікті халық арасында қақтығысты туындатты. Сырттан келгендерге жағдай жасап, өз саясатын жүргізуге тетік жасап, іргетас қалап, жергілікті жерлерде большевиктер билігінің тірегін орнықтырды. Осы тұста тұрғылықты жерлерінен зорлықпен көшіріліп, қорлық көріп келген халықтың жергілікті халықтың азаттық жолындағы күресін қолдаған жағдайлар да болғандығын айтуымыз керек.

Екіншісі пайдалы қазба көздері мол, территориясы орасан зор жерлерді өздеріне иелену мақсатын көздеді.

1930 жылы 30-31 қаңтарда ОГПУ коллегиясының бірлескен отырысы болып, шаруаларды жер аудару кезеңдері талқыланды. Қазақстанға бірінші кезекте Солтүстік Кавказ өлкесінен 5 мың, екінші кезекте Иванов облысынан 5 мың, Нижегород өлкесінен 5 мың, Орталық Азиядан 2 мың кулак отбасыларын жіберу жоспарланды [9].

1930 жылғы 2 ақпанда ОГПУ-дың № 44/21 «Кулактарды тап ретінде жою жөніндегі шаралар туралы» бұйрығымен бірінші және екінші санаттағы кулактарды жер аудару туралы Директива қабылданды. Құжатқа сәйкес Қазақстанға бірінші санат бойынша 5–6 мың отбасы, екінші санат бойынша 10–15 мың отбасы көшірілуі жоспарланды және жөнелтудің басталу мерзімі 1930 жылғы 15 ақпан деп белгіленді [10]. Бұл жоспар орындалмады. Бұл шешім «кулактарды» қабылдауға дайын еместігін айтылған, қарсылыққа тап болды. Деректерде: «отсутствие всякого желания у работников Сибири и Казахстана принять и расселить выселяемых из других областпей кулаков, их стремление под всяческими предлогами совершенно отказаться от приема выселяемых кулаков» [11], – деп жазылды.

Қарсылықтың түп себебі, жергілікті биліктің сырттан кулактарға жағдай жасай алмауы. Ал, орталықтың тапсырмасы бойынша сырттан келген кулактарға жағдай жасалынуы тиіс еді. Ақырында, 1930 жылғы 4 ақпанда жер аударуға жоспарланғандардың саны мен операцияны өткізу мерзімдері өзгертіліп, Қазақстан жер аудару жоспарының қатарынан алынып тасталды.

1930 жылы 10 ақпанда Қазақстандағы ОГПУ Өкілетті өкілдігіне жақын арадағы 3 айда, Қазақстанға Қазақстанға кулактар жіберілмейтіндігі, келесі

қоныстандыруға дейін жер аударылғандарды орналастыру жоспарын мұқият дайындау қажеттілігі ескертілді. Қысқа мерзімде шұғыл орындалуы тиіс келесідей тапсырмалар берілді: «Разработайте, сообщите. 1. Точно пункты расселения; 2. Выгрузочные станции железной дороги; 3. Пункты расселения; 4. Организацию питания на выгрузочных станциях и в пути до пунктов равсселения; 5. Потребные ассигнования» [12].

И.Сталиннің Қазақстан мен Сібірді жер аудару аймақтары ретінде енгізу қажеттігі туралы «Казахстан и Сибирь как районы выселения отсутствуют. Надо их включить» [13] нұсқауынан кейін ОГПУ органдары республикаға «жер аударылатын кулактардың бір бөлігін қабылдау қатаң түрде ұсынылды».

Нәтижесінде, кулактарды жер аудару жоспарының екінші нұсқасы анықталды. 1930 жылы Қазақстанға басқа облыстардан 9000 отбасы, яғни 45 000 адамды қоныс аудару жоспарланды [14].

1930 жылы 11 ақпанда «Құпия» белгісімен Қазақ өлкелік комитеті бюросының жабық жиналысында «1930 жылғы 30 қаңтардағы БК (б)П кулактарды тап ретінде жою туралы Қаулысын орындау туралы» Қаулысы қабылданады. Онда «жаппай ұжымдастыру аудандары белгіленді. 1930 жылы Орталық Азия мен Қазақстанға 2-ші категориядағы «кулактар», яғни 159 отбасы, 197 адам қоныс аударылды [15].

Павел Полян «НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ…История и география принудительных миграций в СССР» еңбегінде: «...В общей сложности ЦК поручил ОГПУ (а именно его представители на местах – Л. Заковский, Е. Евдокимов – ставили вопросы о переселении кулаков) подготовить к переселению более 200 тыс. семей. Но это оказалось технически невозможно, и около 110 тыс. семей поровну распределились между Казахстаном и Уралом, не считая переселенцев внутри таких регионов, как Урал и Западная Сибирь (по 12 тыс. чел.). При этом главными «поставщиками» кулацкой массы для Урала были Украина и Северный Кавказ (соответственно, 30 и 15 тыс. семей), а для Казахстана – различные регионы вдоль всей Волги (в том числе, на этот раз, и пограничные с Уралом, схожие с ним по природным условиям), а также Центрально-Черноземная и Московская обл. Можно сказать, что главным изменением географии выселения кулаков в 1931 году, по сравнению с 1930 годом, было резкое расширение пространства раскулачивания, а в географии вселения – резкое сокращение удельного веса Северного края и увеличение удельного веса Сибири и Казахстана (при сохранении значительной роли Урал), - деп жазды [16].

1930 жылғы 28 тамызға дейін Орта Азиядан Қазақстанға жергілікті емес ұлт өкілдерінен шыққан «кулактардың» 80 отбасы, 281 адам ғана көшірілді. Қоныс аудару саясатында округтік атқару комитеттерінің әлсіз жұмысы да атап өтілді, олар «тәркіленген мүліктің жалпы көлемінен қоныс аударылатын кулактарға ең төменгі азық-түлік, тұқым, тірі және өлі инвентарь нормаларын бөлмеген, онсыз жеке, игерілмеген аудандарға жіберу мүмкін емес» деп көрсетілді [17].

1931 жылдың басында БК(б)П ОК Саяси бюросының шешімі қабылданып, соған сәйкес кулактарды жер аудару және орналастыру жөніндегі жұмысты бақылау мен басшылық ету арнайы комиссияға жүктелді. Бұл комиссияны КСРО Халық Комиссарлары Кеңесі төрағасының орынбасары А.А. Андреев басқарды. Комиссия құрамына сондай-ақ ОГПУ өкілі Г.Г. Ягода және БК(б)П ОК хатшысы П.П. Постышев кірді. Комиссия жұмысының ерекшелігі – оның кең өкілеттіктерге ие болуы, қабылданған шешімдер Саяси бюро қаулылары ретінде бекітіліп отырды.

1931 жылы 25 ақпанда БК (б) П саяси бюросы «Кулактар туралы» хаттамасымен ОГПУ-ға 6 ай ішінде қоныс аудару туралы келесідей тапсырма берілді: «200–300 тысяч семей под управлением специально назначенных комендантов, имея ввиду прежде всего районы Казахстана – южнее Караганды». Тәркіленген кулактарды жер аудару ісін бақылау СССР ХКК төрағасының орынбасары Андреевке тапсырылды. Қоныс аудару мәселесіне қатысты барлық сұрақтарды Андреевпен келісе отырып шешу ОГПУ-ге тапсырылды [18].

БК (б) П ОК 1931 жылы 20 наурызда «Кулактар туралы» қаулы қабылдап, 1931 жылы мамыр-шілде айларында Қазақстанға 150 мың кулакты қосымша жер аудару туралы шешім шығарды (Ақмола және Қарқаралы округі, Балқаш көлінен оңтүстікке қарай Тоқырау өзені жағалауына). Оларды ауыл шаруашылығы ғана емес, пайдалы қазбаларды игеру күтіп тұрды [19].

1931 жылғы 15 мамырда А.А. Андреев комиссиясы 1931 жылға арналған кулак отбасыларын қоныс аудару жоспары мәселесін қарады. Онда техникалық мүмкіндіктің болмауына байланысты Қазақстан аудандарына 150 000 кулак отбасын қоныстандыру мүмкін еместігі атап өтіліп, ағымдағы жылы бірінші кезекте 56 000 кулак отбасын орналастыру мүмкін деп танылды.

Қазақстан аумағында кулактарды қоныстандырудың негізгі аудандары айқындалды: Төменгі Еділ өлкесінен (НВК) – 10 000; Орта Еділ өлкесінен (СВК) – 10 000; Орталық Қаражер облысынан (ЦЧО) – 10 000; Мәскеу облысынан (МО) – 6 000; Ленинград әскери округінен (ЛВО) – 4 000; Нижегород өлкесінен – 500; Башқұртстаннан – 6 000; Татариядан – 5 000 кулак отбасы. Барлығы – 56 000 отбасы.

Сонымен қатар құжатта «өнеркәсіп пен тұрғын үй құрылысының бірінші кезектегі қажеттіліктерін қамтамасыз ету үшін Солтүстік-Шығыс Қазақстанға арнайы қоныс аударушыларды келесі мерзімдерде жеткізу қажет: мамыр–маусым айларында 20 000–25 000 жалғызбасты адамдарды, кейіннен олардың отбасыларын көшірумен; шілде–тамыз айларында – қалған 35 000 шаруашылықты» деп нақты көрсетілді [20].

1931 жылғы 20 мамырда ОГПУ ПП тарапынан Қазақстанға шаруаларды жер аудару мерзімдері көрсетілген телеграмма жіберілді. Оның 1931 жылғы 15 мамырда А. Андреев комиссиясының отырысында қабылданған шешімнен едәуір айырмашылығы болды. Дерек келтірсек: «В течение июля, сентября месяца 1931 г. в Казахстан будет выселено шестьдесят тысяч семей кулаков второй категории». Для подготовки жилищного строительства предварительно выселялись 20000 кулаков мужчин одиночек, по десять тысяч из СВК (1-6 июня

1931 г.), НВК (с 7-12 июня), по одному эшелону ежедневно. Станция назначения – Акмолинск. В телеграмме указывалось, что «вселяемых кулаков одиночек принимает КазЛАГ, о времени, количестве отправки 60000 семей кулаков будет сообщено дополнительно. Порядок приема, разгрузки, устройства будет дан директивой по линии ГУЛАГА» [21].

«Қазақстанға жіберу жоспарланған кулак отбасыларын қоныстандыру мен пайдаланудың мүмкіндіктері мен жағдайларын жергілікті жерде жан-жақты анықтау» мақсатымен Қазақстанға Альшанский басшылық еткен арнайы комиссия жіберілді. 1931 жылғы 15 сәуірде Г. Ягода Алматыға ПП ОГПУ-дың өкілі жолдас Даниловскийге комиссия жұмысының барлығы оның тікелей жәрдемімен жүргізілуі тиіс екенін хабарлады. Комиссия кетісімен кулак отбасыларын қабылдау, орналастыру, қоныстандыру және олардың шаруашылық-тұрмыстық қамтамасыз етілуіне қатысты барлық жұмыс «Қазақстан ПП ОГПУ-ының мойнына жүктелетіні» атап көрсетілді.

Қазақстан ПП ОГПУ-ы Альшанский комиссиясымен тығыз байланыста арнайы қоныс аударушыларды қабылдау, орналастыру және орналастырып қою жоспарын шұғыл түрде әзірлеуге, ауыл шаруашылығын игеру жағдайларын, тұрғын үй құрылысының болашағын, тиісті ұйымдармен бірлесіп шаруашылықта пайдалану мүмкіндіктерін анықтауға тиіс болды.

ОГПУ жоспарынша, барлық жұмыстар 1931 жылғы мамыр - маусым айларына, яғни жаппай қоныс аудару басталар сәтке дейін аяқталуы қажет еді.

Күштеп ұжымдастыру кезеңінде Қазақстанға Ресейдің орталық облыстарынан 189 мың адам жіберілді. Оның ішінде 1931 жылдың мамыр айында ашаршылық кезінде қазіргі Ақмола, Қарағанды, Павлодар, Көкшетау облыстарының аудандарында 150 мың адам орналастырылды. Толық емес мәліметтер бойынша, 1937 жылға қарай Қазақстанға жіберілгендер саны 360 мың адамды құрады. Осылайша, 1930 жылдары Қазақстан көшірілген халықтар үшін ерекше резервке айналды [22].

«Живая память. Сталинизм в Казахстане – Прошлое, Память, Преодоление» (Ж.Б. Абылхожин, М.Л. Акулов, А.В. Цай) атты еңбекте. «Если на 6 июля 1931 г. в Казахстан было выслано 80 семей (281 человек) из Средней Азии, то уже на 1 сентября 1932 г. на учете комендатур здесь состояла 46 091 семья, или 180 015 спецпоселенцев. Это были крестьяне с Нижней и Средней Волги, из Центрально-Черноземной и Московской областей, Северокавказского края и Средней Азии» [23], - деген деректер келтіріледі.

1933 жылғы 21 тамызда КСРО Халық Комиссарлары Кеңесінің № 1796/393 қаулысы қабылданып, соған сәйкес 1933 жылдың ішінде ОГПУ-дың Батыс Сібірі мен Қазақстанындағы еңбек қоныстарына бұрын жер аударылған, жетіп үлгерген және жол үстінде жүргендерден бөлек, қосымша 124 000 адамды, сондай-ақ тағы 426 000 адамды жіберу жоспарланды. Оның ішінде:

а) жеке тәртіппен жер аударылатын кулактар – 12 000 отбасы, 48 000 адам;

ә) бас бостандығынан айыру орындарынан 3 жылдан 5 жылға дейін сотталғандар – 133 400 адам, оларға кейіннен отбасыларын жеткізумен, 1933

жылғы 8 мамырдағы БК(б)П ОК мен ХКК Нұсқаулығының III бөлімінің 6-тармағына сәйкес, жалпы саны 378 000 адам [24].

1933 жылы еңбек поселкелеріне кулактармен қатар астық және өзге де халыққа қарсы кампанияларға қарсы шығып, бүлік шығарған адамдар да қоныстандырылды (Қазақстанға). Бұл жағдай ОГПУ органдарын үрейлендірді. Себебі, жергілікті жерлерді жағдай бақылаудан шығып кетуі мүмкін еді.

1934 жылы ақпанда ГУЛАГ ОГПУ бастығының көмекшісі Плинер Г. Ягодаға: «7 августа 1933 г. Вами было указано ПП ОГПУ МО и ЛВО о прекращении направления в трудпоселки одиночек из числа уголовников деклассированного элемента и оформление их через тройки при ПП ОГПУ в лагеря. Однако в числе прибывающих в трудпоселки одиночек значительное количествосоставляет деклассированный элемент. В настоящее время некоторые ПП ОГПУ ЛВО, УССР, Закавказья и БССР требуют от нас нарядов на отправку в трудпоселки из декласированного элемента..». Возражая против такой политики, Плинер ссылался на опыт Западной Сибири и Казахстана, где «этот контингент очень плохо осваивается в условиях режима трудпоселков и разлагающим образом действует на остальную массу трудпоселенцев» [25], - деген мазмұндағы рапорт жазды. Бұл өз алдына жеке зерттелінетін тақырып.

Осылайша, халық ашаршылықтиан қырылып жатқанда, сырттан адамдарды әкеліп, оларға жағдай жасау саясаты ешқандай ақылға сыймайды.

Халықтың тең жартысынан астамы қырылған ашаршылық жылдары сырттан әкелінген қоныстандырушыларға жағдай жасалған. Деректер келтірсек: 1932 жылы 23 ақпанда «Письмо НКП о состоянии обеспеченности учителей – спецпереселенцев» №526/с лично Зав.Крац, Обл.Оно.копия управление лагерями деген құжатта: «Несмотря на ряд указаний как по линии НКП, так и Управления лагерями ОГПУ, до сих пор учителя-переселенцы находятся в неудовлетворительном положении, как в области методического руководства, так и в области материального обеспечения.

Предлагается:

а/в течение марта месяца проверить состояние обеспеченности учителей – спецпереселенцев квартирами и снабжением. В этот же период времени добиться полного обеспечения учителей спецпереселенцев квартирами и установить твердые нормы /наряду с другими учителями/ снабжения как продовольствием, так и промтоварами...» [26].

1932 жылғы «Об обследовании и принятии срочных мер по полному обслуживанию сирот и беспризорных из числа спецпереселенцев» деген құжатта: «С получением настоящего Каз.Наркоспрос предлагает вам в трехдневный срок выполнит следующее:

1. Проверить и уточнить количество детей сирот и беспризорников по прилагаемой форме.

2. Обследовать и принять самые срочные меры к полному обслуживанию сирот и беспризорников из спецпреселенцев т.е. обеспечить их квартирой, одеждой, обувью, питанием, мытьем, педагогическим и культурным обслуживанием за счет РайОНО и общественных средств /РайУТБ и др./.

Предупреждаю, что за формальный подход к делу и запромедление дачи сведении более установленных трех дней на эту работу ответственный руководитель РайОНО будет привлечен к ответственности как дезорганизующий работу по организаций областей в Казакстане и налаживание культобслуживания спецпереселенцев в Казакстане. Как один из реальных методов скорейшего и правильного обслуживания и своевременного финансирования РайОНО на культобслуживание спецпереселенцев в целом. Наркомпрос рекомендует выежать на места расселения спецпереселенцев одному из ответственных работников райОНО и самому лично при помощи завшколами и культактива спецпереселенческого пункта провести всю необходимую работу по обследованию состояния обслуживания сирот и беспризорников и точному учету их, давая практические указания помощь на месте детдомам, их руководителям, комендантам и культармейцам.

Всю эту работу необходимо увязать с Райкомом ВКП (б). Кайкомолом и парторганам на местах /ячейки при совхозах, комендатуре и.т.д. /...» [27], -деп жазылған.

*Ал, 1933 жылы 12 шілдеде «*О выделении из местного бюджета специальных суммы для примерования лучшей части идеологически выдержанных педагогов в с/поселках (Письмо П.П. Замнаркомпроса К. Мальцева)» деген құжатта келесідей деректер келтірілген: *«...НКП предлагает ОНО выделит из местного бюджета специальных суммы для примерования лучшей части идеологически выдержанных педагогов в с/поселках, проявивших себя в деле перевоспитания детей и лучшей постановки общей работы в с/п школах обеспечить их бесплатными путевками в дома отдыха и на курорты, а также оказать содействие в повышений их теоретического уровня путем выделения специальной брони в педтехникумах и педвузах и направления в них мобилизованных педагогов изъявивших желание учиться...*»[28]. Осындай мазмұндағы деректер архив қорларында мол.

Қорытынды. *Сонымен, 1920–1930 жылдары* Қазақстанға сырттан қоныс аударылған адамдар саны туралы түрліше айтылады. Мәселен, 1991 жылғы 12 қарашада құрылған Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесі Президиумының комиссиясы республикалық және ведомстволық мұрағаттардың құжаттық материалдарын, статистикалық деректерді, мерзімді баспасөзді, куәгерлердің айғақтарын зерттей отырып, өз қорытындысында республикаға 46 091 отбасы немесе 180 мыңнан астам адам жер аударылғанын көрсеткен [29].

Ал, Н.А. Ивницкий мен В.Н. Земсков 1930–1931 жылдары Қазақстанға жер аударылған екінші санаттағы кулактардың саны 50 929 отбасы болғанын жазды [30].

Алтаев А.Ш., Жангуттин Б.О. жазған «Краткие очерки истории Казахстана» – деген кітапта 1930–1931 жылдары Қазақстанға қоныс аударылған кулактар саны 312 178 адамды, бірінші және екінші санаттағы 66 421 кулак отбасын құрайтындығын келтірген. Оның ішінде Ресей мен Орта Азияның әртүрлі аймақтарынан Қазақстанға 60 080 отбасы, 282 376 адам қоныстандырылды; ал республика ішіндегі қоныс аудару бойынша 6 341 отбасы,

29 802 адам болғандығы жазылған. 1932 жылы Қазақстанға 2 318 отбасы, 11 590 адам жіберілген [31].

Сонымен, большевиктік-сталиндік билік патшаның отарлау саясатын жалғастырды.

Пайдаланылған әдебиеттер мен дереккөздер тізімі:

1. Голощекин Ф.И. Завоевание Октябрьской революции // Голощекин Ф. И. Десять лет пройденных и предстоящие задачи: доклад на собрании Горпартактива Алма-Атинской организации 1 октября 1930 года. – Алма-Ата: Гостипо-литогр. КЦСНХ № 2, 1930. – 49 с. – С. 30–42.

2. Решение 5-ой всеказахской партконференции по отчетному докладу Крайкома ВКП(б) // Сборник важнейших решений Казакского Краевого Комитета ВКП(б), принятых за период V - VI Всеказакских конференций. Кзыл-Орда: Агитпром РКП (б), 1926.-28 с. (С. 25–26).

3. Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20–50 жылдары). Т. XII: Қазақстандағы саяси қуғын сүргін барысында қолданылған терминдер мен түсініктер жинағы (Глоссарий) / Құраст.: С. А. Қасымов, И. Ш. Борчашвили, К. К. Айтхожин, Е. М. Абайдельдинов [ж. б.]; жалпы ред. басқарған Е. А. Әбіл. Алматы: «Нур», 2024. 168 б.

4. Волошинова И. В. Переселенческая политика Советского государства в 1920-1930-е годы в отечественной историографии: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. - Санкт-Петербург, 2002. 200 с., 274-б

5. Постановление ЦИК и СНК СССР от 18 января 1928 г. «О задачах переселения, его организации, основах составления планов переселения и о порядке финансирования переселенческих мероприятий» // https://docs.historyrussia.org/(дата обращения – 20.11.23).

6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Отдел руководящих партийных органов. Сектор информации. Казахский крайком ВКП(б). 1926–1933. Д. 10. Л. 111.

7. Голощекин Ф.И. Поставить развитие Казакстана на социалистические рельсы // Партийное строительство в Казахстане. Сб. речей и статей (1925–1930 гг.). М. Алма-Ата: Госиздат РСФСР, 1936. 344 с.

8. Голощекин Ф.И. О решениях ЦК ВКП(б) по отчету Крайкома ВКП(б). Доклад на активе кзыл-ордынской парторганизации – 1928 год // Партийное строительство в Казахстане. Сб. речей и статей (1925–1930 гг.). М. Алма-Ата: Госиздат РСФСР, 1936. 344 с. (С. 212).

9. ГА РФ. Ф. 9414. Оп.1. Д. 1944. Л. 20-21.

10. ГА РФ, ф. 9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 6.10.

11. ГА РФ. Ф. 9414. Оп.1. Д. 1944. Л. 28-29.

12. ГА РФ. Ф. 9414. Оп.1. Д. 1944. Л. 80.

13. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х го дов). – Москва: Интерпракс, 1994. С. 123–124.

14. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 32, 70.

15. АП РК. Ф. 141. Оп.1. Д. 2989. Л. 25-26.
16. Павел Полян «НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ…История и география принудительных миграций в СССР». Москва, ОГИ - Мемориал, 2001, 327 с.
17. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 32, 70.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 814. Л.7.
19. http://memo.ru/history/deport/nav.htm. (Дата обращения: 14.10.25).
20. http://tarih-begalinka.kz/ru/timetravel/page3337/. (Дата обращения: 14.10.25).
21. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., Собрание, 2004.- С. 142
22. http://tarih-begalinka.kz/ru/timetravel/page3337/. (Дата обращения: 14.10.25).
21. ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 15. Л. 31, 24.
22. ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 24. Л. 15
23 Живая память. Сталинизм в Казахстане – Прошлое, Память, Преодоление / Под ред. Ж.Б. Абылхожина, М.Л. Акулова, А.В. Цай. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2019. – 272 с. (С.77)
24. Алтаев А.Ш., Жангуттин Б.О. «Краткие очерки истории Казахстана».Учебное пособиедля вузов. Алматы, «Бастау», 2008.-244 с.
25. Бұл да сонда
26. ГА Актюбинской области. Ф.281. Оп. 1. Д.1. Л. 6.
27. ГА Актюбинской области. Ф.281. Оп. 1. Д.1. Л. 4.
28. ГА Актюбинской области. Ф. 281. Оп. 1. Д. 113. Л. 7.
29. Насильственная коллективизация и голод в Казахстане 1931–1933 гг. Сборник документов и материалов. Алматы: «Фонд XXI век», 1998.-263 с.»С. 13.
30. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.192-194; Земсков В.Н. Спецпереселенцы (по документам НКВД-МВД СССР //Социологические исследования. 1990. №11. С. 3–17.
31. Алтаев А.Ш., Жангуттин Б.О. «Краткие очерки истории Казахстана».Учебное пособиедля вузов. Алматы, «Бастау», 2008.-244 с.

References
Pajdalanylғan ədebietter men derekkөzder tizimi:

1. Goloshchekin F.I. Zavoevanie Oktyabr'skoj revolyucii // Goloshchekin F. I. Desyat' let projdennyh i predstoyashchie zadachi: doklad na sobranii Gorpartaktiva Alma-Atinskoj organizacii 1 oktyabrya 1930 goda. – Alma-Ata: Gostipo-litogr. KCSNH № 2, 1930. – 49 s. – S. 30–42.
2. Reshenie 5-oj vsekazahskoj partkonferencii po otchetnomu dokladu Krajkoma VKP(b) // Sbornik vazhnejshih reshenij Kazakskogo Kraevogo Komiteta VKP(b), prinyatyh za period V - VI Vsekazakskih konferencij. Kzyl-Orda: Agitprom RKP (b), 1926.-28 s. (S. 25–26).
3. Sayasi қuғyn-sүrgin құrbandaryn tolyқ aқtau zhөnindegi Memlekettik komissiyanyң materialdary (HKH ғasyrdyң 20–50 zhyldary). T. HII: Қazaқstandaғy

sayasi қuғyn sүrgin barysynda қoldanylғan terminder men tүsinikter zhinaғy (Glossarij) / Құrast.: S. A. Қasymov, I. SH. Borchashvili, K. K. Ajthozhin, E. M. Abajdel'dinov [zh. b.]; zhalpy red. basқarғan E. A. Әbil. Almaty: «Nur», 2024. 168 b.

4. Voloshinova I. V. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1920-1930-e gody v otechestvennoj istoriografii: dissertaciya ... kandidata istoricheskih nauk: 07.00.02. - Sankt-Peterburg, 2002. 200 s., 274-b

5. Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 18 yanvarya 1928 g. «O zadachah pereseleniya, ego organizacii, osnovah sostavleniya planov pereseleniya i o poryadke finansirovaniya pereselencheskih meropriyatij» // https://docs.historyrussia.org/(data obrashcheniya – 20.11.23).

6. RGASPI. F. 17. Op. 25. Otdel rukovodyashchih partijnyh organov. Sektor informacii. Kazahskij krajkom VKP(b). 1926–1933. D. 10. L. 111.

7. Goloshchekin F.I. Postavit' razvitie Kazakstana na socialisticheskie rel'sy // Partijnoe stroitel'stvo v Kazahstane. Sb. rechej i statej (1925–1930 gg.). M. Alma-Ata: Gosizdat RSFSR, 1936. 344 s.

8. Goloshchekin F.I. O resheniyah CK VKP(b) po otchetu Krajkoma VKP(b). Doklad na aktive kzyl-ordynskoj partorganizacii – 1928 god // Partijnoe stroitel'stvo v Kazahstane. Sb. rechej i statej (1925–1930 gg.). M. Alma-Ata: Gosizdat RSFSR, 1936. 344 s. (S. 212).

9. GA RF. F. 9414. Op.1. D. 1944. L. 20-21.

10. GA RF, f. 9414. Op. 1. D. 1943. L. 6.10.

11. GA RF. F. 9414. Op.1. D. 1944. L. 28-29.

12. GA RF. F. 9414. Op.1. D. 1944. L. 80.

13. Ivnickij N.A. Kollektivizaciya i raskulachivanie (nachalo 30-h go dov). – Moskva: Interpraks, 1994. S. 123–124.

14. GA RF. F. 9414. Op. 1. D. 1943. L. 32, 70.

15. AP RK. F. 141. Op.1. D. 2989. L. 25-26.

16. Pavel Polyan «NE PO SVOEJ VOLE…Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR». Moskva, OGI - Memorial, 2001, 327 s.

17. GA RF. F. 9414. Op. 1. D. 1943. L. 32, 70.

18. RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 814. L.7.

19. http://memo.ru/history/deport/nav.htm. (Data obrashcheniya: 14.10.25).

20. http://tarih-begalinka.kz/ru/timetravel/page3337/. (Data obrashcheniya: 14.10.25).

21. Ivnickij N.A. Sud'ba raskulachennyh v SSSR. M., Sobranie, 2004.- S. 142

22. http://tarih-begalinka.kz/ru/timetravel/page3337/. (Data obrashcheniya: 14.10.25).

21. GA RF. F. 9479. Op. 1. D. 15. L. 31, 24.

22. GA RF. F. 9479. Op. 1. D. 24. L. 15

23 ZHivaya pamyat'. Stalinizm v Kazahstane – Proshloe, Pamyat', Preodolenie / Pod red. ZH.B. Abylhozhina, M.L. Akulova, A.V. Caj. – Almaty: «Dajk-Press», 2019. – 272 s. (S.77)

24. Altaev A.SH., ZHanguttin B.O. «Kratkie ocherki istorii Kazahstana».Uchebnoe posobiedlya vuzov. Almaty, «Bastau», 2008.-244 s.

25. Byl da sonda
26. GA Aktyubinskoj oblasti. F.281. Op. 1. D.1. L. 6.
27. GA Aktyubinskoj oblasti. F.281. Op. 1. D.1. L. 4.
28. GA Aktyubinskoj oblasti. F. 281. Op. 1. D. 113. L. 7.
29. Nasil'stvennaya kollektivizaciya i golod v Kazahstane 1931–1933 gg. Sbornik dokumentov i materialov. Almaty: «Fond HKHI vek», 1998.-263 s.»S. 13.
30. Ivnickij N.A. Kollektivizaciya i raskulachivanie. S.192-194; Zemskov V.N. Specpereselency (po dokumentam NKVD-MVD SSSR //Sociologicheskie issledovaniya. 1990. №11. S. 3–17.
31. Altaev A.SH., ZHanguttin B.O. «Kratkie ocherki istorii Kazahstana».Uchebnoe posobiedlya vuzov. Almaty, «Bastau», 2008.-244 s.

ҒТАХР 03.20

ЖЕРГІЛІКТЕНДІРУДЕН БАС ТАРТУ «ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КІШІ ҚАЗАН» РЕВОЛЮЦИЯЛЫҚ САЯСАТЫН КҮШТЕП ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДЫҢ ҚҰРАМДАС БӨЛІГІ РЕТІНДЕ (1920-1930 жж.)

Асанова Гульмира Кабыланкызы[1]*
[1]тарих ғылымдарының кандидаты, PhD Астана Халықаралық университеті, Қазақстан, Астана, https://orcid.org/0009-0008-5404-8313, e-mail: agk569@mail.ru
*Автор-корреспондент

Аңдатпа. 1920-1930 жылдары Қазақстанда басқару және қоғамдық өмірдің барлық салаларында титулды ұлттың рөлін күшейтуге бағытталған жергіліктендіру (қазақтандыру) саясаты жүргізілді. Бұл саясат кеңес өкіметінің ұлттық саясат саласындағы кең ауқымды стратегиясының бір бөлігіне айналды. Қазақстан - көпұлтты республикалардың бірі ретінде – осы саясатты іске асырудың тәжірибе алаңы болды. *Зерттеу мақсаты мен міндеттері:* жергіліктендіру саясатының алғышарттарын, мақсаттарын және іске асыру әдістерін зерделеу; қазақ интеллигенциясы мен өлкелік партия басшылығы арасындағы қайшылық себептерін анықтау; жергіліктендіру саясатының тоқтатылу себептері мен салдарын талдау. *Нәтижелер.* Зерттеу барысында Қазақстандағы жергіліктендіру саясатының алғышарттары, мақсаттары, әдістері мен ерекшеліктері анықталды: бұл саясаттың жүзеге асырылуы қайшылықты сипатта болды – ұлттық дамуды ресми түрде қолдай отырып, кеңестік билік оны идеология шеңберінде бақылауға және шектеуге ұмтылды; өлкелік партия ұйымындағы қарсылықтың себептері мен сипаты анықталды: ұлттық кадрлардың жергіліктендіру мақсаттары мен жүзеге асырылу әдістеріне қатысты ұстанымдары «ұлтшылдық» көрінісі ретінде бағаланды; жергіліктендіру мен кейінгі саяси қуғын-сүргін арасындағы байланыс анықталды: «Кіші Қазан» саясаты аясында кеңес үкіметіне қарсы саяси қарсыластар анықталып, жаппай қуғын-сүргінге ұшырады; 1920-1930 жылдардағы жергіліктендіру саясаты аясында қазақ халқы елеулі шығындар мен жарақаттарға ұшырады, олардың салдары ұрпақтан ұрпаққа жалғасып отыр; тарихи жады бұрмаланды – ондаған жылдар бойы ұлттық болмыс, мәдениет, дәстүр мен тілді ұстанған қуғын-сүргінге ұшыраған қайраткерлердің үлесі айтылмай келді, бұл олардың тарихтағы рөлін әділ бағалаудың жоғалуына әкелді. *Қорытынды.* Жергіліктендіруды зерттеу мемлекеттік құрылым мен мәдени әртүрлілікті сақтау арасындағы тепе-теңдіктің маңызын, сондай-ақ көпэтносты қоғам жағдайында ұлттық бірегейлікке құрметпен қарау қажеттігін түсінуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Қазақстан; «Кіші Қазан»; ұлттық саясат; жергіліктендіру.
Алғыс. Бұл жұмыс Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы аясында BR24993057 «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі

базалық категориялары мен ішкі санаттарын және оларды толық ақтау үдерістерін іргелі зерттеу» жобасы шеңберінде қаржылық қолдаумен орындалды.

МРНТИ 03.20

ОТКАЗ ОТ КОРЕНИЗАЦИИ, КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ФОРСИРОВАННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ «МАЛЫЙ ОКТЯБРЬ В КАЗАХСТАНЕ» (1920-1930 ГГ.)

Асанова Гульмира Кабыланкызы[1]*
[1]Кандидат исторических наук, PhD, Международный университет Астана, Казахстан, Астана, https://orcid.org/0009-0008-5404-8313, e-mail: agk569@mail.ru
*Автор-корреспондент

Аннотация. В 1920-1930-е годы в Казахстане проводилась политика коренизации, направленная на усиление роли титульной нации в управлении и во всех сферах общественной жизни. Эта политика стала частью более широкой стратегии Советской власти в области национальной политики. Казахстан, как одна из ключевых многонациональных республик, стал полем для экспериментов по внедрению этой политики. *Цель и задачи исследования* – изучить предпосылки, цели и методы реализации коренизации; выявить причину дискуссии между представителями казахской интеллигенции и партийным руководством; определить причины и последствия сворачивания коренизации. *Результаты.* В ходе проведенного исследования выявлены предпосылки, цели, методы и особенности реализации политики коренизации в Казахстане: её реализация носила противоречивый характер, формально поддерживая национальное развитие, советская власть на деле стремилась контролировать и ограничивать его рамками идеологии; определены причины и характер противостояния в краевой парторганизации: позиция национальных кадров по вопросу о целях и методах реализации коренизации трактовалась как проявление «национализма»; установлена связь между политикой коренизации и последующими репрессиями: в ходе коренизации как части политики «Малого Октября», были выявлены политические оппоненты советской власти, подвергшиеся массовым репрессиям; в контексте политики коренизации в Казахстане в 1920-1930-е годы народ понёс значительные потери и травмы, имевшие долгосрочный межпоколенный характер; была искажена историческая память - десятилетиями вклад репрессированных деятелей – носителей национальной идентичности, культуры, традиций и языка – замалчивался, что привело к утрате справедливой оценки их роли в истории. *Заключение.* Изучение коренизации позволяет понять, насколько важны баланс между государственным строительством и учетом культурного многообразия, а также необходимость уважения к национальной идентичности в условиях многоэтнического общества.

Ключевые слова: Казахстан; «Малый Октябрь»; национальная политика; коренизация.
Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования BR24993057 «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

IRSTI 03.20

THE ABANDONMENT OF INDIGENIZATION AS AN INTEGRAL COMPONENT OF THE FORCED IMPLEMENTATION OF THE «SMALL OCTOBER IN KAZAKHSTAN» (1920S-1930S)

Gulmira K. Assanova[1*]
[1]Candidate of Historical Sciences (PhD), Astana International University, Kazakhstan, https://orcid.org/0009-0008-5404-8313, e-mail: agk569@mail.ru
*Corresponding author

Abstract. In the 1920s–1930s, the policy of korenizatsiya was implemented in Kazakhstan with the aim of strengthening the role of the titular nation in governance and all spheres of public life. This policy became part of a broader strategy of the Soviet government in the field of national policy. As one of the key multiethnic republics, Kazakhstan became a testing ground for the implementation of this approach. *Goals and objectives.* To examine the prerequisites, goals, and methods of implementing korenizatsiya; to identify the causes of the conflict between representatives of the Kazakh intelligentsia and the party leadership; and to determine the reasons for and consequences of the policy's eventual reversal. *Results.*The study identified the prerequisites, goals, methods, and features of the implementation of korenizatsiya in Kazakhstan. Its execution was contradictory: while formally supporting national development, the Soviet authorities in reality sought to control and restrict it within ideological boundaries. The causes and nature of opposition within the regional party organization were also revealed: the position of national cadres regarding the goals and methods of korenizatsiya was interpreted as a manifestation of «nationalism». A connection was established between the policy of korenizatsiya and subsequent political repressions: as part of the «Small October» policy, political opponents of Soviet power were identified and subjected to mass repression. In the context of korenizatsiya in Kazakhstan during the 1920s-1930s, the people suffered significant losses and traumas, which had long-term intergenerational effects. Historical memory was distorted - for decades, the contributions of repressed figures-bearers of national identity, culture, traditions, and language - were silenced, leading to a loss of fair historical assessment of their role. *Conclusions.* Studying korenizatsiya allows us to understand the importance of balancing state-building with the preservation of cultural diversity, as well as the need to respect national identity in a multiethnic society.

Keywords: Kazakhstan; «Small October»; national policy; korenizatsiya.
Acknowledgments. This work was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the program-targeted funding project BR24993057 «Fundamental Study of the Main Basic Categories and Subcategories of Victims of Political Repressions in Kazakhstan and the Processes of Their Full Rehabilitation».

Кіріспе

XX ғасырдың 1920-1930 жылдарындағы Қазақстандағы жергіліктендіру (коренизация) саясатының тарихи тәжірибесін зерттеу қазіргі ұлттық жаңғыру процестерінің себеп-салдарлық байланыстарын және қазіргі қазақ бірегейлігінің бастауларын түсінуге мүмкіндік береді. Сол кезеңде өзекті болған көптеген мәселелер (тіл, дәстүрлер, мәдени мұра, тарих және т.б.) бүгінгі таңда да, әсіресе еліміздің мәдени әртүрлілігі жағдайында өзінің маңыздылығын жойған жоқ. Тарихи контексті білу этностар арасындағы толеранттылық пен өзара құрметті қалыптастыру үшін маңызды деп есептейміз. Осы тұрғыдан алғанда, жергіліктендіруден бас тарту және оның себеп-салдарлық байланыстарын зерттеу отандық тарих ғылымындағы өзекті мәселелердің бірі болып қала береді.Бұл мәселенің өзектілігі 1920 жылдардың екінші жартысында басталған жергіліктендіру бағытының тежелуі өздігінен жүрген процесс емес, ол Ф. Голощекиннің Қазақстанды радикалды трансформациялауға бағытталған «Кіші Қазан» саясатының тікелей құрамдас бөлігі болғандығымен негізделеді. Жергіліктендіру идеяларынан бас тарту ұлттық кадрлардың мемлекеттік және партиялық басқарудан жаппай шеттетілуіне жол ашты. Сол кезеңдегі ұлттық элита (С. Сәдуақасов, т.б.) мен өлкелік партия ұйымы арасындағы идейлық қайшылықтар кеңестік ұлттық саясатының ішкі қайшылықтарын айқын көрсетті. Бұл тарихи кезеңді объективті зерделеу мемлекеттік институттар мен ұлттық бірегейліктің қалыптасу тарихын тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. Зерттеудің объектісі – XX ғасырдың 1920–1930 жылдарындағы Қазақстандағы жергіліктендіру және «Кіші Қазан» саясатының жүзеге асырылу процесі. Зерттеудің пәні – жергіліктендіру бағытынан бас тартудың себептері, жүзеге асырылу тетіктері және оның «Кіші Қазан» революциялық концепциясымен өзара байланысы мен салдары.

Әдістер мен әдістеме

Осы зерттеудің стратегиясы ретіндегі методологияның негізін тарихи-генетикалық (жергіліктендірудің пайда болуын, дамуын және тоқтатылуын талдау) мен жүйелілік тәсілдер (жергіліктендіруді жалпы ұлттық және кадр саясатының құрамдас бөлігі ретінде зерделеу) құрайды. Жергіліктендіру үдерісін тереңірек зерттеу үшін тарихи, әлеуметтанулық және саясаттанулық әдістер кешені қолданылды, бұл осы күрделі әрі қайшылықты процестің құжаттық базасын да, әлеуметтік-мәдени аспектілерін де қамтуға мүмкіндік берді. Зерттеу әдістері ретінде мынадай нақты ғылыми әдістер пайдаланылды: салыстырмалы-тарихи әдіс; архивтік дереккөздерді талдау (партия съездерінің,

конференцияларының құжаттары, қаулылар, хат-хабарлар, баяндамалар, есептер және т.б.); тарихнамалық талдау (әр түрлі авторлардың жергіліктендіру мәселесіне қатысты көзқарастарын зерттеу); контент-талдау (1920–1930 жылдардағы баспасөз жарияланымдары мен насихат материалдарын талдау); сапалық әдістер (оқиғаға қатысушылардың естеліктерін пайдалану, сол кезеңдегі қазақ зиялыларының жеке өмірбаяндарын зерттеу); сандық әдістер (статистикалық мәліметтерді, есеп беру деректерін және т.б. пайдалану).

Зерттеу кешенді дереккөздерге негізделген, олардың қатарында: архив материалдары, партия ұйымдарының құжаттары мен үкімет шешімдері, Қазақстан Республикасы Ұлттық кітапханасының қолжазбалар мен сирек кітаптар қорының материалдары, сондай-ақ Қазақстандағы ұлт мәселесі мен жергіліктендіруге қатысты қолжазбалар мен сирек кітаптардың электронды қоры, құжаттар мен материалдар жинақтары, стенографиялық есептер, есепке арналған материалдар мен резолюциялар.

Талқылау

Ғалымдар жергіліктендіру (коренизация) саясатын методологиядағы, ғылыми тәсілдердегі, идеологиялық конъюнктурадағы өзгерістер мен дереккөздердің қолжетімділігіне байланысты әртүрлі кезеңдерде қарастырған. Осыған орай, бұл мәселе көбінесе XX ғасырдың басындағы әлеуметтік-экономикалық және саяси тарихтың әртүрлі мәселелерін қарастырған еңбектер контексінде зерттелгенін айтқан жөн. Олардың қатарында «Кіші Қазан» саясатын жүзеге асыру, ұлт саясаты, демографиялық тарих, мәдени революция, репрессия саясаты және т.б. мәселелер бар.

Қазақстандағы жергіліктендіруді зерттеу тарихнамасында хронологиялық тұрғыдан теориялық-методологиялық тәсілдерімен бір-бірінен ерекшеленетін үш кезеңді бөліп көрсетуге болады: кеңестік, посткеңестік және қазіргі заманғы кезеңдер.

1. Кеңестік тарихнама (1920–1980 жылдар) жергіліктендіруді негізінен лениндік ұлт саясатының жүзеге асырылуы ретінде позитивті қырынан қарастырды. Кеңестік тарихнамада жергіліктендіру мәселесі бойынша екі бағыт нақты байқалады. Біріншісі – мемлекеттік қайраткерлердің, шенеуніктердің және басқа да ресми тұлғалардың еңбектерімен көрініс тапқан консервативті, ресми бағыт. Бұл еңбектерде билік өкілдері мен ұлттық лидерлер арасындағы қайшылықтар, сондай-ақ жергіліктендіруді жүргізудегі тоталитарлық режимнің жіберген қателіктері ішінара аңғарылады (Ф. Голощекин, Л. Мирзоян, Х.Ш. Амрин, Е.И. Князева, М. Ряднин). Екінші бағыт — демократиялық бағыт, ол қоғам және мемлекет қайраткерлерінің, қазақ ұлттық зиялылары өкілдерінің сөйлеген сөздерімен және жарияланымдарымен сипатталады (Ә. Бөкейханов, А. Байтұрсынов, М. Дулатов, М. Тынышбаев, С. Қожанов, С. Сәдуақасов, Н. Нұрмақов, Т. Рысқұлов және б.). XX ғасырдың басындағы жарияланымдардың осындай әртүрлі сипатта болуы жергіліктендіру әдістері мәселесіндегі идеялық келіспеушіліктерге байланысты туындаған. Бұл жағдай мәселеге қатысты түрлі позицияларды, әртүрлі көзқарас қырларын, сондай-ақ

осы еңбектер жарық көрген қоғамдық-саяси ахуал мен интеллектуалдық ортаны тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Идеологиялық бақылау жағдайында жергіліктендіру саясатының қайшылықтарын, шектеулерін, қателіктері мен салдарларын сын тұрғысынан пайымдау мүмкін болмады. Осы кезеңдегі еңбектерде жергіліктендірудің прогрессивті сипаты, атап айтқанда: ұлттық кадрларды даярлау, қазақ тілінің қолданыс аясын кеңейту, жергілікті элитаны дамыту және т.б. мәселелер баса көрсетілді. Мұндай зерттеулердің қатарына мына еңбектер жатады: А.Г. Сарманаев «Политика большевиков в Казахстане» (1957); И.Е. Бородин «Социалистическое строительство в Казахстане» (1961); А.П. Кучкин «Советизация казахского аула (1926–1929 гг.)» (1962); О.И. Чистяков «Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы Советской власти (по материалам национальных районов Среднего Поволжья)» // Правоведение. 1965, № 1; К.Н. Бекмаметов «Казахская интеллигенция в 1920–1930 годы» (1970); А.С. Мусин «Национальная политика советского государства» (1975); С.З. Зиманов «Ленин и национальная государственность в Казахстане» (1976), «Национальная государственность и сближение наций» (1983), «Теоретические вопросы советского национально-государственного строительства» (1987); Т.А. Ағдарбеков «Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане (1920–1936 гг.)» (1990).

Посткеңестік кезең (1990–2000 жылдар). Қазақстан тәуелсіздік алғаннан кейін кеңестік мұраны қайта қарау үдерісі басталды. Осы кезеңдегі зерттеулер десталинизацияға ұмтылумен және ұлттық бірегейлікті іздеумен сипатталады. Тарихшылар репрессия, ассимиляция мәселелеріне, сондай-ақ жергіліктендіруді жүзеге асыру тетіктеріне баса назар аударып, кеңестік ұлт құрылысы саясатының қайшылықтары мен кемшіліктерін ашып көрсетті. Осындай зерттеулердің қатарында мына еңбектер бар: Ж.Б. Абылхожин «Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации традиционной структуры Казахстана 1920–1930-е годы» (1991); Аманжолова Д. Партия «Алаш»: история и историография (1993); Казахский автономизм и Россия. История движения «Алаш» (1994); М. Койгельдиев «Алаш козгалысы» (1995); К. Нұрпейіс «Алаш и Алашорда» (1995); М.Х. Асылбеков, Ә.Ж. Ғалиев «Историко-демографические аспекты коренизации в Казахстане» (1998); Е.Б. Сыдықов «Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной системы» (1998).

Қазіргі заманғы зерттеулер (2010 жылдардан — қазіргі уақытқа дейін). Қазіргі тарихшылар мен саясаттанушылар жергіліктендіруге (коренизация) күрделі, көпқырлы феномен ретінде қарайды. «Кіші Қазан» саясатын, соның ішінде жергіліктендіруді жүзеге асырудың түрлі аспектілері мынадай еңбектерде қарастырылған: Д. Қойшыбаев «Национальные кадры и политика коренизации в Казахстане (1920-1930-е годы)» (2017); М.С. Қайратов «Политика коренизации в Казахстане: мифы и реальность» (2010); Г.Н. Смайылов «История Казахстана в контексте коренизации» (2015); И.В. Анисимова «Становление советской власти в Казахстане и реализация политики коренизации административного аппарата в 1920-1926 гг.» (2017); С.Ш. Қазиев «Советская национальная

политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917-1991 годы)»; С.М. Әкімбеков «Казахи между революцией и голодом» (2021); Д. Аманжолова «Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920-30 е гг.» (2021). Бұл зерттеулерде КСРО-ның басқа аймақтарымен салыстырмалы талдау жасауға, сондай-ақ жергіліктендіруді ұлт құрылысы, ұлттық зиялылардың қалыптасуы, тілдің рөлі, этникалық сипат пен жалпы ұлт саясаты контексінде қарастыруға баса назар аударылады. Қазіргі заман тарихшыларының еңбектерін жергіліктендіру саясатын жаңа методологиялық тұрғыдан концептуалды түрде қайта пайымдау ортақ арнаға біріктіреді. Қазіргі зерттеулердің негізгі бағыттары – жергіліктендірудің ұлттық бірегейлікке әсері, ұлттық республикалардағы орталық биліктің саясаты, сондай-ақ оның посткеңестік бірегейлік контексіндегі ұзақ мерзімді салдарлары болып табылады.

Жергіліктендіруді «Кіші Қазан» саясатының бағыттарының бірі ретінде зерттеудің жаңа кезеңі елімізде Қазақстан Республикасының Президенті Қ.Қ. Тоқаевтың бастамасымен 2020 жылы Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның құрылуымен басталды. 1920–1930 жылдардағы тарихты жан-жақты зерделеу барысында ғылыми айналымға жаңа дереккөздер енгізіліп, қуғын-сүргіннен зардап шеккендер мен олардың ұрпақтарының естеліктері жиналды. Бұл өз кезегінде, кезінде тарихта және ресми құжаттарда объективті көрініс таппаған кейбір тарихи оқиғалар мен үдерістерді концептуалды түрде қайта пайымдауға мүмкіндік береді.

Осылайша, Қазақстандағы жергіліктендіру тарихнамасы тек ғылыми қызығушылықтарды ғана емес, сонымен бірге қоғамда орын алған идеологиялық трансформацияларды да көрсетеді. Идеологияланған ұстанымнан сын тұрғысынан талдау мен қайта пайымдауға көшу – отандық тарихтың осы бір түйінді кезеңіне деген ғылыми көзқарастар эволюциясының сипаты осындай.

Нәтижесі

1917 жылғы революциядан кейін ұлт мәселесі ең түйінді әрі өткір саяси және идеологиялық сын-қатерлердің біріне айналды. Бұрынғы Ресей империясы халықтары мен жаңа билік арасындағы қарым-қатынас мәселесі өте өткір тұрды, көптеген халықтар автономияға ұмтылды. КСРО халықтардың өзін-өзі билеу құқығын ресми түрде жариялағанымен, іс жүзінде кеңес өкіметі орнағаннан кейін жаңа мемлекеттің аумақтық тұтастығын сақтап қалуға тырысты. Өзін-өзі билеу туралы орындалмаған уәделер, большевиктердің интернационализмі мен халықтардың ұлттық тәуелсіздікке ұмтылысы арасындағы қайшылықтар, экономикалық қиындықтар, қуғын-сүргін және орталықтандырылған бақылау ұлттық республикалар мен кеңес билігі арасында сенімсіздік, наразылық және идеялық келіспеушіліктер тудырды. Осыған байланысты, 1921 жылғы 25 маусымда өткен 3-ші Бүкілқырғыз (Бүкілқазақ) партия конференциясында белгілі қазақ мемлекеттік қайраткері С. Сәдуақасов былай деп баса көрсетті: «...коммунистердің сөзі мен ісі әрдайым бір жерден шыға бермейді. Көптеген резолюциялар қабылданады, бірақ олар іс жүзінде асырылмайды. Ұлт мәселесі

бойынша көптеген декреттер шығарылды, бірақ олар орындалмай отыр» (ҚРПА, 139-қ. 1-т. 14-іс. 18-п. Р.139).

Осындай жағдайда халықтарды өз жағына тартудың идеологиялық және тактикалық құралы ретінде жергіліктендіру (коренизация) саясаты қолға алынды. Бұл саясат социализм идеяларын этникалық әртүрлілікті мойындаумен ұштастырып, ұлттық бірегейлікке деген құрмет пен танымды білдірді. Большевиктер үшін, патша өкіметіне қарағанда, өздерінің халықтардың өзін-өзі билеуін, мәдениеті мен тілін қолдайтынын көрсету маңызды болды.

Жергіліктендірудің идеологиялық негізі ретінде 1917 жылғы 15 қарашада жарияланған Ресей халықтары құқықтарының декларациясы танылды (Декреты Советской власти, 1957: 39-41). Кейіннен жергіліктендіру идеологиясы партия және кеңес басшыларының еңбектерінде одан ары дамытылды. РК(б)П)-ның XII съезінде (1923 жылғы сәуір) жасаған «Ұлт мәселесі туралы» баяндамасында И. Сталин жергіліктендіру саясатының негізгі принциптері мен міндеттерін былайша тұжырымдады: «...Республикалардағы Кеңес өкіметі түсінікті әрі жақын болуы үшін, біздегі Кеңес өкіметі тек орыстық қана емес, сонымен бірге ұлтаралық сипатқа ие болуы үшін, ...тек мектептер ғана емес, сонымен қатар барлық мекемелер, партиялық және кеңестік барлық органдар бірте-бірте ұлттандырылуы қажет. Олар бұқара халыққа түсінікті тілде жұмыс істеп, аталған халықтың тұрмыс-тіршілігіне сәйкес келетін жағдайларда қызмет етуі тиіс» (Двенадцатый съезд РКП(б)... Стенографический отчёт, 1968: 492).

РК(б)П-ның XII съезінің «Ұлт мәселесі туралы» қаулысымен (1923 жылғы сәуір) жекелеген республикалардың құқықтары мен міндеттерінің теңдігін қамтамасыз ету бойынша шаралар қабылдау ұсынылды (Бұл да сонда: 695). Аталған құжатта мынадай қажеттіліктер қаулы етілді: білім беру, курстар ұйымдастыру, партия мен мемлекеттік аппаратқа ұсыну (выдвижение) арқылы ұлттық кадрларды даярлау және оларға қолдау көрсету; ұлттық республикаларда іс қағаздарын жүргізу мен оқытуда ана тілін қолдану талабы; орыс емес халықтарға қатысты ұлыдержавалық шовинизммен күрес жүргізу.

И. Сталиннің 1923 жылғы 12 маусымда өткен Ұлттық республикалар мен облыстардың жауапты қызметкерлерімен РК(б)П Орталық Комитетінің IV кеңесінде жасаған «Партияның XII съезінің ұлт мәселесі бойынша резолюциясын жүзеге асыру жөніндегі практикалық шаралар» атты баяндамасында жергіліктендіру саясатын іске асырудың, соның ішінде жергілікті халықтар арасында білім беруді, мәдениетті, шаруашылық құрылысын және кадрлық жұмысты дамытудың практикалық шаралары егжей-тегжейлі қарастырылды (ВКП(б) в резолюциях.., 1940: 527-530).

Осылайша, РК(б)П-ның XII съезінің «Ұлт мәселесі туралы» қаулысы (1923 жылғы сәуір) жергіліктендіру саясатына негіз салған басты партиялық құжатқа айналды. Сондай-ақ бұл құжат жергіліктендірудің саяси мақсаттарын айқындап, халықтардың даму деңгейлерін теңестіру, олардың шаруашылық, мәдени және саяси теңсіздігін жою және жаңа социалистік аппарат құру міндетін алға қойды.

Жергіліктендіру (коренизация) саясатын жүзеге асыру

Жергіліктендіру саясатынның бірінші кезеңі. Жергілікті халықтардың өкілдерін басқаруға тарту бағытындағы алғашқы қадамдар 1920 жылы Қырғыз (Қазақ) АКСР құрылуымен сәйкес келеді. 1920-1922 жылдары жергілікті халықты партиялық және кеңестік жұмысқа тартуға бағытталған партиялық құжаттар қабылданды.

РК(б)П-сы Орталық комитетінің деңгейінде жергілікті ұлттардың республикалардың партиялық, мемлекеттік және шаруашылық өміріне қатысуын күшейтуге бағытталған «ұлттық мәселе бойынша» (1923 жылғы сәуір) РКП (б) XII съезінің партиялық шешімдерін қабылдау жергіліктендіру (коренизация) саясатының ресми бастамасы болып саналды.

1923 жылы 22 қарашада қабылданған «Қазақ тілінде іс жүргізуді енгізу туралы ҚАКСР ОАК Жарлығы» Қазақстанда жергіліктендіру саясатын бастаған жергілікті маңызы бар құжат болды. Осы қаулыға сәйкес 1924 жылғы қаңтар-шілде аралығында Қазақ болыстарындағы барлық ресми іс жүргізу ана тіліне аударылуы тиіс еді (В братском единстве народов СССР.., 1972: 128-130). «Біз өз ұйымдарымызды халықпен өз тілінде тіл табыса алатындай етіп құруымыз керек» (Ряднин, 1928: 35).

1926 жылдың екінші тоқсанына дейін созылған бірінші кезеңде жергіліктендіру жұмыстары *пайыздық мөлшерлеме* әдісімен жүргізілді. Бұл әдістің мәні осы мекеме үшін, мекемелер тобы үшін штаттық құрамның пайыздық мөлшерлемесі анықталды, оны жергілікті ұлт қызметкерлері иеленуі керек. Жұмыс атқару комитеттері жанындағы арнайы комиссиялар арқылы жүргізілді. Мұндай әдіс қазақ емес ұлттың әрбір қызметшісін ертеңгі күнге үреймен қарауға мәжбүр етті, өйткені қажет болған жағдайда өз орнын босатуға тура келді. Әрине, бұл тәсіл ұлтаралық келіспеушілікті тудырды. Мұндай жағдайда мекеме басшылары талап етілетін пайыздық мөлшерді толтыру мақсатында қазақтарды өз мекемесіне қызметкер табу оңай болатын лауазымға тартты. Ал қазақ халқы арасында мекеменің іс қағаздарын жүргізуге көшуі іс жүзінде тәуелді болатын лауазымдарды ауыстыру үшін даярланған лауазымдар өте аз болғандықтан, белгілі бір пайыздық норманы орындау туралы тапсырма қазақтарды төменгі қызмет көрсететін лауазымдарға (тазалаушы, күзетші, таратушы және т.б.) тарту есебінен жүзеге асырылды. Мекеме қызметкерлері құрамының мөлшерін қазақтар осылай толтырған кезде, жергіліктендіру мөлшері орындалғанмен, бірақ бұл ретте негізгі мақсатқа қол жеткізілмеді. «Егер мекемеде қазақтардың 50%-ы болса, бірақ келуші қазақпен қазақ тілінде емес, ол үшін мүлдем түсініксіз тілде, және ауылдағы кеңестерге орыс тілінде хат жазса, онда бұл сөздің толық мағынасында жергіліктендіру емес. Ал көрсетілген әдіспен жергіліктендіру кезінде бұл дәл осылай болып шығады» (Ряднин, 1928: 35-36). Бұл тәсілмен жергіліктендіру мақсаттарына қол жеткізу мүмкін емес. ҚазОАК-нің екінші сессиясы қазақ халқы тұратын аудандардағы штаттардың 100% және аралас халқы бар аудандарда 50%-жергіліктендіруді талап етті (Социалистическое строительство в Казахстане, 1962: 195).

Жергіліктендіру барысында, бұл саясаттың баяу жүруіне себеп болған қиындықтар туындады, соның ішінде жергілікті білімді кадрлардың

айтарлықтай болмауы, жаппай сауатсыздық, кейбір басшылардың елемеуі және қарсылығы, ең бастысы, ұлтаралық келіспеушіліктер көріністері болған. Нәтижесінде, жергіліктендірудің бірінші кезеңінің соңына қарай 1927 жылғы 1 қаңтарға еңбек салалары бойынша барлық жұмысшылар мен қызметшілер 215 972 болды, оның ішінде. қазақ ұлты 66 347, бұл 30,7 % құрады (Сол жерде: 236). Жергіліктендірудің қажетті деңгейіне қол жеткізу мүмкін болмады.

Жергіліктендіру: Қазақ өлкелік партұйымындағы дискуссия

1925 жылғы қыркүйекте Қазақстан КП(б) ОК бірінші хатшысы лауазымына Ф. Голощекинді тағайындауға байланысты, жергіліктендіру саясатында өзгерістер орын алды. 1926 жылы 20 мамырда ҚазОАК Президиумы пайыздық жергіліктендіруды сынға алып, айыптады және істерді Жұмысшы-шаруа инспекциясының Халық Комиссариатына тапсыра отырып, жергіліктендіру комиссиясын таратты. Ф. Голощекин партаппараттағы кадрларды іріктеу Одақтық Орталық комитеттің құзыреті деп санап, тек мемлекеттік және кеңестік аппаратты жергіліктендіруді талап етті.

5-ші сайланған ҚазОАК-ң 3-ші сессиясында (1926 ж. 3-8 желтоқсан) өз баяндамасында ҚазОАК Төрағасы Ж. Мыңбаев «екі жарым жыл ішінде (1923-1926 Ж. Ж.) біздің мемлекеттік аппаратты жергіліктендіру бойынша жұмыс оның табысты жұмыс етуін қамтамасыз ете алмайтын тәсілмен жүргізілді» деп баяндады» (3-я сессия КазЦИК, 1926: 10-11). БК(б)П Қазақ өлкелік комитеті Бюросының мүшелері С.Сәдуақасов пен Ж. Мыңбаев функционалдық жергіліктендіруге көшуге қарсы шығып, аппаратты қазақ қызметкерлерімен жасақтау жөніндегі жұмысты аяқтауды талап етті.

1927 жылы қарашада республикадағы ұлтаралық қатынастарға арналған VI Бүкілқазақ конференциясы өтті. Одақтық Орталық Комитеттің өкілі Андреев елдегі партияға қарсы оппозициямен күресу туралы баяндама жасап, партияның Қазақ өлкелік комитеті Бюросының мүшелері Сәдуақасов, Мыңбаев және Сұлтанбековты сынға алып, оларды ұлтшылдар деп айыптады (Джандосов, 1999: 56-57). «Қатал» ұстаным жақтаушыларының қысымымен БК(б)П-ң VI Бүкілқазақ конференциясы ұлттық коммунистерді айыптады. С. Сәдуақасов, Ж. Мыңбаев пен Сұлтанбеков бюро құрамынын шығарылды (VI Всеказакская конференция ВКП(б), 1927: 12). Осыған орай, белгілі алаштанушы М. Қойгелдиев, «КазӨАК Төрағасы Ж. Мыңбаев пен республиканың Халық ағарту комиссариаты, «Еңбекші қазақ» газетінің бас редакторы С. Сәдуақасов пен С. Ходжановқа ауылдың байларына жанашырлық, партиялық кеңес аппаратының жергіліктендіру саласында тамыр жайуы, топтық күреске бейімділігі туралы тағылған айыптардың негізі жоқ. Әрқайсысының және үшеуінің де объективті ұстанымдары қазақ саяси элитасының идеялық ізденістерін білдірді және олардың арасында ешқандай блок болған жоқ» - деп санайды (Қойгелдиев, 2009: 331). М. Қойгелдиев ұлтшылдықтың «шабуылы» туралы айыптаулар негізсіз болғанын атап өтті, өйткені Ф. Голощекин «бұл талапты растайтын ешқандай фактілерді келтірмеді. Олар болмады да. Қазақ халқының басқа халықтардың істеріне араласуға ұмтылысы болған жоқ, керісінше, ол ортақ игілік мүддесі үшін олармен ынтымақтастыққа дайын болды» (Сол жерде: 333).

Қазақ өлкелік партия комитетінің үшінші Пленумында «ұлттық жалтарушылардан» идеологиялық үстемдікке ие болған Голощекин, 1927 жылы оппозицияға қарсы кең шабуылға көшті (Сол жерде: 335). 1928 жылы мамырда БК(б)П ОК Қазақстанда партиялық және кеңестік аппаратты тазарту туралы шешім қабылдады. Тазарту нәтижесінде аудандық комитеттердің аппаратында 116 адам қызметінен босатылды (қызметкерлер құрамының 19,5%). 1928 жылдың соңында Қазақстаннан Алаш қозғалысының өзегін құраған және әлі де большевиктердің саясатынан алшақтатылған 44 «буржуазиялық ұлтшылдар» қудаланды.

Жергіліктендіру саясатының екінші кезеңі.

Тәжірибені ескере отырып, ҚазОАК 1926 жылғы 20 мамырдағы қаулысымен лауазымдарды *пайыздық* ауыстыру әдісінен бас тартуға және оны *функционалды* әдіспен ауыстыруға шешім қабылдады (В братском единстве народов СССР, 1972: 254). Ол, «қазақ тілінде іс қағаздарын жүргізуге көшуіне байланысты, осы лауазымдарды қазақ тілін білетін қызметкерлер атқара алатынын негіздеді. Ол орыс, неміс немесе еврей болсын, бірақ егер ол қазақ тілін әңгімеде және жазуда қолдана алса, оны функционалды лауазымдарды ауыстыру үшін де қолдануға болады» (Ряднин, 1928: 36).

Қазақ тіліндегі іс жүргізуге бірінші кезекте көшірілуге тиіс лауазымдардың тізбесі жергіліктендіру саясатына жалпы басшылық жасау міндеті жүктелген Жұмысшы-шаруа инспекциясының (ЖШИ) басшылығымен құрылған арнайы комиссия арқылы айқындалды. Сонымен қатар, өз қызметін одан әрі жалғастыруға ниетті еуропалық ұлт өкілдерінің қазақ тілін меңгеруіне мүмкіндік беру мақсатында іс жүргізуді қазақ тіліне көшірудің кезеңдері мен мерзімдері белгіленді (Сол жерде: онда: 36).

ҚазОАК пен БК(б)П Қазақ өлкелік комитетінің директиваларына сәйкес Жұмысшы-шаруа инспекциясы Халық комиссариаты (ЖШИ ХК) мемлекеттік аппаратта жергіліктендіруге жататын 42 лауазым атауын белгілеп, осы мақсатқа 13 мың штаттық бірлікті резервке бөлді. Алайда, жергіліктендірудің функционалдық әдісі де күтілген нәтижеге қол жеткізе алмады. 1927 жылғы наурыздағы мәліметтер бойынша жергілікті аппаратта жоспарланған 11968 лауазымның тек 2567-сі немесе 23,2%-ы жергіліктендірілсе, өлкелік аппараттағы 840 лауазымның небәрі 195-і немесе 23,7%-ы ғана жергіліктендірілген (Кучкин, 1962: 328).

1928 жылғы қаңтарда жергіліктендіру науқанының екінші кезеңі аяқталды. 1928 жылғы 17 қаңтарда өткен ҚазОАК-тың VI шақырылымдағы Екінші сессиясының шешімімен Жұмысшы-шаруа инспекциясы халық комиссариатының жергіліктендіру ісіне қатысты өкілеттіктері Кеңестердің атқару комитеттері жанындағы ұйымдастыру бөлімдеріне берілді. Бұл өзгеріс жергіліктендіру саясатының орталық мемлекеттік басқару деңгейінен жергілікті басқару органдарының құзыретіне ауысқанын көрсетті. Соның нәтижесінде жергіліктендіру жалпы мемлекеттік саясат мәртебесінен айырылып, оны жүзеге асыру жауапкершілігі жергілікті атқарушы органдарға жүктелді.

Сонымен қатар, Ф. Голощекиннің Қазақстанда «Кіші Қазан» бағдарламасын жеделдетіп жүзеге асыру барысында жіберген қателіктері мен өрескел бұрмалаушылықтары, басқарудың әміршіл-әкімшілік әдістері және қуғын-сүргін саясаты 1930-жылдардың басында алапат ашаршылық пен әлеуметтік апатқа алып келді. Оның салдары жаппай аштық, халықтың жаппай қырылуы, тұрғындардың бір бөлігінің елінен тыс жерлерге босып кетуі, шаруашылықтың күйреуі және қазақ халқының әлеуметтік әрі демографиялық тұрғыдан орасан зор шығынға ұшырауымен сипатталды. Осы жағдайларға байланысты, 1933 жылғы қаңтарда Ф. Голощекин Қазақстаннан кері шақырылып, іс жүзінде қызметінен шеттетілді.

Қазақстан өлкелік партия ұйымының басшылығына келген Л. Мирзоян 1933 жылғы қаңтарда өткен БК(б)П Қазақ өлкелік комитеті Пленумында Ф. Голощекин жүргізген ұлттық кадрларды шеттету саясатын сынға алды. Ол өз сөзінде: «Кеңестік аппаратты жергіліктендіру ісі ұзақ уақыт бойы назардан тыс қалды. Жолдас Голощекин бастаған бұрынғы Қазақ өлкелік комитетінің басшылығы Қазақстанның шаруашылық және мәдени дамуы үшін жергіліктендірудің саяси әрі практикалық маңызын түсінбеді. Сондықтан аппаратты жергіліктендіру үшін жеткілікті дәрежеде күрес жүргізілмеді және жергілікті халықты кеңестік әрі шаруашылық аппаратқа тарту ісіне кедергі келтірген ұлыдержавалық шовинистік элементтердің қарсылығына лайықты тойтарыс берілмеді», – деп мәлімдеді (Казахстан к IX съезду, 1935: 227-229). Сонымен қатар, Л. Мирзоян қазақ ұлтшылдығының күшеюін ұлыдержавалық шовинизмнің салдары ретінде бағалап: «Ұлыдержавалық шовинизмнің көріністері қазақ ұлтшылдығының күшеюіне ықпал етіп, оны едәуір дәрежеде қоректендірді», – деген тұжырым жасады (О коренизации, 1934: 4).

1933 жылғы 4 сәуірдегі Қазақ өлкелік комитетінің қаулысы, 1933 жылғы 17 мамырдағы ҚазОАК пен Халық Комиссарлары Кеңесінің декреті, сондай-ақ VIII өлкелік партия конференциясының шешімі 1933 жылдың соңына дейін ҚазОАК, Ағарту халық комиссариаты, Денсаулық сақтау халық комиссариаты, Әділет халық комиссариаты, Әлеуметтік қамсыздандыру халық комиссариаты және Жұмысшы-Шаруа милициясы жүйелерінде іс жүргізуді негізінен қазақ тіліне көшіру міндетін қойды. Сонымен қатар, аталған мекемелерге қазақ халқының үлесі 40 пайыздан асатын барлық аудандармен ресми хат-хабарды қазақ тілінде жүргізу жүктелді. Ал осы комиссариаттар мен мекемелердің облыстық және аудандық органдарында, қазақтар басымдық құрамайтын аудандарды қоспағанда, іс жүргізу мен қызмет толықтай қазақ тіліне көшірілуі тиіс болды.

Аппаратқа техникалық кадрлар даярлау мәселесіне ерекше назар аударылды. Осыған байланысты БК(б)П Қазақ өлкелік комитетінің 1933 жылғы 29 желтоқсандағы шешімімен халық комиссариаттары мен ведомстволарға қазақ халқы арасынан есепшілерді, бухгалтерлерді, статистиктерді, хатшыларды, іс жүргізушілерді және машинисткаларды даярлайтын арнаулы курстар желісін кеңінен ұйымдастыру міндеттелді. Сонымен қатар, таяу кезеңдегі ең өзекті міндеттердің қатарына мемлекеттік аппаратты жергіліктендіру ісіне кедергі

келтірген ұлыдержавалық шовинистік көзқарастағы элементтер мен бюрократиялық шенеуніктердің қарсылығын еңсеру, қазақ кадрларын кеңестік, шаруашылық, кәсіподақ және кооперативтік аппараттарға кеңінен тарту, сондай-ақ орталық мемлекеттік мекемелердің іс жүргізуін қазақ тіліне көшіру жөніндегі партия мен кеңес органдарының директиваларының толық орындалуын қамтамасыз ету енгізілді (Казакстан к IX съезду Советов, 1935: 227-229).

Соған қарамастан, жергіліктендіру үдерісі баяу қарқынмен жүзеге асырылды. Соның нәтижесінде 1935 жылғы 1 қаңтардағы мәлімет бойынша халық шаруашылығының барлық салаларындағы жұмысшылар мен қызметшілердің жалпы саны 585 540 адамды құрады. Оның ішінде қазақ ұлтының өкілдері 232 605 адам немесе жалпы қызметкерлер санының 39,7%-ын ғана құрады (Социалистическое строительство Казакской АССР, 1936: 236).

Жергіліктендіру саясатының қиындықтары мен сәтсіздікке ұшырау себептері

1. Жергіліктендірудің ашаршылық жағдайында жүзеге асырылуы. Жергіліктендіру саясаты ресми түрде жүзеге асырылғанымен, большевиктер билігінің радикалды әлеуметтік-экономикалық реформалары, әсіресе күштеп ұжымдастыру, 1928 жылдан басталған көшпелі және жартылай көшпелі қазақтарды күштеп отырықшыландыру, сондай-ақ жаппай саяси қуғын-сүргін бұл саясаттың әлеуметтік негізін түбегейлі әлсіретті. 1930–1933 жылдардағы алапат ашаршылық, халықтың жаппай қырылуы, тұрғындардың едәуір бөлігінің елден тыс жерлерге босып кетуі, шаруашылықтың күйреуі, саяси қуғын-сүргіннің күшеюі, қазақ халқы санының күрт кемуі, ұлттық зиялы қауым мен дәстүрлі мәдениеттің негізгі өкілдерінің жойылуы ұлттық кадрларды қалыптастыруға қажетті әлеуметтік және мәдени ортаны күйретті. Соның салдарынан жергіліктендіру саясатының басты алғышарттарының бірі – жергілікті ұлт өкілдерінен білікті басқарушы кадрларды даярлау мүмкіндігі айтарлықтай шектелді. Мұндай жағдайда халықты оқыту, кәсіби мамандар даярлау және ұлттық интеллектуалдық әлеуетті қалыптастыру ісін толыққанды жүзеге асыру мүмкін болмады.

2. Өлкелік партия ұйымы саясатының екіжақты сипаты

Жергіліктендіру саясатының ресми мақсаты жергілікті ұлт өкілдерінің кадрлық әлеуетін арттыру, ұлттық тілдерді дамыту және мәдениетті қолдау болды. Алайда, Ф. Голощекиннің Қазақстандағы саясаты іс жүзінде декларативтік және жасырын сипаттағы екі бағыттың қатар жүргізілуімен ерекшеленді. Сырттай қарағанда жергіліктендіру жалпыодақтық саясатқа сәйкес жергілікті кадрларды мемлекеттік басқаруға тарту мен ұлттық мәдениеттерді қолдауды көздегенімен, шын мәнінде ол мемлекеттік басқаруды одан әрі орталықтандырумен және ұлттық интеллигенцияны саяси тұрғыдан шектеумен қатар жүрді. Партиялық құжаттарда: «...қазақ большевиктерінің кезекті міндеті ... қазақ ұлтшылдығына және оған бейім ауытқуларға қарсы күресті күшейту болып табылады» деп көрсетілді» (О коренизации, 1934: 4-7). Мұндай ұстаным жергіліктендірудің негізгі қағидаттарына қайшы келді, өйткені ұлттық

кадрларды қолдау мен дамыту олардың саяси сенімсіздігі туралы көзқараспен қатар жүзеге асырылды.

3. Ұлттық кадрларға қарсы қуғын-сүргін және саяси тазалау

1920-жылдардың соңына қарай «буржуазиялық ұлтшылдық» пен «ауытқушылық» айыптары негізінде ұлттық кадрларды саяси тұрғыдан қудалау басталды. 1930-жылдардағы жаппай саяси қуғын-сүргін барысында 1920-жылдары даярланған қазақ зиялылары мен ұлттық кадрлардың ондаған өкілі тұтқындалды. Соның салдарынан қазақ тілін, ұлттық мәдениетті және мемлекеттік басқару ісіндегі жергілікті кадрларды дамытуға қабілетті саяси және зияткерлік элита жойылды. Осылайша, кеңестік билік өзі қалыптастырған ұлттық кадрлар корпусын өзі жойып отырды. Ф. Голощекин бастаған өлкелік партия басшылығы ресми түрде қазақ ұлты өкілдерін мемлекеттік басқару, білім беру, мәдениет және партия органдарына тарту қажеттігін жариялағанымен, іс жүзінде қазақ ұлттық интеллигенциясына, әсіресе «Алаш» қозғалысына қатысы бар қайраткерлерге терең сенімсіздік танытып, оларды қоғамдық-саяси өмірден шеттетуге бағытталған саясат жүргізді. Бұл жағдай жергіліктендіру саясатының жарияланған мақсаттары мен оның нақты жүзеге асырылуы арасындағы қайшылықты айқын көрсетті.

4. Ұлттық кадрлардың жетіспеушілігі

Жергіліктендіру саясатының баяу жүзеге асырылу себептерінің бірі ретінде партия және кеңес органдарының ресми құжаттарында ұлттық кадрлардың жетіспеушілігі жиі көрсетілді. 1930 жылы Ф. Голощекин И. Сталинге жолдаған құпия есеп-хатында Қазақстандағы жергіліктендіру саясатының практикалық тұрғыдан жүзеге асуы ұлттық кадрлардың тапшылығына байланысты күрделі қиындықтарға тап болғанын атап өтті. Есептің «Жергіліктендіру» атты төртінші бөлімінде ол 1926 жылдың екінші тоқсанына дейін қолданылған пайыздық норма әдісі нәтижесінде негізінен басшылық және әкімшілік қызметтер жергіліктендірілгенімен, халықпен тікелей жұмыс істейтін буынның жергіліктендірілмегенін: «...халықпен тікелей байланыста болатын негізгі буын әлі жергіліктендірілген жоқ. Кадрлар жоқ...» деп түсіндірді (Голощекин, 1930: 154–155). Алайда, бұл тұжырым жергіліктендіру саясатының ішкі қайшылықтарын айқын көрсетеді. Қазақстанда жоғары білім алған, қазақ тілін, тарихы мен мәдениетін жетік меңгерген, республиканың әлеуметтік-экономикалық даму мәселелері жөнінде өзіндік ұстанымы қалыптасқан жергілікті кадрлар болды. 1920-жылдары жүргізілген жергіліктендіру саясатының нәтижесінде мемлекеттік басқару жүйесіне тартылған осындай мамандардың жаңа буыны қалыптасты. Бірақ, Ф. Голощекин оларды партиялық билікке ұмтылған саяси қарсыластар ретінде қабылдап, олардың мемлекеттік басқарудағы ықпалын шектеуге тырысты (Сол жерде: 155–156). Бұл жағдай жергіліктендірудің жарияланған мақсаты мен оны іске асырудағы нақты саяси тәжірибе арасында елеулі қайшылық болғанын көрсетті.

5. Жергіліктендіруді жүзеге асырудағы ұйымдастырушылық кемшіліктер

Партия мен үкіметтің ресми құжаттарында жергіліктендіру саясатының баяу жүруі оның маңыздылығын жеткілікті дәрежеде бағаламаумен, саясатты жүзеге асыру барысында орын алған бұрмалаушылықтарға қарсы пәрменді күрестің жүргізілмеуімен және республика мен облыс басшылығы тарапынан практикалық басшылықтың әлсіздігімен түсіндірілді (О коренизации, 1934: 20).

Осыған байланысты жергіліктендіру жөніндегі іс-шараларды орындамаған немесе олардың жүзеге асырылуына немқұрайлы қараған лауазымды тұлғаларды қылмыстық жауапкершілікке тарту көзделді. Құжаттарға сәйкес, мұндай әрекеттер үшін Қылмыстық кодекстің 109 және 111-баптары бойынша жауапкершілік белгіленсе, ал жергіліктендіру іс-шараларын қасақана бұзуға немесе саботаж жасауға бағытталған әрекеттер үшін Қылмыстық кодексінің 58–14-бабы бойынша жаза қолданылды (Сол жерде: 28).

6. Формализм және бюрократиялық тәсілдің басымдығы

Партиялық құжаттарда жергіліктендірудің табысты жүзеге асуына негізгі кедергілердің бірі ретінде мемлекеттік аппараттағы ұлыдержавалық шовинистік көзқарастағы және бюрократиялық топтардың қарсылығы аталды. Құжаттарда: «Мемлекеттік аппаратты жергіліктендіруді табысты жүргізуге кедергі келтіретін басты себептердің бірі – аппаратты жергіліктендіруге ұлыдержавалық ұлтшылдық пен шенеуніктік-бюрократиялық элементтердің тікелей қарсылық көрсетуі» деп көрсетілді (Сол жерде: 21). Л. Мирзоян бұл мәселені көтеріп, ұлыдержавалық шовинизмнің ұлттық мәдениетке менсінбей қараудан көрініс табатынын атап өтті. Оның пікірінше, мұндай ұстаным қазақ халқының ұлттық-мемлекеттік дамуын шектеуге және қазақтарды бағынышты ұлт деңгейінде сақтауға ұмтылыстан байқалды (Мирзоян, 1933: 11–15).

Жергіліктендіру саясатының тиімділігін төмендеткен маңызды факторлардың бірі – оны жүзеге асырудағы формализм мен бюрократиялық тәсілдің басым болуы еді. Көп жағдайда жоспарлы көрсеткіштер негізінен төмен біліктілікті қажет ететін қызметтерді (пошта қызметкерлері, хат тасушылар, курьерлер және т.б.) жергіліктендіру арқылы орындалды.

Сонымен бірге, бірнеше мәрте жүргізілген саяси тазалаулар мен қуғын-сүргіндер нәтижесінде ұлттық интеллигенцияның білімді әрі дербес ойлайтын өкілдері басқару жүйесінен аластатылды. Олардың орнына саяси тұрғыдан сенімді, бірақ басқару тәжірибесі мен кәсіби даярлығы жеткіліксіз жас кадрлар тағайындалды. Мұндай кадрлық саясат мемлекеттік басқару аппаратының тиімділігін төмендетіп қана қоймай, орталық билікке толық тәуелді, жергілікті халықтың мүддесін қорғай алмайтын кадрлық құрамның қалыптасуына ықпал етті.

Қорытынды

Жергіліктендіру саясатының тоқтатылуы кездейсоқ құбылыс болған жоқ. Өзінің бастапқы қосарлы логикасы мен ішкі қайшылықтарына, асығыс жүргізілуіне және қажетті инфрақұрылымның болмауына, жүйесіздігі мен идеологиялық қысымға, сондай-ақ орталықтандыру мен қуғын-сүргінге бет бұруына байланысты бұл саясат көбіне декларативтік сипатта болды. Ұлттық

кадрларды қолдау жарияланғанымен, іс жүзінде олар саяси қарсыластар ретінде қарастырылды.

Ф. Голощекиннің өлкені, қазақ халқының ұлттық болмысын жете білмеуі, жергілікті ерекшеліктерді түсінбеуі әрі бағаламауы апатты қателіктерге, соның ішінде 1930–1933 жылдардағы ашаршылыққа алып келді. Республиканың дамуындағы ең маңызды мәселелер бойынша жергілікті бастамалар, оның ішінде жергіліктендіру саясатына қатысты ұсыныстар да, басып-жаншылды. Қуғын-сүргін саясаты қалыптасқан ұлттық кадрларды жойды. Ф. Голощекиннің жүргізіп отырған саясатының зардаптары мен оның басқару әдістерінің жол беруге болмайтын сипаты туралы ескерткен қазақ қайраткерлері социализмнің жаулары және «буржуазиялық ұлтшылдар» ретінде бағаланды. Ол сын айтуға тыйым салып, ұлттық ерекшеліктерді ескере отырып, эволюциялық даму жолын ұсынғандардың барлығын қызметтен шеттетіп, саяси тұрғыдан жоюға қол жеткізді. Соның салдарынан жергіліктендіру саясаты сәтсіздікке ұшырады.

Нәтижесінде елді жайлаған ашаршылық, қуғын-сүргін және соған байланысты әлеуметтік күйзелістер қоғамдық өмірді тұралатып, демографиялық апатқа, мәдени құлдырауға әкелді әрі ұлттық кадрлардың қалыптасуына негіз болатын алғышарттарды күйретті. Мұндай жағдайда Қазақстанда ұлттық кадрларды даярлау мүмкін болмады, ал жергіліктендіру саясаты формальды сипат алып, қазақ қоғамының шынайы өмірінен толықтай алшақтады. Оның орнын орыстандыру мен орталықтандыру саясаты басты. Бұл тілдік және мәдени сабақтастықтың күштеп үзілуіне себеп болды.

Әдебиеттер мен дереккөздердің тізімі:

Қазақстан Республикасы Президентінің Архиві (ҚРПА), 139-қ. 1-т. 14-іс. 18-п.

ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., - 1940. - 726 с.

В братском единстве народов СССР: Документы и материалы, 1920–1937 гг. Алма-Ата: Казахстан, -1972. - 688 с.

Голощекин Ф.И. Партийное строительство в Казахстане. Сборник речей и статей (1925-1930 гг). Государственное издательство РСФСР, - 1930. - С.151-157.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчёт. - М.: Политиздат, - 1968. - 904 с.

Декреты Советской власти: сборник / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. - 16 марта 1918 г. - 625 с.

Джандосов У. Документы и публицистика (1918–1937 гг.). В 2 т. Т. 1. - Алматы: Қазақстан, - 1999. - 400 с.

Казахстан к IX съезду Советов (1931–1934). Материалы к отчету правительства Казахской АССР IX Краевому съезду Советов. - Алма-Ата: Казахстанское краевое издательство, - 1935. - 257 с.

Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, - 2009. - 448 с.

Кучкин А.П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). - М., - 1962. - 432 с.

Мирзоян Л.И. Двинуть вперед строительство социалистической культуры (Из речи на VI пленуме крайкома ВКП (б), июль 1933 г.) // О коренизации. Сборник руководящих материалов. Составители: Х.Ш. Амрин, Е.И. Князева. - Алма-Ата–Москва: Казкрайгиз, - 1934. - 54 с.

О коренизации. Сборник руководящих материалов. Составители: Х.Ш. Амрин, Е.И. Князева. Алма-Ата–Москва: Казкрайгиз, - 1934. - 54 с.

Ряднин М. Казахстан на путях к социалистическому строительству (Ответ на выступления оппозиции по национальному вопросу). Кзыл-Орда: Казакское государственное издательство, - 1928. - 86 с.

Социалистическое строительство Казакской АССР: экономико-статистический справочник за 1920–1935 гг. // Отв. ред. М.С. Саматов, отв. по вып. А.Т. Лучков; Управление народно-хозяйственного учета КазССР. М.; Алма-Ата: ЦУНХУ Госплана СССР – В/О Союзоргучет, - 1936. - 409 с.

Социалистическое строительство в Казахстане, 1962 - Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921–1925 гг.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, - 1962. - 592 с.

3-я сессия Казакского Центрального Исполнительного Комитета 5-го созыва (3–8 декабря 1926 г.). Стенографический отчет // Отчет Президиума Казакского Центрального Исполнительного Комитета о работе за время с 5-го Всеказахского съезда Советов до 3-й сессии КазЦИКа 5-го созыва. Коренизация госаппарата. Кзыл-Орда: КазЦИК, - 1926. - 31 с.

VI Всеказакская конференция ВКП(б). 15–23 ноября 1927 г. Стенографический отчет. Кзыл-Орда: Казкрайком ВКП(б), - 1927. - 387 с.

References:

Қазақstan Respublikasy Prezidentinің Arhivi (ҚRPA), 139-қ. 1-t. 14-is. 18-p.

VKP(b) v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK. CH. 1. M., - 1940. - 726 s.

V bratskom edinstve narodov SSSR: Dokumenty i materialy, 1920–1937 gg. Alma-Ata: Kazahstan, -1972. - 688 s.

Goloshchekin F.I. Partijnoe stroitel'stvo v Kazahstane. Sbornik rechej i statej (1925-1930 gg). Gosudarstvennoe izdatel'stvo RSFSR, - 1930. - S.151-157.

Dvenadcatyj s"ezd RKP (b). 17–25 aprelya 1923 goda: Stenograficheskij otchyot. - M.: Politizdat, - 1968. - 904 s.

Dekrety Sovetskoj vlasti: sbornik / Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS, Institut istorii Akademii nauk SSSR. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1957. T. 1: 25 oktyabrya 1917 g. - 16 marta 1918 g. - 625 s.

Dzhandosov U. Dokumenty i publicistika (1918–1937 gg.). V 2 t. T. 1. - Almaty: Қazaқstan, - 1999. - 400 s.

Kazahstan k IX s''ezdu Sovetov (1931–1934). Materialy k otchetu pravitel'stva Kazahskoj ASSR IX Kraevomu s''ezdu Sovetov. - Alma-Ata: Kazahstanskoe kraevoe izdatel'stvo, - 1935. - 257 s.

Kojgeldiev M.K. Stalinizm i repressii v Kazahstane 1920–1940-h godov. Almaty, - 2009. - 448 s.

Kuchkin A.P. Sovetizaciya kazahskogo aula (1926–1929 gg.). - M., - 1962. - 432 s.

Mirzoyan L.I. Dvinut' vpered stroitel'stvo socialisticheskoj kul'tury (Iz rechi na VI plenume krajkoma VKP (b), iyul' 1933 g.) // O korenizacii. Sbornik rukovodyashchih materialov. Sostaviteli: H.SH. Amrin, E.I. Knyazeva. - Alma-Ata–Moskva: Kazkrajgiz, - 1934. - 54 s.

O korenizacii. Sbornik rukovodyashchih materialov. Sostaviteli: H.SH. Amrin, E.I. Knyazeva. Alma-Ata–Moskva: Kazkrajgiz, - 1934. - 54 s.

Ryadnin M. Kazahstan na putyah k socialisticheskomu stroitel'stvu (Otvet na vystupleniya oppozicii po nacional'nomu voprosu). Kzyl-Orda: Kazakskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, - 1928. - 86 s.

Socialisticheskoe stroitel'stvo Kazakskoj ASSR: ekonomiko-statisticheskij spravochnik za 1920–1935 gg. // Otv. red. M.S. Samatov, otv. po vyp. A.T. Luchkov; Upravlenie narodno-hozyajstvennogo ucheta KazSSR. M.; Alma-Ata: CUNHU Gosplana SSSR – V/O Soyuzorguchet, - 1936. - 409 s.

Socialisticheskoe stroitel'stvo v Kazahstane, 1962 - Socialisticheskoe stroitel'stvo v Kazahstane v vosstanovitel'nyj period, 1921–1925 gg.: Sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata: Izd-vo AN Kazahskoj SSR, - 1962. - 592 s.

3-ya sessiya Kazakskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta 5-go sozyva (3–8 dekabrya 1926 g.). Stenograficheskij otchet // Otchet Prezidiuma Kazakskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta o rabote za vremya s 5-go Vsekazahskogo s''ezda Sovetov do 3-j sessii KazCIKa 5-go sozyva. Korenizaciya gosapparata. Kzyl-Orda: KazCIK, - 1926. - 31 s.

VI Vsekazakskaya konferenciya VKP (b). 15–23 noyabrya 1927 g. Stenograficheskij otchet. Kzyl-Orda: Kazkrajkom VKP (b), - 1927. - 387 s.

МРНТИ 03.20.00

МАГДИ МАКУЛОВ: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МУСУЛЬМАНСКОГО ДЕЯТЕЛЯ И БОГОСЛОВА

Балтабаева Кулгазира Нурановна*

к.и.н., Исполнительный директор Ассоциации выпускников Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, https://orcid.org/0000-0002-6641-5802, Scopus Author ID: 58937935700, e-mail: 7712072909@bk.ru

***Автор-корреспондент**

Аннотация. В статье рассматривается жизнедеятельность Магди Макулова (1862–1937) – уроженца Северного Казахстана, богослова, казия и общественного деятеля, чье имя до недавнего времени оставалось малоизвестным в историографии. В фокусе исследования – его участие во Втором Общеказахском съезде (Оренбург, 1917 г.), работа в Совете улемов ЦДУМ Внутренней России и Сибири, а также участие в составе советской делегации на Первом Всемирном мусульманском конгрессе в Мекке (1926 г.). Основу статьи составляют документы, рассекреченные Проектным офисом Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (под руководством С.А. Касымова), докладные записки М. Макулова на имя М.И. Калинина, материалы Восточного отдела ОГПУ, Архива Президента РК и Северо-Казахстанского госархива, дополненные воспоминаниями потомков и современной казахстанской и зарубежной литературой. Публикация направлена на введение новых архивных источников в широкий научный оборот и реконструкцию подлинной истории духовной элиты, репрессированной в годы Большого террора.

Ключевые слова: Магди Макулов, Центральное духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири, ЦДУ, Проектный офис, Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий, рассекречивание архивных документов, историческая справедливость, память

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан проекта ИРН: BR24993057 «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

ҒТАХР 03.20.00

МАҒДИ МАҚҰЛОВ: МҰСЫЛМАН ҚАЙРАТКЕРІ МЕН ДІНТАНУШЫНЫҢ ТАРИХИ-БИОГРАФИЯЛЫҚ ПОРТРЕТІ

Кулгазира Нұранқызы Балтабаева*

т.ғ.к., әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті Түлектер қауымдастығының атқарушы директоры, Алматы қ., https://orcid.org/0000-0002-6641-5802, Scopus Author ID: 58937935700, e-mail: 7712072909@bk.ru

***Автор-корреспондент**

Андатпа. Кеңес Одағы мұсылман қайраткерлерінің белді өкілі, алайда мамандар арасында да аз танымал тұлға – Солтүстік Қазақстан тумасы Мағди Мақұлов (1862–1937). Ол – танымал дінтанушы, қази (рухани судья), қоғам қайраткері, Екінші жалпықазақ сиезінің (Орынбор, 1917 ж.) делегаты, Ішкі Ресей мен Сібір мұсылмандары Орталық діни басқармасының және оның Ғұламалар кеңесінің (Ғылыми кеңес) мүшесі, Бірінші Дүниежүзілік мұсылмандар конгресінің делегаты (Мекке қ., 1926 ж.). Мақаланың негізін Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссияның Жобалық кеңсесінің (жетекшісі С.А. Қасымов) бастамасымен құпиясыздандырылған архив құжаттары, М. Мақұловтың КСРО ОАК Төрағасы М. И. Калининнің атына жазған баяндамалық хаттары, ОГПУ-дің Шығыс бөлімі, Қазақстан Республикасы Президенті Мұрағаты мен Солтүстік Қазақстан мемлекеттік архиві құжаттары, қуғын-сүргінге ұшыраған М. Мақұлов ұрпағының естеліктері, сондай-ақ Қазақстанда, Ресейде және Германияда жарық көрген жаңа әдебиеттер құрайды. Мағди Мақұлов есімінің кең ғылыми айналымға енгізілуі — Үлкен террор жылдарында қуғын-сүргінге ұшыраған ұлттық рухани элитаның шынайы тарихын қалпына келтіріп жатқан заманауи зерттеушілер жұмысының тікелей нәтижесі.

Түйін сөздер: Мағди Мақұлов, Ішкі Ресей мен Сібір мұсылмандары Орталық діни басқармасы, ОДБ, Жобалық кеңсе, Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия, архив құжаттарын құпиясыздандыру, тарихи әділдік, естелік.

Алғыс айту: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің BR24993057 ЖТН: «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен санатшаларын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» жобасы аясындағы қаржылық қолдаумен дайындалды.

IRSTI 03.20.00

MAGDI MAKULOV: A HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL PORTRAIT OF A MUSLIM FIGURE AND THEOLOGIAN

Kulgazira N. Baltabayeva*

c.h.s., Al-Farabi Kazakh National University Executive Director of the Alumni Association, https://orcid.org/0000-0002-6641-5802, Scopus Author ID: 58937935700, e-mail: 7712072909@bk.ru

***Corresponding-author**

Abstract. Magdi Makulov (1862–1937) was a prominent yet lesser-known figure among the Muslim leaders of the Soviet Union, unfamiliar even to many specialists. A native of North Kazakhstan, he was a renowned theologian, qadi (spiritual judge), public figure, delegate of the Second All-Kazakh Congress (Orenburg, 1917) and the 1926 First World Muslim Congress in Mecca, member of both the Central Spiritual Administration (TsDU) of Muslims of Inner Russia and Siberia and its Council of Ulema (Scholarly Council). This article is based on archival documents declassified at the initiative of the Project Office of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Persecution (headed by S.A. Kasymov). The source material includes Makulov's memoranda addressed to M.I. Kalinin, Chairman of the Central Executive Committee of the USSR, documents from the Eastern Department of the Joint State Political Directorate (OGPU), records from the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan and the North Kazakhstan State Archive, memoirs of Makulov's descendant, and recent literature published in Kazakhstan, Russia, and Germany. Introducing the name of Magdi Makulov into broad scholarly discourse is a direct result of the work of contemporary researchers who are restoring the history of the national religious elite purged during the years of the Great Terror.

Keywords: Magdi Makulov, Central Spiritual Administration of Muslims of Inner Russia and Siberia, TsDU, Project Office, State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Persecution, declassification of archival documents, historical justice, memory.

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project: BR24993057 “Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repressions in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation”.

Введение. Магди Макулов представляет собой одну из ключевых, но долгое время остававшихся неизученными фигур в истории ислама советского периода. В 1920–1930-х годах он выступал в качестве одного из ведущих духовных лидеров, представлявших интересы мусульманского населения Казахстана как на общесоюзном, так и на международном уровнях.

Научное осмысление его наследия неразрывно связано с современными процессами полной реабилитации духовенства и верующих – специфической категории жертв политических репрессий. Исследование его биографии вносит вклад не только в преодоление историографических лакун, но и в более широкий контекст гуманитарного восстановления исторической справедливости в отношении прав человека и гражданина. Таким образом, реконструкция жизнедеятельности М. Макулова является актуальной исследовательской задачей, имеющей фундаментальное значение для понимания государственно-

конфессиональной политики и трагедии национальной интеллектуальной элиты в СССР.

Магди Макулов. Уфа, 1926 г.

Методы и методология. Методологическую основу статьи составляют микроисторический подход и биографический метод (case study). Реконструкция жизнедеятельности казия М. Макулова осуществлена на основе принципов историзма и объективности с привлечением комплекса рассекреченных документов Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, а также архивных фондов Российской Федерации. Важное место в исследовании занимает анализ эго-документов, принадлежащих перу самого М. Макулова. Верификация устных свидетельств (воспоминаний потомков) проводилась с опорой на историко-критический и компаративный методы. Данный методологический инструментарий позволил не только восстановить биографическую канву и этапы религиозного служения М. Макулова, но и рассмотреть его персональную трагедию как репрезентативный случай (case) для осмысления институциональных разрывов в истории ислама колониального и советского периодов, а также воссоздать общий историко-культурный контекст эпохи.

Обсуждение. Важным этапом в выявлении участников национального движения Алаш стал август 1983 года, когда по запросу Главлита Казахской ССР (№ 78 от 10 августа 1983 г.) доктор исторических наук, профессор В.К. Григорьев подготовил секретный алфавитный «Список членов центрального и местного комитетов партии “Алаш” и активистов этой партии». В данном документе под номером 123 зафиксирован «Макулов Магдий – казий (духовный судья), участник II съезда партии “Алаш”» [АП РК 438: 15]. Несмотря на раннюю фиксацию этого факта в советских экспертных инстанциях, последующая длительная закрытость партийных и ведомственных (специальных государственных) архивов КНБ и МВД РК препятствовала комплексному изучению истории политических преследований мусульманского духовенства [Шаповал 2023 : 872–884; Кенжетаев 2023 : 884–902], включая институт ишанов [Койгелдиев 2009; Балтабаева 2022: 340–353] и исламских ученых-улемов [Шаповал и др. 2023: 16–27]. Лишь в недавних публикациях исследователей стали появляться фрагментарные сведения о М. Макулове. В частности, отмечается, что он «часто приезжал в казахские регионы», являлся «представителем Казахстана в ЦДУМ, арестованным в марте 1937 года», и «был репрессирован в числе руководства ЦДУМ» [Шаповал и др. 2023: 21, 22, 24].

Материалы дела «Цепь Корана» из Специального государственного архива Департамента КНБ РК по городу Алматы были впервые введены в научный оборот в 2017 году в российской историографии; при этом под «агентами» и «подозреваемыми» в документах подразумевались члены ЦДУМ М. Макулов (Магкулов) и К. Тарджиманов [Гусева 2017: 85–102]. В указанной работе годы жизни М. Макулова обозначены как 1874–1937 гг. Позднее в российском исследовательском поле были представлены новые сведения о судьбе М. Макулова, извлеченные из следственного дела Мухлисы Бобинской [Рахимов 2020: 217–223]. Согласно выводам С. Рахимова, на момент вынесения смертного приговора М. Макулову было 75 лет, что позволяет датировать год его рождения 1862-м. Исследователь также уточнил дату ареста казия, определив её 28 февраля, а не мартом 1937 года. Наряду с этим, упоминания о М. Макулове в контексте биографии его зятя — репрессированного судьи Галиуллы Галимжанова (1883–1938), состоявшего в браке с Рабигой Макуловой [Zhumatay и др. 2024], – содержатся в трудах Г. К. Мукановой, где период репрессий казия ограничен рамками 1937–1938 годов [Муканова 2021; postfactum.kz/ru/eksklyuziv/102-repressii-i-sudby].

В докторской диссертации Ж.А. Бегасиловой приводятся извлечения из обвинительного заключения по следственному делу № 035 в отношении участников организации «Цепь Корана»: «Органами Наркомвнудел Казахской ССР в июне 1940 года на территории Южно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей были вскрыты и оперативно ликвидированы активно действовавшие повстанческие панисламистские организации, возглавляемые и руководимые повстанческо-басмаческими и панисламистскими авторитетами – агентами японской и турецкой разведок, члены ЦДУМ М. Магкулов и К. Тарджиманов» [Бегасилова 2021: 121]. Хронологическое противоречие

данного обвинения заключается в том, что М. Макулов был расстрелян по приговору тройки НКВД Башкирской АССР еще в конце 1937 года. Серьезной источниковедческой проблемой при воссоздании биографии казия является вариативность фиксации его имени и фамилии в документах: Махди Маакули, Магади Магкулов, Магди (Магдий, Магдей) Магкулов, Магди Маккулов. В частности, в работе [Акмаганбет 2023: 40] он упоминается как «Молламудамиди Макулов», однако данное утверждение приводится без ссылки на первоисточник. На современном этапе историографии данные лакуны устраняются благодаря появлению специального исследования, детально реконструирующего жизнедеятельность и этапы религиозного служения богослова [Балтабаева 2025; Baltabaeva 2025: 175–194].

Важным вкладом в расширение источниковой базы исследования стала публикация в Алматы книги воспоминаний «Четыре тетради», принадлежащей перу внучки М. Макулова – Ляйли Галимжановой (1924–2017), под редакцией историков М. Акулова и А. Аканова. Данное издание представляет собой уникальный эго-документ ушедшей эпохи [Галимжанова 2024]. Автор мемуаров, находившаяся вместе с матерью у М. Макулова в Уфе в период массового голода в Казахстане, оставила ценные свидетельства о личности и быте своего деда. В подростковом возрасте Ляйля и её младший брат Кемель Галимжанов остались сиротами. Их судьба отражает трагедию семей репрессированной национальной элиты: они являлись детьми юрисконсульта Народного комиссариата земледелия Казахской ССР, выпускника медресе «Мухаммадия» (Троицк) Галиуллы Галимжанова (1888–1938), племянниками алашевца Файзуллы Галимжанова (1891–1942) и внуками известного богослова, казия и члена руководства ЦДУМ Внутренней России и Сибири Магди Макулова.

Исторический парадокс заключается в том, что, несмотря на жесткие идеологические ограничения советской системы, потомки М. Макулова сумели достичь значительных высот в государственной иерархии. Так, Л.Г. Галимжанова занимала пост министра культуры Казахской ССР (1961–1967 гг.), К. Г. Галимжанов являлся председателем Гостехнадзора КазССР (1974–1980 гг.), а зять казия – К. Анваров – в 1940-х годах возглавлял Верховный суд Таджикской ССР. Однако, как свидетельствуют материалы книги «Четыре тетради», даже находясь на столь высоких номенклатурных должностях, они при жизни не имели доступа ко многим ключевым страницам биографии своих репрессированных родственников. Информация о жертвах Большого террора фактически являлась охраняемой государством тайной, доступной исключительно ограниченному кругу сотрудников спецслужб. Преодоление этой вынужденной деформации исторической памяти стало возможным на современном этапе благодаря деятельности Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, созданной Указом Президента РК К. К. Токаева в ноябре 2020 года, а также масштабной поисково-исследовательской работе ученых под эгидой Проектного офиса под руководством правоведа С. А. Касымова.

Таким образом, компаративный анализ существующей историографии и вновь открытых эго-документов выявляет серьезную фрагментарность и хронологические противоречия в изучении биографии М. Макулова. Разночтения в определении дат его рождения (1862 или 1874 гг.), ареста и гибели (1937–1938 гг.), а также вариативность фиксации его антропонима в материалах ОГПУ/НКВД свидетельствуют о необходимости комплексной верификации источников. Деятельность Государственной комиссии по полной реабилитации открывает возможности для преодоления этих историографических лакун. Настоящее исследование направлено на синтез архивных и нарративных свидетельств с целью формирования верифицированной биографической канвы М. Макулова как репрезентативного представителя репрессированной мусульманской элиты.

Результат. М. Макулов родился в Казахстане. Согласно устным семейным свидетельствам, зафиксированным в воспоминаниях его внучки Л. Галимжановой, еще в подростковом возрасте он совершил хаджж в Мекку, что впоследствии способствовало формированию его высокого религиозного авторитета среди единоверцев. Важной вехой в институционализации духовной жизни региона стали решения Первого Всеказахского съезда, состоявшегося 21–26 июля 1917 года в Оренбурге под председательством Х. Досмухамедулы. Восьмым пунктом повестки дня съезда значился религиозный вопрос. В принятом постановлении декларировалось, что мусульманское население Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской, Уральской и Закаспийской (Мангышлакский уезд) областей временно переходит под юрисдикцию Оренбургского муфтиата, а каждая из указанных областей (за исключением Мангышлакского уезда) наделяется правом избрания собственного казия [Алаш-Орда 1929: 48–49].

Развитие этих процессов на местах отражено в публикации газеты «Сарыарка» (г. Семипалатинск) от 13 ноября 1917 года. Издание информировало, что на съезде имамов Кызылжарского уезда мулла Магди Макулов тайным голосованием был единогласно избран ахуном уезда, а его заместителем — хазрет Искак Бердихожин. Примечательно, что оба они являлись членами культурно-просветительского общества «Талап» (Стремление). В качестве ахуна М. Макулов выступал посредником между духовной элитой мечетных общин и Оренбургским магометанским духовным собранием, созданным по указу императрицы Екатерины II от 22 сентября (3 октября) 1788 года с целью контроля государства над духовенством и использования исламских институтов в осуществлении российской политики как в империи, так и за ее пределами. Решением съезда ахуну Макулову предусматривалось ежемесячное содержание в 100 рублей и оплата канцелярских расходов. Одновременно он исполнял обязанности имама мечети по месту жительства, причем делегаты съезда четко прописали ценз единоначалия, согласно которому совмещение должностей исключало присутствие второго имама.

По особому приглашению

Согласно протоколам, Второго Общеказахского съезда, состоявшегося в Оренбурге 5–13 декабря 1917 года, М. Макулов присутствовал на нем «по особому приглашению» в числе четырнадцати наиболее авторитетных деятелей края. Сам съезд, проходивший в начальный период установления советской власти, «прошел с особым подъемом» [Дело 1918: 2]. Примечательно, что в официальных материалах его статус «казий» фиксировался непосредственно в составе имени [Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары 2024: 70]. Данный факт вводит важнейший политический контекст – участие М. Макулова во Втором Общеказахского съезде и его позиция по ключевому вопросу автономии наглядно показывают, что он был не просто религиозным судьей, а государственным деятелем, стоявшим у истоков автономии «Алаш».

М. Макулов в структуре Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ)

Члены ЦДУМ. Слева направо: во втором ряду 4-й – муфтий Ризаитдин Фахрединов, 7-ой – Магди Макулов. Уфа, 1926 г.

На съезде было принято историческое решение о провозглашении территориально-национальной автономии Алаш и формировании Временного Народного Совета (правительства) «Алашорда» под председательством

А. Букейхана. При обсуждении вопроса о сроках объявления автономии М. Макулов вошел в число большинства делегатов (42 человека), выступивших «против немедленного объявления автономии» [Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары 2024: 70]. Несмотря на тактические разногласия, делегаты выработали компромиссное решение, единогласно утвердив резолюцию, которая предоставляла Общеказахскому Народному Совета «Алашорда» месячный срок для интеграции южных регионов в состав провозглашаемой автономии.

Примечательно, что в вопросе духовного управления казахов Второй Общеказахский съезд высказался за сохранение существовавшего статус-кво вплоть до официального объявления автономии и созыва Учредительного собрания Алаш [Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары 2024: 86]. Соответственно, к ведению казия по-прежнему относились дела, связанные с ритуальным, семейным, частным и частично уголовным правом.

М. Макулов входил в состав руководства и являлся членом Совета улемов (Ученого совета) Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) в Уфе, ставшего правопреемником Оренбургского магометанского духовного собрания. В советский период руководство ЦДУМ было сформировано в сентябре 1920 года на Всероссийском съезде мусульманского духовенства, а устав организации утвержден Наркоматом внутренних дел (НКВД) РСФСР 30 ноября 1923 года. Представители казахского мусульманского сообщества, включая казия М. Макулова, принимали участие в работе I, II и III Всероссийских съездов мусульманских деятелей, состоявшихся в Уфе в 1920, 1923 и 1926 годах соответственно.

По итогам второго съезда в структуре ЦДУМ начал полноценно функционировать Казахский отдел, «во главе которого стал один из казахских казиев [М. Макулов], а другой казий, ввиду своего преклонного возраста, находился в своем районе [в Казахстане]» [1541: 28; Преодолевая религиозное влияние ислама 1990: 126]. Примечательно, что решение о целесообразности учреждения Казахского отдела концептуально восходило еще к постановлениям Первого Всеказахского съезда в Оренбурге (июль 1917 г.). В подготовке и обеспечении работы всех трех уфимских съездов М. Макулов принимал непосредственное участие, выступая не только в качестве руководителя Казахского отдела, казия и члена Совета улемов ЦДУМ, но и как член президиума съездов и ключевой докладчик.

На фоне изменения вектора внешней политики СССР и смещения акцентов на колониальный Восток большевистское руководство стремилось использовать авторитет мусульманского духовенства для продвижения антиимпериалистической повестки на международной арене. В этой связи внешнеполитическим интересам советского правительства полностью отвечало участие делегации СССР в работе Первого Всемирного мусульманского конгресса в Мекке, проходившего с 7 июня по 5 июля 1926 года. В отчете Восточного отдела ОГПУ подчеркивалось, что «в результате длительной

подготовки» ведомство сформировало состав делегации, отвечающий двум ключевым критериям: она «должна была состоять из лиц, высокоавторитетных не только внутри Союза, но и вне», при этом требовалась «уверенность в том, что делегация сумеет последовательно провести в жизнь наши предначертания» [Ислам и советское государство 2010: 70].

М. Макулов как делегат Первого Всемирного мусульманского конгресса в Мекке

Второй слева: Магди Макулов. Стамбул, 1926 г.

Советскую делегацию из восьми человек возглавил председатель ЦДУМ — муфтий Р. Фахретдинов. Мусульманское духовенство Казахстана в этой дипломатической миссии представлял исключительно казий М. Макулов, который в протоколах конгресса фигурировал под арабизированным вариантом антропонима — «Махди бен-Макул (или Максуд) из Сибири» [Романенко 2005: 83]. Примечательно, что, несмотря на столь высокий международный статус богослова, современные составители сборника архивных документов Восточного отдела ОГПУ за 1926 год при сборе сведений в Петропавловске не смогли верифицировать информацию о его личности, что еще раз указывает на глубокую историографическую лакуну вокруг имени казия [Ислам и советское государство 2010].

Транзит советской миссии в Хиджаз сопровождался серьезными логистическими и политическими трудностями: дорога заняла ровно месяц, а на территории Египта делегаты подверглись кратковременному аресту. Важным экономическим аспектом данной дипломатической поездки являлось то, что государственные структуры СССР не выделили финансовых средств на командирование членов мусульманской делегации. Необходимые для поездки суммы (около 2 000 рублей на каждого человека) были аккумулированы за счет добровольных пожертвований верующих. В частности, целевой сбор средств «в виде обложения» населения был организован в Акмолинской губернии для обеспечения командировки регионального делегата М. Макулова [СКГА 720: 7].

По возвращении миссии ОГПУ в Москве дало положительную оценку деятельности делегатов, отметив их конструктивное участие в обсуждении повестки дня и работе профильных комиссий конгресса. Деятельность советских мусульманских лидеров объективно содействовала реализации внешнеполитических задач СССР на Ближнем Востоке, основным вектором которых выступало укрепление авторитета восходящего лидера арабского мира Абдул-Азиза ибн Сауда, рассматривавшегося советским руководством в качестве главного геополитического антагониста проанглийских сил в регионе.

Концептуализация «антисоветского характера» ислама в партийно-государственном дискурсе

Спустя два месяца после завершения Мекканского конгресса в официальных партийно-советских документах окончательно закрепился тезис об «антисоветском характере» мусульманства. Данная тенденция развивалась вопреки очевидному пониманию советским руководством потенциала ислама как инструмента привлечения антиколониальных движений на сторону СССР. 13 сентября 1926 года Восточный отдел ОГПУ подготовил аналитическую записку «Наступление мусдуховенства и меры борьбы с ним». Ключевой идеей документа являлось утверждение о том, что духовенство ориентирует верующих на панисламизм, под которым спецслужбы понимали любые консолидационные инициативы религиозных лидеров, направленные на единение советских мусульман. В качестве превентивных и карательных мер рекомендовались «беспощадное преследование мулл...; репрессии против мулл; усиление разложения духовенства методами ГПУ» [Ислам и советское государство 2010: 58]. Директивы ОГПУ демонстрируют глубинное преемственное сходство между имперской и советской моделями управления конфессиональной сферой, направленными на жесткий контроль над духовенством независимо от региона его активности. Вектор лояльности мусульманского населения Советского Союза директивно переориентировался с религиозного центра в Мекке на новый политический центр власти в Москве [См. подробнее: Keller 2001]. В рамках этой парадигмы деятельность ЦДУМ и его руководства во всех мусульманских регионах Союза оказалась под особым надзором специальных органов.

На активизацию роли ЦДУМ в Казахской степи, начавшуюся в 1924–1925 годах, указывает и американская исследовательница Ш. Келлер (Shoshana Keller)

[Keller 2001: 133]. В качестве сравнительного контекста она приводит данные о том, что ЦДУМ не удалось добиться сопоставимых результатов в Туркменской ССР, где к концу 1926 года функционировал лишь один мухтасибат в Ташаузском округе.

Политическая линия на изоляцию казахских мусульман от общесоюзного Духовного управления и других тюркских народов СССР отчетливо проявилась уже в начале 1925 года. В этот период видный советский дипломат и партийный деятель Н. Тюрякулов направил из Москвы письмо в адрес секретарей Киробкома РКП(б) В. Нанейшвили и С. Ходжанова. В своей корреспонденции он подвергал жесткой критике масштабную деятельность М. Макулова в Казахской степи, направленную на системную организацию религиозной жизни общин и интенсификацию строительства новых мечетей, усматривая в этом угрозу усиления панисламистских тенденций.

На Третьем Всероссийском съезде ЦДУМ (25 октября – 4 ноября 1926 г.) была особо отмечена определяющая роль М. Макулова в учреждении на территории Казахстана мухтасибатов — административно-территориальных единиц Духовного управления, возглавляемых мухтасибами, в чьи обязанности входил контроль над соблюдением верующими норм шариата. В западных и северных регионах Казахстана, географически близких к Уфе, функционировал 51 мухтасибат, еще 4 действовали в Кара-Калпакской автономной области, входившей на тот момент в состав Казакской АССР [АП РК. 1541: 29]. По состоянию на апрель 1927 года сеть «вполне оформленных мухтасибатов» распределялась следующим образом: 11 – в Актюбинской губернии, 10 – в Уральской, 8 – в Семипалатинской, по 5 – в Сыр-Дарьинской, Джетысуйской и Акмолинской губерниях, 6 – в Кустанайском округе и 1 – в Адаевском уезде [АП РК. 1541: 28–39].

В рамках подготовки к уфимскому съезду 1926 года во всех мухтасибатах Казахстана прошла волна локальных (районных и уездных) съездов духовенства и рядовых верующих. Наряду с электоральными процедурами, ключевым элементом этих собраний стало формирование наказов делегатам. Основной спектр требований к органам советской власти сводился к расширению рамок религиозного образования, возвращению духовенству избирательных и гражданских прав, освобождению от налогового обременения, а также к передаче мусульманским институтам функций регистрации актов гражданского состояния (ЗАГС). На Третьем съезде ЦДУМ Казахстан был представлен самой многочисленной региональной делегацией, насчитывавшей 135 человек [Преодолевая религиозное влияние ислама 1990: 128–129].

Организационные успехи М. Макулова вызвали серьезную тревогу в партийно-государственном аппарате Казкрайкома ВКП (б) во главе с Ф. И. Голощекиным. 8 июня 1927 года бюро Казкрайкома приняло строго секретное постановление «О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением». В документе констатировалось: «большим несчастьем явилось то, что была допущена организация духовной иерархии с подчинением казакстанского духовенства уфимскому центру» [АП РК 1541: 4–5].

Традиционная религия все более настойчиво воспринималась правящей партией не только как конкурирующая идеология, но и как латентная политическая угроза советскому режиму, обусловленная самим фактом институциональной устойчивости и авторитета мусульманского духовенства. С началом сталинской «революции сверху» масштабы преследования религиозных деятелей в кратчайшие сроки достигли качественно нового уровня. Данная радикализация конфессиональной политики детерминировалась комплексом факторов как внутриполитического, так и внешнеполитического характера.

Правозащитная деятельность М. Макулова в условиях институционального разгрома ислама

Период конца 1920-х — 1930-х годов ознаменовался переходом советского государства к политике системного террора против мусульманского духовенства и форсированного демонтажа исламских институтов на всей территории СССР. В условиях радикальной трансформации традиционного общества и директивного насаждения новых идеологических доктрин большевистское руководство стремилось ликвидировать внутриконфессиональную консолидацию и разорвать устойчивые связи между религиозными лидерами и верующими. Реализация этой стратегии осуществлялась посредством прямого административного и физического преследования исламских авторитетов. Главными директивными маркерами сталинской конфессиональной политики стали санкции на «изъятие» и «ликвидацию» традиционной духовной элиты. Практическое исполнение репрессивных мер на местах возлагалось на органы ОГПУ, чьи архивные фонды по линии государственной безопасности в значительной степени остаются закрытыми для исследователей до настоящего времени. В этих критических условиях казий М. Макулов предпринял попытку легального противодействия государственному давлению, обратившись с серией апелляций к высшему руководству страны в лице Председателя ЦИК СССР М. И. Калинина.

Письмо казиев Казахского отдела ЦДУМ Михаилу Калинину от 23 января 1928 года фиксирует административное давление и репрессии против мусульманского духовенства со второй половины 1927 года. В частности, мухтасибы по четыре–пять месяцев не получали корреспонденцию, хотя ЦДУМ ежемесячно посылал «по несколько бумаг подведомственным мухтасибам». Во многих районах отказывали в организации и проведении новых выборов мухтасибов и их заместителей (мушавиров), а «некоторые местные представители власти беспокоят их внушением мысли о необходимости учреждения в Казакстане отдельного самостоятельного духовного управления» [https://islamperspectives.org/rpi/items/show/13013]. Спецслужбы, отмечая активизацию духовенства, увеличение нелегальных мусульманских школ, стали жестко применять различные меры. Так, в вышеназванном письме М. Калинину Магди Макулов сообщал и об аресте в Петропавловске и высылке из Казахстана члена Казахского отдела ЦДУМ Хусаина Байгильдеева, направленного по

согласованию с НКВД Башкирской автономной республики РСФСР в командировку в пределы Акмолинской, Семипалатинской и Джетысуйской губерний для ознакомления с делами мухтасибатов, принадлежащих к ведомству ЦДУМ. Авторы письма особо подчеркнули: «для нас остается загадочной причина унизительного его ареста и лишения его возможности исполнить вполне законную свою обязанность… мы остаемся на своем посту и считаем это нашим долгом совести, нравственным долгом пред своим народом» [https://islamperspectives.org/rpi/items/show/13013].

Недоверие советской власти к представителям мусульманского духовенства, раскол религиозного движения, давление и прямые репрессии являлись неотъемлемой частью общегосударственного политического курса. Атеистическая платформа режима служила лишь поводом для ликвидации авторитета религиозных лидеров [Ислам и советское государство 2010 : 58].

Материалы оперативной разработки в отношении казия М. Макулова накапливались специальными органами на протяжении многих лет. Его имя фигурирует в протоколе допроса в органах ОГПУ в Петропавловске от 3 мая 1931 года, проведенного в отношении А. Темирбекова – мюрида (последователя) ишана, который дважды направлялся в Уфу по религиозным делам и останавливался там у своего земляка М. Макулова. Из показаний подследственного следует, что весной 1928 года, после съезда мусульманского духовенства в Кокчетаве, сотрудники ОГПУ под угрозой репрессий требовали от мухтасиба Г. Айтхожина «произвести отрыв от ЦДУ». А. Темирбеков был командирован в Уфу именно с целью информирования руководства ЦДУМ о сложившейся критической ситуации. Поскольку официальное разрешение на проведение съезда и перевыборов мухтасиба в Казахстане получено не было, Г. Айтхожин подвергся осуждению с конфискацией имущества и жилья. Его заместители (мушавиры) и рядовые верующие отказались занять вакантную должность, опасаясь повторения судьбы своего руководителя. В результате этого целенаправленного давления ОГПУ деятельность локального мухтасибата была полностью прекращена.

В ноябре 1931 года руководство ЦДУМ, среди подписантов был и Магди Макулов, вновь направило в Президиум ВЦИК развернутую записку, отражавшую катастрофическое положение конфессиональной инфраструктуры. Согласно документу, под юрисдикцией ЦДУМ в РСФСР и Казахстане номинально состояло 153 мухтасиба. Однако в результате репрессивной политики государства 34 из них находились в ссылке, 23 – в местах заключения, 24 – отказались от своих должностей, 8 – умерли, 57 – на своих должностях не находятся, причем Уфимскому центру было «неизвестно, где и в каком положении они пребывают».

Из первоначального состава легально продолжали функционировать лишь 7 мухтасибов, трое из которых находились в Казахстане (в Зайсане, Семипалатинске и Петропавловске). Динамику ликвидации низового духовенства авторы документа иллюстрировали на примере Усть-Каменогорского района: если ранее в 50 аулах региона религиозные нужды верующих обеспечивали 50 имамов и 38 муэдзинов, то к концу ноября 1931 года в уезде осталось всего двое духовных лиц —

непосредственно в г. Усть-Каменогорске и в ауле № 6 Уланского района [https://www.islamperspectives.org/rpi/items/show/16806].

Спустя три года, 2 февраля 1935 года, М. Макулов вновь направил официальное обращение в Президиум ВЦИК, информируя высшие органы власти об удручающем положении конфессиональных структур в Казакской АССР. Согласно приведенным им данным, еще 12 мулл подверглись ссылке, 4 — находились в исправительных домах, 5 — скончались, 1 — оставил должность, а 35 человек «находились в неизвестном направлении» [Мухтарова 2007: 117]. На основе анализа этих локальных показателей казий экстраполировал данную репрессивную практику и на другие регионы СССР, констатируя, что общая ситуация в большинстве мухтасибатов, равно как и персональные судьбы их руководителей, остаются вне поля зрения ЦДУМ из-за деструктивных действий советских органов.

Следственное дело о «заговоре руководителей ЦДУМ» и арест М. Макулова

В годы Большого террора органы НКВД осуществили тотальный разгром мусульманской элиты СССР, фактически ликвидировав институциональную деятельность ЦДУМ. В рамках масштабной репрессивной кампании 1936–1938 годов обвинения были предъявлены более чем 30 высшим религиозным деятелям [Юнусова 1999: 172]. Ключевым инструментом ликвидации центрального управления стало сфабрикованное «Дело о заговоре руководителей ЦДУМ». По версии следствия, после кончины в апреле 1936 года муфтия Р. Фахретдинова руководящим составом организации был целенаправленно инициирован вопрос о закрытии Духовного управления в знак протеста против антирелигиозной политики большевиков.

Данный процесс имел катастрофические последствия и для мусульманского духовенства Казахстана. На роль координатора («связника») межрегиональных «контрреволюционных» связей следователи определили казия М. Макулова. Исторически его легитимность восходила еще к весне 1917 года, когда съезд казахов Акмолинской области, проходивший с 25 апреля по 7 мая в Омске, делегировал его в члены ЦДУМ от мусульманского сообщества г. Петропавловска. Кандидатура казия, сотрудничавшего с ЦДУМ на протяжении двадцати лет и постоянно проживавшего в Уфе, являлась наиболее удобной для фабрикации группового трансграничного дела, связывавшего Башкирскую АССР и Казахскую ССР. Магди Макулов был арестован в Уфе 28 февраля 1937 года.

Арест М. Макулова в Уфе был синхронизирован с масштабной ликвидацией исламской инфраструктуры на его родине — в Северном и Центральном Казахстане. Согласно рассекреченным документам советских органов государственной безопасности, на территории Казахской ССР были «вскрыты и ликвидированы» панисламистские организации, создание которых следствие инкриминировало «агентам Японии» — членам руководства ЦДУМ К.

Тарджиманову и М. Макулову [СГА ДКНБ РК по г. Алматы 88: 99–100]. В рамках этой скоординированной кампании с 15 по 21 июня 1937 года в ходе закрытого судебного заседания Постоянной сессии Военного трибунала пограничной и внутренней охраны КазССР по Северному Казахстану было рассмотрено групповое дело в отношении мусульманского духовенства Карагандинской и Северо-Казахстанской областей [Материалы Госкомиссии Т. 14. 2022: 185–188]. По делу мухтасиба Акмолинского района Т. Мирвалиева к различным срокам наказания были приговорены 15 человек, из которых 6 человек — к высшей мере наказания (расстрелу), причем по ложным обвинениям четверо из них ранее уже отбыли четырех- и пятилетние лагерные сроки.

Формулировки обвинительного заключения по данному делу в полной мере раскрывают саму механику сталинских фальсификаций. В следственных материалах отчетливо прослеживается типичная чекистская схема: искусственное объединение религиозных деятелей (мулл) с представителями традиционной казахской элиты (баями), идеологическая привязка подследственных к «программе Алаш» (несмотря на то, что партия к тому моменту давно не существовала), а также обязательное конструирование мифа о подготовке «вооруженного восстания» и «иностранном шпионаже».

В рамках этой репрессивной модели органы НКВД декларировали выявление на территории Северо-Казахстанской области «широко разветвленной мулльско-байской контрреволюционной» организации, в качестве руководителей которой были указаны М. Макулов, К. Алимбаев, М. Агисов и С. Туренанов. Согласно версии следствия, ключевой задачей данной структуры являлось вооруженное свержение советской власти, консолидация казахского населения и других восточных национальностей в суверенное государство, а также внешнеполитическая ориентация на одну из иностранных держав. Примечательно, что даже традиционная проповедническая деятельность и пропаганда идей религии квалифицировались карательными органами как умышленные действия, направленные на «ослабление экономической мощи советской власти» [Материалы Госкомиссии Т. 14. 2022: 190–192].

Имя М. Макулова использовалось НКВД как сквозной инструмент для тотальной зачистки мусульманского пространства от Петропавловска и Семипалатинска до Западного Казахстана. Масштабы оперативных мероприятий, развернутых в 1937 году Управлением НКВД по Северо-Казахстанской области по делу сфабрикованного «филиала панисламистской организации» (создание которой инкриминировалось казию еще в 1932 г.), выразились во вскрытии и ликвидации 44 «панисламистских» ячеек. В рамках этой кампании были арестованы 460 человек, а в первом полугодии 1938 года — еще 76 человек [Вертикаль и горизонталь Большого террора в Казахстане 2024: 445, 448]; таким образом, общее число репрессированных по данному вектору составило 536 человек.

Наряду с этим, фамилия находящегося под арестом М. Макулова активно применялась чекистами для конструирования трансграничных следственных связей в других регионах республики. Так, в декабре 1937 года его имя

фигурировало в обвинительном заключении УНКВД по Восточно-Казахстанской области в отношении «участников антисоветской панисламистской организации» при мечети Семипалатинска. По версии органов государственной безопасности, директивные установки М. Макулова как «японского агента» якобы получала и «контрреволюционная повстанческая шпионско-подрывная организация», действовавшая в Джангалинском и Денгизском районах Западного Казахстана. Данный тезис был зафиксирован в обвинительных заключениях по делу № 2368 от 29 сентября и 3 декабря 1937 года.

Агентурное дело «Цепь Корана» (1940–1941 гг.) как продолжение репрессивного курса

Относительное снижение интенсивности репрессий после завершения Большого террора (1937–1938 гг.) носило кратковременный характер. Казахстан, исторически имевший наиболее тесные связи с ЦДУМ и отличавшийся высоким уровнем модернизации исламских институтов, вновь оказался в фокусе внимания карательных органов в 1940–1941 годах. НКВД Казахской ССР инициировал агентурные разработки «Противники» и «Афганцы» в отношении группы ишанов и мулл Кызылординской области, которым инкриминировались латентные связи с духовенством сопредельных регионов (Узбекистана, Таджикистана, Афганистана, Ирана), а также Китайской Республики (куда, в Синьцзянскую провинцию, ранее мигрировала часть казахского населения).

Одновременно Управление НКВД по Южно-Казахстанской области в тесной координации с коллегами из среднеазиатских республик вело пять параллельных агентурных разработок: «Курган-Тюбинцы», «Муллы», «Враги», «Аравия» и «Молдалар». 20 июня 1940 года в результате объединения этих и ряда других ранее существовавших дел (включая «Табынцы», «Басмаческие резервы», «Снайпер», «Хазреты», «Намаз», «Адайцы», «Повстанцы») было сформировано масштабное сводное агентурное дело «Цепь Корана» (дело № 035) против мусульманского духовенства и верующих Казахской, Узбекской, Таджикской, Туркменской ССР и РСФСР.

Органы государственной безопасности выстроили прямую преемственность между «Делом ЦДУМ» (1936–1938 гг.) и делом «Цепь Корана» (1940–1941 гг.). Факты свидетельствуют, что отставка Н. И. Ежова и последующая ротация руководящих кадров в наркомате, прокуратуре и судебных органах не привели к кардинальному смягчению репрессивного курса в конфессиональной сфере. Согласно обвинительной версии следствия, вскрытая в Казахской ССР структура представляла собой «незатронутые до сих пор филиалы и базу организации, созданные иностранной разведкой Турции через белоэмигрантские закордонные мусульманские круги и местные панисламистские авторитеты, во главе со старым руководством ЦДУМ». В числе руководства был вновь назван Магди Макулов. Данный факт наглядно раскрывает транснациональный и сквозной характер советских репрессий: чекисты использовали имя М. Макулова в деле

1940 года как «универсальный мост», чтобы связать воедино довоенный Большой террор с новыми масштабными зачистками в советской Средней Азии, развернувшимися в условиях уже шедшей Второй мировой войны.

Согласно следственной версии, в 1925–1927 годах региональные панисламистские формирования в Казахстане под руководством мухтасибов осуществляли антисоветскую деятельность под непосредственным кураторством членов ЦДУМ К. Тарджиманова и М. Макулова, «подготавливая вооруженное восстание мусульман против советов под лозунгом “священной войны”». Для интенсификации агентурно-следственной работы в Актюбинскую, Южно-Казахстанскую и Гурьевскую области из центрального аппарата НКВД были направлены специальные оперативные группы.

Органы государственной безопасности конструировали в обвинительных заключениях масштабные консолидированные структуры панисламистского толка. Динамика арестов по делу «Цепь Корана» наглядно отражает лавинообразный характер фальсификаций: если на 15 июля 1940 года под стражей находились 10 человек, то к 1 октября их число возросло до 51, из которых 31 обвиняемый «полностью изобличен и дал показания». В отчетных документах НКВД Казахской ССР отсутствие признательных показаний у остальной части подследственных цинично объяснялось исключительно фактором их «последних арестов». К моменту завершения ликвидации дела по нему проходило 242 выявленных и учтенных участника панисламистских формирований, обладавших, по мнению следствия, обширными связями с эмигрантскими кругами в Иране и Афганистане. Среди них фигурировали фамилии баев, ишанов, мухтасибов, хазретов, мулл и их сыновей, а также руководителей и участников прежних народных восстаний в Казахстане.

В материалах следствия представители духовенства и верующие безапелляционно дефинировались как шпионы, координировавшие свои действия с разведывательными органами мусульманских стран (Ирана, Афганистана, Турции, Саудовской Аравии), а также Японии, Великобритании и Франции. Нагнетаемый сталинским режимом тезис о неизбежном столкновении СССР с капиталистическим окружением в условиях разгоравшейся Второй мировой войны выводил обвинительную концепцию НКВД на обязательное инкриминирование подследственным связей с иностранными державами. Лишь после смерти И. В. Сталина, 27 августа 1959 года, все фигуранты дела «Цепь Корана» были полностью реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Если уголовные дела начала 1930-х годов в отношении ишанов и мулл отражали преследование преимущественно локальных религиозных лидеров, то следственное дело о «заговоре ЦДУМ» имело принципиально иной характер. В данном случае карательные органы осуществили целенаправленное уничтожение высшего руководства официальной конфессиональной структуры, которая была полностью интегрирована в советское правовое поле, проявляла политическую лояльность и функционировала строго согласно своему уставу, официально утвержденному НКВД РСФСР. В свою очередь, агентурное дело

«Цепь Корана» стало репрессивным прецедентом, в рамках которого советские спецслужбы консолидировали преследования как против легального («официального») духовенства, так и против неформальных исламских авторитетов на местах.

Микроисторический срез этой институциональной трагедии отражен в воспоминаниях внучки богослова Л. Галимжановой: «В 1937 году умерла моя мама, а дедушка был так измучен и взбудоражен частыми вызовами в ОГПУ, что ему побоялись сообщить о смерти мамы. Вскоре его арестовали, затем арестовали и бабушку. Старые люди, они выдержали недолго. Он — четыре или пять месяцев, она — полтора. Умерли в тюрьме. [Их дочери] Галя 15 лет и Гуля 10 лет остались одни. Галя рассказывала, как она носила передачи, как на улице в голос плакала, когда умерла мама. Потом она распродала вещи, остальное сама упаковала и с Гулей приехала в Алма-Ату, где тоже было пепелище прошлой жизни» [Галимжанова 2024].

В 1982 году, когда Л. Г. Галимжанова вела записи в рукописи «Четыре тетради», она не располагала сведениями о том, что М. Макулов был расстрелян по обвинению в контрреволюционных преступлениях (ст. 58 УК РСФСР). По данным современных исследователей, 23 декабря 1937 года была казнена член ЦДУМ, 68-летняя М. Бобинская-Нигматуллина — единственная женщина в истории мусульманского сообщества, носившая звание казия. Вместе с ней погибли казий М. Макулов, писатель Я. Валеев, известные религиозные деятели Башкирской АССР Х. Фахретдинов, Х. Шагиморатов-Урманчеев, Г. Бакаев и М. Якупов. Возрастной диапазон казненных составлял от 55 лет, при этом самым старшим в группе являлся 75-летний М. Макулов [Рахимов 2000].

Историческая и юридическая справедливость в отношении руководства ЦДУМ была частично восстановлена лишь спустя десятилетия. 23 мая 1960 года Постановлением Президиума Верховного Суда Башкирской АССР решение «тройки» НКВД от 30 ноября 1937 года было отменено, а все фигуранты дела посмертно реабилитированы за отсутствием состава преступления. Согласно официальным проверочным материалам КГБ при Совете министров СССР, М. Макулов по оперативным учетам не проходил, а какие-либо доказательства его причастности к деятельности иностранных разведывательных органов в закрытых фондах отсутствовали.

Заключение. Таким образом, ключевая цель системного и целенаправленного террора большевиков против мусульманского духовенства заключалась в ликвидации наиболее авторитетной и интеллектуальной страты традиционного общества, способной консолидировать население, недовольное политическим курсом режима. Репрессивные практики были призваны парализовать волю общества к сопротивлению. Для достижения этой цели советское государство методично исключало религиозных лидеров из социально-экономической, политико-правовой и культурно-духовной сфер жизни. Примечательно, что в молох репрессий попали и те деятели, которые демонстрировали лояльность советской системе и стремились функционировать в легальном правовом поле, ярким примером чему служит судьба казия М.

Макулова. На основе проведенного исследования можно констатировать, что тоталитарной власти требовалось искусственное конструирование образа внутренних «врагов» не столько для контроля над социумом, сколько в качестве идеологического и репрессивного тарана, необходимого для форсированного осуществления радикальной модернизационной программы большевизма.

Литература и источники:

Архивные источники

Алаш қозғалысы: құжаттар мен материалдар жинағы. 2-т.: Желтоқсан 1917 – мамыр 1920 жж. = Движение Алаш: сб. док. и материалов. Т. 2: Декабрь 1917 – май 1920 гг. – Алматы: Алаш, 2005. – 496 б. – 20–31 бб. Ссылка на: Сарыарқа. – 1918. – № 29.

Алаш-Орда: Сб. док. / Сост. Н. Мартыненко; предисл. Ураза Исаева. – Кзыл-Орда: Казиздат, 1929. – 169 с.

Докладная записка членов-казыев Казакского отдела Центрального Духовного Управления Мусульман, казаков Магдия Макулова и Хусаина Байгильдеева Председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. И. Калинину. Уфа, 23 января 1928 г. // URL: https://islamperspectives.org/rpi/items/show/13013.

Вертикаль и горизонталь Большого террора в Казахстане в 1937–1938 гг.: сборник документов / Ред. А. С. Жанбосинова. – Астана: [Б. и.], 2024. – 886 с.

Из обзора деятельности мусульманского духовенства в Казахстане // Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 1541. Л. 28–39.

Из письма Агитпропотдела Акмолинского губкома партии всем райкомам и укомам ВКП (б) по усилению антиисламской пропаганды // Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. П–2. Оп. 1. Д. 720. Л. 7–9.

Ислам и советское государство: (По материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 г.) / Сост.: Д. Ю. Арапов, Г. Г. Косач; отв. ред. А. Ю. Хабутдинов. – М.: Изд. дом Марджани, 2010. – Вып. 1. – 145 с.

Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века). Т. 14: Антирелигиозная политика советского государства и репрессии против духовенства в Казахстане: Сборник документов и материалов / Сост.: Д. Т. Кенжетаев, Б. М. Сатершинов, М. Төлеген, Ю. В. Шаповал; под общ. ред. Е. Т. Карина. – Астана: Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова; Проектный офис Госкомиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий; ТОО «Литера–М», 2022. – 325 с.

Мусульманское духовенство // Специальный государственный архив Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по городу Алматы (СГА ДКНБ РК по г. Алматы). Ф (не указан). Оп. 11. Арх. № 88.

Письмо руководства ЦДУМ в Президиум ВЦИК. 30 ноября 1931 г. / URL: https://www.islamperspectives.org/rpi/items/show/16806.

Преодолевая религиозное влияние ислама (Из опыта Коммунистической партии Казахстана) 1917 – начало 1930-х гг.: Сб. документов / Под ред. Б. А.

Тулепбаева; сост.: И. Н. Буханова, Н. Р. Джагфаров, Г. Е. Тайжанова. – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 256 с.

Протокол заседания II Общеказахского съезда. г. Оренбург, 5–13 декабря 1917 г. // Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20–50 жылдары). IV-т.: Алашорда үкіметі және оның жергілікті басқару органдары: құжаттар мен материалдар жинағы / Құраст.: С. А. Қасымов, С. А. Жүсіп, Д. А. Махат, Ж. Ү. Қыдыралина, М. М. Қозыбаева, Қ. Қ. Сәрсембина; жалпы ред. басқарған Е. А. Әбіл. – Алматы: Нур, 2024. – 464 б. – 70-б.

Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20–50 жылдары). III-т.: «Алаш» партия: құжаттар мен материалдар жинағы / Құраст.: С. А. Қасымов, С. А. Жүсіп, Д. А. Махат, Д. Д. Сүлейменова, М. М. Қозыбаева, Қ. Қ. Сәрсембина; жалпы ред. басқарған Е. А. Әбіл. — Алматы : Нур, 2024. — 352 б.

Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20–50 жылдары). IV-т.: Алашорда үкіметі және оның жергілікті басқару органдары: құжаттар мен материалдар жинағы / Құраст.: С. А. Қасымов, С. А. Жүсіп, Д. А. Махат, Ж. Ү. Қыдыралина, М. М. Қозыбаева, Қ. Қ. Сәрсембина; жалпы ред. басқарған Е. А. Әбіл. - Алматы: Нур, 2024. - 464 б.

Список членов центрального и местного комитетов партии «Алаш» и активистов этой партии // АП РК. Ф. 811. Оп. 23. Д. 438. Л. 1–18.

Литература

Ақмағанбет Р. Алаш демократиясы. Өркениетті қоғам құру жолында. – Алматы: AmalBooks, 2022. – 296 б.

Балтабаева К. Н. «Арестовали, потому что я – ишан»: карательный курс на уничтожение влияния мусульманского духовенства в обществе // Казахи в Средней Азии: история и судьбы (1920–1950 гг.): Коллективная монография / З. Е. Кабульдинов, К. Н. Балтабаева, А. М. Джумашев, М. Ч. Калыбекова, Д. Б. Касымова, Т. А. Рыскулов. – Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова; ИП «Алма», 2022. – 472 с.

Балтабаева К. Магди Макулов: богослов и кази // Казахстанская правда. – 2025. – 31 мая.

Бегасилова Ж. А. Политические репрессии против религиозных организаций и священнослужителей в Казахстане в 20–30-е гг. XX века: дис. ... доктора философии (PhD): 6D020300 – История / Науч. консультанты: Б. О. Жангуттин, А. Венцель. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2021. – 164 с.

Галимжанова Л. Г. Четыре тетради / Сост. А. Караулова, А. Аканов; ред. А. Аканов, М. Акулов. – Алматы: RUAN, 2024. – 325 с.

Гусева Ю. Н. Мрачное эхо «Дела ЦДУМ»: «Цепь Корана» и репрессии против мусульманской элиты в СССР (1940 год) // Новый исторический вестник. – 2017. – № 2 (52). – С. 85–102.

Кенжетаев Д. Т. Қуғын-сүргін жылдарындағы ислам діні қызметкерлері: репрессияға қарсы күрес айла-шарғылары, стратегиялары мен тағдырлары // Политические репрессии в Казахстане в 20–50-е гг. XX века и проблемы реабилитации / Под общ. ред. Е. А. Абиль. — Алматы: Мадияр, 2023.

Койгелдиев М. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. – Алматы: Искандер, 2009. – 448 с.

Муканова Г. Публицист, просветитель, судья Галиулла Галимжанов (1883–1938) // СК. – 2021. – № 104 (25439). – 11 сентября.

Муканова Г. Репрессии и судьбы. 28 августа 2021 г. // Аналитикалық, қоғамдық-саяси ақпараттық портал POSTFACTUM.KZ: URL:https://postfactum.kz/ru/eksklyuziv/102-repressii-i-sudby

Мухтарова Г. Д. Ислам в советском Казахстане. — Актобе: [б. и.], 2007. — 280 с.

Рахимов С. «Виновной себя не признала»: Материалы следственного дела Мухлисы Бобинской // Эхо веков. – 2000. – № 1/2. – С. 217–223.

Редакционная заметка «Всекиргизский съезд» // Дело. – 1918. – 2 февраля.

Романенко В. С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века: Научно-исторический очерк. – Нижний Новгород: Махинур, 2005. – 144 с.

Шаповал Ю. В. Нормативно-правовые акты большевистско-сталинской власти, послужившие основанием для политических репрессий в отношении духовенства // Политические репрессии в Казахстане в 20–50-е гг. XX века и проблемы реабилитации / Под общ. ред. Е. А. Абиль. — Алматы: Мадияр, 2023.

Шаповал Ю., Липина Т., Бекболат А. Улемы в годы сталинско-большевистских репрессий в Казахстане: на примере судьбы Галиаскара Айтхожина // Вестник КазНУ. Серия религиоведение. – 2023. – Т. 34. – № 2. – С. 34–43. — DOI: 10.26577/EJRS. 2023.v34. i2. r4.

Юнусова А. Б.: Ислам в Башкортостане / Под ред. А. В. Малашенко. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – 352 с.

Baltabaeva K. Klassenkampf gegen muslimische Geistliche: Sowjetische Islampolitik in Kasachstan 1920–1940 // Osteuropa. – 2025. – № 4. – P. 175–194. Doi: 10.35998/oe-2025-038

Shoshana Keller. To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia, 1917–1941. – Westport, Connecticut: Praeger, 2001. – xix, 277 p.

Zhumatay S., Mukanov O.N., Mukanova G.K., Bimakanova Z.Sh. Suffrage and Its Implementation by Kazakh Deputies of the State Duma of Russia at the beginning of the XX century. Alikhan Bukeikhanov and Shaimerden Kosshygulov. // Bylye Gody. – 2024. 19(1): 395-406.

References:

Archival Sources

Alash qozghalysy: qujattar men materialdar jynaghy. 2-t.: Jeltoqsan 1917 – mamyr 1920 jzh. [Alash movement: collection of documents and materials. Vol. 2:

December 1917 – May 1920]. Almaty: Alash, 2005, pp. 20–31. Cited from: *Saryarqa*, 1918, No. 29. [in Kazakh].

Alash-Orda: Sb. dok. [Alash-Orda: Collection of documents]. Comp. by N. Martynenko; pref. by Uraz Isaev. Kzyl-Orda: Kazizdat, 1929, 169 p. [in Russian].

"Dokladnaya zapiska chlenov-kazyev Kazakskogo otdela Tsentral'nogo Dukhovnogo Upravleniya Musul'man, kazakov Magdiya Makulova i Khusaina Baygil'deeva Predsedatelyu Vserossiyskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta M. I. Kalininu. Ufa, 23 yanvarya 1928 g." ["Memorandum of the member-qadis of the Kazakh Department of the Central Spiritual Administration of Muslims, Kazakhs Magdi Makulov and Khusain Baygildeev to the Chairman of the All-Russian Central Executive Committee M. I. Kalinin. Ufa, January 23, 1928"]. Available at: islamperspectives.org (Accessed: July 19, 2026). [in Russian].

"Iz obzora deyatel'nosti musul'manskogo dukhoventsva v Kazakhstane" ["From the review of the activities of the Muslim clergy in Kazakhstan"]. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (AP RK) [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], Fond 141, Opis 1, Delo 1541, ll. 28–39. [in Russian].

Iz pis'ma Agitpropotdela Akmolinskogo gubkoma partii vsem raykomam i ukomam VKP (b) po usileniyu antiislamskoy propagandy" ["From the letter of the Agitprop Department of the Akmola Provincial Party Committee to all district and uyezd committees of the VKP (b) on strengthening anti-Islamic propaganda"]. Severo-Kazakhstanskiy gosudarstvennyy arkhiv (SKGA) [North Kazakhstan State Archive], Fond P–2, Opis 1, Delo 720, ll. 7–9. [in Russian].

Karin, E. T. (General Ed.). Materialy Gosudarstvennoy komissii po polnoy reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy (20–50 gody XX veka). T. 14: Antireligioznaya politika sovetskogo gosudarstva i repressii protiv dukhoventstva v Kazakhstane: Sbornik dokumentov i materialov [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repressions (20–50s of the XX century). Vol. 14: Anti-religious policy of the Soviet state and repressions against the clergy in Kazakhstan: Collection of documents and materials]. Comps.: D. T. Kenzhetaev, B. M. Satershinov, M. Tolegen, & Yu. V. Shapoval. Astana: Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology; Project Office of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repressions; Litera-M, 2022, 325 p. [in Russian].

Kasymov, S. A., Zhusip, S. A., Makhat, D. A., Suleimenova, D. D., Kozybaeva, M. M., & Sarsembina, K. K. (Comps.). (2024). Sayasi qugyn-surgin qurbandaryn tolyq aqtau jonindegi Memlekettik komissiyanyn materialdary (XX gassyrdyn 20–50 jyldary). T. III: “Alash” partiyasy: qujattar men materialdar jynagy [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Persecution (20s–50s of the 20th Century). Vol. III: “Alash” Party: Collection of Documents and Materials] (E. A. Abil, Gen. Ed.). Almaty: Nur. 352 p.[in Kazakh, in Russian].

Kasymov, S. A., Zhusip, S. A., Makhat, D. A., Kydyralina, Zh. U., Kozybaeva, M. M., & Sarsembina, K. K. (Comps.). (2024). Sayasi qugyn-surgin qurbandaryn tolyq aqtau jonindegi Memlekettik komissiyanyn materialdary (XX gassyrdyn 20–50 jyldary). T. IV: Alashorda ukimeti jane onyn jergilikti basqaru organdary: qujattar men

materialdar jynagy [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Persecution (20s–50s of the 20th Century). Vol. IV: Alash Orda Government and Its Local Governing Bodies: Collection of Documents and Materials] (E. A. Abil, Gen. Ed.). Almaty: Nur. 464 p. [in Kazakh, n Russian].

"Musul'manskoe dukhoventstvo" ["Muslim clergy"]. Spetsial'nyy gosudarstvennyy arkhiv Departamenta Komiteta natsional'noy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan po gorodu Almaty (SGA DKNB RK po g. Almaty) [Special State Archive of the Department of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan for the city of Almaty], Fond [n. f.], Opis 11, Arkhivnyy No. 88. [in Russian].

"Pis'mo rukovodstva TsDUM v Prezidium VTsIK. 30 noyabrya 1931 g." ["Letter from the leadership of the CDUM to the Presidium of the VTsIK. November 30, 1931"]. [Archival Source]. [in Russian].

"Protokol zasedaniya II Obshchekazakhskogo s'ezda. g. Orenburg, 5–13 dekabrya 1917 g." ["Minutes of the meeting of the II All-Kazakh Congress. Orenburg, December 5–13, 1917"]. In E. A. Abil (General Ed.), Sayasi qughyn-surgin qurbandaryn tolyq aqtau jonindegi Memlekettyk komissiyanyn materialdary (XX ghasyrdyn 20–50 jyldary). IV-t.: Alashorda ukimety zhane onyn zhergilikty basqaru organdary: qujattar men materialdar jynaghy [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repressions (20–50s of the XX century). Vol. IV: Alashorda government and its local governing bodies: collection of documents and materials]. Comps.: S. A. Kasymov, S. A. Zhusip, D. A. Makhat, Zh. U. Kydyralina, M. M. Kozybaeva, & Q. Q. Sarsembina. Almaty: Nur, 2024, p. 70. [in Russian].

"Spisok chlenov tsentral'nogo i mestnogo komitetov partii 'Alash' i aktivistov etoy partii" ["List of members of the central and local committees of the 'Alash' party and activists of this party"]. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (AP RK) [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], Fond 811, Opis 23, Delo 438, ll. 1–18. [in Russian].

Tulepbaev, B. A. (Ed.). Preodolevaya religioznoe vliyanie islama (Iz opyta Kommunisticheskoy partii Kazakhstana) 1917 – nachalo 1930-kh gg.: Sb. dokumentov [Overcoming the religious influence of Islam (From the experience of the Communist Party of Kazakhstan) 1917 – early 1930s: Collection of documents]. Comps.: I. N. Bukhanova, N. R. Dzhagfarov, & G. E. Tayzhanova. Alma-Ata: Kazakhstan, 1990, 256 p. [in Russian].

Zhanbosinova, A. S. (Ed.). Vertikal' i gorizontal' Bol'shogo terrora v Kazakhstane v 1937–1938 gg.: sbornik dokumentov [Vertical and horizontal of the Great Terror in Kazakhstan in 1937–1938: collection of documents]. Astana: [n. p.], 2024, 886 p. [in Russian].

Published Literature

Aqmaghanbet, R. Alash demokratiyasy. Orkenietti qogham quru jolynda [Alash democracy. On the way to building a civilized society]. Almaty: AmalBooks, 2022, 296 p. [in Russian].

Arapov, D. Yu., & Kosach, G. G. (Comps.). Islam i sovetskoe gosudarstvo: (Po materialam Vostochnogo otdela OGPU. 1926 g.) [Islam and the Soviet state: (Based on materials from the Eastern Department of the OGPU. 1926)]. Ed. by A. Yu. Khabutdinov. Moscow: Mardzhani Publishing House, 2010, Iss. 1, 145 p. [in Russian].

Baltabaeva, K. "Magdi Makulov: bogoslov i kazi" [Magdi Makulov: theologian and qadi]. *Kazakhstanskaya Pravda*, 2025, May 31. [in Russian].

Baltabaeva, K. N. "Arestovali, potomu chto ya – ishan": karatel'nyy kurs na unichtozhenie vliyaniya musul'manskogo dukhoventstva v obshchestve ["They arrested me because I am an ishan": punitive course towards destroying the influence of the Muslim clergy in society]. In Z. E. Kabuldinov, K. N. Baltabaeva, A. M. Dzhumashev, M. Ch. Kalybekova, D. B. Kasymova, & T. A. Ryskulov, Kazakhi v Sredney Azii: istoriya i sud'by (1920–1950 gg.): Kollektivnaya monografiya [Kazakhs in Central Asia: history and destinies (1920–1950): Collective monograph] (472 p.). Almaty: Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology; IP "Alma", 2022. [in Russian].

Baltabaeva, K. (2025). Klassenkampf gegen muslimische Geistliche: Sowjetische Islampolitik in Kasachstan 1920–1940 [Class struggle against Muslim clergy: Soviet Islamic policy in Kazakhstan 1920–1940]. *Osteuropa*, (4), 175–194. Doi: 10.35998/oe-2025-038 [in German].

Begasilova, Zh. A. Politicheskie repressii protiv religioznykh organizatsiy i svyashchennosluzhiteley v Kazakhstane v 20–30-e gg. XX veka [Political repressions against religious organizations and clergymen in Kazakhstan in the 20–30s of the XX century] (Doctoral dissertation, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, 2021), 164 p. Scientific advisors: B. O. Zhanguttin, A. Wenzel. [in Russian].

Galimzhanova, L. G. *Chetyre tetradi* [Four notebooks]. Comp. by A. Karaulova, & A. Akanov; ed. by A. Akanov, & M. Akulov. Almaty: RUAN, 2024, 325 p. [in Russian].

Guseva, Yu. N. "Mrachnoe ekho 'Dela TsDUM': 'Tsep' Korana' i repressii protiv musul'manskoy elity v SSSR (1940 god)" [The dark echo of the "CDUM Case": "The Chain of the Quran" and repressions against the Muslim elite in the USSR (1940)]. *Novyy Istoricheskiy Vestnik*, 2017, No. 2 (52), pp. 85–102. [in Russian].

Kenzhetaev, D. T. "Qughyn-surgin jyldaryndaghy islam dini qyzmetkerleri: repressiyagha qarsy kures ayla-sharghylary, strategiyalary men taghdyrlary" [Islamic clergy during the years of repression: tactics, strategies, and fates in the struggle against repression]. In E. A. Abil (Ed.), Politicheskie repressii v Kazakhstane v 20–50-e gg. XX veka i probleme reabilitatsii [Political repressions in Kazakhstan in the 20–50s of the XX century and problems of rehabilitation]. Almaty: Madiyar, 2023. [in Kazakh].

Koygeldiev, M. Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920–1940-kh godov [Stalinism and repressions in Kazakhstan in the 1920–1940s]. Almaty: Iskander, 2009, 448 p. [in Russian].

Mukanova, G. "Publitsist, prosvetitel', sud'ya Galiulla Galimzhanov (1883–1938)" [Publicist, educator, judge Galiulla Galimzhanov (1883–1938)]. *SK* [*Severnyy Kazakhstan*], 2021, No. 104 (25439), September 11. [in Russian].

Mukanova, G. "Repressii i sud'by" [Repressions and destinies]. Analitikalyq, qoghamdyq-sayasi aqparattyq portal POSTFACTUM.KZ, 2021, August 28. Available at: postfactum.kz (Accessed: July 19, 2026). [in Russian].

Mukhtarova, G. D. Islam v sovetskom Kazakhstane [Islam in Soviet Kazakhstan]. Aktobe: [n. p.], 2007, 280 p. [in Russian].

Rakhimov, S. "Vinovnoy sebya ne priznala": Materialy sledstvennogo dela Mukhlisy Bobinskoy ["She did not plead guilty": Materials of the investigative file of Mukhlisa Bobinskaya]. *Ekho Vekov*, 2000, No. 1/2, pp. 217–223. [in Russian].

"Redaktsionnaya zametka 'Vsekirgizskiy s'ezd'" ["Editorial note 'All-Kirghiz Congress'"]. *Delo*, 1918, February 2. [in Russian].

Romanenko, V. S. Sotrudnichestvo sovetskoy diplomatii i musul'manskogo dukhoventstva SSSR v 20-e gody XX veka: Nauchno-istoricheskiy ocherk [Cooperation between Soviet diplomacy and the Muslim clergy of the USSR in the 20s of the XX century: Scientific and historical essay]. Nizhny Novgorod: Makhinur, 2005, 144 p. [in Russian].

Shapoval, Yu. V. "Normativno-pravovye akty bol'shevistsko-stalinskoy vlasti, posluzhivshie osnovaniem dlya politicheskikh repressiy v otnoshenii dukhoventstva" [Regulatory and legal acts of the Bolshevik-Stalinist authorities that served as the basis for political repressions against the clergy]. In E. A. Abil (Ed.), Politicheskie repressii v Kazakhstane v 20–50-e gg. XX veka i problemy reabilitatsii [Political repressions in Kazakhstan in the 20–50s of the XX century and problems of rehabilitation]. Almaty: Madiyar, 2023. [in Russian].

Shoshana Keller (2001). To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia, 1917–1941. – Westport, Connecticut: Praeger. – xix, 277 p.

Zhumatay S., Mukanov O. N., Mukanova G. K., Bimakanova Z. Sh. Suffrage and Its Implementation by Kazakh Deputies of the State Duma of Russia at the beginning of the XX century. Alikhan Bukeikhanov and Shaimerden Kosshygulov. // Bylye Gody. — 2024. 19(1): 395–406.

Yunusova, A. B. Islam v Bashkortostane [Islam in Bashkortostan]. Ed. by A. V. Malashenko. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat, 1999, 352 p. [in Russian].

МНРТИ 03.20

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРЕССИВНОЙ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Сергалиев Максот Хабибуллович[1]

[1]кандидат юридических наук, исполнитель проекта «Фундаментальное исследование базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации», Казахстан г. Астана, e-mail: sergaliev68@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-2580-3091

Аннотация. Настоящая научная статья посвящена историческому исследованию коллективизации сельского хозяйства в Казахстане и уточнению карательной функции советских органов государственной безопасности в этом масштабном процессе. В центре исследовательской работы находится деятельность советских органов государственной безопасности по идеологическому, политическому и административному контролю над кочевым и оседлым населением республики. Особое внимание в работе уделено детальному анализу информационного сопровождения коллективизации как самостоятельной и эффективной формы чекистской работы в регионе. Исследуется, каким образом значение этой аналитической функции силового ведомства резко усилилось в 1920-е годы в условиях нарастающего крестьянского сопротивления и кризиса. На основе архивных документов детально реконструированы механизмы сбора оперативных данных, составления секретных сводок о настроениях казахского общества и методах подавления недовольства. Материалы исследования позволяют глубже понять структуру советской репрессивной политики на окраинах государства.

Ключевые слова: коллективизация, ОГПУ, репрессии, голод, кулаки, баи, преступность, продзатруднения, перегибы, каннибализм, откочевки.

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан проекта ИРН: BR24993057 «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

ҒТАХР 03.20

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК ҚАУІПСІЗДІК

ОРГАНДАРЫНЫҢ ҰЙЫМЫ: ОЛАРДЫҢ СТАЛИНДІК РЕПРЕССИЯЛЫҚ САЯСАТТЫ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДАҒЫ РӨЛІ МЕН ОРНЫ

Серғалиев Мақсот Хабибуллұлы[1]

[1]заң ғылымдарының кандидаты, «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі санаттары мен кіші санаттары және оларды толық ақтау үдерістері бойынша іргелі зерттеулер» жобасының мүшесі, Астана, Қазақстан, e-mail: sergaliev68@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-2580-3091

Андатпа. Бұл мақалада Қазақстандағы ауыл шаруашылығын ұжымдастырудың тарихи зерттеуі берілген және осы ауқымды процесте кеңестік мемлекеттік қауіпсіздік органдарының жазалаушы рөлі нақтыланған. Зерттеу жұмысы республиканың көшпелі және отырықшы халқын идеологиялық, саяси және әкімшілік бақылауға қатысты кеңестік мемлекеттік қауіпсіздік органдарының қызметіне бағытталған.

Зерттеу ұжымдастыру төңірегіндегі ақпарат жинау және есеп беру қызметін егжей-тегжейлі талдауға ерекше назар аударады, мұны аймақтағы чекисттік операциялардың ерекше және тиімді түрі ретінде қарастырады. Ол 1920 жылдардағы шаруалар қарсылығы мен дағдарыстың күшеюі жағдайында қауіпсіздік агенттігі орындаған бұл аналитикалық функцияның маңыздылығының қалай күрт күшейгенін зерттейді.

Архив құжаттарына сүйене отырып, зерттеу жұмысында оперативті мәліметтерді жинау, қазақ қоғамының көңіл-күйі туралы құпия есептерді құрастыру, келіспеушіліктерді басу әдістерін қолдану тетіктері егжей-тегжейлі қайта құрылды. Бұл зерттеу нәтижелері мемлекеттің шет аймақтарындағы кеңестік репрессиялық саясаттың құрылымын тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: ұжымдастыру, ОГПУ, қуғын-сүргін, ашаршылық, кулактар, байлар, қылмыс, азық-түлікпен қамтамасыз ету қиындықтары, шектен шығушылық, каннибализм, қоныс аударушылар

Алғыс айту. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің ЖТН «BR24993057 «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында дайындалды.

IRSTI 03.20

THE ORGANIZATION OF STATE SECURITY AGENCIES IN KAZAKHSTAN: THEIR ROLE AND PLACE IN THE IMPLEMENTATION OF STALINIST REPRESSIVE POLICY

Maksot Sergaliyev[1]

[1]Candidate of Legal Sciences; project team member for «Fundamental Research into the Basic Categories and Subcategories of Victims of Political Repression in Kazakhstan and the Processes of Their Full Rehabilitation», Astana, Kazakhstan, e-mail: sergaliev68@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-2580-3091

Abstract. This article presents a historical study of the collectivization of agriculture in Kazakhstan and clarifies the punitive role played by Soviet state security agencies in this large-scale process. The study focuses on the activities of Soviet state security agencies regarding ideological, political, and administrative control over the republic's nomadic and settled populations.

The study focuses particularly on a detailed analysis of the information-gathering and reporting activities surrounding collectivization, viewing this as a distinct and effective form of Chekist operations in the region. It examines how the significance of this analytical function performed by the security agency intensified sharply during the 1920s amidst mounting peasant resistance and crisis. Drawing on archival documents, the study reconstructs in detail the mechanisms for collecting operational data, compiling secret reports on the mood of Kazakh society, and employing methods to suppress dissent. These research findings offer deeper insight into the structure of Soviet repressive policy in the state's outlying regions.

Keywords: collectivization, OGPU, repressions, famine, kulaks, bais, crime, food supply difficulties, excesses, cannibalism, nomadic migrations.

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project: BR24993057 "Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repressions in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation".

Введение. История сталинских репрессий в Казахстане на протяжении десятилетий остается одной из самых драматичных и интенсивно изучаемых тем в отечественной исторической науке. Создание лагерной системы (Карлаг, АЛЖИР), трагедия Ашаршылыка, массовые депортации народов и политический террор против национальной интеллигенции получили глубокое осмысление в трудах современных исследователей. Тем не менее, несмотря на довольно значительный период исследования сталинских репрессий в Казахстане, историография данной научной проблемы продолжает содержать значительное количество пробелов.

В современном научно-историческом и общественном дискурсе преобладает виктимологический подход — фокус внимания исследователей закономерно направлен на фиксацию масштабов террора и реабилитацию его жертв. Как следствие, абсолютное большинство наших соотечественников имеют самое общее представление о масштабах репрессий и почти ничего — об их исполнителях. До сих пор вне глубокого системного анализа зачастую остаются институциональная эволюция, кадровая политика и конкретные

механизмы функционирования карательных органов на местах. Без понимания того, как была устроена региональная вертикаль госбезопасности, невозможно составить объективную картину функционирования тоталитарной системы в республике.

Целью данной статьи является комплексный исторический анализ организации органов государственной безопасности в Казахстане, а также определение их роли и места в реализации репрессивной сталинской политики. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- Изучить этапы институционального формирования и структурных изменений органов госбезопасности на территории Казахстана в исследуемый период;
- Выявить специфику взаимодействия союзного центра и республиканских карательных структур при принятии и исполнении репрессивных директив;
- Раскрыть кадровый потенциал, методы работы и персональную ответственность организаторов и непосредственных исполнителей террора на местах.

Методы и методология. Методологическую основу исследования составили принципы объективизма, историзма и системности, позволяющие рассматривать ОГПУ как имманентную часть репрессивной машины сталинского режима, адаптированную к кочевой специфике Казахстана. Работа опирается на модернизационный подход, трактующий коллективизацию как насильственную ломку традиционного общества, институциональный анализ структуры и функций спецслужб, а также антропологический подход, фиксирующий трагедию повседневности (голод, откочевки, каннибализм).

В исследовании применен комплекс общенаучных (анализ, синтез) и специально-исторических методов. Историко-генетический и историко-системный методы позволили проследить эволюцию чекистского «информационного сопровождения» от фиксации крестьянских протестов 1920-х годов до тотального контроля над обществом, а историко-компаративный метод — сопоставить карательные практики в кочевых аулах и оседлых деревнях.

Междисциплинарный источниковедческий и контент-анализ секретного делопроизводства ОГПУ помог отделить объективные маркеры кризиса от идеологических штампов («байско-кулацкий саботаж», «перегибы»). Источниковой базой послужили рассекреченные архивные документы (оперативные сводки, циркуляры ПП ОГПУ, решения «троек»), сочетание которых обеспечило верификацию масштабов и механизмов сталинской репрессивной политики на окраинах государства.

Обсуждение. Деятельность советских органов госбезопасности широко освещалась уже в 1920-е гг. XX века. В первую очередь, — представителями российской эмиграции Мельгуновым В.П., Бурцевым В.Л., Гулем Р.,

Прянишниковым Б. и др. Указанные работы предельно точно передают напряжение и трагизм описываемого времени, но некоторые современные ученые рекомендуют критически относиться к их содержанию (Скоркин, 2024).

Исследователи репрессий в Казахстане часто используют «Вспоминания чекиста-оперативника» Шрейдера М.П., реже книгу Богданова Ю. о служившем в КССР отце «30 лет в ОГПУ–НКВД–МВД: от оперуполномоченного до заместителя министра» (М., Крафт, 2013).

Наиболее ценные сведения об исполнителях репрессий, в первую очередь, о сотрудниках органов государственной безопасности СССР, по нашему мнению, содержат труды современных авторов.

Серьезная работа по исследованию репрессий невозможна без использования справочников Петрова Н.В., Скоркина К.В. («Кто руководил органами госбезопасности 1934–1941, 1941–1954», справочник, М., 2001), Тумшиса М.А. («Щит и меч Советского Союза. Краткие биографии руководителей органов государственной безопасности СССР и союзных республик. Декабрь 1922–декабрь 1991 гг.», М., 2016), Мозохина О. «Статистические сведения о деятельности органов КЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ 1918– 1953 гг.», М, 2016), а также «Краткой истории ВЧК–ГПУ–ОГПУ 1917–1924» Скоркина К.В. (М.: Квадрига, 2024).

Отдельные аспекты рассматриваемого вопроса изложены в работах Хаустова В., Самуэльсона Л. («Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.», М.: РОССПЭН, 2010, 432 с.), Попова А.Ю., Соколова А.А. («Щит и меч власти большевиков. Очерки истории ВЧК», М.: DirectMedia, 2022), Пачинского А., Тумшиса М. («Щит, расколотый мечом НКВД против ВЧК», М.: Современник, 2001, 367 с.) и др. Довольно полезными оказались монографии Петрова А.Г. «Типология репрессий в СССР: опыт историко-правового анализа» (М.: Центр гуманитарной литературы «РОН», 2004), Бобренева В.А., Рязанцева В.Б. «Палачи и жертвы» (М.: Военное издательство, 1993, 383 с.).

На этом фоне приходится отметить, что в работах казахстанских историков акцент на исполнителях репрессий делается редко, чаще всего авторы ограничивались общей статистикой, фрагментарными упоминаниями либо механическим предоставлением документальных материалов без комментариев к ним.

Объективным препятствием для устранения рассматриваемого научного пробела является хроническая проблема ограниченности доступа к архивам органов госбезопасности СССР. В современных условиях она частично и очень медленно компенсируется за счет использования других источников — архивов других, менее закрытых ведомств, а также увеличивающегося количества тематических публикаций и монографий (преимущественно зарубежных). Как правило, относящаяся к нашей республике информация носит в них «случайный» характер, собирать ее приходилось буквально по крупицам.

Результаты. 28 октября 1918 г. ВЦИК утвердил положение о ВЧК и ее местных органах, которые местные Советы фактически стали создавать с начала

года (в течение 1918 г. было образовано 40 губернских и 356 уездных ЧК) (Христофоров, 2019: 30).

В конце 1919 г. в Оренбурге, по мере создания Киргизской Советской республики, была создана Киргизская Чрезвычайная Комиссия. Она объединила Оренбургско-Тургайскую областную ЧК, Семипалатинскую губернскую ЧК, Уральскую губернскую ЧК, Букеевскую губернскую ЧК (с центром в с.Урда) (СГА КНБ, 3786: 82).

Структура и штат губернских ЧК определены приказом ВЧК № 194 от 6 июня 1921 г. На основании этого же приказа на территории Казахстана были созданы 8 губернских ЧК: Акмолинская, Букеевская (Гурьевская), Кустанайская, Семипалатинская, Семиреченская, Тургайская, Уральская и Актюбинская (СГА КНБ).

В 1922 г. губернские ЧК были преобразованы в губернские отделы ГПУ. Приказом ГПУ СССР № 195/320 от 30.08.1922 г. к Полномочному представительству ГПУ по Киргизскому краю (с центром в г. Оренбурге) отнесены Акмолинский, Актюбинский, Букеевский, Кустанайский, Семипалатинский, Уральский и Оренбургский губернские отделы ГПУ; часть современной Алма-Атинской области находилась в оперативном обеспечении Джетысуйского (Семиреченского) губернского отдела ГПУ, подчинявшегося Полномочному представительству ГПУ по Туркестанскому округу (с центром в г. Ташкенте) (СГА КНБ).

В июне 1925 г. Киргизская АССР, обретшая новые границы, также получила новое наименование Казакская Автономная Советская Социалистическая Республика (преобразование из «Казакской» в «Казахскую» произошло в феврале 1936 г.).

В 1925 г. столица была перенесена из Оренбурга в Перовск (г. Кзыл-Орда), одновременно с переездом правительства республики был *создан единый республиканский орган госбезопасности — Полномочное представительство (ПП) ОГПУ по Казакстану.*

В его подчинении были 12 окружных отделов: Алма-Атинский, Актюбинский, Гурьевский, Кустанайский, Сыр-Дарьинский, Каркаралинский, Павлодарский, Петропавловский, Семипалатинский, Кзыл-Ординский и Уральский. Был организован также Кара-Калпакский облотдел ОГПУ, который позднее вошел в состав ПП ОГПУ по Узбекской АССР (СГА КНБ).

К середине 1920-х гг. большая часть населения Казахстана вела кочевой образ жизни, который советская власть намеревалась решительно искоренить. Кочевки происходили в меридианном направлении (с севера на юг и обратно), на расстояния до 700 км, обеспечение их контроля было крайне сложной задачей. Кочевники занимали огромные и стратегически важные территории, примыкающие к государственной границе, которую они, в рамках сложившегося традиционного уклада, не признавали. Такое отношение к собственным рубежам никак не устраивало советскую власть, для которой бесконтрольное пересечение границы было категорически неприемлемым. Если до революции миграция кочевников происходила преимущественно с экономическими целями, то в

1920–1930 гг. откочевки стали приобретать политический контекст как форма бегства от государства.

Борьба с ними обосновывалась также экономическими и политическими причинами. Особенно тревожным для властей было то, что за границу массово мигрировали представители наиболее обеспеченных слоев населения, имевшие большое количество скота и другого имущества. Опасность откочевок для властей заключалась и в том, что граждане СССР, ушедшие за границу, попадали в сферу влияния антисоветской эмиграции (Синицын, 2019:35).

Следует отметить, что к середине 1920-х гг. советская власть в Казахстане во многом носила формальный характер. Хотя номинально советы здесь и существовали (аульные, волостные и пр.), однако реальная власть в них принадлежала родовым авторитетам. Такие органы власти не только не являлись опорой советского государства и правящей партии, но и просто мешали выполнению ее программных задач.

Поэтому власть поставила цель создать новые, «подлинные» советы как действительные органы диктатуры пролетариата. В декабре 1925 года на V Всеказахской конференции РКП (б) была принята программа «советизации аула». Она заключалась в ликвидации «байских советов» и продвижении в новые советы представителей «низших страт» кочевого общества — батраков, бедняков и середняков (Синицын, 2019: 59).

Этот процесс занял несколько лет, достиг результатов не везде, и в основном после того, как подверглись репрессиям и конфискации имущества родовые авторитеты. Только в 1929 году власти сумели добиться создания подлинных светов, где большинство составляла беднота (Синицын, 2019: 59).

Согласно оценкам чекистов, с 1926 г. шел «непрерывный рост объема работы ОГПУ и его местных органов» (Мозохин, 2016: 378). В 1928 г. особенно отличилось ПП ОГПУ КАССР, которое демонстрировало наибольшее в ведомстве увеличение количества обвиняемых — на 314 % в сравнении с 1926 г. (с 857 до 3553 арестованных) (Мозохин, 2016: 378). На фоне снижения во многих областях СССР количества обвиняемых по шпионажу в Казахстане в 1928 г. этот показатель увеличился до 1633 % (с 3 в 1926 г. до 49 человек в 1928 г.) (Мозохин, 2016: 378).

Борьба с кулачеством привела к расширению внесудебных полномочий ОГПУ: в феврале 1930 г. было принято постановление ЦИК СССР, предоставившее право ОГПУ на время проведения действий по ликвидации кулачества как класса «передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел в ПП ОГПУ краев и областей» (Христофоров, 2019: 75).

Согласно указанному постановлению, проведение оперативных действий по конфискации имущества и выселению кулаков было возложено на местные органы власти и ОГПУ, в условиях Казахстана полпредство ОГПУ и его подразделения на местах стали главным инструментом подавления вооруженного сопротивления казахских шаруа (Алланиязов, 2026: 216).

Органы госбезопасности еще до принятия постановления были приведены в состояние мобилизационной готовности в связи с предстоящей кампанией.

2 февраля 1930 г. был издан приказ ОГПУ № 44/21, завершивший подготовительный этап и определивший порядок, и сроки проведения первоочередных операций по кулачеству.

Во-первых, мероприятия ОГПУ должны были сводиться к двум основным направлениям: немедленной ликвидации контрреволюционного актива, относящегося к 1-й категории и массового выселения богатых кулаков и их семейств (2 категория) в отделенные северные районы СССР и конфискации их имущества.

Приказом ОГПУ был определен порядок руководства и проведения операций на местах.

Рассмотрение дел на лиц, проходящих по 1 категории, возлагалось на «тройки» из числа представителей ПП ОГПУ, крайкомов ВКП(б) и прокуратуры (состав троек утверждался коллегией ОГПУ).

Руководство операциями по выселению кулаков и их семейств по 2 категории возлагалось на оперативные тройки (в районах – оперативные группы), которые организовывались распоряжением ПП ОГПУ (в округах и областях – начальники отделов ОГПУ).

Проведение оперативных действий возлагалось на ПП ОГПУ. Им предписывалось на случай возможных осложнений организовывать при ПП ОГПУ чекистско-военный резерв, в районах наиболее угрожаемых – маневренные группы из частей ОГПУ, которые находись в распоряжении окротделов ОГПУ (Тархова, 2010: 138).

Отдельно в приказе ОГПУ оговаривалось возможное участие Красной армии: «Части Красной армии к операции ни в коем случае не привлекать. Использование их допускать только в крайних случаях, при возникновении восстания, по согласованию с краевыми организациями и РВС. ПП ОГПУ организовать там, где недостаточно частей ОГПУ, в скрытом виде войсковые группы из надежных, профильтрованных особорганами ОГПУ частей Красной армии» (Тархова, 2010: 138).

При этом казахов в пограничную охрану и части ОГПУ не призывали: «ОГПУ СССР исходило из необходимости укомплектования погранохраны и войск ОГПУ призывниками из наиболее благополучных в политическом отношении районов» (СГА КНБ 9: 21), каким буквально полыхавший восстаниями Казахстан в годы коллективизации явно не был. Попытки Крайкома ВКП(б) начать комплектование пограничной охраны ОГПУ красноармейцами-казахами также натолкнулись на категорический отказ Москвы. Было принято компромиссное решение ограничиться «…включением в погранохрану войск ОГПУ на отдельных заставах в качестве переводчиков по одному грамотному члену партии казаху-красноармейцу из числа призванных в ряды Красной Армии в 1930 г.» (Ашаршылык, 2021: 879).

Безусловно, указанное обстоятельство имеет частный характер и не исключает участия казахов в реализации репрессивной политики. По мнению экспертов, по политическим соображениям в борьбе против повстанцев акцент делался на применении либо национальных кавалерийских частей, либо

коммунистических отрядов, состоявших из местных партийных, комсомольских и советских работников (Алланиязов, 2026:217).

Кроме имеющихся подразделений ОГПУ, для борьбы с восстаниями и откочевками были созданы «61-й Актюбинский кавдивизион – 100 чел., 63-й Акмолинский кавдивизион – 100, 64-й Петропавловский кавдивизион – 130, 65-й Кустанайский кавдивизион — 102, всего 432». Сообщалось, что в числе решавшихся ими задач, «пограничная охрана и войска ОГПУ использовались: а) для проведения выселения кулачества; б) по изъятию кулацких, байских манайских и антисоветских элементов; в) для ликвидации массовых антисоветских выступлений; г) для борьбы с бандитизмом.

Помимо этого, погранохраной были приняты меры к усилению охраны границы, в особенности «с целью предотвращения бегства кулаков за рубеж» (Исторические материалы). Малочисленность войск ОГПУ в операциях по кулачеству компенсировалась их мобильностью, т.н. «оперативно-боевыми переброскими». Некоторые из переброс производились внутри республики распоряжением ПП ОГПУ, другие — по Союзу распоряжением ОГПУ СССР. Например, в 1930 г., в Казахстане в перебросках участвовало 679 военнослужащих пограничной охраны с продолжительностью от 15 дней до 3 месяцев (Тархова, 2010: 151).

В рассматриваемый период казахстанскую ссылку пришлось пережить ряду ученых — бывших эсеров (руководителю Статистическо-экономического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР Швецову С.П., члену Президиума Госплана Казакской АСС Сириусу М.Г. и др.) считавших, что кочевое хозяйство – единственно рациональное, целесообразное и идеально приспособленное к местным условиям (Синицын, 2019: 46). Идеи взвешенного подхода к судьбе кочевой цивилизации разделяли ученые Огановский Н.П., Челинцев А.Н., Рукавишников И.А., заместитель председателя СНК РСФСР Рыскулов Т., бывшие члены партии «Алаш» Байтурсынов А., Букейханов А.

По некоторым оценкам, в случае сохранения существовавшего положения, «пастбищная площадь Казахстана могла обеспечить прокорм для 75 млн голов скота и регион был способен целиком покрыть все потребности Союза на все виды животноводства» (Синицын, 2019: 50).

Однако в реальных условиях сельское хозяйство Казахстана в результате коллективизации было фактически уничтожено.

В течение первой пятилетки удельный вес республики в производстве зерна в СССР упал с 9 до 3 %. Беспрецедентными были потери животноводства: в спецсообщении от 25 октября 1933 г. полпред ОГПУ Каруцкий В. сообщал на Лубянку, что если в 1929 г. в Казахстане насчитывалось 40,3 млн голов скота, то в 1930 г. – 24,6 млн., в 1931 г. – 10,6 млн., в 1932 г. – 5,5 млн., а к осени 1933 г. – всего 3,7 млн. В целом, сокращение поголовья составило 91 %, а по кочевым и полукочевым районам – до 95 % (Тепляков, 2009: 166).

Трагической для казахов стала борьба властей с кочевым и полукочевым образом жизни: в 1930 г. было переведено на оседлость 87 тыс. хозяйств, в 1933 г. – 242 тыс. Сотни семейств были согнаны в одно место, колхозные фермы часто

представляли собой степные территории, где скот стремительно погибал от бескормицы.

Задачи ОГПУ в период коллективизации заключались в выявлении и ликвидации «контрреволюционного актива, различных повстанческих и террористических проявлений, обеспечение проведения политики ликвидации купечества» (Михеев, 2008: 174). В 1929–1933 гг. областные тройки ОГПУ приговорили к расстрелу (по неполным данным) 3386 казахстанцев и заключили в лагеря еще 13151 чел. За 1930 г. «тройки» расстреляли 1218 чел., в 1931 г. – 1001 чел. За покушение на социалистическую собственность в 1932 г. в Казахстане было осуждено 33345 чел. (включая подростков).

По данным Информационного отдела ОГПУ, в 1928 г. в СССР было зафиксировано 709 массовых крестьянских выступлений, в 1929 г. – 1307, в 1930 г. – уже 3754 (Измозик, Старков и др., 2009: 433) (только в Казахстане в 1930 г. действовало 82 повстанческих отряда общей численностью 1925 чел.) (Бушуева, 2020: 335). В Казахстане в 1928–1933 гг. произошло 545 массовых выступлений (в том числе 26 вооруженных) с числом участников более 127 тыс. (Алланиязов, 2026:4), основными очагами недовольства были Семипалатинский и Алма-Атинский округи, Адаевская степь (Тепляков, 2009: 176–178), для подавления которых использовалась в том числе авиация (Степанов, 2019: 329).

При этом весной и летом 1929 г. протестные выступления по Казахстану проявлялись в следующих формах: противодействие хлебозаготовительным мероприятиям, злостная агитация, угрозы, избиения, покушения на убийство и расправу, убийство, поджоги, политхулиганство, распространение листовок, выступления бедноты в защиту кулачества, забастовки рабочих, банды (Алланиязов, 2025: 96). Об обострении ситуации свидетельствует появление и широкое распространение в 1930 г. такой формы протеста, как физический и имущественный террор (332 факта), а также народные восстания (Алланиязов, 2025: 96).

Органы госбезопасности обеспечивали информирование властей обо всех важных общественно-политических событиях, среди которых в 1930-е гг. тема коллективизации была одной из приоритетных (Колодникова, 2009: 55). Информация ОГПУ имела большее значение для руководства страны (Измозик, 2024: 177), она считалась наиболее полной и достоверной. Система политического контроля органов госбезопасности не опиралась ни на какую правовую основу, лишь на секретные инструкции высших партийных органов и ведомственные указания, приказы.

В отличие от партийных и советских организаций, структуры ВЧК-ОГПУ на протяжении лет не стремились приукрасить положение на местах, фиксируя реальное экономическое положение населения и злоупотребления представителей власти. Важная особенность информирования ОГПУ: стремление к полноте, попытки приукрасить ситуацию карались беспощадно. «Обманывать было чревато, за это репрессировали. Советское общество просвечивалось по всем градациям: армия, крестьяне, интеллигенция, районы, области, руководители, рабочие. Иными словами, читавшие этот отчет лица

могли реально представить себе ситуацию в стране и на этом основании принимать решения, проводить определенную политику. Руководство страны требовало от работников секретных служб абсолютной правды» (Колодникова, 2009: 35).

При этом в соответствии с требованиями ведомственного приказа, «важнейшей задачей госинформации является освещение настроений всех групп населения и факторов, влияющих на изменение этих настроений» (Измозик, 2024: 186).

Далее использованы сводки[7] *подразделений ПП ОГПУ по Казакской АССР, знакомство с которыми дает представление о содержании информационной работы органов госбезопасности в период коллективизации и различных аспектах этого процесса:*

Из спецсводки Петропавловского окротдела ГПУ ПП ОГПУ по КазАССР о перегибах при проведении мероприятий по раскулачиванию, 10 марта 1930 г.

Рыковский район, Петропавловск

… Все раскулаченные 60 семейств были немедленно выгнаны из домов, не оставили им ничего, даже на пропитание. Перед самым раскулачиванием уполномоченный рика Мануйлов заявил: «Мы должны кулака раздеть догола и выбросить в снег».

… Все присутствующие на заседании были разбиты на 7 бригад, каждой дан список и сразу приступили к работе. Метод был таков: заходят в дом, все забирают дочиста, складывают на подводы и увозят в общий амбар без всяких описей.

Скот угонят, хозяев и детей оставляют полураздетыми и приказывают сейчас же уходить из села, а по селу и в конце села их караулы встречают и что получше на них оставлено снимают и заменяют рваньем или ничем, и отправляют их из села, несмотря на сильные бураны.

И все это в течение нескольких часов было закончено.

На второй день поступило распоряжение: «Всем выгнанным можно вернуться в деревню и расположиться по квартирам». Многие вернулись обмороженными, как дети, а равно и сами. Жена кулака Григоренко Алексея, имея больного мужа и 5 детей, от пережитого сошла с ума (Ашаршылык, 2021: 241).

Из доклада командования 11-й Краснознаменной кавалерийской дивизии в Казкрайком ВКП(б) «О боевых действиях особой оперативной группы в Казахстане в марте, апреле и мае 1930 г.», от 10 июня1930 г., г. Оренбург.

…на почве извращения политики партии …в Казахской Автономной ССР еще осенью 1929 г. имели случаи массового движения и недовольства. Батбакаринское и Сузакское восстания, ликвидированные исключительно

[7] Сохранена оригинальная орфография документов.

применением войск, являлись грозными показателями состояния казахского аула (Ашаршылык, 2021: 455).

Из информационной записки ПП ОГПУ по Казакской АССР в информационный отдел ОГПУ СССР по вопросу продовольственных затруднений на 5 июля 1930 г., г. Алма-Ата.

С января по июнь месяц с.г. включительно массовых выступлений на почве продзатруднений с целью захвата хлебных запасов зарегистрировано 88: в январе – 1, марте – 12, апреле – 18, мае – 35 и июне – 20 (по неполным данным за июнь месяц). Наибольшее распространение выступления имели в Семипалатинском окр. – 15, Петропавловском – 13, Алма–Атинском – 12, Кустанайском – 10 и Уральском – 9. Острота продзатруднений, кроме того, характеризуется следующим: а) фактами опуханий, заболеваний и смертей; б) фактами употребления в пищу падали, сусликов, кошек и суррогатов; в) фактами поедания семян вообще и протравленного семенного материала в частности, вследствие чего отмечались случаи отравления (Ашаршылык, 2021: 493–494).

Из доклада комиссии Казахского крайкома ВКП(б) «Об итогах выполнения директив ЦК и крайкома ВКП(б) об исправлении перегибов, допущенных в период весенней кампании 1929–1930 г.», г. Алма-Ата, 6 августа 1930 г.

…Советская уголовная политика едва ли когда-нибудь в другое время видела такие искажения, какие она претерпела в период этой кампании. В отдельных районах извращения карательной политики были прямо чудовищны.

…В Акмолинском округе, вопреки неоднократным категорическим запрещениям краевых органов, по судебным приговорам выслали в Карелию и другие местности СССР около 1 тыс. осужденных вместе с семьями, вместе с малолетними детьми. В этой кампании особенно широко была применена высылка и конфискация имущества, означавшая действительное полное отобрание имущества вплоть до чашки и ложки (Ашаршылык, 2021: 520).

…В Илекском районе Актюбинского округа было арестовано около 200 казахов за несдачу хлеба. Эти казахи никогда хлеб не сеяли (Ашаршылык, 2021: 522). …По линии заготовки хлеба и шерсти в казахских районах дело доходило до того, что казахов заставляли распарывать ватные одеяла, трепать на шерсть кошмы и т.п. (Ашаршылык, 2021: 523) При сборе семенного фонда в Уральском округе «…прелестей довольно художественного порядка изрядно. Особенно отличаются пока районы: Зауральный – избиением мужчин, женщин, аресты в холодные бани, истязания мужчин и женщин кулаков, середняков, бедняков, угрозы расстрелом. Обливания женщин холодной водой, изнасилования и пьянство, массовые незаконные конфискации имущества середняков, а иногда и бедняков. В Урде и Тайпаке женщин водили босиком по снегу, устрашали сжиганием» (Ашаршылык, 2021: 241).

Сводка об укочевках казахского населения в Казахстане по материалам Инфо ПП ОГПУ по КАССР на 25 ноября 1930 г., г. Алма-Ата.

…Откочевки внутри Казахстана за последнее время имеют место в Гурьевском, Уральском, Каркаралинском и Петропавловском округах. В Сыр-Дарьинском округе откочевки имеют направление в Узбекистан и Киргизию, из Алма-Атинского и Семипалатинского в Китай и Киргизию.

Особенностью откочевок последнего периода является то, что в большинстве случаев укочевки происходят под прикрытием вооруженных банд как местного, так и закордонного происхождения и, частично, — при явном содействии со стороны китайских властей (Ашаршылык, 2021: 526).

Радиограмма секретаря Казкрайкома ВКП(б) И.Ф. Голощекина Бельагачскому райкому ВКП(б) о четырехкратном увеличении скотозаготовок в связи с обострившимся положением мясоснабжения гг. Москвы и Ленинграда, Алматы, 8 января 1931 г.

… В связи с обострившимся положением мясоснабжения гг. Москвы и Ленинграда, ЦК увеличил январское задание Казахстану по отгрузке мяса столицам в 4 раза. Обязал парторганизацию выполнить это в боевом порядке (Ашаршылык, 2021: 659).

Небольшая ремарка к описываемой ситуации с ухудшением ситуации: сегодня некоторые ученые сообщают, что городские жители в массе своей не испытывали голода. Москвич И.И. Шитц фиксировал в столице не голодное существование жителей столицы, а очереди, неважное качество продуктов, скудный ассортимент. Нормой становилось весьма однообразное и маловкусное питание (Лебина, 2024:50–51).

Докладная записка первого секретаря ВЦСПС Н.М. Шверника И.В. Сталину о поездке в Казахстан на хлебозаготовки, Москва, 12 марта 1931 г.

…В заключение я должен отметить, что Казахстан безусловно сможет дать еще 3–4 миллиона пудов хлеба, т.е. количество, которое он должен дать по плану без совхозов.

Из поездки по районам, в особенности селам, создается впечатление, что хлеб есть.

Нужны лишь соответствующая работа, главным образом массово-разъяснительная, среди бедняков и середняков, и твердый нажим на кулацко-байские хозяйства, и план хлебозаготовок по Казахстану может быть безусловно выполнен (Ашаршылык, 2021: 793).

Спецсводка полномочного представительства ОГПУ по Запсибкраю «О бегстве казаков из Казакстана на территорию Запсибкрая», г. Новосибирск, 23 января 1932 г.

…Начиная с осени 1931 г. наблюдается бегство казаков из Казахстана в смежные с Казакстаном районы Запсибкрая. За последнее время это бегство приняло массовый характер.

В Славгородском районе казаков, бежавших из Казакстана, насчитывается до 10 000 человек, из них 6 000 осели в самом городе Славгород, где расселились на окраинах, в пустующих домах, в квартирах, занимаемых казаками.

До 4 000 расселились в казакских аулах, население которых в связи с этим удвоилось. Прибежавшие казаки живут скученно, грязно, среди них свирепствуют инфекционные заболевания.

Прибывшие казаки не имеют никакого имущества, нигде не работают, и подавляющее большинство из них голодает.

Широко развито нищенство, употребление в пищу мяса павших животных, кражи скота и лошадей. Отмечены случаи, когда павшие лошади казаками откапываются из земли и поедаются.

Часть казаков бросают на произвол судьбы детей. Имеются смертные случаи от истощения.

…По городу Славгороду ежедневно милицией подбирается 2–3 больных от голода казаков.

…При проверке квартир казаков обнаружен ряд случаев, когда целые семьи лежат больные черной оспой. Тут же во дворе лежат трупы умерших (Ашаршылык, 2021: 77).

Спецсообщение Секретно-политического отдела ОГПУ СССР «О злоупотреблениях и хищениях при распределении продовольственной помощи в Казахстане», г. Москва, 7 июля 1932 г.

…За период март — май 1932 г. по краю зарегистрировано до 7 тыс. голодных смертей. За это же время в отдельных районах отмечено 67 случаев людоедства, сопровождавшихся в 39 случаях убийствами.

В Джувалинском районе на ст. Тюлькубас задержана группа в 4 человека (казахи), занимавшихся убийствами и употреблением человеческого мяса в пищу. Группой было убито 6 человек, в том числе мать и малолетние дети С. (одного из задержанных). У задержанных обнаружено человеческое мясо.

В Келесском районе вблизи ст. Дарбаза задержана группа в 5 человек. Следствием выяснено, что группа убивала прохожих и мясо убитых употребляла в пищу. Часть человеческого мяса продавалась за скотское по 5 рублей за кг.

В с. Ольговка член коммуны «Щит» Т. совместно со своей женой съели труп двухлетнего ребенка и одного мальчика казаха. Ими же была зарезана одна старуха, мясо которой также съедено. При обыске у «Т» обнаружено человеческое мясо, варившееся в казане (Ашаршылык, 2021: 265–267).

Из приложения к спецсправке Секретно-политического отдела ОГПУ об антиколхозном движении и голоде в Белоруссии, Казахстане, на Украине и в отдельных районах СССР, г. Москва, не ранее 20 июля 1932 г.

…Казахстан принадлежит к числу наиболее неблагополучных районов Союза. Основная причина этого — острейшие продзатруднения, принявшие в ряде районов характер голода. На 1 июля продзатруднениями охвачено 74 района, где зарегистрировано 8 276 случаев голодной смерти и 12 969 опуханий.

Голодающие питаются падалью, зарегистрированы случаи людоедства (Ашаршылык, 2021: 284).

Заключение. По результатам участия в настоящем проекте, по нашему мнению, в дальнейшем следует сконцентрировать усилия на решении в первую очередь организационных задач:

1. Целевые исследования коллективизации в Казахстане, с учетом масштабов трагедии, следует продолжить.

Принимая во внимание сложность задачи, ее решение может занять многие годы, потребовать существенных ресурсов, оправданных с точки зрения морально-этического аспекта проблемы.

При этом проведение полноценного исследования, безусловно, имеет и политическое значение, — наличие научно обоснованных выводов о причинах и последствиях реализации сталинской политики в Казахстане дает власти мощный инструмент обеспечения информационной безопасности государства, сохранения исторической памяти и консолидации на этом фоне казахстанского общества.

2. Масштабы советских репрессий в Казахстане и одновременно очевидная недостаточная степень их изученности позволяет в очередной раз поставить вопрос о создании специального научно-исследовательского института.

Объективные условия исторической науки в республике, в первую очередь, – дефицит молодых квалифицированных специалистов, а также естественные демографические процессы, влияющие на повышение среднего возраста ведущих исследователей, подталкивают вопрос о необходимости ускорения создания такой структуры. По нашему мнению, концентрация ученых разных поколений, специализирующихся на изучении различных аспектов основной проблемы исследования, – сталинских репрессий в Казахстане, – будет способствовать постоянному взаимному обмену научными данными и преемственности поколений исследователей.

3. Целесообразна постановка вопроса о создании в Казахстане мемориального комплекса международного уровня.

С учетом многотысячных жертв коллективизации, многолетнего использования территории Казахской ССР для отбытия наказания и ссылки многих народов, изначальное придание ему международного уровня усилит узнаваемость республики на внешнем периметре, будет способствовать развитию гуманитарных связей.

Пересмотреть отношение к существующим музеям, тематически связанным с политическими репрессиями 1930-х годов, придать их деятельности более масштабный, соответствующий параметрам трагедии, характер.

По нашему мнению, к разработке Концепции создания и деятельности соответствующего мемориального комплекса необходимо привлечь организации и лиц, обладающих опытом реализации значимых проектов (Музей истории ГУЛАГ, Мемориальный музей-заповедник истории политических

репрессий «Пермь-36», «Ржевский мемориал» (Россия), Хатынь (Беларусь), Национальный музей «Мемориал жертв голодомора» (Украина) и др.

4. Следует признать, что главным препятствием для объективного и всестороннего рассмотрения проблемы реализации в Казахстане сталинской репрессивной политики является проблема ограниченности доступа исследователей к архивным материалам Администрации Президента РК, СГА КНБ, МВД РК.

Без решения данного принципиального вопроса все результаты исследований будут иметь не просто фрагментарный, но и, возможно, искаженный характер.

5. В рамках текущего исследования удалось рассмотреть организационные аспекты создания и деятельности в Казахстане органов государственной безопасности, их роли и места в коллективизации и политических репрессиях.

В силу объективных причин (слабая научная проработка темы, ограниченный объем имеющихся материалов) начата, но далеко не завершена важная работа составления исторического портрета сотрудника ЧК–ОГП–НКВД в качестве исполнителя политических репрессий.

Между тем, по нашему мнению, решение этой научной задачи очень важно. Трагедия миллионов пострадавших от сталинской политики 1930-х годов казахстанцев буквально обязывает их потомков предпринять усилия по определению причастных к ней лиц. Нужно получить ответы на вопросы: кто организовывал и исполнял репрессии, в каких условиях формировались послушные исполнители и, главное, что нужно сделать для того, чтобы общество сохранило историческую память и не допустило повторения жуткого сценария.

Список литературы и источников:

Ашаршылык. Голод. Документальная хроника: сборник документов 1928–1934. Т. 2. – Алматы: Атамура, 2021. – 1240 с.

Алланиязов Т. Народные восстания и протесты 1928-1932 гг. в Казахстане // Gumilyov Journal of History. –2025. – Т. 153, № 4.

Алланиязов Т. К. Вооруженные выступления и повстанческие движения 1928–1932 гг. в Казахстане: история, историография, источниковедение – Караганда: Арко, 2026. – 224 с.

Бушуева Т. С. Общественные настроения в Красной Армии 1920-1934 гг. – М.: МПГУ, 2020. – 444 с.

Измозик В. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль в Советской России 1917–1928 гг. — М.: Новое лит. обозрение, 2024. — 536 с.

Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Без умолчаний и фальсификаций. Краткий курс – СПб.: Питер, 2009. – 496 с.

Колодникова Л. П. Советское общество 20-х годов XX века по документам ВЧК – ОГПУ – М.: Наука, 2009. — 479 с.

Краткая справка Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ об участии в операциях по кулачеству 28 июня 1930 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Исторические материалы». – URL: http://istmat.org (дата обращения: 28.06.2026).

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 488 с.

Михеев В. И. Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930: исторические чтения на Лубянке – М.: Кучково поле, 2008. – 368 с.

Мозохин О. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953) – М.: Алгоритм, 2016. – 448 с.

Синицын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население 1917–1991 гг. – М.: Центрполиграф, 2019. – 318 с.

Скоркин К. В. Краткая история ВЧК-ГПУ-ОГПУ. 1917-1924. Исследование – М.: Квадрига, 2024. – 656 с.

Степанов А. С. Авиация и органы ОГПУ – НКВД – КГБ СССР, 1925–1945 – М.: Вече, 2019. –384 с.

Тархова Н. Красная армия и сталинская коллективизация 1928-1933 гг. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 375 с.

Тепляков А. Г. Опричники Сталина – М.: Яуза, 2009. – 432 с.

Христофоров В. С. История советских органов госбезопасности 1917–1991 гг. - М.: РГГУ, 2019. - 438 с.

СГА КНБ РК – специальный государственный архив Комитета национальной безопасности РК

References

Asharshylyk. Golod. Dokumental'naya hronika: sbornik dokumentov 1928–1934. T. 2. – Almaty: Atamura, 2021. – 1240 s.

Allaniyazov T. Narodnye vosstaniya i protesty 1928-1932 gg. v Kazahstane // Gumilyov Journal of History. –2025. – T. 153, № 4.

Allaniyazov T. K. Vooruzhennye vystupleniya i povstancheskie dvizheniya 1928–1932 gg. v Kazahstane: istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie – Karaganda: Arko, 2026. – 224 s.

Bushueva T. S. Obshchestvennye nastroeniya v Krasnoj Armii 1920-1934 gg. – M.: MPGU, 2020. – 444 s.

Izmozik V. Glaza i ushi rezhima. Gosudarstvennyj politicheskij kontrol' v Sovetskoj Rossii 1917–1928 gg. — M.: Novoe lit. obozrenie, 2024. - 536 s.

Izmozik V., Starkov B., Pavlov B., Rudnik S. Podlinnaya istoriya RSDRP – RKP(b) – VKP(b). Bez umolchanij i fal'sifikacij. Kratkij kurs – SPb.: Piter, 2009. – 496 s.

Kolodnikova L. P. Sovetskoe obshchestvo 20-h godov XX veka po dokumentam VCHK – OGPU – M.: Nauka, 2009. - 479 s.

Kratkaya spravka Glavnogo upravleniya pogranichnoj ohrany i vojsk OGPU ob uchastii v operaciyah po kulachestvu 28 iyunya 1930 g. [Elektronnyj resurs] // Sajt «Istoricheskie materialy». – URL: http://istmat.org (data obrashcheniya: 28.06.2026).

Lebina N. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. – 488 s.

Miheev V. I. Iz istorii deyatel'nosti OGPU Central'nogo CHernozem'ya v 1930: istoricheskie chteniya na Lubyanke – M.: Kuchkovo pole, 2008. – 368 s.

Mozohin O. Statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti organov VCHK – OGPU – NKVD – MGB (1918–1953) – M.: Algoritm, 2016. – 448 s.

Sinicyn F. L. Sovetskoe gosudarstvo i kochevniki. Istoriya, politika, naselenie 1917–1991 gg. – M.: Centrpoligraf, 2019. – 318 s.

Skorkin K. V. Kratkaya istoriya VCHK-GPU-OGPU. 1917-1924. Issledovanie – M.: Kvadriga, 2024. – 656 s.

Stepanov A. S. Aviaciya i organy OGPU – NKVD – KGB SSSR, 1925–1945 – M.: Veche, 2019. –384 s.

Tarhova N. Krasnaya armiya i stalinskaya kollektivizaciya 1928-1933 gg. – M.: ROSSPEN: Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina», 2010. – 375 s.

Teplyakov A. G. Oprichniki Stalina – M.: YAuza, 2009. – 432 s.

Hristoforov V. S. Istoriya sovetskih organov gosbezopasnosti 1917–1991 gg. - M.: RGGU, 2019. - 438 s.

SGA KNB RK – special'nyj gosudarstvennyj arhiv Komiteta nacional'noj bezopasnosti RK

ҒТАХР 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2025_28_1_91-104

РЕСПУБЛИКАЛЫҚ БАҚЫЛАУ КОМИССИЯЛАРЫНЫҢ ҚҰЖАТТАРЫ ҚАЗАҚСТАНДА 1925–1933-ЖЫЛДАРЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН НАУҚАНДАРДЫ ЗЕРТТЕУДІҢ ТАРИХИ ДЕРЕККӨЗІ РЕТІНДЕ

Алия Тоймахановна Сулейменова[1]

[1]Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Астана қ. Филиалы (11/5 үй, Қабанбай батыр көшесі, 010000, Астана, Қазақстан Республикасы), Тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, https://orcid.org/0000-0002-9782-4553. E-mail: suleimenova1972@mail.ru

Андатпа. *Kipicne.* БК (б) П Қазақ өлкелік комитеті жанындағы Бақылау комиссиясы, Жұмысшы-Шаруа инспекциясы Халық комиссариаты органдарының Қазақстанда 1925–1933-жылдары жүргізілген науқандарды жүргізуі архивтік құжаттар негізінде қарастырылды. *Зерттеудің мақсаттары мен міндеттері.* Ф.И. Голощекин бастаған «Кіші Қазан» революциясының негізгі бағыттарының қатарындағы отырықшыландыру, байлар мен жартылай феодалдарды кәмпескелеу, жергіліктендіру, егістік және шабындық жерлерді бөлу, ұжымдастыру және т. б. науқандардың жүргізілуі жайлы архивтік құжаттарды зерттеу. Мемлекеттік архивтердегі дереккөздерді ғылыми айналымға енгізу. Жұмысшы-Шаруа инспекциясы, Бақылау комиссияларының орталық, өңірлік органдарының жұмысын зерделеу. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеу жұмысында Қазақстан Республикасы Президенті Архивінің, ҚР Орталық мемлекеттік архивінің, Атырау облыстық мемлекеттік архивінің құжаттары кеңінен пайдаланылды. Зерттеу барысында саралау, талдау, жүйелеу, салыстыру әдістері қолданылды. *Нәтижелер.* Большевиктік билік жүргізген «партиялық тазалаулар», саяси қуғын-сүргіндер қазақтың бас көтерер қайраткерлерінің, көзі ашық сауатты азаматтардың жаппай қуғын-сүргінге ұшырауы архивтік құжаттар арқылы қайта қарастырылды. Бақылау комиссиясы-Жұмысшы шаруа инспекциялары жұмысына талдау жасалды. *Қорытындылар.* 1925–1933-жылдары большевиктік эмиссар Ф.И. Голощекин қолға алған «Қазақстандағы Кіші Қазан» революциясының негізгі науқандарының бірі – отырықшыландыру, ұжымдастыру, «партиялық тазалаулар» науқандарының барысына қатысты құжаттарға, сақтау бірліктеріне талдау жасалды. Партиялық тазалаулар барысында жасақталған архив істеріндегі бұрын белгісіз болып келген тұлғалар туралы деректер анықталды.

Түйін сөздер: Қазақстандағы Кіші Қазан, Ф.И. Голощекин, Бақылау комиссиясы, Жұмысшы-Шаруа инспекциясы, ұжымдастыру, отырықшыландыру, байлар мен жартылай феодалдарды кәмпескелеу, жергіліктендіру, егістік және шабындық жерлерді бөлу, партиялық тазалаулар.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «ИРН:BR24993057 Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» іргелі ғылыми жобаны жүзеге асыру жоспарына сай дайындалды.
Дәйексөз үшін: Сулейменова А.Т. Республикалық Бақылау комиссияларының құжаттары Қазақстанда 1925–1933-жылдары жүргізілген науқандардың тарихи дереккөздері ретінде // DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_1_91-104

МРНТИ 03.20

ДОКУМЕНТЫ РЕСПУБЛИКАНСКИХ КОНТРОЛЬНЫХ КОМИССИЙ В КАЗАХСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ КАМПАНИЙ, ПРОВЕДЕННЫХ В 1925-1933 ГГ.

Алия Тоймахановна Сулейменова[1]

[1]Филиал Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова в Астане (д. 11/5, ул. Кабанбай батыра, 010000, Астана, Республика Казахстан), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, https://orcid.org/0000-0002-9782-4553. E-mail: suleimenova1972@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Проведение кампаний в Казахстане в 1925–1933 годах рассматривалось на основе архивных документов. *Цели и задачи исследования*. Изучение архивных документов по оседанию, конфискации богатых и полуфеодалов, их выселении, передел пахотных и сенокосных земель, коллективизации и др. В числе основных направлений революции «Малый Октябрь» во главе с Ф.И. Голощекиным. Изучение работы центральных, региональных органов рабоче-крестьянской инспекции, контрольных комиссий. *Материалы и методы*. В исследовательской работе широко использованы документы Архива Президента Республики Казахстан. В ходе исследования использовались методы дифференциации, анализа, систематизации, сравнения. *Результаты.* «Партийные чистки», политические репрессии, проводимые большевистской властью, были пересмотрены с помощью архивных документов на массовые репрессии казахских деятелей, грамотных граждан. Проведен анализ работы контрольной комиссии-рабочих крестьянских инспекций. *Выводы*. В 1925–1933 годах проведен анализ документов, единиц хранения, касающихся хода одной из основных кампаний революции «Малый Казань в Казахстане» – оседлости, коллективизации, предпринятых большевистским эмиссаром Ф.И. Голощекиным. В ходе партийных чисток были выявлены данные о ранее неизвестных лицах в составленных архивных делах.
Ключевые слова*:* Малый Октябрь в Казахстане, Ф.И. Голощекин, оседание, коллективизация, коренизация, конфискация богатых и полуфеодалов, передел пахотных и сенокосных земель.

Благодарность. Статья подготовлена в соответствии с планом реализации фундаментального научного проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «ИРН: BR24993057 фундаментальные исследования основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».
Для цитирования: Сулейменова А.Т. Документы республиканских контрольных комиссий в Казахстане: исторические источники кампаний, проведенных в 1925–1933 гг. // (на каз.) DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_1_91-104

IRSTI 03.20

DOCUMENTS OF REPUBLICAN CONTROL COMMISSIONS IN KAZAKHSTAN AS HISTORICAL SOURCES OF THE CAMPAIGNS CARRIED OUT IN 1925-1933

Aliya Suleimenova[1]

[1]Astana branch of the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (11/5 Kabanbai Batyr str., 010000, Astana, Republic of Kazakhstan), Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, https://orcid.org/0000-0002-9782-4553. E-mail: suleimenova1972@mail.ru

Annotation. *Introduction*. The campaigns carried out in Kazakhstan in 1925-1933 were considered on the basis of archival documents. *Goals and objectives of the study*. Study of archival documents on the main directions of the «little Oktober» revolution led by F. Goloshchekin: settlement, resettlement of the rich and semi-feudal lords, localization, division of arable and meadow lands, collectivization, etc. Study of the work of Central and regional bodies of workers 'and peasants' inspections, Control commissions. *Materials and methods*. In the research work, the documents of the archive of the president of the Republic of Kazakhstan were widely used. In the course of the study, methods of differentiation, analysis, systematization, comparison were used.. *Results.* The «party purges», political repressions carried out by the Bolshevik authorities, the mass repressions of the Kazakh leaders, literate citizens with an open mind, were revised through archival documents. An analysis of the work of the Control Commission-workers ' peasant inspections was carried out. *Conclusions.* In 1925–1933, an analysis of documents and storage units was carried out regarding the course of one of the main campaigns of the little Kazan revolution in Kazakhstan – the campaigns of settlement, collectivization, undertaken by the Bolshevik emissary F. Goloshchekin. During the party purges, data on previously unknown persons in the created archive files were revealed.

Keywords: Little october in Kazakhstan, F. Goloshchekin, settlement, collectivization, popularization of the rich and semi-feudal, localization, distribution of arable and meadow lands.

Thanks. The article was prepared in accordance with the implementation plan of the fundamental scientific project of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «IRN: BR24993057 fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repressions in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation».

Кіріспе. 1925–1933-жылдар аралығында Қазақстанның билік басында болған большевиктік эмиссар Ф.И. Голощекин қолға алған Кіші Қазан революциясы, оны жүзеге асырудың факторлары мен салдарлары зерттеушілердің түрлі топтарының назарын аударып келеді. Қазақстанның кеңестік және тәуелсіздік кезеңіндегі тарихының қалыптасу және насихатталу деңгейіне түрлі байыптаулар, қорытындылар жасалды. Негізінен алғанда 1925–1933 жылдары жүргізілген науқандардың Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық дамуы, шаруашылыққа тиімділігінің дәрежесі мен қоғамның түрлі қабаттарында қолдауға ие болуы әлі де болса пікірталастар тудырып келеді.

Тарихи оқиғалардың мазмұны мен салдарларына нақты емес, субъективті көзқарастардан дәйектелген тұжырымдамалардан алшақтататын объективті ұғымдарды қалыптастыруға арналған ең жақсы және нақты құрал – архивтік құжаттар және оларды тиісті ғылыми және әдістемелік стандарттарға сай жариялау екендігі белгілі.

Ф.И. Голощекиннің Қазақстанда 1925–1933-жылдары жүргізген саяси, экономикалық, қоғамдық науқандарының тарихына қатысты архивтік құжаттар аталған кезеңнің бет пердесін ашуға мүмкіндік береді. Зерттеу жұмысында архивтік дереккөздерге шолу жасалып, фактологиялық материалдардың сақталу, пайдаланылу механизмдері көрсетілді. Отырықшыландыру, ұжымдастыру, байлар мен жартылай феодалдарды кәмпескелеу, мемлекеттік басқару аппаратын жергіліктендіру, молдалар мен дін иелерін қудалау, Алаш қозғалысына тікелей қатысқандармен қатар, олармен тұрмыстық жағынан байланыста болғандардың өзін тергеу, тексеру істеріне және т. б. науқандарға қатысуы жайындағы құжаттарды зерттеу жүзеге асырылды. Нәтижесінде большевиктік билік партиясы жүргізген «партиялық тазалаулар», саяси қуғын-сүргіндер қазақтың бас көтерер қайраткерлерінің, көзі ашық сауатты азаматтардың жаппай қуғын-сүргінге ұшырауы архивтік құжаттар мен фактологиялық деректер арқылы қайта қарастырылды. Қазақстан аумағындағы тергеу, тексру, бақылау қызметін атқарған институт – Бақылау комиссиясы-Жұмысшы шаруа инспекциялары органдарының жұмысына қатысты архивтік деректер ғылыми айналымға түсірілді. Зерттеу жұмысын қорытындылай келе, большевиктік эмиссар Ф.И. Голощекин 1925–1933-жылдары сталиндік билікпен келісе отырып, жоспарлап жүзеге асырған «Қазақстандағы Кіші Қазан» революциясының негізгі науқандары – отырықшыландыру, ұжымдастыру,

партиялық тазалаулар және т. б. барысына қатысты құжаттарға, сақтау бірліктеріне тарихи баға берілді.

Өлкенің сол кездегі басшылары жайлы әңгіме қозғағанда, сол бір күрделі кезеңде сыни тұрғыдан талдау жасау мен оқиғаның нақты бағасын жасауға дәрменсіздіктерін көрсеткендігін айту қажет. Субъективтік факторлар мен аппараттың құдіреттілігіне шексіз сенім мен басқарудың күштеу әдістері мен саяси-идеологиялық регулятивтеріне біржақты бейімделу, тіпті солшыл асығыстық осы бағыттағы қадамдардың әлсіз жақтарын көрсетіп берді. Ғасырлар бойы қалыптасқан қазақ қоғамының социалистік жолға түсуінің алғышарттарын байыптауда қазақ кеңес-партия қайраткерлерінің басым бөлігі бағынушылық принципін ұстанды. Большевиктік билікке араласқан олар мемлекеттік аппараттың алға қойған реформаларын жергілікті халыққа таратуда да әлсіздік көрсетті.

Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында жарық көрген еңбекте Ж. Абылхожин, М. Қозыбаев, М. Тәтімовтер «БК (б) П Қазақ Өлкелік комитетінің хатшысы Ф.И. Голощекин бұл істің орындалуында басымдық көрсетті (республиканың басқа да басшылары да айыптаудан алыс кете алмайды) басшы ретінде ол авторитарлы саяси мәдениеттен құралған қызметкердің жарқын үлгісін көрсетті» деп баға береді. Ф.И. Голощекиннің саяси қызметінде көсемдік ағымдар қылаң беріп отырғандығын атап өте отырып, олар әсірелеу формаларда көрінбесе де, оны «артта қалған Қазақстан еңбекшілерінің көсемі» деп атай бастағанда, бұған қарсы наразылықтар жасала қоймады. Авторлар Ф.И. Голощекинің іс-әрекеттерінде өзінің дұрыстығына сенімділік орнай бастап, басқалардың сынына төзе алмаушылығын теріс бағалады. Оның өрескел қылықтары Сталиннен өзінің кейбір қателіктері бола тұрса да, жан-жақты жазылған хатына оның қолына өзіндік сенім мандатын тапсырған соң тіпті өршіп кетті. Ол хатта: «Голощекин жодас! Осы жазбада белгіленген саясат, негізінен жалғыз ғана дұрыс саясат болып табылады деп ойлаймын» делінген болатын (Абылхожин, Қозыбаев, Тәтімов, 1991: 202). Ең жоғарғы биліктен нақты тапсырма ала отырып, ешбір талқылауларға көнбестен, Голощекин науқандарды аса құштарықпен жүргізуді бастап кеткенін құжаттар көрсетіп берді.

Кеңестік биліктің тоқырау кезеңінде Қазақстанның Голощекин билігі тұсындағы тарихын зерттеу бір жақты ғана жүргізілді. Академик ғалым С. Бәйішев туралы жасаған мақаласында М. Қозыбаев: «Қазақстан Компартиясы тарихының очерктерін» жазған кезде Ф.И. Голощекин дәуіріне тіс батыра алмайтын еді, өйткені Мәскеуде оған деген көзқарас жеке басқа табынудың құрбаны есебінде қарайтын кез еді. Редакциялық алқа мәжілісінде осы бір дәрменсіздікке қиналғаны есімде. С. Бейсембаевтың Ф.И. Голощекинге арнап жазған мақаласына: «Апырмай Секең осыны бекер жазды-ау» дегенін де естігенім бар» деп көрсеткен. Ф.И. Голощекиннің жеке басына табыну ол басшылық еткен сәтте орын алды. Елден кеткен соң да, ол өзі өмірден өткен соң да большевиктік эмиссар туралы, оның реформалары мен науқандары жайлы жақ ашудың өзі қияметке айналды (Қозыбаев, 2021: 374). Жоғарыда аттары аталған ғалымдар большевиктік эмиссардың қазақ жеріндегі жүргізген саясатына өз

заманының талаптарына сай келетін бағаларын берді. Жеке басқа табынушылықтың одақтық қана емес, республикалық деңгейде орын алуының нәтижесінде қазақ халқы өз жерінде отырып азшылыққа ұшырады. Алаш қозғалысы қайраткерлері мен олардың рухани ізбасарларын, мүдделестерін елден түрлі себептермен аластата отырып Ф.И. Голощекин өзінің революциялық идеяларын еш кедергісіз жүзеге асырды. Сайлау өткізді, шабындық және егістік жерлерді қайта бөлді, жартылай феодалдар мен байларды кәмпескелеу, көшпелі, жартылай көшпелі шараушылықтарды ұжымдастыру, отырықшыландыру, мемлекеттік аппаратты жергіліктендіру науқандарын революциялық екпін сала отырып жүргізді. «Партиялық құжаттарды тексеру», «партиялық тазалаулар» желеуімен жүргізілген Алаш қозғалысы қайраткерлері мен қатысушыларын соттау, тергеу-тексеру жүзеге асырылды. «Алаштың 40 төресінің соты» атауымен ел аузында қалған науқандар елдегі бас көтерер жанның азаюына әкеліп соқтырды.

Отырықшыландыру, жаппай ұжымдастыру елдің азып-тозуына, ғасырлар бойы қалыптасқан көшпелі қоғамның ыдырауына әкеліп, атадан балаға мирас болып қалған мал шаруашылығын күйретті. Күнкөріс малы мен ата қоныс жерінен айрылған халықтың ашынғандағы жасаған көтерілістері тарих бетінде қалды. Академик Х. Әбжанов Ф.И. Голощекинді «Билік тармақтарында тепе-теңдік пен тежемелік атымен түзілмеген Қазақстандағы ашаршылық архитекторы – Кремльдің қолшоқпары» деп атай отырып: «Кеңестер Одағы аумағында миллиондарды аштыққа ұрындырғандар – шексіз билікті иеленген Сталин мен оның айналасындағылар, осылар жүргізген аграрлық, кадрлық, ұлттық, ішкі және халықаралық саясат» деп қорытындылайды (Әбжанов, 2014: 148).

Ф.И. Голощекин Қазақстанда тоталитарлық тәртіптің барлық мәнді белгілерінің, ең бастысы – адамды биліктен, құқықтан, қарапайым еркіндіктен айырып, қорғансыздың күнін орнатты. Осының бәрі 1929 жылы басталған жаппай ұжымдастырумен барынша асқынды. КСРО басшылығының тоқпақтауымен жүргізілген жойдасыз жанталаса ұжымдастыру алғашқы төрт жылда адамзатқа қарсы ұйымдастырылған қылмыс деңгейіне жетті. Ашынған халық қарулы қарсылық көрсетуге дейін барды (Әбжанов, 2014: 150).

Шетелдік зерттеуші А. Людткенің пайымдауынша: «Мемлекеттіліктің мағынасы құдіретті биліктің күнделікті әрекетіне үміт пен үрейге бой алдырмастан билік институтының (оның нығаюы, заңдылығы және кейде күйреуі) бар екендігін мойындау мүмкін емес. Мемлекеттік лауазымдар билік иесі бюрократиялық тәжірибе мен дәстүрлеріне сай жұмыс атқарады, ал оны орындаушылар соған бағынады» (Людтке, 2010: 66). Билік институтына бағынған қоғам оның күнделікті әрекетіне баға бере алмады. Жаңа құрылысты орнатушылардың өздері де бұл үрдістің қалайғ қай жаққа бастап баратынын бағдарлай алмады.

Материалдар мен әдістер. Зерттеу жұмысын жүргізуде әдіснамалық негізі фактілер мен тарихи оқиғаларды нақты жағдайға сәйкес, олардың өзара байланысында қарастыруға мүмкіндік берген объективті қамту принципі

басшылыққа алынды. Анализ, синтез, жалпылау, индукция, дедукция сияқты жалпы ғылыми әдістер де пайдаланылды. Бақылау комиссиялары – Жұмысшы-Шаруа инспекциясы органдарының 1926–1933 жылдардағы қызметіне қатысты ғылыми-зерттеу еңбектер мен архивтік деректерді талдау жұмысы жасалды. Республикадағы коммунистік биліктің қызметін көрсететін қорлар сақталған Қазақстан Республикасы Президенті Архивінің, ҚР Орталық мемлекеттік архивінің, Атырау, Абай облыстық мемлекеттік архивтерінің істері сарапталды. Архивке сақтауға алынған Бақылау комиссиясының № 719-қоры мен БК (б) П Қазақ өлкелік комитетінің № 708 қорының 1925–1933 жылдардағы, Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік архивіндегі Қазақ АКСР Бақылау комиссиясы – Жұмысшы-Шаруа инспекциясының № 44-қорының 1930–1935-жылдардағы істері қаралып, құжаттары сарапқа салынды. Кеңестік, партиялық бақылау органдарының бір партиялы диктатурасын бекіту процесінің көрінісі болып табылатын дереккөздер 1925–1933-жылдардағы саяси науқандарға сипаттама береді. Жоғарыда аталған архивтермен қатар Ресей Федерациясының Мемекеттік архивінің, Алматы, Талдықорған облыстық мемлекеттік архивтерінің қорлары жайлы анықтамалық-жолсілтерлерде көрсетілген қорлар туралы мәліметтер берілді.

Талқылау. Большевиктік биліктің бұқара арасында жұмыс жүргізу үшін құрылған мемлекеттік жазалау органы Қазақстандағы Жұмысшы-Шаруа инспекциялары, Бақылау комиссияларының архивтік қорлары зерттеу жұмысының нысанына айналды. Зерделеудің негізгі дереккөзі республикалық және кеңестік мемекеттік билік органдарының және мемлекеттік басқару органдарының құжаттары мен материалдары. Автор Бақылау комиссиясы мен Жұмысшы-шаруа комиссияларының республикалық органы ұйымдастырған партиялық тазалаулар, отырықшыландыру, кәмпескелеу және т. б. науқандарға қатысты құжаттарды іздеп тапты.

Дереккөздердің келесі бір маңызды тобы – БК (б) П Қазақ өлкелік комитетінің құжаттары: Бақылау комиссиясы мен Жұмысшы-Шаруа комиссиясының съездері, конференциялары, біріккен пленумдар. Бұл жерде Бақылау комиссиясы мен Жұмысшы-Шаруа комиссиясының партия съездерінде, Бақылау комиссиясы пленумдарындағы Бақылау комиссиясы мен Жұмысшы-Шаруа комиссиясының есептік баяндамаларының және т. б. партия құжаттары мен материалдарының маңыздылығын атап өту қажет.

Жалпы Бақылау комиссиялары мен Жұмысшы-Шаруа инспекцияларының қызметі, міндеті және мақсаттары жөнінде зерттеу еңбектері кеңестік кезеңде басталған.

Зерттеуші Е. Химович Орталық Бақылау Комиссиялары-Жұмысшы-Шаруа инспекциясы (ОБК-ЖШИ) органдарының экономия, өндірісті рационализациялау және басқару режимдерін жүргізудегі ролі: 1926–1934 жылдардағы тәжірибесі мен сабақтары туралы зерттеу еңбегінде мемлекеттік-партиялық бақылау органының бүкілодақтық деңгейдегі тарихнамасына тоқталады. Бақылау ұйымдарының мәселелеріне қатысты Қазақстанда А.Ф. Абоян, Өзбекстанда – А.Р. Атаджанов, Белоруссияда – М.И. Злотник,

Арменияда – Ш.А. Погосян, Әзербайжанда – Р. Раджабов және т. б. зерттеу жұмыстарын жүргізгендігін атап өтеді. (ОБК-ЖШИ) жүйесі жергілікті БК-ЖШИ органдарымен тығыз байланыс жасады. Олардың қалыптасуы туралы А.П. Константинов, В.М. Иванов, В.И. Зубарев, В.С. Кропотов, В.Л. Кутузов, А.В. Прокопенко, Л.В. Чекуркин және т. б. еңбектерінде қарастырылды (Химович, 1992).

БК (б) П Орталық Бақылау комиссиясы мен жергілікті органдарының КСРО-ның әкімшілік жүйесін қалыптастыруға, ұжымдастыру, бай-кулактарды тәркілеуде, 1920-жылдардың басындағы қуғын-сүргіндерді жүргізуге қатысуы, 1920–1930-жылдардағы ауылдық аудандардағы Бақылау комиссиялары – Жұмысшы–шаруа комиссиясының жұмыстарының ерекше түрлері мен әдістері жан-жақты талдауды талап етеді.

1930-жылдардың басындағы КСРО-да ұжымдастыру мен азық-түлік дайындау барысындағы партиялық-мемлекеттік саясатты жүргізу отандық мамандар – тарихшылар, экономистер, социологтар және т. б. сала мамандары жан-жақты зерттеді деп тұжырым жасауға болады. Бірақ партия-мемлекеттік бақылау органдары болып саналатын БК (б) П өңірлік Бақылау комиссиялары-Жұмысшы-Шаруа инспекцияларының (БК-ЖШИ) жергілікті жерлерде жазалау саясатын жүзеге асырудағы ролі әлі де аз зерттелген. Партия-мемлекеттік бақылау органдарына астық дайындау процестеріне қатысу міндеттелді. Басым бөлігі БК (б) П мүшелері және мүшелікке кандидаттар және партияда жоқтар қарастырылып отырған кезеңдегі партия активінің қатарындағылар орындаушылар өздерінің қызметтерінде БК-ЖШИ органдарына есеп беруі тиіс болды. Түрлі себептермен алға қойылған міндеттерді орындамаған жағдайларда мемлекеттік жазалаушы органдар оларды жауапкершілікке тартты. Коммунистерге қарсы қуғындау шараларының бастамашысы жергілікті тәртіп сақтау, сот, БМСБ (ОГПУ) органдарымен өзара белсенді әрекет еткен БК-ЖШИ түріндегі партия органдары болды. Бұл органдардың басшы лауазымды тұлғалары, басым көпшілігі коммунистерге, БК-ЖШИ мәжілістеріне шақырылып, онда міндетті түрде орындалуы тиіс міндеттер, партия тапсырмасы берілді. (Иванцов, 2017).

Зерттеуші И.Г. Иванцов Кубань өлкесінің архивтік маериалдары негізінде өңірлік БК (б) П бақылау комиссиялары – жұмысшы-шаруа ниспекциялары соттан тыс қуғындаудың органдары ретіндегі ролін зерделеген мақаласында аталған саяси мекемелердің жұмысына баға береді. «БК (б) П мен оның уәкілетті органдарының көмегімен 1933 жылдың күзіне дейін мемлекеттік жазалау аппаратын өздерінің мақсаттары үшін пайдалана отырып, онсыз да ауыр жағдайды ушықтыра түсіп, селода қуғын-сүргіндерді жалғастыра берді. Жүргізіліп отырған саясатта жетекші рольді БК–ЖШИ атқарды, себебі олар жүргізіліп отырған саясатта қозғаушы әрі бағыттаушы күшке айналды. Олардың бұйрықтары орындалуға міндетті болды. Сырттан қарағанда олардың мұндай ролі білмейтіндерге айқын емес еді» деп қорытындылайды (Иванцов, 2017).

Зерттеуші Д. Султанмуратов революциядан кейінгі және кеңестік кезеңдегі мемлекеттік бақылау органдарының бірі Жұмысшы-Шаруа инспекциясының

жұмысын зерделеуге арналған мақаласында инспекцияның құқықтық негізін құрайтын нормативтік-құқықтық актілер, БК (б) П стенографиялық есептерін және осы тақырыпқа қатысты бірқатар ғылыми мақалалар талдауға алынған. Автор Жұмысшы-шаруа инспекциясының өз алдына дербес жұмыс істеген және Орталық Бақылау комиссиясымен біріккеннен кейінгі уақыттағы жұмысына талдау жасай отырып, инспекцияның жылдам институционалды-құқықтық дамуы және жоғары тиімділігін және оның қызмет ету кезеңіндегі ең табысты сәтінде таратылуының негізсіздігін атап көрсетеді (Султанмуратов, 2020).

Қазақстан ғылымында мемлекеттің бақылау органдары, оның ішінде Жұмысшы-Шаруа комиссиясының жұмысына, тарихына, оның мемлекеттілікті дамыту жолындағы институтционалдық қызметіне қатысты еңбектер жоқтың қасы. 1960-жылдары КОКП тарихы бойынша қорғалған қазақстандық А.Ф. Абоянның ғылыми диссертациялық еңбегін ғана атап өте аламыз (Абоян, 1967). Еңбек С. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетінің КОКП тарихы кафедрасында қорғалған. Ғылыми жұмыста А.Ф. Абоян дииссертациялық жұмыстың көлеміне орай Қазақстанның партиялық-мемлекеттік бақылау органдары айналысқан маңызды мәселелердің кейбіріне тоқтала алмағандығын атап өтеді. Ұжымдастыру, мәдени құрылыс және т. б. көптеген тақырыптар диссертацияда ішін-ара ғана аталып өтеді және олар арнаулы зерттеуді қажет етеді. Зерттеушінің еңбегінің хронологиялық мерзімі 1924–1933 жылдарды қамтиды. 1924 жылы Қазақстандағы ұйымдастыру жұмыстары аяқталып, V Бүкілқазақстандық партия конференциясы өткізілген уақытта олардың бірігу процесі толығымен аяқталды. Сондықтан олардың қызметі өнімді және жоғары маңызға ие бола бастады. Зерттеушінің еңбегінде республиканың орталық архивтерімен қатар, Бүкілодақтық архивтерге сілтеме жасалады (Абоян, 1967: 13). Сонымен қатар Бақылау комиссияларының жұмысы негізінде елдегі оңшыл-оппортунистер мен оппозицонерлердің жұмысын әшкерелегені, «қожанов-сәдуақасовшылдар» топтарының айқындалуы жайындағы құжаттарға шолу жасайды. Партиялық тазалаулардың барысында 1929–1930 жылдары Бақылау комиссиясы партиядан 1000-ға жуық адамды шығарады. Жергілікті Бақылау комиссияларның сигналдары бойынша Өлкелік комитет пен Өлкелік Бақылау комиссиясы 1931–1932 жылдары 7 ауданда партия ұйымдарын тексеру мен тазалау жұмыстарын жүргізді. 704 коммунистен тұратын 53 ұйым тексерілді. Жедел тазалау барысында барлығы 199 адам партиядан қуылды, 165 коммунист түрлі сөгістер алды. Қазақ Өлкелік комитеті мен оның бірінші хатшысы Ф.И. Голощекиннің ұжымдастыру мен ұлттық саясат мәселелеріндегі жіберген қателіктерін сынаған БК (б) П Орталық комитетінің 1932 жылғы 17 қыркүйектегі қаулысынан кейін оңшыл ағыммен күресудегі Бақылау комиссиясының қызметінің тиімділігі төмендегенін атап өтеді. (Абоян, 1967: 16, 17). Аса қарқынмен жүргізілген қуғын-сүргіндер аталған қаулыдан кейін бәсеңдеп, 1933 жылы саябыр тапқан.

А.Ф. Абоянның есебінше, 1926–1933 жылдары партиядан 13251 адам шығарылған, 1929–1930 жылдардағы тазалаулар кезіндегі санды қосқанда бұл 20 мыңға дейін көтеріледі.

Жұмысшы-Шаруа инспекциясы халық комиссариатының құрамындағы бақылау органдарының жұмысына да шолу жасалады. А.Ф. Абояннның зерттеуінше 1933 жылдың соңында ЖШИ активі толық емес деректер бойынша 30 мың адамды құрады. Нәтижесінде ЖШИ 700 секциясы, 1600 әрекет ету тобы, 200 шағым бюросы посты, жеңіл кавалерияның 150 отряды құрылды. Тұрақты активтен бөлек тексерілуші кәсіпорындардың қоғамдық ұйымдарының мамандары, өкілдері, үй шаруасындағы әйелдер және т. б. тартылды. (Абоян, 1967: 17). Бұдан шығатын қорытынды: билеуші институт бүкіл қоғамның әшкерелеуші-бақылаушы болуын қалыпты деп санады және бұл жұмысқа қоғамның барлық мүшелерін жұмылдыруды көздеді.

Зерттеуші Е.П. Шрамук қазіргі заманғы Ресей тарихнамасындағы Жұмысшы-Шаруа Халық комиссариатының қызметінің талқылануы туралы еңбегінде бұдан бұрынғы уақыттағы жұмыстардан ерекшілігі ретінде КСРО тарағаннан кейін бақылау органдарының ролі әкімшілік-командалық жүйенің қалыптастырылуы тұрғысынан қайта қарастырыла бастағандығын атап өтеді. Бұл жерде Жұмысшы-Шаруа инспекциясына маңызды орын беріле бастады. Орталық Бақылау комиссиясы – Жұмысшы-Шаруа инспекциясының мемлекеттік Бақылау нысанына айналуын И.В. Сталиннің жеке басына табынумен байланыстырады. Яғни большевиктік биліктің бақылау, қадағалау органы ретінде Жұмысшы Шаруа инспекциялары мен Бақылау комиссиялары сталиндік биліктің ең басты қадағалаушы органы ретінде қызмет атқарды. Сталиндік директивалардың, нұсқаулар мен қаулы-қарарлардың мүлтіксіз орындалуын белгіленген нормативтік-құқықтық актілер негізінде жүзеге асырушы орган ретінде қызмет атқарды (Шрамук, 2024).

Бақылау комиссиясы – Жұмысшы-Шаруа инспекциясының құрылымдық бөлімшелері аталған кезеңде мемлекеттік аппаратты жергіліктендіру, индустрияландыру мәселелеріне қатысуда жан-жақты жұмыстар жүргізді.

Мемлекеттік-партиялық бақылау органдарының жұмысының барысы жайында архивтік қорлар кеңінен мәлімет береді. Қазақстандық архивтерде республикалық, облыстық, округтік, аудандық, уездік Бақылау комиссиялары, жұмысшы-шаруа инспекцияларының архивтік қорлары сақтауға алынған. Атап айтқанда: Алматы облыстық мемлекеттік архивінде Жұмысшы, шаруа және қызыләскер депутаттарының Жаркент қаласында орналасқан Жаркент уездік, Лепсі қаласындағы Лепсі, уездік кеңестерінің жұмысшы-шаруа инспекцияларының 1919–1923 жылдардағы № 2 қор, 91 сақтау бірлігі, Панфилов филиалында 1919–1923 жылдардағы № 274 қор, 33 сақтау бірлігі, Үшарал филиалында 1920–1923 жылдардағы № 107-қор, 58 сақтау бірлігі есепке алынған. Бұл ұйымдар БОАК 1920 жылғы 8 ақпандағы декреті негізінде құрылған. 1924 жылы наурызда Түркістан КП уездік партия комитеттерімен біріктірілген. Құжаттарының қатарында: Еңбек халық комиссариаты, ЖШИ Халық комиссариаты және Жетісу облыстық ЖШИ қаулылары, циркулярлары және нұсқаулықтары бар. Уездік инспекцияның бұйрықтары, бөлімдердің қызметкерерінің жиналыстарының, алқа мәжілістерінің хаттамалары, инспекция жұмысы туралы есептер, баяндамалар, мекемелер мен ұйымдарды тексеру

актілері, қаржылық тәртіпті сақтауды тексерулер актілері жинақталған. Қытайдан оралған босқын қазақтарға көмек көрсету бойынша құжаттар бар (1920–1922). (Путеводитель ГА Алматинской обл., 80)

Қазақстан Республикасы Президентінің Архивінде Бүкілодақтық Коммунистік (большевиктер) партиясының Қазақ Өлкелік Бақылау комиссиясы – Қазақ АКСР Жұмысшы-Шаруа инспекциясы Халық комиссариаты (БК (б) П Қазақ өлкелік БК – ҚАКСР ЖШИ ХК). № 719-архивтік қорында 5 тізімдеме, жалпы саны –1925–1934 жылдардағы 6031 сақтау бірлігі есепке алынған.

1925 жылғы 21 ақпанда РК (б) П Қырғыз Өлкелік Бақылау комиссиясы – Қырғыз АКСР Жұмысшы-Шаруа инспекциясы ретінде құрылған. 1925 жылғы 15–19 сәуірдегі Кеңестердің V съезінің қаулысымен Қырғыз АКСР атауы Қазақ АКСР болып қайта аталуына орай РК (б) П Қырғыз Өлкелік Бақылау комиссиясы – Қырғыз АКСР Жұмысшы-Шаруа инспекциясы РК (б) П Қазақ Өлкелік Бақылау комиссиясы – Қазақ АКСР Жұмысшы-Шаруа инспекциясы болып өзгертілді. БК (б) П XIV съезінің (18–31 желтоқсан 1925 ж.) қаулысына сәйкес РК (б) П Қазақ Өлкелік Бақылау комиссиясы – Қазақ АКСР Жұмысшы-Шаруа инспекциясы БК (б) П Қазақ Өлкелік Бақылау комиссиясы – Қазақ КСР Жұмысшы-Шаруа инспекциясы Халық комиссариаты болып өзгертілді. 1934 жылы БК (б) П XVII съезінің шешімімен таратылды. Қызылорда, Алматы қалаларында орналасты. (Путеводитель по фондам Архива Президента Республики Казахстан, 112).

Бүкілодақтық деңгейдегі жазалаушы органның құрылымдық бөлімшелері жайында Ресей Федерациясы мемлекеттік архивінің жолсілтерінен анықтауға мүмкіндік бар. Архивтегі РКФСР Жұмысшы-Шаруа инспекциясы (РКФСР ЖШИ ХК) А-406 архивтік қорында 1920–1934 жылдар аралығындағы сақтау бірліктері мен ісі есепке алынған. Олардың қатарында Алқа секретариатының құжаттары (1924–1933), ұйымдастырушылық-нұсқаушылық бөлімінің (1920–1933), мемлекеттік аппаратты жақсарту жөніндегі бөлім (1923–1925), әкімшілік техника бөлімі (1926), есептілікті жақсарту бөлімі (1927–1930), мемлекеттік аппаратты жақсарту бөлімі (1931–1933), ведомстволық рационализациялау бөлімі (1928–1930) және мамандар тобының (1929–1932), орталық штат комиссиясының (1924–1927) және құрылымдық-штаттық инспекцияның (1925–1927); әкімшілік (1925–1930), кеңестік құрылыс (1927–1930), қаржы (1923–1932), экономикалық (1923–1924), қаржы инспекциялары (1924) ауыл шаруашылық (1923–1924); сауда, өнеркәсіп және еңбек (1924–1925), өнеркәсіп және еңбек (1925–1932) топтарымен, құрылыс (1925, 1927 – 1932), коммуналдық (1930–1932), жол (1931–1932), текстиль (1932), азық-түлік өнеркәсібі (1930–1932) және өндіріс кооперациясы (1930–1932); сауда (1925–1932) топтарымен, жабдықтау және кооперация (1931–1932), қоғамдық тамақтандыру (1931–1932) және баға инспекциясы (1931–1932); ауылшаруашылық (1924–1930) топтарымен; совхоз-колхоз құрылысы (1931), мал шаруашылығы және техникалық дақылдар (1931–1932); еңбек, әлеуметтік сақтандыру және денсаулық сақтау (1923–1933) топтарымен, әлеуметтік-мәдени (1927–1929), көпшілік халық ағарту (1930–1932), кадрлар (1930–1931), денсаулық сақтау

(1930–1932) және мәдени-тұрмыстық қызмет көрсету (1931–1932); жоспардан тыс (1924–1930) бақылау мен тексеру тобымен (1929–1933); әскери (1927–1934); қаржы бөлімі (1920 – 1934), жеке құрам бөлімі.

Құжаттарының қатарында РКФСР ЖШИ ХК хаттамалары, стенограммалары және қаулылары, Халық комиссариатының, оның инспекциялары мен топтарының бұйрықтары, өкімдері, циркулярлары мен нұсқаулықтары, РКФСР БОАК, ХКК, СТО, ЭКОСО, олардың комиссияларының қаулыларының жобалары мен көшірмелері, хаттамалары мен хаттамаларынан үзінділер, КСРО ЖШИ ХК жобаларына, бұйрықтарына, алқа хаттамаларына, жоспарларына және есептеріне жасаған қорытындылары, Орталық штаттық комиссияның және оның комиссия бөлімдерінің мәжілістерінің хаттамалары. Халық комиссариаты, оның құрылымдық бөлімдері мен жергілікті органдары туралы Ереже. ЖШИ жергілікті органдарының қайта ұйымдастырылуы туралы баяндамалар мен анықтамалар, халық комиссариаты мен оның құрылымдық бөлімшелерінің жұмыс жоспарлары және тексеру бағдарламалары, ЖШИ жергілікті органдарының жұмыстары туралы құжаттар (бұйрықтар, мәжіліс хаттамалары, баяндау жазбалары, жоспарлар, есептер және шолулар жоспарлар, есептер, қорытындылар, сататистикалық мәлметтер, зерделеулер бойынша қоырытындылар мен ұсыныстар). Ұйымдастыру-инспекторлық мәселелер бойынша, мекемелер мен ұйымдарды тексеру, мемлекеттік аппаратты экономия мен рационализациялауғ жұмыстағы параллеизмді жою, мекемелер жүйесін қысқарту, мемлекеттік аппараттарды тазалауды жүргізу және оларды қайта ұйымдастыру, оның жқмысына деген сын ескертплер бойынша жұмыстар жүргізу туралы және т. б. мәселелер бойынша хат алмасулар. Басқару техникасы институтының бюллетені бар (Путеводитель. Государственный архив Российской Федерации).

Нәтижелер. Большевиктік Қазақстанның билік басына келген Ф.И. Голощекин қазақ даласында 1925–1933-жылдары қызмет атқарды. Осы кезеңде жүргізілген құқықтық-саяси, әлеуметтік экономикалық науқандар дәстүрлі қазақ шаруашылығының толығымен күйреуіне әкеліп соқтырды. Ф.И. Голощекин 1919 жылы Түркістан АКСР-індегі жағдайды бақылауға алған Түрккомиссия мүшесі ретінде аталған өңірді жақсы білетін. Сондықтан да И. Сталин оны Орта Азия мен Қазақстан аумағындағы ең ірі өңірді бағындыруға жұмсады десек қателеспейміз. Билік басына келген соң бірнеше рет Мәскеуге хат жолдап, өзінің жүргізбек болған саяси стратегиясын қолдауды сұрады. Қазіргі таңда ғылыми ортада бұл науқандарды «Голощекиннің бағдарламасы» деп атауға үзілді-кесілді қарсылықтар, пікірталастар орын алуда. Большевиктік биліктің жүргізген жұмыстары мақсатты түрдегі бағдарламалық бағытта жүзеге асырылғандығы анық.

«Қазақстандағы Кіші Қазан» бағдарламасын жүзеге асырудың құрамдас бөлігі ретінде егістік және шабындық жерлерді қайта бөлу; жергілікті Кеңестер сайлауын ерекше ұйымдастыру және өткізу; Жергілікті кадрларды алмастыру және мемлекеттік және саяси қызметке қатысуға жол бермеу құралы ретінде ұлттандыру саясатынан бас тарту; Революциялық-күшпен айырудың және

халықтық күрестің экономикалық негізін жоюдың жазалау және қуғындау (репрессиялық) әдісі және механизмі ретінде ірі байлардың, кулактардың, жартылай феодал байлардың (орта шаруалардың) және шаруалардың мүлкін жаппай біржола иемдену; «Қазақстандағы Кіші Қазан» бағдарламасының құрамдас бөлігі ретінде күштеп ұжымдастырудың іргелі зерттеулері; Экспроприация мен ұжымдастыруға балама ретінде ауыл шаруашылығындағы кооперация идеясын жоққа шығару; Күрделі астық, ет және мал сатып алу кезіндегі жаппай саяси қуғын-сүргіннің ерекшеліктері; Жаппай күштеп отырықшыландыру (қоныстандыру); Халық көтерілістері мен наразылықтарын қарулы түрде басу; «Қазақстандағы Кіші Қазан» бағдарламасының құрамдас бөлігі ретінде Қазақстандағы «мәдени» революция; Мәжбүрлі босқындар: тұрғылықты жерінен жаппай қашудың, ауа көшудің себептері мен жағдайлары, жаппай саяси қуғын-сүргіндері сияқты маңызды тақырыптарды зерттеу қолға алынды. Сонымен қатар большевиктік биліктің қазақ қоғамына қарсы жүргізген революциялық-күштеу арқылы жүргізілген өктемдік әрекеттерінің мақсаттары, жүзеге асыру механизмдері және қайғылы салдарын іргелі зерттеу мәселелерін қолға алу аса қажеттігі күн тәртібінде тұр.

Қазақстандағы XX ғасырдың 30-жылдары жүргізілген отырықшылыққа күштеп көшіру науқаны большевиктік билік басына келіп, «феодалдық даму тармағынан капитализмге соқпастан социалистік жолға түсіруді» қолға алған Ф.И. Голощекиннің «Кіші Қазан» революциясының бір тармағы ретінде қарастырылуы тиіс.

Бүкіләлемдік энциклопедиялық анықтамалықтарда берілген түсіндірмелерден шығатын қорытынды: Ф.И. Голощекиннің «Кіші Қазан» науқаны өзінің жүргізілу сипатына қарай белгілі бір мерзімге есептелген қоғамдық-саяси немесе шаруашылық ұйымдастырулардың жүйесі болып табылады.

Сонымен қатар Ф.И. Голощекин «қоғам өміріндегі түпкілікті өзгеріс, бейбіт немесе күштеу әдісімен әлеуметтік немесе саяси құрылымды кенеттен ауыстыру» арқылы қазақ қоғамында төңкеріс жасауды көздеді.

Аталған кезеңдегі тарихи оқиғаларды баяндайтын дереккөздері сынға, талапқа қаншалықты төтеп бере алады? Архивте сақталған құжаттардың барлығы ақиқат пен шындыққа негізделген деп айту мүмкін бе? Өткен ғасырдың 40-жылдары дереккөзтанушы-академик М.Н. Тихомировтің: «тарихи дереккөздерді зерделеусіз және оларға сыни көзқарасты ұстанбайынша, бірде-бір зерттеуші өз жұмысын бастай алмайды» деп көрсетуі қазіргі таңда да маңыздылығын жоғалтқан жоқ. (Тихомиров, 1940: 6).

Бұл бағдарламаның барысы жайлы зерттеуде нормативтік-құқықтық актілер, қорытындылар, ұсыныстар, хаттамалар, баяндамалар, хабарламалар, баяндау жазбалар, хаттар, ақпараттар, мақалалар мен жарияланымдар сияқты құжат түрлері басшылыққа алынды.

Жоғарыда аталып өткен Кіші Қазан революциясының бірнеше тармақтан тұратын науқандарының бірі – көшпелі және жартылай көшпелі шаруашылықты отырықшыландыру. Нормативтік-құқықтық актілер отырықшыландыру

үдерісінің большевиктік биліктің бастапқы кезінде жоспарланғандығын көрсетеді. РКФСР БОАК пен ХКК 1923 жылғы 10 мамырдағы «Түркістан АКСР-індегі көшпелі және жартылай көшпелі аудандарда жерге орналастыру туралы Ереже» (Декрет ВЦИК от 10.05.1923) 1924 жылғы 17 сәуірдегі «Қырғыз (Қазақ) АКСР-індегі көшпелі, жартылай көшпелі және отырықшы шаруашылыққа көшуші тұрғындарды жерге орналастыру туралы» Декреті [Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 17. 04. 1924), Қазақстан мен Орта Азия республикаларының ұлттық-аумақтық межеленуіне дейін қабылданған бұл актілер екі республика аумағына шашырай орналасқан көшпелі қазақ шаруаларын жерге орналастыруды көздеді. Көшпелі қоғам большевиктік билікті орнатуда кедергі жасайтын басты апат ретінде қарастырылды.

Қазақ АКСР Халық Комиссарлар Кеңесінің 1928 жылғы 30 тамыздағы «Қазақстанның көшпелі, жартылай көшпелі және отырықшы аудандарын белгілеу туралы» қаулысы жоғарыда аталған актілердің заңды жалғасы болды. 1930 жылы 19 қаңтарда БК (б) П Қазақ өлкелік комитетінің «Көшпелі және жартылай көшпелі қазақ тұрғындарын отырықшыландыру туралы қаулысы» қабылданып, большевиктік партияның ойға алған ісін жүзеге асыруға негізделді. Кеңестік билік органдары 1930 жылдың өзінде бірнеше қаулы-қарар қабылдап, саяси-экономикалық реформаларды жан-жақты негіздеумен айналысты.

Қазақстандағы отырықшыландыру науқанының дереккөздері қатарында қорытындылар, актілер, ұсыныстар деген құжат түрлері шаралардың жүргізілу барысын көрсетеді. Атап айтқанда: БК (б) П Қазақ өлкелік комитеті бюросының 1929 жылғы 12 наурыздағы «Қазақ тұрғындарды отырықшыландыру туралы» хаттамасы «жер-су реформасының мәселелерін, жер нормаларын жасақтау сұрақтарын Жер ісі халық комиссариаты Өлкелік комитеттің алға қойған жоспарларын орындай алмағандығын» атап өтеді (ҚР ПА. *141-қ. 1-т. 2388 а-іс. 215, 216-п)*; БК (б) П Қазақ өлкелік комитеті бюросының 1929 жылғы 6 қарашадағы «Қазақ тұрғындарды отырықшыландыру туралы» баяндама бойынша қабылданған қарарды бекіту туралы хаттамасы «Партияның XV съезінің Қазақстан жағдайында ауыл шаруашылығын социалистік қайта құру міндетін жүзеге асыруда қазақ тұрғындары жүргізіп отырған шаруашылық түрін түбегейлі өзгерту қажеттігін талап етеді» деп түйіндейді, «... сондықтан Қазақстанның ауыл шаруашылығы саласында жуық арадағы міндеті жер ісін дамытуға болатын аудандарда қазақ тұрғындарын отырықшыландыру проблемасы ...» екендігін атап өтеді *(ҚР ПА. 141-қ. 2388 б-іс. 111–118-п.)*, Қазақ тұрғындарын отырықшыландыру жөніндегі комитетінің 1930 жылғы 10 сәуірдегі хаттамасы Семей округтік атқару комитетінің Жаңа Семей ауданындағы округтік Жер басқармасының жүргізген дайындық жұмыстары жайлы ақпаратты талқылайды (*Абай облысының мемлекеттік архиві. 577-қ. 1-т. 47-іс. 115–117-п.)*, Қазақ АКСР Жер ісі Халық комиссариатының алқа мәжілісінің 1930 жылғы 5 маусымдағы хаттамасы «ауыл шаруашылық жөніндегі кейбір іс-шаралар тиісті мекемелердің жоспарында белгілі бір байланыс жасай алмады, осы ұйымдардың жүйесінде жергілікті округтік органдар отырықшыландыру жөніндегі іс-шаралардың жүргізілуіне дұрыс және нақты бағдар жасай алмады» деп айыптай

отырып, отырықшыландыру жөніндегі шешімдердің асығыстығына мән бере қоймады. Бір аптаның ішінде отырықшыландыруға жауапты Жер ісі, Денсаулық сақтау Халық комиссариаттарына шұғыл түрде кемшіліктерді жоюға міндеттеді. (*Атырау облысының мемлекеттік архиві. 19-қ. 1-т. 30-іс. 69–73-п.)*, Денсаулық сақтау халық комиссариатының құрамында Сұлтанғалиев пен Кияткин бар Жұмысшы-Шаруа Инспекциясы бригадасының отырықшыландыру мәселесі бойынша 1930 жылғы 29 тамыздағы тексеру актісі отырықшыландыру барысындағы орын алған біраз кемшіліктердің бетін ашып берді *[ҚР ОМА. 44-қ.11-т. 62-іс. 46–48-п.]*, БМСБ (ОГПУ) Уәкілетті өкілдігінің 1930 жылғы қазан айында түрлі науқандарды жүргізудегі орын алған асыра сілтеушіліктер туралы деректер жиынтығы (*Трагедия казахского аула, 2018: 188,189)*, жұмыстың қызу қарқынмен асығыс жүргізілгендігін көрсетеді.

Қазақстандағы отырықшылыққа көшу мәселесінің 1930-жылдардан бұрын басталғандығын архив деректері көрсетеді. Атап айтқанда, Қырғыз (Қазақ) ОАК төрағасы С. Меңдешевтің Ақмола және Семей облыстарына жасаған сапары туралы РК (б) П облыстық комитетіне жасаған 1923 жылғы 4 қыркүйектегі баяндамасы көшпелі халықтың отырықшылыққа көше бастағандығы жайлы хабарлайды. Ақмола губерниясының 14 қырғыз (қазақ) поселкесінің тұрғындарының қалауына орай губерниялық атқару комитеті Петропавл уезінде бір поселокты ұйымдастыруға шешім қабылдаған, бұл үшін бюджеттен қаржы бөлу қарастырылған. Поселкені құрудың негізгі қағидаты: алғашқы үш жылда қырғыздар (қазақтар) жалдамалы жұмысшы ретінде тартылады, поселкенің әкімшілігін губатком тағайындайды, қырғыздар (қазақтар) шаруашылық құрылысының ұйымдастыру сәтіне қатысады, өз орталарынан сайланған комитет арқылы басқаруға қатысады. Тәжірибе ретінде көшпелі қазақтарды отырықшыландыру процесі басталған (Саяси қуғын-сүргін ...: 2022, 69–71).

Зерттеуші П.В. Чеченковтың пікірінше: «Белсенді құжатайналымында, архивте сақтауда, тарихшы-зерттеушінің жұмыс орнында бола отырып құжатты дереккөз құжат та болады, тарихи дереккөз де болады» (Чеченков: 45). Ресейлік архившілер мен құжаттанушы, архивтанушы ғалымдардың дереккөз, архивтік құжат, құжаттық ескерткіш тақырыптарындағы пікірлеріне шолу жасай отырып, автор жоғарыдағы пікірімен қорытындылайды. Тарихи құжаттар мен іс жүргізу стадиясындағы құжаттың айырмашылығы, маңызы және оларды дұрыс қалыптастыру мәселесін көтереді (Чеченков, 36–45). Қазақстандағы мемлекеттік архивтердегі тарихшы ғалымдар пайдаланып жүрген құжаттың, архив ісінің қаншалықты деңгейде қалыптастырылғаны көкейде көп сұрақтар туындатады.

Аталған мәселені қазақстандық зерттеуші Г. Жакупова «қазіргі уақытта Қазақстан тарихының дереккөзтануын тарихнамалық тұрғыдан қайта қарауды талап ететін бірнеше фактілер анықталып отыр. Қоғамдық танымның акценттерінің ауысуы біздің тарихымыздың өткен кезеңі туралы түсініктерді айқындауға мүмкіндік беретін тарихи дереккөздерге деген қызығушылықты арттыруда. Сондықтан Қазақстан тарихының дереккөзтануының кейбір аспектілерін қарастыру қажет. Атап айтқанда дереккөздік зерттеулер тақырыбын

ұйымдастыру шарттары, қалыптастыру және бұрын белгісіз болып келген дереккөздерді ғылыми айналымға енгізу» деп атап өтеді (Жакупова: 153).

Қазақстандық архивтердегі дереккөздер талдауға алған жағдайды, әсіресе 1920–1930 жылдардағы архив құжаттары көптеген мәліметтерді беруге қауқарлы. Басқарушылық, ұйымдастырушылық, атқарушылық құжаттарынан бөлек тергеу, тексеру, бақылау органдарының деректері де аталған тақырыпты жандандыруға септігін тигізері сөзсіз.

Қазақстан Бақылау комиссиясының Көшпелі үштігі мәжілісінің 1930 жылғы 2 ақпандағы хаттамасы коммунистік партия мүшелерінің аппеляциялық істерін қарағандығын баяндайды. «Тыңдалды: 1. 1900 жылы туылған Оспанов Садық, 1928 жылдан партия өтілі бар,партибилет № 0950066, әлеуметтік жағдайы – шаруа. Тексеру сәтінде оқушы, мүліктік жағдайы – 2 жылқы, 1 сиыр, білімі – төмен. Саяси сауаттылығы – партия құрылысы курстарын бітірген. Партиялық жүктемесі жоқ. Партиялық ескертулері жоқ. Тексеруден Қостанай округі Наурызым ұйымынан өткен» деп көрсете отырып, Тексеру комиссиясы С. Оспановтың 1925 жылдан Халық ағарту комиссариатында жүріп Алаш Орда ұйымының жетекшілерімен байланыс жасағандығын, Алаш Орда жетекшілерін жасырғандығын, Алаш Орданың партиямызға зиянкестігін білмегендігін анықтады. Жоғарыда аталған әрекеттері үшін С. Оспанов БК (б) П қатарынан шығарылды.

Қостанай округтік Бақылау комиссиясы төралқасы 1929 жылғы 23 қазанда тексеру комиссиясының шешімін бекітті. Үштікте анықталғаны: Оспанов Алаш Орда жетекшілерінің бірінің көшірі болған, бұл оны Алаш Ордамен байланыста болды деген айыптауға негіз болды, оның Алаш Ордашылармен нақты байланыста болғандығы жайында істе дәлелдейтін құжаттар жоқ. (Баяндамашы Аситов, Оспанов қатысып отыр). (ҚРПА. 719-қ. 2-т. 28-іс. 5-п.).

«Қостанай округтік Бақылау Комиссиясының айыптау туралы шешімінің негізсіздігі ескеріліп, іс тоқтатылсын, Оспанов тексеруден өтті деп есептелсін» деген қаулы қабылданады. Алаш Орда үкіметіне қатысы жоқ, Алаш қозғалысы жетекшілерінің біріне атқосшылық қызмет атқарған деген желеумен де мәселе май шаммен қаралған.

1897 жылы туылған Малбек Исаевтың аппеляциялық ісі де осы хаттамада қаралды. Ол 1928 жылы 300 сомды талан-таражға салғаны үшін бір жылға сотталып, рақымшылыққа іліккен. Тексеру кезінде қойманың сатушысы, 100 сом айлық жалақысы бар. Қызылорда қаласында өзінің жекеменшік үйін пәтерге жалға 13 сомға береді. Бюро мүшесі болып тұрған жерінде партия мүшелері мен партияда жоқ адамдармен шаруашылық және әкімшілік лауазымдарды бөлу бойынша құпия жиналыстар өткізген, сол жерде Текстильторг мекемесінің меңгерушісі лауазымына үміткер ретінде ұсынылғандығын Бюроға хабарламаған. «Партия ұясында орын алған осындай келеңсіз жағдайларды хабарламады», «ұяның жұмысына қатыспады» деген айыптаулар тағылды. Партиялық Бақылау комиссиясы Партиялық алқасы қаулыны бекітіп, М. Исаевты партия мүшелігінен шығарды. (ҚРПА. 719-қ. 2-т. 28-іс. 5, 6-п.).

Хаттамада барлығы 7 адамның ісі қаралып, қаулы қабылданды. Солардың қатарындағы Айтуаров Есмұханның аппеляциялық ісі жоғарыдағы істермен тақырыптас, мазмұндас. 1903 жылы туылған Е. Айтуаров білімі төмен, тексеру сәтінде оқушы. Қызыл Әскер қатарында 4 ай қызмет еткен. 1917 жылға дейін жалшылықта болған. Қоғамдық ұйымдарда мүшелікте бар, партиялық жүктемесі (партнагрузка) бар. Тексеру комиссиясының анықтағаны: кәмпескелеу мәселесі бойынша теріс көзқарасты ұстанған, Қазақ өлкелік комитетінің саясатына қарсы бағытталған, (кәмпескелеуді жасырын жүргізу, кедейлер алған малдарын ішіп қояды деген көзқарастарын курсанттарға таңған).

Қазақ өлкелік комитетін дискредитациялау (Қазақ өлкелік комитетінде байдың балалары отыр), Мемлекеттік банкте істеп жүрген кезінде жең ішінен байланысу, қызмет бабын пайдаланумен, араққорлықпен, тазалау барысында арамзалықпен айналысқан. БК (б) П қатарынан шығарылған. Партиялық алқа Тексеру комиссиясының 1930 жылғы 14–20 қаңтардағы шешімін бекітті. Сонымен қатар Айтуаров қоғамдық орындардағы әдепсіз қылықтары үшін оқу орнынан да шығарылды (ҚРПА. 719-қ. 2-т. 28-іс. 8-п.).

Өлкелік Бақылау комиссиясының көшпелі мәжілісінің 1930 жылғы 2 ақпандағы хаттамасында Нұрмухин Налидің ісі қаралды. 1900 ж. т. 1917 жылға дейін өзінің шаруашылығында жұмыс істеген. Партия қатарына кірерде өзінің шыққан тегін, жат элементтермен байланысын, таптық бағыттан ауытқығандығын жасырған, қызмет бабын жеке басының пайдасы үшін пайдаланғандығын, парақорлығын жасырған деген айыптармен партия қатарынан шығаруға ұсыныс жасалғанмен, Нұрмухиннің айыптары толығымен тексерілмегендіктен қайта қарауға жіберілді.

Ал Мәдіомаров Рақымжан, 1902 жылы туылған, әлеуметтік тегі – азаншы молда, тексеру кезінде ЦРК қарауылы қызметін атқарған. 1929 жылы діни сенімі үшін (азаншы) дауыс беру құқығынан айырылған. Тексеру комиссиясының анықтауы бойынша ол: Мәдіомаров бұрынғы діни сенімнің қызметшісі, партияға 1928 жылы кіргенге дейін діни қызметін атқарып келген, өзінің шыққан тегін жасырып, жұмысшымен деп алдаған. Партиялық алқа Мәдіомаровты партия қатарынан шығарып, оны партияға қабылдағандардың ісін тексеруге қаулы қабылдады (ҚРПА. 719-қ. 2-т. 28-іс. 9-п.).

Тілеубергенов Сәли, 1904 ж. т. 1927 жылдан партия мүшесі «жалшы еңбегін қанады, атқамінер туысынан бас тартпай, оның жақтап, тіпті оның сөзін сөйледі, кәмпескелеу кезінде өзінің жалшысына бөлінген малды алып қойды» деген айыптармен партия қатарынан шығарылды (ҚРПА. 719-қ. 2-т. 28-іс. 9-п.).

Ярков Павел Савельевич 1920 жылы кулактар көтерілісіне қатысқаны, Қытайға эмиграцияға кеткені, 1928 жылға дейін саудамен айналысқаны үшін партия қатарынан шығарылды (ҚРПА. 719-қ. 2-т. 28-іс. 134-п.).

Алаш қозғалысына қатысушыларды қуғындау шаралары кезінде бұқаралық ақпарат құралдарында талқылау мақалалар, әшкерелеу жарияланымдары жиі жарық көріп тұрды. 1929 жылы А. Кенжин мен Ә. Байділдиннің істері орталық баспасөз бетінде жарияланған еді. Бұл жағдай облыстық, аудандық бұқаралық ақпарат құралдарында да жалғасын тапты.

«Қойдай қу, бай менен молданы» деп ұрандатқан қоғамда ауылдағы бай, молдалар мен билердің сарқыншақтарымен белсенді түрде күрес жүргізілді. Түлкібас аудандық партия комитетінің жабық бюросының 1930 жылғы 1 желтоқсандағы хаттамасында 1930 жылғы 25 қарашадағы «Правда в степи» газетіне жарияланған «На поводу у бая» мақаласын талқылау күн тәртібіне қойылды. Мақаланы талқылаған соң қабылданған шешімде «қазіргі таңда фактілердің барлығы жойылды, партия ұйымы тап жауларына қарсы күреске толығымен жұмылдырылды, тамырынан жұлып тастау жүзеге асырылды. Басшылықты большевиктендіру нәтижесінде егін жинау және астық дайындау науқаны басталғанда нақты тапсырма алған және жеке салық салынған 47 бай шаруашылығы анықталды. Қазір жеке салық 367 бай шаруашылығына салынды, 90-ы сотталды, 15-і жер аударылды, жат элементтер жайлап алған 5 колхоз таратылды, қылмыстық жауапкершілікке тартыла отырып 13 ауылдық кеңестің төрағалары жұмыстан босатылды. Партиялық жазаға 30 адам тартылып, оның ішінде 8-і партия қатарынан шығарылды. 4 партиялық ұяның бюросына сөгіс берілді» деп атап көрсетеді.

«На поводу у бая» тақырыбымен жарияланған мақалада көрсетілген № 3 ауылындағы Ерназаров атындағы колхоздың төрағасы бай, бидің тұқымы Қайшыбеков Аманқұл жазаға тартылды. № 2 ауылдағы Көктерек колхозының төрағасы Есенбай Алтаев пен Ревкомиссия төрағасы Жүнісіл Қоспақов бай балалары ретінде, кеңестерге қарсы үгіт, насихат жүргізгені үшін қыркүйектің басында жазаланды, аудандық комитет бюросының мүшесі Байдаралин олармен байланыс жасағаны үшін жұмыстан босатылды, аудандық комитет бюросының құрамынан қуылды, Бақылау комиссиясы арқылы бір жыл жауапты жұмыспен айналысуға тыйым салына отырып қатаң сөгіс берілді. № 7 ауылдағы колхоз төрағасы би баласы Қоқанбаев астық және ет өнімдерін дайындау бағытын бұзғаны үшін тұтқынға алынды, іс қозғалып, әлі шешім қабылданған жоқ» деп жарияға жар салады (ҚРПА. 719-қ. 2-т. 30-іс. 4-п.).

Партиялық бақылау комиссиясының материалдарының арасында Сәлімгерей Қаратілеуовтің ісі бойынша қорытынды (Заключение по делу тов. Каратлеуова) деп аталатын құжат негізі Қаратілеуовтың партиялық-тергеу ісінде болуы керек. Немесе бұл құжат екінші данасы, архившілердің байқауынсыз, осы істің құрамына енгізілген болуы мүмкін.

Тюрин қол қойған қорытындыда С. Қаратілеуовке 9 тармақтан тұратын айыптау тағылған. «... 7. Қаратілеуов жолдас өзінің Темірден атқару комитетінің төрағасы лауазымынан Торғай облысына кетуін – Алаш Ордаға іріткі салу, оның әскерлерін кеңестік билік жағына тарту, Алаш Орда жетекшісі Досмұхамедовты қаралау, Қаратілеуовтің көрсетуі мен сөзінше Темір қаласындағы топ кеңестер жағында болды, әсіресе Кенжин сенімсіз еді.

8. Қаратілеуовтың Темір қаласына кеңестік биліктен өтіп Алаш Орда лагеріне барған соң Алаш Орданың өкімдерін белсенді орындаушысы болады, әсіресе жігіттерді тартуда, жылқы жинауда, арбалар мен құралдарды тартып алуда аса белсенділік көрсетті. Ең бастысы Алаш Орданың жарлықтарын орындамағандарға күш қолданды.

9. Қаратілеуов Таран атылып, Амангелді Иманов тұтқынға алынған соң, Алаш Орда Таран отрядын қарусыздандырғаннан кейін, Ырғыздағы кеңес билігін аса ешнәрсе бола қойған жоқ деп сендіруге, Амангелді Имановтың тұтқындалуы кеңестік билік өкілінің емес, барымташының тұтқындалуы деп түсіндіруге тырысты» деген айыптар тағылды. Істің келесі бетінде С. Қаратілеуовтың қорытындыға берген түсініктемесі тіркелген. (ҚРПА. 719-қ. 2-т. 137-іс. 56-п.).

БСМБ Уәкілетті өкілі (Полпред ОГПУ в КССР) Даниловский, БСМБ Уәкілетті өкілдігінің СОУ бастығы (Начальник СОУ ПП ОГПУ) Рогозин, Уәкілетті өкілдігінің Ақпарат бастығы (заместитель начальник Инфо ПП) Сергеев қол қойған Қазақ Өлкелік комитетінің хатшысы Голощекинге, БК-ЖШИ басшысы Фехтерге, Қазақ ХКК төрағасы Құлымбетовке 1931 жылы наурыз айында жолдаған хатында Орал ауданындағы азық-түлік тапшылығының фактілері анықталып жатқандығы жайлы хабарлайды. «Александровск селосында 70 шаруашылық азық-түлікке мұқтаж болып отыр, олардың ішінде 5 отбасы аштықтан ісіп кеткен. Өлген жануарлар мен жмыхты азық еткен, соның кесірінен әсіресе балалардың арасында асқазан аурулары пайда болған оқиғалар анықталып отыр» деп дабыл қағады. Аштық пен колхоз басқармасының көмек көрсетпеуінен кохоздан шығу және ортақтастырылған малды сойып алу кездесуде. Осындай жағдай Нехвоешенск поселкесінде де орын алған.

Орал қаласының өзінде жұмысшылар мен қызметкерлердің кейбір категорияларының азық-түлікпен қамтамасыз ету жеңілдігі алып тасталған соң, олардың көңіл күйлері бұзылып, көтерілістер мен кеңестерге қарсы үгіт-насихат өршіп, жағдай қиындап тұрғандығын баяндады (ҚРПА. 719-қ. 3-т. 218-іс. 5-п.).

Алматы округі Сарқанд ауданындағы ауыр жағдай туралы хат жазылған (ҚРПА. 719-қ. 3-т. 218-іс. 6-п.). «Өте құпия» айдарымен Қазақстанның әр өңіріндегі жағдай туралы ақпараттар мыңдап жөнелтіліп жатты. Атап айтқанда: «Қобда ауданы № 1 ауылдың тұрғыны кедей Рысқалиевтың екі жас баласы ашаршылық кесірінен 13 ақпанда қайтыс болды. Рысқалиевтың отбасының қалған мүшелері аштықтан ісініп жатыр. Малды жаппай сатып, Орынбор округінің аумағына нанға айырбастау үшін алып кетіп жатқан оқиғалар тіркелді.

Округтік, аудандық партия комитеттері ашыққандарға көрмек көрсетуге азық-түлік қорының жоқтығынан мүмкіндіктері болмады. Тұрғындардың көңіл-күйі күрт түсіп кеткен, кеңестік билікке және жүргізіліп жатқан іс-шараларға деген наразылықтарын ашық айта бастады» деп хабарлайды. (ҚРПА. 719-қ. 3-т. 218-іс. 8-п.).

Зерттеуші Ж. Абылхожин Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық тарихын зерделей келе қазақтардың «... малды жақсарту әдістерін және табынның шоғырлануы мен құрылымын мақсатты басқаруды жетік білді, жануарлардың этологиясы (мінез-құлқы) мен фенологиясы туралы терең білімге ие еді. Бұл тәжірибе ұрпақтан-ұрпаққа беріліп, әр ұрпақ ауысқан сайын өзін-өзі дамыту мен жетілдіруге мүмкіндік ала отырып, жаңа серпін алды. Бұл сәт мал шаруашылығы мәдениетінің динамизмінің қайнар көздерінің бірі болды» деген қорытынды жасайды (Абылхожин, 1997: 114).

Ғалымның бұл тұжырымы архивтік дереккөздер мен сирек қорлардағы ғылыми әдебиеттердің негізінде жасалды. Архивтік деректер мен жарияланымдарды саралай келе, Ж.Б. Абылхожин М.Қ. Қозыбаев, М.Б. Тәтімов Қазақстандағы ұжымдастыру науқанының барысы мен зардаптары жайлы ғылыми еңбекте біршама тың қортындылар жасайды. Сталиндік басшылықтың жоспары бойынша Қазақстан ұжымдастыруды негізінен 1932 жылы көктемде аяқталуы тиіс өңірлік топтың қатарына енгізілді. Бірақ КОКП съездерінің қарарында көрсетілгендей көшпелі және жартылай көшпелі өңірлер бұл қатарға енбеуі тиіс еді. Партиялық биліктің жоғарыдан жіберген қаулы қарарлары басқаша бағытта жүзеге асырлды.

Күштеп ұжымдастыру негізінде қалыптасқан кеңестік аграрлық өндіріс өзінің басты мақсатын – өнеркәсіпті шикізатпен, халықты азық-түлікпен қажетті мөлшерде қамтамасыз етуді жүзеге асыра алмады. Бәсекеге қабілетсіз әлеуеті бейбіт заманда да, соғыс кезінде де көзге ұрып тұрды (Әбжанов, 2014: 156).

Республикадағы шенеунік-бюрократтардың берілген мерзімді аса орындау деген ұранды желеулете отырып, билік айтқан уақыттан асыра орындауды көздеді. БК (б) П Қызылорда облыстық округтік комитетінің V пленумының қаулыларына сілтеме жасап, округтің шаруашылықтарын 1930, 1931 жылдары толық ұжымдастыру туралы міндет ашықтан ашық қойылды.

Шамасы, командалық-әкімшілік жүйе жағдайында басқаша ойлау мүмкін емес еді, өйткені оның көзқарастарында ұжымдастыру келесі соққы науқанынан басқа ештеңе болған жоқ. Бұл құбылыстың логикасы әрқашан бірдей апофеозды – ерте жеңіске жету есебін ұсынды. Сондықтан жақын арада жергілікті аппараттың барлық партиялық-саяси жұмысы мен іскерлік қасиеттері тек бір критерий – ұжымдастырылған шаруашылықтардың пайызы бойынша бағалана бастағаны түсінікті (Абылхожин, Қозыбаев, Тәтімов, 1991: 183,184).

Өлкенің сол кездегі басшылары жайлы әңгіме қозғағанда, сол бір күрделі кезеңде сыни тұрғыдан талдау жасау мен оқиғаның нақты бағасын жасауға дәрменсіз екендіктерін көрсеткендігін айту қажет. Субъективтік факторлар мен аппараттың құдіреттілігіне шексіз сенім мен басқарудың күштеу әдістері мен саяси-идеологиялық регулятивтеріне біржақты бейімделу, тіпті солшыл асығыстық осы бағыттағы қадамдардың әлсіз жақтарын көрсетіп берді.

Кеңестік биліктің тоқырау кезеңінде Қазақстанның Голощекин билігі тұсындағы тарихын зерттеу бір жақты ғана жүргізілді. С. Бәйішев туралы жасаған мақаласында М. Қозыбаев: «Қазақстан Компартиясы тарихының очерктерін» жазған кезде Ф.И. Голощекин дәуіріне тіс батыра алмайтын еді, өйткені Мәскеуде оған деген көзқарас жеке басқа табынудың құрбаны есебінде қарайтын кез еді. Редакциялық алқа мәжілісінде осы бір дәрменсіздікке қиналғаны есімде. С. Бейсембаев ағамыздың Ф.И. Голощекинге арнап жазған мақаласына: «Апырмай Секең осыны бекер жазды-ау» дегенін де естігенім бар» деп көрсеткен еді. Ф.И. Голощекиннің жеке басына табыну ол басшылық еткен сәтте орын алды. Елден кеткен соң да, ол өзі өмірден өткен соң да большевиктік эмиссар туралы, оның реформалары мен науқандары жайлы жақ ашудың өзі қияметке айналды (Қозыбаев, 2021: 374).

Академик Х. Әбжанов Ф.И. Голощекинді «Билік тармақтарында тепе-теңдік пен тежемелік атымен түзілмеген Қазақстандағы ашаршылық архитекторы – Кремльдің қолшоқпары» деп атай отырып: «Кеңестер Одағы аумағында миллиондарды аштыққа ұрындырғандар – шексіз билікті иеленген Сталин мен оның айналасындағылар, осылар жүргізген аграрлық, кадрлық, ұлттық, ішкі және халықаралық саясат» деп қорытындылайды (Әбжанов, 2014: 148).

Ф.И. Голощекин Қазақстанда тоталитарлық тәртіптің барлық мәнді белгілерінің, ең бастысы – адамды биліктен, құқықтан, қарапайым еркіндіктен айырып, қорғансыздың күнін орнатты. Осының бәрі 1929 жылы басталған жаппай ұжымдастырумен барынша асқынды. КСРО басшылығының тоқпақтауымен жүргізілген жойдасыз жанталаса ұжымдастыру алғашқы төрт жылда адамзатқа қарсы ұйымдастырылған қылмыс деңгейіне жетті. Ашынған халық қарулы қарсылық көрсетуге дейін барды (Әбжанов, 2014: 150).

Қорытындылар. Еліміздің тарихындағы белгілі оқиғаларды жаңа тұрғыдан қарау арқылы, деректер арқылы жаңа көзқарасты қалыптастыру – басты міндеттердің бірі. XX ғасырдың 20-30-жылдарындағы әлеуметтік-саяси науқандардың дәстүрлі қазақ қоғамына тигізген салдарларын зерттеу барысында белгілі бір ілгерілеушіліктер бар. Аталған кезеңнің қазақ санасындағы алар орны мен қоғамдық-саяси маңызын зерделеу әлі де архивтік дереккөздерге қажеттілікті талап етуде. Аталған қажеттіліктердің орнын толтыру мақсатында отырықшыландыру, ұжымдастыру, партиялық тазалаулар, байлар мен жартылай феодалдардың мал-мүлкін тәркілеу, жер аудару тарихына қатысты архивтік дереккөздерге шолу жасалды. Қазақстандағы архивтерде сақталған фактологиялық материалдарды кешенді түрде зерделеу ғылыми ортаға беймәлім ақпаратты табуға мүмкіндік береді. Отырықшыландыру, ұжымдастыру, байлар мен жартылай феодалдарды кәмпескелеу, жергіліктендіру, молдалар мен дін иелерін қудалау, Алаш қозғалысына тікелей қатысқандармен қатар, олармен тұрмыстық жағынан байланыста болғандардың өзін тергеу, тексеру істеріне және т. б. науқандарға қатысуы жайындағы құжаттар іздеп табылды. Қазақстан аумағындағы тергеу, тексру, бақылау қызметін атқарған институт – Бақылау комиссиясы-Жұмысшы шаруа инспекциялары жұмысына қатысты архивтік деректер ғылыми айналымға түсіріліп, ғылыми әдебиеттердегі деректермен салыстырыла отырып талдау жасалды.

Зерттеу жұмысын қорытындылай келе, большевиктік эмиссар Ф.И. Голощекин 1925–1933-жылдары жоспарлап жүзеге асырған «Қазақстандағы Кіші Қазан» революциясының негізгі науқандары – отырықшыландыру, ұжымдастыру, партиялық тазалаулар барысына қатысты құжаттар ғылыми айналымға енгізілді. Кіші Қазан революциясының кез-келген науқанына қатысты нормативтік-құқықтық актілер қағаз жүзінде формальды түрде бұл жұмысты өте керемет заңдық тұрғыдан негіздеп бергенімен, адам тағдырымен қайшыласа жүргізілгендігін көрсетті. 1925–1933 жылдар аралығында қуғын көргендер, сыртқа ауа көшіп кетушілер, көтерілістер мен ашаршылық зардабын кешкендер саны әлі нақтыланған жоқ. Отырықшыланған ауылдар мен ұжымдастырылған шаруашылықтардың анықтамалықтары

жасалмаған. Облыстық мемлекеттік архивтердің кейбірлерінде қызметтік пайдалану үшін колхоздар мен совхоздар жайлы анықтамалықтар жасалғанымен, деректер базасын құру қолға алынбаған. Ауыл-селолардағы жеке шаруашылықтардың отбасы мүшелері, мүліктік жай-күйі және т. б. мәліметтер берілген «шаруашылық кітаптары» негізінде салыстырмалы талдау жасайтын кесте құрастыруды қолға алу керек. Сонда халқымыздың 1934–1938 жылдардағы әлеуметтік жағдайының картасы толыққанды болар еді. «Шаруашылық кітаптарын» жүргізу 1934 жылы елде төлқұжаттандыру жүзеге асырылған сәттен басталған.

Зерттеу кезеңіндегі Қазақстан Бақылау комиссиясының Көшпелі үштігі мәжілісінің, Өлкелік Бақылау комиссиясының көшпелі мәжілісінің, Түлкібас аудандық партия комитетінің жабық бюросының хаттамаларында Коммунистік партия мүшелерінің аппеляциялық істері қаралған. Жеке бас мәліметтері ретінде аталған істер тек туыстарына ғана беріледі. Партиялық тергеу істері, аппеляциялық, қылмыстық, қылмыстық бақылау істерінің зерттеушілер үшін қолжетімді болуын қамтамасыз ететін заңнамалық актілер қабылдау күн тәртібіне шығып тұр.

Сонымен қатар Қазақстандағы ауыр жағдайлар орын алғандығы, қызметкерлерге берілетін жеңілдіктер алынып тасталғаннан кейін тұрғындар арасында нарзылықтар туындай бастағаны туралы ақпараттар кезеңнің бейнесін көрсетеді. Мемлекеттік саяси бас басқармасының (ОГПУ) Қазақстандағы Уәкілетті өкілінің Қазақ Өлкелік комитетінің хатшысы Голощекинге, Бақылау комиссиясы-Жұмысшы-Шаруа комиссиясының басшысы Фехтерге, Қазақ Халық Комиссарлар Кеңесінің төрағасы Құлымбетовке 1931 жылы наурыз айында жолдаған хаты, Орал ауданындағы азық-түлік тапшылығының фактілері жайлы хабарлаған хаты деректік маңызы өте жоғары құжат.

Бақылау комиссиялары – Жұмысшы шаруа инспекциясы партиялық-мемлекеттік бақылау жүйесінің жұмысын жүзеге асырды. Елдегі мәдени, экономикалық,, саяси, қоғамдық қарым-қатынастардың жүзеге асырылуын бақылауды қамтамасыз етті. Бұқараның барлық қабатын қамти отырып, большевиктік партияның сенімді тексеру, бақылау құралына айналды.

Дереккөздер

ҚР ОМА – Қазақстан Республикасы Орталық Мемлекеттік архиві.
ҚР ПА – Қазақстан Республикасы Президентінің Архиві.
Абай облысының мемлекеттік архиві.
Атырау облысының мемлекеттік архиві.

Sources

RK – Central state archive of the Republic of Kazakhstan.
PA RK – President of the Republic of Kazakhstan.
State Archive of Abai Region.
State Archive of Atray Region.

Әдебиеттер:

Абоян, 1967 – *Абоян А.Ф.* Деятельность Крайкк-РКИ Казахстана в области партийного строительства и совершенствования государственного аппарата в 1926-1933 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук: Алма-Ата, 1967. 29 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004402711/?ysclid=mgrlskw0ob218046568. Қаралған уақыты: 15.10. 2025.

Абылхожин, 1997 – *Абылхожин Ж.Б.* Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Ун-т «Туран», 1997. 358, [1] с.

Абылхожин, Қозыбаев, Тәтімов, 1991 – *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Новое о коллективизации в Казахстане. // История Казахстана: белые пятна: сборник статей. Алма-Ата: Казахстан, 1991. 348 с.

Әбжанов, 2014, 148 – *Әбжанов Х.* Қазақстан: Ұлттық тарих. Идея. Методология. Алматы: Елтаным баспасы, 2014. – 328 б.

Декрет ВЦИК от 10.05.1923 – *Декрет ВЦИК от 10 мая 1923 г.* Положение о землеустройстве в кочевых и полукочевых районах Туркестанской Автономной Социалистической Советской Республики. URL: https://wfi.lomasm.ru. Қаралған күні: 14 маусым 2025 ж.

Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 17. 04. 1924 – *Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 17 апреля 1924 г.* «О землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения автономной Киргизской Социалистической Советской Республики». URL: https://wfi.lomasm.ru. Қаралған күні: 14 маусым 2025 ж.

Жакупова, 153 – *Жакупова Г.Т.* Аспекты источниковедения истории Казахстана (50-60-е годы XX века). // Вестник. Серия историческая. №2 (93). 2019. С.153–157. URL: https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/download/454/374/. Қаралған күні: 21 шілде 2025 ж.

Иванцов, 2017 – *Иванцов И. Г.* Региональные контрольные комиссии – рабоче-крестьянские инспекции ВКП (б) как органы внесудебного преследования. На архивных материалах Кубани 1933 г. URL: https://www.vestarchive.ru/2022-4/5263-izychenie-severnogo-yrala-v-dokymentalnom-nasledii-akademika-e-s-fedorova.html?ysclid=mg12ecsk2f531484330. Дата обращения 26 сентября 2025 г.

Қозыбаев, 2021, 374 – Историк в меняющемся мире. Тарихшы және оның заманы. Сборник документов и материалов. Сост.: И.М. Козыбаев, Ш.О. Тулеуова. Алматы: Раритет, 2021. 480 с. +32 с. вкл.

Людтке, 2010, 72 – *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти /А. Людтке; [пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона и др.; под общ. ред. и с предисл. С. В. Журавлева]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.: ил., 4 л. ил. (Современная немецкая историография).

Путеводитель ГА Алматинской обл., 80 – *Путеводитель. Государственный архив Алматинской области и его филиалы, Талдыкорганский государственный архив: Справочно-информационное издание. Т.2.* Талдыкорганский государственный архив. Филиалы Государственного архива Алматинской

области. 1917–1991 гг. /Отв. сост.: Сарсенова Г.С., Чаушанская Н.В. Алматы, Издательский дом «Жибек жолы». 2007. – 324 стр. Первый том путеводителя «Государственный архив Алматинской области и его филиалы» был издан в 2001 году. URL: https://archive-gaao.kz/wp-content/uploads/2024/08/2-tom-putevoditelya1.pdf. Қаралған уақыты 26.09 2025 ж.

Путеводитель по фондам Архива Президента Республики Казахстан, 112 – *Путеводитель по фондам Архива Президента Республики Казахстан: Справочно-информационное издание* // Составители: Е.М. Грибанова, кандидат исторических наук, А.А. Сейсенбаева / Под общ. ред. профессора Б.А. Джапарова. Издание 2-е, дополненное. Алматы, 2016. 310 с.

Путеводитель. Государственный архив Российской Федерации – *Путеводитель. Государственный архив Российской Федерации* http://garf.ru https://libinfo.org/index/index.php?id=34&ysclid= mg12ac3q9b403731435 дата обращения 26 сентября 2025 г.

Султанмуратов, 2020 – *Султанмуратов, Д.Ю.* Рабоче–крестьянская инспекция: правовые основы деятельности и особенности осуществления контрольно-ревизионной работы [Электронный ресурс] / Д.Ю. Султанмуратов // Скиф. Вопросы студенческой науки. № 12. 2020. С. 249–257. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/raboche–krestyanskaya–inspektsiya–pravovye osnovy–deyatelnosti–i–osobennosti–osuschestvleniya–kontrolno–revizionnoy-raboty/viewer. Дата обращения: 26 сентября 2025 г.

Саяси қуғын-сүргін ... , 2022, 69–71 – *Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары* (XX ғасырдың 20-50 жылдары) // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т. 23: Ақмола өңірі – архив құжаттарында. 1920-1940 жж. Құжаттар мен материалдар жинағы. Құрастырушылар: Ғ.Т. Исахан, К.М. Ильясова, Қ.Ғ. Дәркенов / Жалпы редакциясын басқарған Е.Т. Қарин. Астана, 2022. 352 б.

Тихомиров, 1940: 6 – *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М.:1940. 256 с.

Трагедия казахского аула, 2018, 188,189 – *Трагедия казахского аула. 1928–1934:* сборник документов; [сост.: А. С. Зулкашева, Г. Т. Исахан, Ж. А. Сатаева]; Алматы: Раритет, 2018. Т. 2. 1929– январь 1932. 744 с.

Чеченков, 36–45 – *Чеченков П.В.* Документ и исторический источник: на перекрестке социально-гуманитарных наук. // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». С. 36–45. URL: Қаралған күні: 20 шілде 2025 ж.

Шрамук, 2024 – Шрамук Е.П. Деятельность Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции в современной российской историографии. // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы XI Международной конференции аспирантов и молодых ученых, Витебск, 6 декабря 2024 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – С. 69-71. URL: https://rep.vsu.by/ bitstream/123456789/45674/1/69-71.pdf. Қаралған уақыты 26.09 2025 ж.

References

Aboyan, 1967 – *Aboyan A.F.* The Activities of the Kraykk-RKI of Kazakhstan in the Field of Party Building and Improvement of the State Apparatus in 1926–1933.. Abstract of Dissertation ... Cand. of Historical Sciences: Alma-Ata, 1967. 29 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004402711/?ysclid=mgrlskw0ob218046568. Reviewed on: 15.10.2025.

Abylkhozhin, 1997 – *Abylkhozhin ZH.B.* Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana. KHKH vek. Almaty: Un-t «Turan», 1997. 358, [1] s. [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. 20th century. Almaty: Turan University, 1997. 358, [1] p.]. (In Rus.).

Abylkhozhin, Kozybayev, Tətímov, 1991 – *Abylkhozhin ZH.B., Kozybayev M.K., Tatimov M.B.* Novoye o kollektivizatsii v Kazakhstane. [Abylkhozhin, Kozybaev, Tatimov: 1991 – Abylkhozhin Zh.B., Kozybaev M.K., Tatimov M.B. New information about collectivization in Kazakhstan.] // History of Kazakhstan: Blank Spots: A Collection of Articles. Alma-Ata: Kazakhstan, 1991. 348 p. (In Rus.).

Abzhanov, 2014, 148 – *Äbjanov X.* Qazaqstan: Ulttıq tarïx. Ïdeya. Metodologïya. Almatı: Eltanım baspası, 2014. 328 b. [Abzhanov, 2014, 148 – Abzhanov Kh. Kazakhstan: National History. Idea. Methodology. Almaty: Eltanym Publishing House, 2014. – 328 p.]. (In Kaz.).

Sultnamuratov, 2020 – *Sultnamuratov, D.Yu.* Workers' and Peasants' Inspectorate: Legal Foundations of Activity and Features of Control and Audit Work [Electronic resource] / D.Yu. Sultnamuratov // Skif. Issues of Student Science. No. 12. 2020. Pp. 249–257. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/raboche–krestyanskaya–inspektsiya–pravovye osnovy–deyatelnosti–i–osobennosti–osuschestvleniya–kontrolno–revizionnoy-raboty/viewer. Accessed on September 26, 2025.Decree of the All-Russian Central Executive Committee of May 10, 1923 – *Dekret VTSIK ot 10.05.1923* – Dekret VTSIK ot 10 maya 1923 g. Polozheniye o zemleustroystve v kochevykh i polukochevykh rayonakh Turkestanskoy Avtonomnoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki. URL: https://wfi.lomasm.ru. Karalġan küní: 14 mausym 2025 zh.

[Decree of the All-Russian Central Executive Committee of May 10, 1923. Regulations on land management in nomadic and semi-nomadic regions of the Turkestan Autonomous Socialist Soviet Republic]. URL: https://wfi.lomasm.ru. Date viewed: 14 June 2025. (In Rus.).

Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of April 17, 1924 – *Dekret VTSIK, SNK RSFSR ot 17. 04. 1924* – Dekret VTSIK, SNK RSFSR ot 17 aprelya 1924 g. «O zemleustroystve kochevogo, polukochevogo i perekhodyashchego k osedlomu khozyaystvu naseleniya avtonomnoy Kirgizskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki». URL: https://wfi.lomasm.ru. Karalġan küní: 14 mausym 2025 zh. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of April 17, 1924 «On land management of the nomadic, semi-nomadic, and sedentary population of the autonomous Kirghiz Socialist Soviet Republic»]. URL: https://wfi.lomasm.ru. Date viewed: 14 June 2025. (In Rus.).

Khimovich – *Khimovich E.* The Role of the Central Control Commission-Russian Communist Party in Implementing the Economy and Rationalization of Production and Management: Experience and Lessons (1926–1934). (Specialty No. 07.00.01 – History of Social Movements and Political Parties). Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow, 1992. 46 p. URL: https://cheloveknauka.com/rol-tskk-rki-v-provedenii-rezhima-ekonomiki-i-ratsionalizatsii-proizvodstva-i-upravleniya-opyt-uroki-1926-1934-gg. Accessed on September 26, 2025. (In Rus.).

Guidebook of the State Archives of Almaty Region, 80 – *Guidebook. State Archives of Almaty Region and its branches, Taldykorgan State Archives:* Reference and Information Publication. Vol. 2. Taldykorgan State Archives. Branches of the State Archives of Almaty Region. 1917–1991. / Compiled by G.S. Sarsenova and N.V. Chaushanskaya. Almaty, Zhikezholy Publishing House. 2007. – 324 pages. The first volume of the guidebook "The State Archives of the Almaty Region and its Branches" was published in 2001. URL: https://archive-gaao.kz/wp-content/uploads/2024/08/2-tom-putevoditelya1.pdf. Accessed on September 26, 2025. (In Rus.).

Guide to the Funds of the Presidential Archives of the Republic of Kazakhstan, 112 – *Guide to the Funds of the Presidential Archives of the Republic of Kazakhstan:* Reference and Information Publication // Compiled by E.M. Gribanova, Candidate of Historical Sciences, and A.A. Seisenbayeva / Edited by Professor B.A. Dzhaparov. 2nd edition, revised. Almaty, 2016. 310 p. (In Rus.).

Guide. State Archives of the Russian Federation – *Guide. State Archives of the Russian Federation* URL: *http://garf.ru* https://libinfo.org/index/index.php?id=34&ysclid= mg12ac3q9b 403731435 accessed on September 26, 2025. (In Rus.).

Zhakupova, 153 – *Zhakupova G.T.* Aspekty istochnikovedeniya istorii Kazakhstana (50-60-ye gody KHKH veka). // Vestnik. Seriya istoricheskaya. №2 (93). 2019. S.153–157. URL: https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/download/454/374/. Karalġan küní: 21 shílde 2025 zh. [Aspects of source studies of the history of Kazakhstan (50-60s of the twentieth century)]. // Bulletin. Historical series. No. 2 (93). 2019. P. 153–157. URL: https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/download/454/374/. Date viewed: 21 July 2025. (In Rus.).

Ivantsov, 2017 – *Ivantsov I. G. Regional Control Commissions* – Workers' and Peasants' Inspections of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) as Extrajudicial Prosecution Bodies. Based on the Archive Materials of the Kuban Region in 1933. URL: https://www.vestarchive.ru/2022-4/5263-izyuchenie-severnogo-yrala-v-dokymentalnom-nasledii-akademika-e-s-fedorova.html?ysclid=mg12ecsk2f531484330. Accessed on September 26, 2025. (In Rus.).

Kozybaev, 2021, 374 – *Kozybaev, 2021, 374* – Istorik v menâûŝemsâ mire. Tarihšy žəne onyň zamany. Sbornik dokumentov i materialov. Sost.: I.M. Kozybaev, Š.O. Tuleuova. Almaty: Raritet, 2021. 480 s. +32 s. vkl. [Historian in a changing world. Historical soul is his time. Collection of documents and materials]. Comp.: I.M. Kozybaev, Sh.O. Tuleuova. Almaty: Rarity, 2021. 480 p. +32 s. incl. (In Kaz.. Rus.).

Ludtke, 2010, 72 – *Lyudtke A.* Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novyye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti /A. Lyudtke; [per. s angl. i nem. K.A. Levinsona i dr.; pod obshch. red. i s predisl. S. V. Zhuravleva]. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Germanskiy istoricheskiy institut v Moskve, 2010. 271 s.: il., 4 l. il. (Sovremennaya nemetskaya istoriografiya). [Ludtke A. History of Everyday Life in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War, and Power /A. Ludtke; [translated from English and German by K.A. Levinson et al.; edited and with a foreword by S.V. Zhuravlev]]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); German Historical Institute in Moscow, 2010. 271 p.: ill., 4 p. ill. (Modern German Historiography). (In Rus.).

Political repression ... : 2022, 69–71 – *Sayasï qwğın-sürgin ... : 2022, 69–71* – Sayasï qwğın-sürgin qurbandarın tolıq aqtaw jönindegi Memlekettik komïssïyanıñ materïaldarı (XX ğasırdıñ 20–50 jıldarı) = Materïalı Goswdarstvennoy komïssïï po polnoy reabïlïtacïï jertv polïtïçeskïx repressïy (20-50 godı XX veka). T. 23: Aqmola öñiri – arxïv qujattarında. 1920-1940 jj. Qujattar men materïaldar jïnağı. Qurastırwşılar: Ğ.T. Ïsaxan, K.M. Ïlyasova, Q.Ğ. Därkenov / Jalpı redakcïyasın basqarğan E.T. Qarïn. Astana, 2022. 352 b. [Materials of the State Commission for the full rehabilitation of victims of political repression (20-50 years of the XX century) = Materials of the State Commission for the full rehabilitation of victims of political repression (20-50 years of the XX century)]. T. 23: Akmola region - in archive documents. 1920-1940. Collection of documents and materials. Compiled by: G.T. Isakhan, K.M. Ilyasova, K.G. Darkenov / General editor E.T. Karin. Astana, 2022. 352 p. (In Rus.).

Tikhomirov, 1940, 6 – *Tihomirov, 1940, 6* – Tihomirov M. N. Istočnikovedenie istorii SSSR s drevnejših vremen do konca XVIII v. M.: 1940. 256 s. [Tikhomirov M. N. Source studies of the history of the USSR from ancient times to the end of the XVIII century]. M.: 1940. 256 p. (In Rus.).

The tragedy of the Kazakh aul, 2018, 188,189 – *Tragediâ kazahskogo aula: 2018, 188,189* – Tragediâ kazahskogo aula. 1928–1934: sbornik dokumentov; [sost.: A. S. Zulkaševa, G. T. Isahan, Ž. A. Sataeva]; Almaty: Raritet, 2018. T. 2. 1929– ânvar′ 1932. 744 s. [The tragedy of the Kazakh aul. 1928–1934: a collection of documents]; [compiled by: A. S. Zulkasheva, G. T. Isakhan, Zh. A. Sataeva]; Almaty: Raritet, 2018. Vol. 2. 1929– January 1932. 744 p. (In Rus.).

Chechenkov, 36–45 – *Chechenkov, 36–45* – Chechenkov P.V. Dokument i istoricheskiy istochnik: na perekrestke sotsial'no-gumanitarnykh nauk. // Vestnik NGTU im. R. Ye. Alekseyeva. Seriya «Upravleniye v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnyye tekhnologii». S. 36–45. URL: Karalğan küní: 20 shílde 2025 zh Chechenkov P.V. Document and historical source: at the crossroads of social and humanitarian sciences. // Bulletin of NSTU named after R. E. Alekseev. Series «Management in social systems. Communicative technologies». P. 36–45. URL: Date viewed: July 20, 2025. (In Rus.).

Shramuk, 2024 – *Shramuk, E.P.* The Activities of the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspectorate in Modern Russian Historiography. // Youth of the 21st Century: Education, Science, and Innovation: Proceedings of the 11th

International Conference of Postgraduate Students and Young Scientists, Vitebsk, December 6, 2024. – Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov, 2024. – Pp. 69-71. URL: https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/45674/1/69-71.pdf. (In Rus.).

МРНТИ 03.20

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЙМЕ МУЛЛИНОЙ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Абдулхаиров Абжемиль Закерьянович[1]*
Баяхметов Серик Умутбаевич[2]*

[1]к.п.н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, https://orcid.org/0009-0006-1525-470X, e-mail: abzhemil@mail.ru

[2]доктор философии (PhD), член Академии Педагогических наук Казахстана, научный сотрудник филиала Института Истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова в городе Астана, https://orcid.org/0000-0003-4527-6900, e-mail: bayakhmetserik@gmail.com

Аннотация. В статье авторами на базе открытых архивных данных и материалов СМИ, исторических источников и энциклопедий была предпринята попытка показать трудовую и творческую деятельность представителя крымскотатарской науки Райме Муллиной в Крыму и в Казахской ССР. Как известно, Великая Отечественная война и ее последствия отразились на судьбы людей и целых народов, которые были эвакуированы или насильственно выселены с родины в Сибирь, на Урал и республики Средней Азии. В числе таких народов были и крымские татары, исторические события в Крыму и в целом в СССР, отпечатались на их судьбе, сделав из них народ-изгой, так как он был разбросан по различным местам спецпоселений. Большая часть крымских татар проживала в Узбекской ССР, остальные были группами расселены на Урале и в Казахской ССР. По материалам архивных данных Республики Казахстан были выявлены неизвестные факты о представителях крымскотатарской интеллигенции, которые оставили след в культурно-просветительской сфере.

Ключевые слова: Крым и крымские татары, крымскотатарская интеллигенция, Казахская ССР, Райме Муллина, архивные документы, эвакуация.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации ПЦФ (ИРН: BR24993057) «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

ХҒТАР 03.20

РАЙМЕ МУЛЛИНАНЫҢ ӨМІРІ МЕН ҚЫЗМЕТІ: ДЕРЕКТАНУ ТАЛДАУЫ

Абдулхаиров Абжемиль Закерьянович[1*]
Баяхметов Серік Үмітбайұлы[2*]

[1]п. ғ. к., доцент, Февзи Якубов атындағы Қырым инженерлік-педагогикалық университетінің Әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының доценті, https://orcid.org/0009-0006-1525-470X, e-mail: abzhemil@mail.ru

[2]философия докторы (PhD), Қазақстан Педагогика Ғылымдары Академиясының мүшесі, Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Астана қаласындағы филиалының ғылыми қызметкері, https://orcid.org/0000-0003-4527-6900, e-mail: bayakhmetserik@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада ашық архивтік деректерге, бұқаралық ақпарат құралдарының материалдарына, тарихи дереккөздер мен энциклопедиялық еңбектерге сүйене отырып, Райме Муллинаның Қырым мен Қазақ КСР-індегі еңбек және шығармашылық қызметі сипатталады. Белгілі болғандай, Ұлы Отан соғысы және оның салдары адамдар мен тұтас халықтардың тағдырына әсер етті – олардың кейбірі эвакуацияланды, ал басқалары Сібірге, Оралға және Орта Азия республикаларына күштеп қоныс аударылды. Сол кезеңде қырым татарлары да қуғын-сүргінге ұшырап, арнайы қоныстарға жіберілген халықтардың қатарында болды. Олардың басым бөлігі Өзбек КСР-інде қоныстандырылса, кейбір топтары Орал мен Қазақ КСРінің әртүрлі аймақтарына орналастырылды. Қазақстан Республикасының архивтік материалдарына сүйене отырып, мәдени-ағартушылық салада із қалдырған қырымтатар интеллигенциясы өкілдері туралы бұрын беймәлім болған деректер анықталды. Мақалада әсіресе Райме Муллинаның депортация жағдайында қырым татарларының рухани мұрасын сақтаудағы және дамытудағы рөліне ерекше назар аударылады.

Түйін сөздер: Қырым, қырым татарлары, қырымтатар интеллигенциясы, Қазақ КСР-і, Райме Муллина, архивтік құжаттар, эвакуация, депортация.

Алғыс айту: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің BR24993057 ЖТН: «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен санатшаларын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» жобасы аясындағы қаржылық қолдаумен дайындалды.

IRSTI 03.20

THE LIFE AND WORK OF RAIME MULLINA: SOURCE ANALYSIS

Abzhemil Abdulkhairov[1*]
Serik Bayakhmetov[2*]

[1]Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, https://orcid.org/0009-0006-1525-470X, e-mail: abzhemil@mail.ru

[2]Doctor of Philosophy (PhD), member of the Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan, Researcher at the branch of the Valikhanov Institute of History and Ethnology in Astana, https://orcid.org/0000-0003-4527-6900, e-mail: bayakhmetserik@gmail.com

Abstract. This article, based on open archival data, media sources, historical records, and encyclopedic publications, attempts to shed light on the professional and creative work of Crimean Tatar scholar Raime Mullina in Crimea and the Kazakh SSR. As is well known, the Second World War and its aftermath had a profound impact on the lives of individuals and entire nations, many of whom were evacuated or forcibly displaced to Siberia, the Urals, and the republics of Central Asia. Among those affected were the Crimean Tatars, whose fate was shaped by historical events in Crimea and the broader Soviet Union, rendering them a marginalized people scattered across numerous special settlements. While most Crimean Tatars were relocated to the Uzbek SSR, smaller groups were resettled in the Urals and the Kazakh SSR. Archival materials from the Republic of Kazakhstan have revealed previously unknown facts about members of the Crimean Tatar intelligentsia who made significant contributions to cultural and educational life. The article focuses particularly on the fate and work of Raime Mullina, highlighting her role in preserving and promoting Crimean Tatar cultural heritage under the conditions of forced displacement.

Keywords: Crimea and Crimean Tatars, Crimean Tatar intelligentsia, Kazakh SSR, Raime Mullina, archival documents, evacuation, deportation.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repression in Kazakhstan and the process of their full rehabilitation» (Registration number: ИРН: BR24993057).

Постановка проблемы Тема, связанная со сталинскими репрессиями, депортацией народов СССР, остается актуальной в научно-историческом дискурсе. С ослаблением политической системы в конце 80-х годов XX века, а в дальнейшем и развалом Советского союза в 1991 году вскрылись подлинные факты о механизме репрессивной системы в 1920–1950 гг. и процессе насильственного выселения этнических групп СССР с мест проживания в отдаленные места огромного Советского государства.

Как известно, насильственное выселение началось еще в довоенные годы. Оно обосновывалось идеологической политикой СССР, базирующейся на том, что внутри государства появляются «враги», которые ведут подрывную деятельность против существующего правящего режима и с которыми необходимо бороться ради всеобщей блага страны. Обвинениям в подрыве

режима, в измене Родине стали подвергаться не только отдельные личности, но и целые народы.

Известно, что различные исторические события, развивающие в годы войны, меняют как политические и экономические процессы государств, так и влияют на социальную жизнь обычных людей. Начавшаяся Великая Отечественная война в 1941году, когда на территорию Советского союза вероломно вторглась фашистская Германия, длилась четыре года и за это время унесла миллионы жизней советских граждан, повлекла за собой эвакуацию мирных жителей. «Через пять дней после начала войны, когда уже значительная часть территории была захвачена войсками фашистской Германии, ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». [1, С. 73-84]

Массовая эвакуация населения, проведенная в первые годы войны, была бескомпромиссной в мировой истории по своим масштабам и срокам, так и по условиям, в которых она проводилась. Стремительное продвижение фашистских войск в глубь территории СССР и жестокая оккупационная политика на захваченных землях вызвали необходимость эвакуации материальных и людских ресурсов СССР в отдаленные районы страны – Восточная Сибирь, республики Средней Азии. Согласно предварительным результатам изучения данных переписи эваконаселения от 1 февраля 1942 г. и по ряду других источников из угрожаемой зоны удалось переместить на Восток различными видами транспорта в 1941–1942 гг. около 17 млн. человек. [2]

Казахская ССР в годы Великой Отечественной войны оказалась стратегическим центром эвакуации промышленных объектов, театров, высших и средних учебных заведений и других важных материальных ценностей. Наряду с этим на территорию Казахстана прибыло огромного количество эвакуированных граждан, чьи судьбы будут в дальнейшем связаны с историей развития Казахской ССР. География эвакуированных граждан была обширной, она включала разные уголки СССР: «К сентябрю 1941 г. в Казахскую ССР прибыло 24 258 чел., в том числе из РСФСР – 10 941, УССР – 6 620, БССР – 5 159, Карело-Финской ССР – 550, Литовской ССР – 231, Латвийской ССР – 294, Эстонской ССР – 158, Молдавской ССР – 113, Крымской АССР – 11 181, других регионов СССР – 181 чел.» [2, С.17]. В перечне регионов указывается Крымская АССР, с территории которой в первые годы войны было эвакуировано: «К началу ноября 1941 г. из Крыма было эвакуировано чуть более 80 тысяч человек. К 16 ноября вермахт занял весь Крым, кроме г. Севастополя, который держался до июля 1942 г. С учетом эвакуации из Севастополя, Крым к январю 1942 г. покинуло 98,5 тысяч мирных жителей, а к июлю 1942 – примерно 130 тысяч человек» (Гольденберг & Гольденберг, 2019), [10]. Таким образом, на территорию Казахской ССР было эвакуировано из Крыма приблизительно более 11 тысяч человек. При этом надо отметить, что в течение войны количество крымчан в Казахстане увеличивалось. Оно было связано в дальнейшем и с насильственным выселением с родины многих народов и расселением трудовой армии с целью пополнения рабочей силы на промышленных и

народнохозяйственных объектах. Таким образом, поднимая вопрос о времени поселения представителей крымских татар в Казахской ССР, основываясь на архивные материалы, можно с уверенностью утверждать, что отдельная часть прибыла задолго до депортации 1944 года в процессе эвакуации.

Материалом для исследования послужили архивные данные городов Алматы и Алматинской области, Астаны, Атырау, Центрального Государственного архива Республики Казахстан (далее – ЦГА РК), Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ), Архив Президента Республики Казахстан (далее – АПРК) [9], Государственный архив Атырауской области (далее – ГААО), ведомственные архивы высших учебных заведений [8], а также научные работы историков и политологов Казахстана, России и др.

Методы. При исследовании материалов и источников были использованы традиционные методы изучения истории: диахронный метод, который позволяет выстроить чёткую периодизацию в истории крымскотатарского народа в период с 1941 г. по 1989 г., идеографический метод используется для изучения исторических событий данного периода и исследования биографии отдельных личностей из числа крымских татар сквозь призму той эпохи, в которую они жили, а также тщательный анализ архивных материалов, хранящихся в базе данных Республики Казахстан.

Обсуждение. В данном исследовании речь идет об одной малоизвестной странице в истории крымскотатарского народа. Возможно, это будет единичный случай, но на наш взгляд, это откроет новое в подходе изучения истории с объективной точки зрения. Учитывая при этом, что крымские татары были гражданами СССР и события вначале войны одинаково коснулись как всех советских людей: мобилизация в ряды Советской армии, эвакуация в отдаленные регионы страны, работа в тылу и др. Как известно, в 1944 году крымские татары были принудительно переселены из Крымской АССР. Они были высланы в различные районы СССР, регионы, как правило с суровыми природноклиматическими условиями – РСФСР на Урал, Среднюю Азию Узбекистан, Казахстан, Киргизию и Таджикистан. Всего из Крыма было депортировано 44689 крымскотатарских семей, или 191088 человек. Из этого количества 1268 семей (4501 человек) прибыли в Казахстан. (Российский государственный архив социально-политической истории), [3, РГАСПИ, 396:79.]

Однако в центре нашего исследования раскрыть неизвестные факты о крымских татарах, которые были эвакуированы в 1941–1942 гг. из Крымской АССР как работники в составе некоторых промышленных объектов и ведомственных учреждений. В результате тщательного анализа архивных материалов Казахстана нами были выявлены известные представители крымскотатарской интеллигенции, об их жизни и деятельности в годы войны и после ее окончания в истории Крыма какие-либо данные отсутствовали.

Цель статьи – показать через призму архивных данных жизнь и деятельность известного крымскотатарского ученого Райме Муллиной, оказавшейся в результате эвакуации в Казахской ССР.

Актуальность исследования заключается в том, что информация об отдельных деятелях из числа крымских татар в довоенный период жизни была освещен в некоторых научных и публицистических трудах, а послевоенную – связывали по закономерным причинам с депортацией 1944 года. Однако при работе в архивах Казахстана были выявлены факты о том, что некоторые представители крымскотатарской интеллигенции были эвакуированы вначале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) из Крымской АССР в Казахскую ССР. В результате исследования были обнаружены абсолютно неизвестные детали из жизни и деятельности крымскотатарского писателя и журналиста Эюпа Гафарова (Булганаклы), режиссера и кинематографиста Эмира Ибрагимовича Фаика, режиссера и кинооператора Османа Велиуллаевича Зекки, кинодокументалиста Вячеслава Алиевича Белялова. Работа в архивах высших учебных заведений выявила факты о научно-педагогической деятельности крымскотатарского ученого-филолога и тюрколога Райме Муллина, неизвестные до настоящего времени в истории крымских татар.

Фото 1. Райме Мустафаевна Муллина
(https://www.youtube.com/watch?v=tOrYHitP-MQ)

В статье Б. В. Змерзлого упоминается об ученом Райме Мустафаевны Муллиной, что она: «1905 г. рождения. Семья Р.М. Муллиной проживала в г. Симферополе, отец занимался кустарным производством. По окончании, в 1927 г., Крымского государственного пединститута и аспирантуры Р.М. Муллина занимала должность преподавателя крымскотатарского языка и методики. Характеризовалась руководством вуза как добросовестный и перспективный научный работник». [4, С.23]

Также о деятельности ученого Р. Муллиной в довоенный период собрана информация в разделе об истории Крымского научно-исследовательский института (КрымНИИ), впоследствии Всекрымского НИИ национально-культурного строительства и краеведения, НИИ татарского языка и литературы имени А. С. Пушкина [5]. Кстати, сохранилась одна известная ее фотография.

Ссылаясь на данные, указанные в вышеприведенном источнике, даются следующие сведения: «Раиме Сафаевна Муллина (1908–1989): известный ученый-языковед, кандидат филологических наук (1945 г.); училась в КПИ, здесь же окончила аспирантуру, до 1941 г. работала доцентом на кафедре крымскотатарского языка и литературы, преподавала крымскотатарский язык и методику» Также упоминается фамилия Р. Муллиной при перечислении фамилий известных выпускников КПИ, которые в дальнейшем состоялись как ученые КПИ. [6, с. 209-210.], [11], [12], [13], [14].

Фото 2. Студенты-заочники факультета татарского языка и литературы во время летней сессии, 1936 год

Как известно, крымские татары были высланы в республики Средней Азии, в Сибирь и на Урал. Нами была предпринята попытка показать крымских

татар сначала в роли статуса спецпереселенца, а затем и как полноправного гражданина СССР в истории Казахской ССР. В Казахстане доцент Райме Муллина была одним ведущих преподавателей кафедры казахского языка в Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. В дальнейшем предстоит работа в архиве Казахского государственного университета имени С. М. Кирова (ныне – Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби), для составления статических данных о преподавателях и студентах из числа крымских татар. Это позволит более подробно раскрыть место и роли крымских татар в социально-экономической жизни Казахстана.

Фото 3. Крымский пединститут им. М. В. Фрунзе. Выпуск 1939 г. Факультет крымскотатарского языка и литературы. Профессорско-преподавательский состав (крымские татары): в верхнем ряду, в центре – декан факультета доцент А. Ислямов, во втором ряду справа – А. Фетиславов и ***Р. Муллина.***

Выпускники: верхний ряд (слева направо): В. Умеров, Ф. Селимова, С. Ислямов, Ш. Ресулев, Е. Юрушева, А. М. Мефаев, Алиева, А. Бекташев, (… ?), М. Ганиева; нижний ряд (слева направо): А. Абдураимов, М. Суутов, Ю. Темиркая, Ш. Алимджанова, В. Меджитов, З. Мефаева, А. Усеинова, Ш. Умерова, У. Алиева, М. Меметов.

Депортированные в Казахскую ССР крымские татары на протяжении более чем полувека принимали активное участие в социально-экономическом развитии республики.

Известно, что работу КрымНИИ оборвала в 1941 году начавшаяся Великая Отечественная война, после освобождения Крыма от фашистских оккупантов в апреле 1944 г. коллектив Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе вернулся в Симферополь. Однако насильственное выселение крымскотатарского народа из Крыма в 1944 году сняло с повестки вопрос о его восстановлении: «В связи с прошедшей 18 мая 1944 года депортацией крымских татар было ликвидировано отделение крымскотатарского языка и литературы» [7, с.135.]

Довоенная трудовая деятельность Райме Муллиной до 1941 года в Крыму представлена в научных трудах крымских ученых, а о дальнейшей судьбе ученого ничего неизвестно. По итогам архивной обработки материалов, связанных с крымскими татарами, проживающими в Казахской ССР в статусе спецпереселенцев, нами были найдены сведения на 136 страницах о научной деятельности Р. Муллиной в архиве Казахского государственного университета имени С. М. Кирова (далее – КазГУ С. М. Кирова) (ныне – Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби). Выясняется, что доцент Райме Муллина была одним ведущих преподавателей кафедры казахского языка в Казахского государственного университета имени С. М. Кирова.

Из автобиографии Р. Муллиной:

«*Я, Муллина Райме Мустафа, родилась в 1907 г. 17 декабря в г. Симферополя в семье кустаря-часовщика-одиночка. Окончив начальную школу, поступила в женскую профессиональную школу. В 1919 году перевелась в Педагогический техникум, который окончила в 1922 году.*

С конца 1922 г. начала работать преподавателем в 3-й татарской школе 1 ступени по 1926 г. Одновременно поступила в Крымский университет/ныне Пединст-т (от авт. - Педагогический институт) / на Восточный факультет и окончила в 1928 г., по окончании получила квалификацию татарского языка, литературы и краеведения.

С 1926 г. по 1929 г. работала в тат. (татарской) 9-ке в качестве групповода. С 1926 г. по 1930 г. одновременно работала по совместительству в русских школах 2 ступени и преподавала татарский язык.

В 1930 г. поступила в аспирантуру на отделение татарского языка и языкознания / за отсутствием руководителя меня откомандировали в Ленинград, где я проходила курс аспирантуры/.

Окончила аспирантуру 15/ VII 1933г. С 1933 г. по 15/X 1933 г. работала в ИПККНО в качестве методиста. С 15/IX -33 г. по 20/ XII 34 г. работала в Наркомпросе инструктором методистом в средней школе и одновременно работала в Крымском Пединституте в качестве основного преподавателя по методике татарского языка, руководителя педпрактикой и современного тат. (от авт. - татарского) языка. С 1932 по 1934 г. ассистентом, с 1934 по 1937 г. старш. (от авт - старшим) преподавателем, с 1937 г. по 1940 г. и.о. доцентом и 1941 г. т. е. до эвакуации в гор. Алма-Ата доцентом.

Одновременно с 15/XII 1936 г. по 1941 г. работала в научно-исследовательском институте языка и литературы им. Пушкина в качестве научного работника и с 1936 г. по 1939 г. работала ученым секретарем этого же института.

С 20/XII -41г. по 1/IX -1942 г. не работала по эвакуации. С 1/ IX 1942 г. по настоящее время работаю доцентом Казахского государственного университета на кафедре казахского языка и литературы.

С 1928 г. являюсь автором ряда учебников, методических пособий, программ и научных работ. Принимала активное участие в разработке нового алфавита на основе русской графики, являюсь соавтором нового алфавита, орфографии и орфографического словаря.

В 1941 году в Московском Институте Востоковедения защитила диссертацию и получила ученую степень кандидата филолог. наук. Общий педагогич. стаж 28 лет, из них 19 лет научно-педагогический стаж по вузу.

За время своего трудового стажа начиная с 1922 года по настоящее время по работе не имею никаких замечаний.

1/ 11 1951 г. *Подпись* */Муллина/*» [8]

Примечание:

Текст архивного документа публикуется впервые. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; отдельные стилистические особенности и оценочные характеристики документа сохранены.

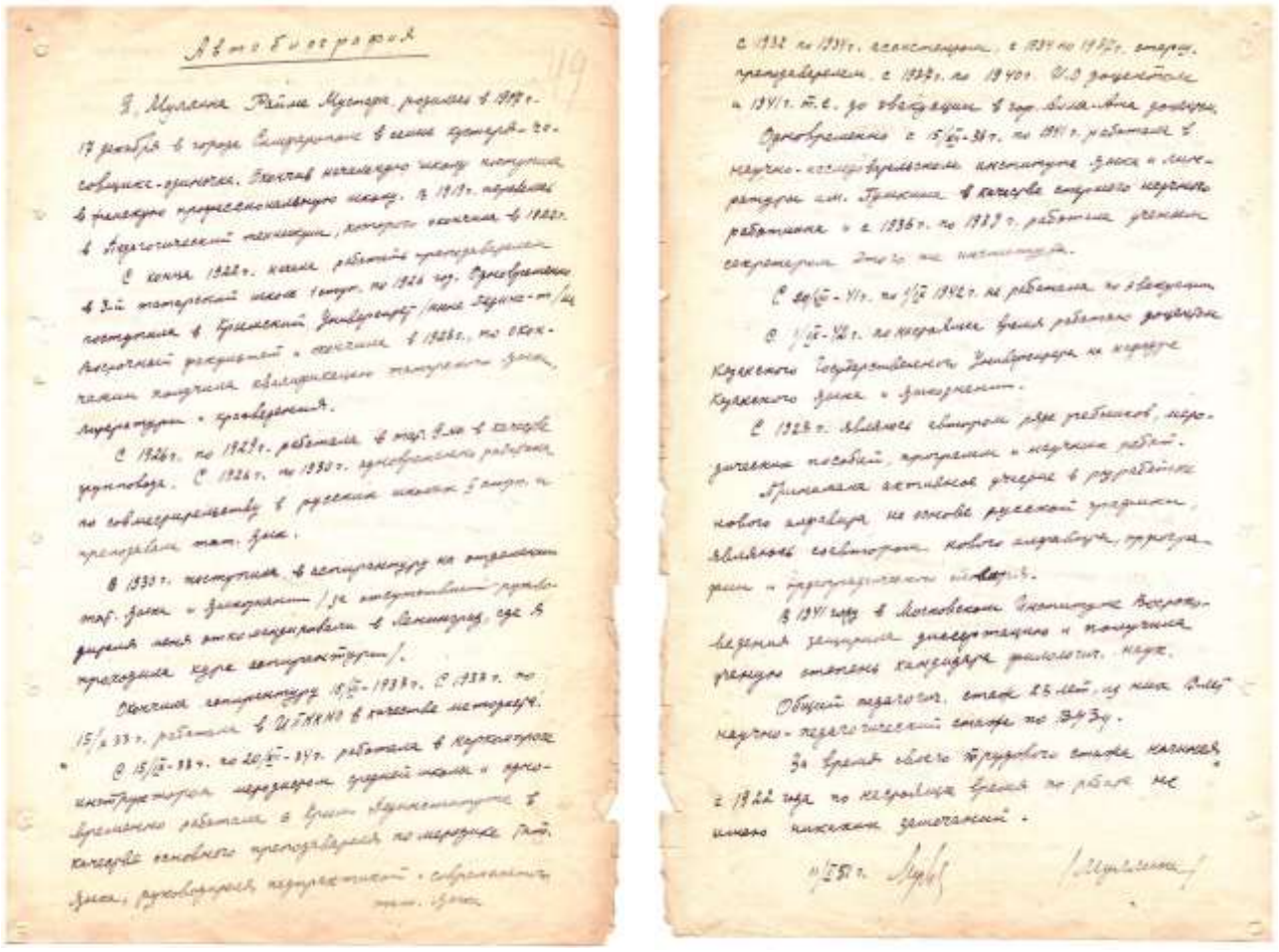


Фото 4. Собственноручно написанная автобиография Муллиной Р.

По сведениям источников, Крымские высшие учебные заведения вначале войны были эвакуированы в Краснодар, Дагестан, Казахстан, Азербайджан.

Заключение

Проанализированный материал показывает, что в архивах Республики Казахстан сохранились неизвестные факты об истории крымскотатарского народа, имеются персональные данные, которые позволяют раскрыть положение крымских татар в период с 1944 по 1970 годы. Архивные материалы и другие источники (газеты, архивы предприятий и учреждений) о крымских татарах подтверждают тот факт, что они внесли свой вклад в развитие промышленности, культуры, искусства и образования Казахской ССР.

Исследование еще находится в стадии изучения оставшихся архивных материалов и будет представлено в научных работах.

Список использованных источников и литературы:

1. Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942 гг.)). Новый исторический вестник. 2015. –№14. – С. 73-84.

2. Куманев Г.А. http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/EVACO.HTM

3. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 88. Д. 396. Л.79.

4. Змерзлый Б. Политические репрессии среди крымскотатарских преподавателей Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе /Б.В. Змерзлый // Культура народов Причерноморья. - 2004. - № 49. - т. 2. - С. 20–23.

5. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том I. г. Бахчисарай, - Симферополь: ООО ФОРМА. -2016

6. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том II. г. Бахчисарай, - Симферополь: ООО ФОРМА. -2016. С. 209-210.

7. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях, С. 135.

8. Архивный лист КазГУ С.М. Кирова.

9. Архив Президента Республики Казахстан.

10. Гольденберг М. А., Гольденберг М. Ш. Эвакуация населения из Крыма в 1941–1942 годах: планирование и достигнутые результаты // Вторая мировая война: История и историческая память. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию начала Второй мировой войны. Под общ. Ред. Ю. В. Родовича. 2019. - Тула. - С. 72–78.

11. Ермекбай Ж. А. Из истории эвакуации гражданского населения в Казахстан в годы Великой Отечественной войны //Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». - 2021. - Т. 8, - № 1 (29). - С. 16–22.

12. История Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского в документах и фотографиях / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный

университет имени В. И. Вернадского»; [А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук]. – Белгород: КОНСТАНТА, 2018. – 352 с.: ил., фот.

13. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. – 2006. – №6. – С. 7-27.

14. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том III. г. Бахчисарай, - Симферополь: ООО ФОРМА, 2018. – 392 с.

References:

1. ZHanguttin B.O. Evakuaciya sovetskogo naseleniya v Kazahstan (1941–1942 gg.)). Novyj istoricheskij vestnik. 2015. –№14. – S. 73-84.

2. Kumanev G.A. http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/EVACO.HTM

3. RGASPI F. 17. Op. 88. D. 396. L.79.

4. Zmerzlyj B. Politicheskie repressii sredi krymskotatarskih prepodavatelej Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze /B.V. Zmerzlyj // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. - 2004. - № 49. - t. 2. - S. 20–23.

5. Svod pamyatnikov istorii, arhitektury i kul'tury krymskih tatar. Tom I. g. Bahchisaraj, - Simferopol': OOO FORMA. -2016

6. Svod pamyatnikov istorii, arhitektury i kul'tury krymskih tatar. Tom II. g. Bahchisaraj, - Simferopol': OOO FORMA. -2016. S. 209-210.

7. Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografiyah, S. 135.

8. Arhivnyj list KazGU S.M. Kirova.

9. Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan.

10. Gol'denberg M. A., Gol'denberg M. SH. Evakuaciya naseleniya iz Kryma v 1941–1942 godah: planirovanie i dostignutye rezul'taty // Vtoraya mirovaya vojna: Istoriya i istoricheskaya pamyat'. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu nachala Vtoroj mirovoj vojny. Pod obshch. Red. YU. V. Rodovicha. 2019. - Tula. - S. 72–78.

11. Ermekbaj ZH. A. Iz istorii evakuacii grazhdanskogo naseleniya v Kazahstan v gody Velikoj Otechestvennoj vojny //Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». - 2021. - T. 8, - № 1 (29). - S. 16–22.

12. Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo v dokumentah i fotografiyah / Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Krymskij federal'nyj universitet imeni V. I. Vernadskogo»; [A. A. Nepomnyashchij, A. S. Kravchuk]. – Belgorod: KONSTANTA, 2018. – 352 s.: il., fot.

13. Kumanev G.A. Vojna i evakuaciya v SSSR. 1941–1942 gg. // Novaya i novejshaya istoriya. – 2006. – №6. – S. 7-27.

14. Svod pamyatnikov istorii, arhitektury i kul'tury krymskih tatar. Tom III. g. Bahchisaraj, - Simferopol': OOO FORMA, 2018. – 392 s.

Приложение 1

Изданные учебники по крымскотатарскому языку и литературе в 1930-е годы в Крымской АССР. Автор Р. Муллина

Фото 5. https://www.youtube.com/watch?v=tOrYHitP-MQ

Приложение 2

Из семейного альбома

Фото 6. В кругу семьи

Фото 7. Райме Мустафаевна Муллина с сестрами

ASHARSHYLYQ: NEW QUESTIONS FOR FAMINE RESEARCH IN KAZAKHSTAN

Berikbol Dukeev*

*PhD, Political scientist, Nazarbayev University, https://orcid.org/0000-0002-2767-1846, e-mail: berikbol.dukeyev@nu.edu.kz

On August 5-6, scholars from Kazakhstan and abroad gathered at Nazarbayev University in Astana for the international conference «The Consequences of the «Little October» Campaign in Kazakhstan: New Research, Findings, and Archival Evidence». Organised by the Project Office of the State Commission, the Ualikhanov Institute of History and Ethnology, and Nazarbayev University, the conference brought together researchers working on the causes, scale, regional experiences, and consequences of one of the greatest catastrophes in twentieth-century Kazakh history – the Asharshylyq.

The famine was inseparable from the radical transformation of Kazakh society under Soviet rule. Forced collectivisation, confiscation, sedentarisation, disruption of pastoral livelihoods, compulsory agricultural procurements, mass displacement, and political repression created catastrophic conditions. Yet despite considerable research in Kazakhstan and internationally, fundamental questions concerning the scale, mechanisms, and wider historical meaning of the catastrophe remain open.

One important issue discussed at the conference was why Soviet authorities continued compulsory procurement of grain, meat, livestock, and other agricultural products despite the developing humanitarian catastrophe. The crisis began to manifest itself by 1929 and developed into mass hunger and mortality in the following years. Understanding why coercive economic policies continued as the consequences became increasingly visible requires closer examination of both decision-making at the centre and its implementation in Kazakhstan.

This also raises a broader question concerning the relationship between famine and political power. The work of famine scholar Alex de Waal provides one possible framework for examining how political systems, authoritarianism, violence, war, and deliberate political choices can create or intensify conditions of mass starvation. Rather than automatically applying this framework to Kazakhstan, the extensive archival record now available makes it possible to test how far such approaches help explain the continuation of coercive policies during the Asharshylyq.

The influential work of Nobel Prize-winning economist Amartya Sen offers another perspective. Sen's entitlement approach demonstrated that famine cannot always be explained simply by an absolute shortage of food. The crucial question is also whether people retain effective access to food and the resources necessary to obtain it. Applied to Kazakhstan, this raises questions about how collectivisation, confiscation, compulsory procurement, sedentarisation, and restrictions on traditional economic practices transformed people's ability to sustain themselves.

The work of historian Andrea Graziosi provides a further comparative perspective by situating Soviet famines within the political history of Stalinism while

emphasizing the importance of recognising differences between the experiences of various peoples and regions of the Soviet Union. Bringing these international approaches into dialogue with Kazakhstan's growing body of archival evidence can help identify both the broader Soviet mechanisms of famine and the distinctive features of the Kazakh catastrophe.

Against this background, three interconnected research questions emerged as particularly important.

How Many People Died?

The first is perhaps the most familiar but remains methodologically difficult: how many people died during the Asharshylyq?

Establishing famine mortality requires more than identifying a single demographic figure. Researchers need to reconstruct the population before the crisis, calculate expected births and ordinary mortality, distinguish excess mortality from other demographic losses, and account for enormous population movements both within Kazakhstan and across Soviet and international borders.

Several conference presentations directly addressed these problems. Stephen Wheatcroft of the University of Melbourne examined quantitative indicators of the causation and scale of famine in Kazakhstan and the Soviet Union. Sultan Khan Zhusip addressed estimates of the number of victims and the population affected by the famine, while another presentation considered methodologies for estimating forced refugees. The debate therefore should not be reduced to competing headline numbers. The underlying methodological question is how famine mortality can be reconstructed as accurately as possible.

One promising direction is to combine demographic reconstruction with regional archival evidence and geographic information systems (GIS). Instead of relying solely on republic-level estimates, researchers could reconstruct mortality, migration, livestock losses, procurements, and relief at district and regional levels. This would allow scholars to identify geographical differences in the chronology and intensity of the catastrophe and potentially explain why some communities suffered disproportionately.

How Did Disease Contribute to Mass Mortality?

A second question deserves much greater attention: how did infectious diseases interact with malnutrition and displacement in producing mass mortality?

Famines rarely kill through lack of calories alone. Severe malnutrition weakens resistance to disease. At the same time, mass migration, overcrowding, deteriorating sanitation, and the breakdown of medical and social infrastructure can create conditions in which infectious diseases spread rapidly.

A person weakened by prolonged hunger, displaced from home, and subsequently dying from an infectious disease was nevertheless a victim of the famine environment. Distinguishing immediate causes of death from the wider causal chain is therefore essential.

Regional studies presented at the conference provide an important foundation. Researchers examined the famine in Torgai and Semey alongside questions of refugees, state institutions, repression, and archival evidence.

Future research should systematically incorporate medical and epidemiological sources: hospital documentation, sanitary reports, local administrative correspondence, mortality registers, and records concerning outbreaks of disease. Mapping this evidence alongside food procurement, livestock decline, population displacement, and relief could fundamentally improve our understanding of mortality.

The question must therefore move beyond «How many died?» toward «How did people die, where, and under what circumstances?»

Kazakhstan in the Global History of Famine

The third challenge is to place the Asharshylyq more extensively within comparative and global famine research.

The conference already moved in this direction. A session titled "Soviet Famines and Asharshylyq: Comparative Perspectives and Methodological Approaches" included Filip Slaveski of the Australian National University discussing mass death during the Soviet famine of 1946-1947.

The comparative framework should extend further to major famines around the world. Comparison can illuminate questions that are difficult to answer when Kazakhstan is considered in isolation. What happens when governments continue extracting food from populations experiencing acute shortages? How does mass displacement affect mortality? What relationship exists between malnutrition and epidemics? Under what circumstances do governments acknowledge a famine, provide relief, or continue policies that aggravate the crisis?

Comparison does not mean equating different famines. The transformation of Kazakh pastoral society, forced collectivisation, confiscation, sedentarisation, compulsory procurement, and Soviet political repression created a historically specific configuration. The purpose of comparison is precisely to distinguish what was particular to Kazakhstan from mechanisms observable in other famine catastrophes.

Kazakhstan should therefore not simply be treated as another case to which theories developed elsewhere are applied. Its extensive archival evidence and particular historical experience can also contribute to international debates about famine, political power, economic entitlement, displacement, and mass mortality.

Archives, Statistics and Oral Memories

At the same time, understanding the Asharshylyq cannot depend exclusively on official documents and demographic statistics. Oral history provides evidence about how the catastrophe was experienced, remembered, and transmitted within families.

Research by Berikbol Dukeyev, Sabyr Kasymov, and Kuralai Sarsembina on intergenerational remembrance of the 1931–1933 famine demonstrates the persistence of famine memories across generations despite decades in which open public discussion of the catastrophe was limited. Their research identifies several channels through which memories were transmitted, including family stories about loss and survival, attitudes toward food, memories connected to particular places, and folklore.

This offers an important methodological complement to quantitative research. Statistics can help establish the scale of mortality. Medical records can illuminate mechanisms of death. State archives can reveal policies, implementation, and institutional decision-making. Oral memories can show how individuals and families experienced hunger, displacement, disease, survival, and loss.

Bringing these sources together provides an opportunity to reconstruct the famine simultaneously from above and below—from the institutions that implemented policies and from the communities that experienced their consequences.

From Dialogue to International Collaboration

The conference concluded with a reflective roundtable, "From Dialogue to Collaboration: Conceptualising the Asharshylyq and Charting Future Research," aimed at identifying priorities for future collaborative research.

The discussions suggest that the next stage of Asharshylyq research should be genuinely interdisciplinary and international. Historians need to work alongside demographers, epidemiologists, geographers, and specialists in historical statistics. Kazakhstan's researchers can also deepen dialogue with leading international famine scholars and seek methodological consultation on the growing body of archival, demographic, medical, and oral-history evidence.

The Asharshylyq was a defining catastrophe in twentieth-century Kazakhstan. Establishing the number of victims remains essential, but numbers alone cannot explain what happened. Future research must also determine how people died, how disease and displacement interacted with hunger, why policies that aggravated the catastrophe continued, and how Kazakhstan's experience compares with other famines around the world.

This approach can move scholarship beyond debates over individual estimates toward a more comprehensive explanation of how the catastrophe unfolded. It can also ensure that research on the Asharshylyq does not remain isolated within Kazakhstan's national historiography but becomes an important contribution to the global study of famine, mass mortality, and political power.

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ/ CONTENT

РЕДАКЦИЯДАН ОТ РЕДАКЦИИ FROM THE EDITOR	
Касымов С.А. АШАРШЫЛЫҚ – СЛЕДСТВИЕ «МАЛОГО ОКТЯБРЯ В КАЗАХСТАНЕ»: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ	6
ЖАППАЙ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮҒЫН БОЙЫНША ФУНДАМЕНТТІК ЗЕРТТЕУ ӘДІСТЕМЕСІ МЕТОДОЛОГИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ METHODOLOGY OF FUNDAMENTAL RESEARCH ON MASS POLITICAL REPRESSION	
Айтхожин К.К., Муканова Г.К., Курмангалиева-Ержиласун Г. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В МЕТОДОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОФИСА ГОСКОМИССИИ	17
Абайдельдинов Е. М. РОЛЬ ПРОЕКТНОГО ОФИСА ГОСКОМИССИИ И ПОДКОМИССИИ ПО МЕТОДОЛОГИИ В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПО НАУЧНО-ПРАВОВОМУ ИЗУЧЕНИЮ, ОЦЕНКЕ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ, А ТАКЖЕ В ПОЛНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИХ ЖЕРТВ	37
ҚАЗАҚСТАННЫҢ БОСТАНДЫҒЫ, ТӘУЕЛСІЗДІГІ ЖӘНЕ АУМАҚТЫҚ ТҰТАСТЫҒЫ ҮШІН КҮРЕСУШІЛЕР – ҚУҒЫН-СҮРГІН ҚҰРБАНДАРЫ БОРЦЫ ЗА СВОБОДУ, НЕЗАВИСИМОСТЬ И ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ЦЕЛОСТНОСТЬ КАЗАХСТАНА – ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ FIGHTERS FOR FREEDOM, INDEPENDENCE AND TERRITORIAL INTEGRITY OF KAZAKHSTAN AS VICTIMS OF REPRESSION	
Муканова Г.К. ЖУСИПБЕК АЙМАУЫТОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ НАХОДКИ	61
Исаева С.Н. ПРОБЛЕМЫ РАССЕКРЕЧИВАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ	79

ХАЛЫҚҚА ҚАРСЫ ЖАСАЛҒАН ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КІШІ ОКТЯБРЬ БАҒДАРЛАМАСЫНЫҢ ІСКЕ АСЫРЫЛУЫ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТРАГЕДИЯЛЫҚ ЗАРДАПТАРЫ

РЕАЛИЗАЦИЯ АНТИНАРОДНОЙ ПРОГРАММЫ МАЛЫЙ ОКТЯБРЬ В КАЗАХСТАНЕ И ЕЕ ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

IMPLEMENTATION OF THE ANTI-PEOPLE PROGRAM LITTLE OCTOBER IN KAZAKHSTAN AND ITS TRAGIC CONSEQUENCES

Жакишева С.А. БУХТАРМИНСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ В УСЛОВИЯХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И РАСКУЛАЧИВАНИЯ В ЗЫРЯНОВСКОМ РАЙОНЕ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ОКРУГА	94
Сәрсембина Қ.Қ. «ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КІШІ ҚАЗАН» КЕЗЕҢІНДЕГІ ҚОНЫСТАНДЫРУ САЯСАТЫ – ҚАЗАҚСТАНДЫ КЕҢЕСТІК ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ОТАРЛАУ ФОРМАСЫ РЕТІНДЕ	121
Асанова Г.К. ЖЕРГІЛІКТЕНДІРУДЕН БАС ТАРТУ «ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КІШІ ҚАЗАН» РЕВОЛЮЦИЯЛЫҚ САЯСАТЫН КҮШТЕП ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДЫҢ ҚҰРАМДАС БӨЛІГІ РЕТІНДЕ (1920-1930 ЖЖ.)	139

КЕҢЕСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ДІН ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІ МЕН СЕНУШІЛЕРДІҢ ТАҒДЫРЫ

СУДЬБЫ ДУХОВЕНСТВА И ВЕРУЮЩИХ В СОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ

THE FATES OF THE CLERGY AND BELIEVERS IN SOVIET KAZAKHSTAN

Балтабаева К.Н. МАГДИ МАКУЛОВ: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МУСУЛЬМАНСКОГО ДЕЯТЕЛЯ И БОГОСЛОВА	157

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖАЗАЛАУШЫ ОРГАНДАРЫҢ ҚЫЗМЕТІ МЕН ҚЫЛМЫСТАРЫ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАРАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В КАЗАХСТАНЕ

ACTIVITIES AND CRIMES OF PUNISHMENT BODIES IN KAZAKHSTAN

Сергалиев М.Х. ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В РЕАЛИЗАЦИИ РЕПРЕССИВНОЙ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКИ	183

Сулейменова А.Т. РЕСПУБЛИКАЛЫҚ БАҚЫЛАУ КОМИССИЯЛАРЫНЫҢ ҚҰЖАТТАРЫ ҚАЗАҚСТАНДА 1925–1933-ЖЫЛДАРЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН НАУҚАНДАРДЫ ЗЕРТТЕУДІҢ ТАРИХИ ДЕРЕККӨЗІ РЕТІНДЕ	201
ҚАЗАҚСТАНҒА ДЕПОРТАЦИЯЛАНҒАН ХАЛЫҚТАР ЖӘНЕ АРНАЙЫ ЖЕР АУДАРЫЛҒАНДАР **ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН И СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ** **DEPORTATION OF PEOPLES TO KAZAKHSTAN AND SPECIAL SETTLERS**	
Абдулхаиров А.З., Баяхметов С.У. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЙМЕ МУЛЛИНОЙ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	229
Berikbol Dukeev ASHARSHYLYQ: NEW QUESTIONS FOR FAMINE RESEARCH IN KAZAKHSTAN	243

Журнал Қазақстан Республикасының
Ақпарат және Қоғамдық даму министрлігінің
Ақпарат комитетінде тіркелген
тіркеу № KZ39VPY00050349

Біздің мекен-жайымыз:
010000, Қазақстан Республикасы, Астана қаласы, Қабанбай батыр даңғылы
11/5, «Нұрлы Орда» Бизнес-орталығы, А корпусы, 8 қабат, каб. 804, 811
Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі
Мемлекеттік комиссияның жобалық кеңсесі
телефон: +7 (7172) 47-20-31 (қос. 102, 202)
e-mail: qakharmandar@gmail.com; project.office456@gmail.com